

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2009 Issue 27

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
for the Humanities

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Viktoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2009 Выпуск 27

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико	И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН	В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН
Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории	Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет
В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН	Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ
Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет	М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет
П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН	И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики
И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН	А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет	Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция
В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет	В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России
Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет	Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет
Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет	Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 27.
М.: КРАСАНД, 2009. — 400 с.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 27.
Moscow: KRASAND, 2009. — 400 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадирь выпуска — О. В. Воробьева, М. М. Горелов

Издательство «КРАСАНД».
121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.
Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 25. Зак. №
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00030-8
ISSN 2073-7564

© Общество интеллектуальной истории, 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009
© Журнал «Диалог со временем», 2009
© КРАСАНД, 2009

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru Тел./факс: 7 (499) 135-42-16 Тел./факс: 7 (499) 135-42-46
URSS	

7288 ID 100022

9 785396 000308

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ШАГ В XXI ВЕК»

12-14 ноября 2008 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН состоялась десятая ежегодная научная конференция Общества интеллектуальной истории «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век». В ее работе приняли участие ученые из стран дальнего (Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Мексика, Польша, США, Финляндия, Франция, Швеция) и ближнего зарубежья (Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Таджикистан, Украина), представители ведущих академических институтов и вузов Москвы и Петербурга, преподаватели региональных классических и педагогических университетов и других вузов, география которых включает такие города как Барнаул, Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Казань, Курган, Липецк, Майкоп, Нальчик, Нижний Новгород, Переславль, Пермь, Пятигорск, Омск, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Сочи, Ставрополь, Сыктывкар, Тверь, Томск, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Ярославль.

На конференции обсуждались актуальные проблемы исторического познания, а также вопросы, связанные с расширением междисциплинарных взаимосвязей и переопределением места истории в системе современного социогуманитарного знания. Работа конференции проходила в рамках пяти секций и двух пленарных заседаний. Представленные на них доклады свидетельствуют о широте интересов участников конференции — от теоретико-методологических проблем исторической науки, поиска альтернативных социальных теорий, исторических концепций и моделей интерпретации до новаций в современном образовательном пространстве отечественной и зарубежной высшей школы. При обсуждении каждой проблемы имело место своеобразное пересечение исследо-

вательских полей, обострявшее проблему контекста заявленных тем. Дискуссии выявили вполне ожидаемое несовпадение точек зрения, подходов и методов. Другой примечательной чертой научной полемики была конструктивная диалогичность, что позволило, в конечном счете, прийти к обобщениям и наблюдениям, которые разделила большая часть присутствовавших.

В ходе работы Секции 1 «*Методология и эпистемология истории*» наиболее дебатлируемыми оказались проблемы, связанные с явлением постмодернизма (проявилось два подхода: подход, выражающий полное неприятие, оценивающий постмодернизм как угрозу истории, и подход, предлагающий учитывать новации, формирующиеся в том числе и под постмодернистским влиянием), междисциплинарного синтеза, современных средств репрезентации продукции исторического ремесла, а также роли методологии в обновлении образовательного процесса. В отношении самого феномена постмодернизма и его «исторической жизни» многие согласились, что с одной стороны он — своеобразный вечный спутник культуры, с другой — знак кризисного состояния знания. При этом сам кризис рассматривался не в усеченном формате упадка и деградации, а как более сложное явление, несущее с собой и ростки нового.

Особенно острые споры вызвала проблема междисциплинарности в поле теоретических гуманитарных дисциплин. Участники обсуждения соглашались в том, что теоретический компонент исторического знания — это своеобразное пространство встречи разных наук, отмечали сложность необходимого синтеза, однако настаивали на опасности утраты «суверенитета» исторической науки, профессиональной идентичности, на напряженности в отношениях историка и теоретика. Сегодняшнее состояние гуманитарных наук таково, что историческое ремесло обладает всеми ресурсами для построения полидисциплинарных исследовательских стратегий не на произвольных основаниях, но в соответствии со строгими критериями отбора комплекствующих инодисциплинарных инструментов и методов, обеспечивающих возможность работы в режиме верификации.

Чрезвычайно важным и информационно насыщенным было обсуждение проблем методологии и компенсаторной роли теоретического знания в современной науке и в образовательном процессе. На

секции была поставлена проблема — что считать сущностью истории: практическое знание в форме нарративного объяснения или же теоретическое знание, пробуждающее воображение и рефлексию над экзистенциальными и моральными аспектами общественной жизни? Прозвучала и мысль о необходимости сближения научного знания и самосознания социума. В этом контексте был отмечен стремительный рост числа исследований, в которых рассматриваются не события, процессы и явления прошлого, а их интерпретации и изменения этих интерпретаций в истории. Эта проблематика не потеснила другой важной темы — нравственной культуры обучающего, во многом задающей ситуацию, когда благодаря ей педагог получает, как выразился бы Ухтомский, «заслуженного собеседника».

В том направлении дискуссии, которое связано с проблемами понятийного аппарата историка, подчёркивалась условность и размытость исторической терминологии, легкомысленное отношение начинающих исследователей к языку историка.

Центральной в работе Секции 2 «*История и междисциплинарность*» была проблема формирования новой междисциплинарной парадигмы исторического знания на рубеже XX–XXI вв., факторов и условий, определяющих уровень и характер междисциплинарного взаимодействия. Предметом анализа стали причины и проявления усиления воздействия как социально-гуманитарных и естественных наук на развитие исторического знания, так и истории — на другие дисциплины, а также эвристические возможности междисциплинарной методологии. Важное направление работы секции — рассмотрение становления, развития и современного состояния интердисциплинарных исследовательских направлений: микроистории, новой экономической истории, новой политической, новой культурной истории, интеллектуальной истории, истории досуга, истории тела, истории эмоций, культурной истории медицины, имагологии. Анализ эволюции теоретических основ, методологии, достижений данных историографических направлений показал, что в фокусе интердисциплинарных исследований — культурная природа социальных и интеллектуальных феноменов, изучение идентификационных практик в социальной жизни прошлого и историческом познании.

В центре дискуссии оказалась проблема сопряжения эпистемологических оснований и инструментария разных отраслей научного знания. Было обращено внимание на различия в подходах к пониманию критериев истинности и природы понятий в естественнонаучном и гуманитарном знании, в ряде выступлений — на трудности ограничения в использовании теорий и методов других наук в историческом исследовании, проблему «перевода» наработок других наук на уровень методологии и методики исторического исследования. Проблема языка междисциплинарных исследований, по мнению участников обсуждения, требует особой разработки. Корректное использование понятий, терминов, используемых в других дисциплинах, предполагает прояснение контекста их употребления, принадлежности к той или иной научной традиции, эволюции значения, соотнесения с актуальным историографическим контекстом.

Отдельная сессия секции была посвящена репрезентациям исторического знания. Обсуждался опыт использования разных форм репрезентаций, информационных технологий в образовательной и исследовательской практиках. Рассматривались возможности применения различных методов структурирования и визуализации исторического материала, интерактивного взаимодействия с аудиторией обучающихся и развивающих программ, трансляции исторического знания на непрофессиональную аудиторию с учетом особенностей его восприятия обыденным и массовым сознанием. Содержание докладов и дискуссия на сессии показали возможности усиления воздействия историков на сферу общего и профессионального образования, непрофессиональную среду за счет использования алгоритмов современной когнитивистики, информационных технологий, при соблюдении стандартов и норм профессионального знания.

К узловым проблемам, рассмотренным в рамках Секции 3 «*Парадигмы изучения прошлого и их актуализация*» в первую очередь следует отнести проблему историографических понятий. В ответах на вопросы речь зашла и о имеющем место злоупотреблении усложненной или двусмысленной терминологией. Проблема понятий получила еще один поворот при обсуждении вопроса об использовании терминологии зарубежной историографии и возможностях ее адекватного перевода. Это вызвало в завершающей части работы

секции дискуссию о языке национальных «гранд-нарративов» и о понятиях, транслируемых переводами и заимствованиями из других историографических практик. (Важность постановки этого вопроса также подтвердили доклады и дискуссия, состоявшиеся в рамках круглого стола «Историческая семантика: к 85-летию со дня рождения Рейнхарта Козеллека»). Вторая узловая проблема, скреплявшая сессии и дискуссионные выступления, касалась соотношения методологических новаций и мировоззрения историка с его позицией при отклике на современный «социальный заказ». Интеллектуальные диалоги по методологическим проблемам органично включали актуализацию историографического опыта. Однако основной упор был сделан на важнейших признаках современной историографической ситуации (новые концепции, способствующие преодолению барьеров между гуманитарным, социально-историческим и естественно-научным знанием, формирование нового видения истории глобальности, когда человечество представляется в качестве некой структуры, в живом взаимодействии глобальных и локальных структур).

Развернувшийся обмен мнениями увязал проблему соотношения глобальной истории, национальных и локальных историй с судьбами исторического образования и позицией историков в связи с выстраиванием конструктов государственно-национальной истории. Эта проблема четко обозначилась в докладах, посвященных особенностям создания на постсоветском пространстве «национальных» историй и применяемым для этого дискурсам. Был поставлен вопрос: не свидетельствуют ли процессы, происходящие в историографии на постсоветском пространстве, о межцивилизационной природе этого пространства. Было обращено внимание на возможную характеристику новизны таких «национальных нарративов»: «переживают “эпоху романтизма” в историографии», происходит становление национальных историографий; в связи с поисками дискурса и решением проблемы становления профессионального языка можно говорить об оформлении «этнокультурного словаря». Еще одна черта проявилась по ходу дискуссии: общая для всех «национально-государственных» историй «приватизация героев».

Дискуссию вызвали вопросы о референтных точках, по которым можно сравнивать российскую историографию с другими. По-

следовал обмен мнениями об особой роли конструирования объекта для компаративистских исследований, о возможностях сравнения глобальных объектов, имеющих сложную внутреннюю структуру, об эвристическом потенциале такого сравнения. В итоге была подержана мысль о принципиальной важности исследовательской процедуры. Отмечено, что современная ситуация свидетельствует о тенденции к возникновению сравнительной историографии внутри новой компаративистики. Это подтверждается реализацией в 2006–2008 гг. в Институте всеобщей истории РАН (при финансовой поддержке РГНФ) проекта «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад». В конце дискуссии наметился поворот к другому комплексу проблем, связанному с различием памяти коммуникативной и памяти культурной, и с ролью современной историографии в их актуализации.

Постепенно обозначилась еще одна узловая проблема, связывавшая региональные и локальные истории с вопросами коллективной памяти, самосознания историка и его теоретико-методологическими поисками — проблема «присвоения прошлого» и «исторической идентичности». Была предложена условная типология «Фигур Памяти» и формируемых ими образов прошлого в региональных историях. На обсуждение был вынесен вопрос о значении музеев как конструкторов «Образов Места» и трансляторов «Фигур Памяти», а в этой связи — о возможных действиях историков по конструированию и/или деконструкции модели многоуровневой идентичности в полиэтничных регионах и определению ее соотносимости с национально-государственным нарративом.

Интерес вызвала и постановка темы в варианте «локальной», а не «провинциальной» историографии. Был дан толчок новому витку дискуссий по вопросам «профессионализации» исторического знания. Вновь прозвучала тема профессионального языка историка и его национальных версий, включая, с одной стороны, попытки перехода на националистическую лексику, а с другой — внимание к истории исторической науки как истории научных сообществ и именно в русле интеллектуальных сообществ («на первом плане люди и идеи»). Одним из аспектов обсуждения стал вопрос о конструировании объекта исследования, но уже применительно к истории слож-

ных регионов и региональной идентичности, когда важно учитывать совмещающиеся пространства, а также внешние влияния на формирование автообразов. Внутри «методологической» проблематики оказались прорисованы линии «неразрывности». Одна из них относится к глобальной и государственной истории. Вторая линия «неразрывности» касается «национальных», региональных и локальных историй. Возникший сразу же обмен мнениями показал особую остроту возможности синтеза макро- и микромоделей, вплоть до сомнения относительно возможности синтеза в принципе.

В центре внимания Секции 4 «*Историография и ее история*» оказались теоретические проблемы, имеющие отношение к определению дисциплинарного образа историографии, ее предметного пространства. Специфику историографии участники секции увидели в ее особой функции, направленной на анализ «дисциплинарной истории», подчеркивая при этом ее интегрирующую роль в системе профессионального исторического знания, очерчивались перспективы изменения проблемного поля историографии, направленные на повышение эпистемологического статуса дисциплины — создание «картографии» историографических дисциплинарных традиций с учетом национально-региональной специфики.

Полемику вызвала мысль, поставившая под сомнение традиционные представления о статусе историографии как отдельной области исторического знания. Эта мысль, встретив среди участников секции поддержку в той ее части, которая определяет ролевой статус историографии, не нашла понимания, когда речь зашла о ликвидации дисциплинарной самостоятельности этой субдисциплины. Хотя, с другой стороны, трудно не согласиться с тем, что происходит размывание историографического и конкретно-исторического исследования в современной исследовательской практике. Этот процесс можно рассматривать пессимистично — историография исчезла, а можно увидеть в нем и другое — возможности включения в систему интересов историографии максимально полного ресурса интеллектуального опыта осмысления прошлого. Такая направленность предполагает поиск новой междисциплинарной стратегии, в которой фигура историографа приобретает характер «универсального историка», являющегося и «специалистом в области знания историче-

ского прошлого, и носителем знаний о способах и вариантах его моделирования и презентации». Заданный ракурс, несомненно, усложняет исследовательские задачи историографа и усиливает его профессиональную ответственность.

Обсуждение облика и научного статуса историографии закономерно вызвало необходимость обратиться к традиционному вопросу о предмете историографии. Констатировалась трансформация представлений о предметном пространстве современного историографического знания, в ряде докладов были попытки очертить его смысловое наполнение, акцентировав внимание на вошедшем в научный лексикон понятии «историографический быт», понимаемом как выражение научной повседневности и научных коммуникаций сообщества историков. Пытаясь осмыслить его с позиций онтологического и гносеологического подходов, докладчики задавались вопросом о соотношении границ предмета историографии и понятия-явления «историографический быт». При обсуждении были высказаны две различающиеся позиции: «историографический быт» — это метафора и, стало быть, в силу своей неопределенности дает историографу некую свободу в отходе от классического канона представления о личности историка. Вторая позиция — это перифраз уже известной ранее категории «габитус», актуализированной в рамках антропологического поворота, когда применительно к науке на первый план вышли ее субъекты в многосложных коммуникативных связях, во многом определяемых культурной традицией.

Переживание исторической наукой XX–XXI вв. неоднократных методологических поворотов на фоне социально-политических трансформаций, сделало актуальной постановку вопросов о специфике методологических перемен в российской историографии, в том числе о феномене российского позитивизма и его связи с системой общественно-политических настроений. Данные историко-научные наблюдения позволяют, как представляется, актуализировать проблему «переписывания истории» в качестве самостоятельной.

Злободневной выглядела попытка поставить вопрос о понятии новизны в современной историографии, в инновационном ключе

проецировалась проблема восприятия и оценок опыта и наследия исторической науки. Была выделена также проблема изучения феномена советской исторической науки, отмечен отход от одномерной оценки советского историографического проекта как исключительно «научно-политического феномена» и стремление осмыслить его как культурно-историческое явление.

В рамках секции был также проведён круглый стол «Философия и методология истории: к 125-летию выхода в свет “Основных проблем философии истории” Н. И. Кареева». Наследие выдающегося русского историка, социолога, мыслителя продолжает привлекать исследователей, что особенно видно в свете новой книги «Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007)» (Казань: Изд-во КГУ, 2008. 224 с.), издание которой было специально приурочено к настоящей конференции. Особую тональность работе круглого стола придало участие в нем Е. В. Мякотинной-Каплан (Франция), дочери ученика, единомышленника, друга Кареева, историка и публициста Венедикта Александровича Мякотина (1867–1937). Разговор развернулся вокруг творческого наследия Кареева, роли его историко-социологической концепции, ее влияния на развитие отечественного историознания. Были проанализированы исследовательская программа ученого, соотношение в ней эмпирического и философско-исторического, обращено внимание на то, что уточнение особенностей многогранного творчества Кареева связано с изучением его вклада в проблемную историографию. Участники круглого стола подчеркнули место и роль Кареева в истории науки, определяющиеся его вкладом в воспитание не одного поколения ученых. Участникам заседания была продемонстрирована электронная справочно-информационная система «Н. И. Кареев: Библиографический указатель (1869–2007)». Автор поделился накопленным при создании пособия опытом применения гипертекстовых технологий, дающих и исследователям, и обучающимся возможность успешно работать над реконструкцией интеллектуальной биографии ученого, анализом социокультурной среды, выявлением и фиксацией коммуникативного пространства.

Участники Секции 5 «*Время, память и «присвоение прошлого»*» размышляли о таких важнейших для современного исторического познания понятиях как «время», «память», «опыт», «идентичность». Все эти понятия тесно связаны между собой, каждое из них занимает важное место в профессии историка и активно обсуждается в сообществе гуманитариев. В ходе дискуссий было отмечено, что тема времени давно занимает большое место в работах историков, в последнее десятилетие появилось множество книг и статей, в которых время является специальным объектом конкретно-исторического исследования. Исследуется время события, музея, коллекции, тюрьмы, нарратива, мифа, славы, образа, а также темпоральный опыт ссыльного, эмигранта, мемуариста, социолога, историка. Это позволяет говорить о формировании новой трансдисциплинарной области исследований, которую можно назвать антропологической историей времени. Практически все доклады имели междисциплинарный характер, были содержательными, вызвали интерес. В целом работа секции свидетельствует о том, что в сообществе отечественных историков формируется новая интеллектуальная культура, и наша историография приближается к мейнстриму мировой науки.

В рамках работы секции состоялось заседание сессии под названием «*Отдаленное прошлое: проблемы интерпретации*». Участники сессии рассмотрели всю полноту проявления прошлого в самых разных культурно-исторических аспектах и традициях. Это было сделано в широкой хронологической (от Античности до XIX века) и географической перспективах — речь шла об ареалах Средиземноморья и Причерноморья, Малой Азии, Западной Европы и Руси (России). Для большей части сообщений была характерна междисциплинарность. Набор дисциплин, к которым можно отнести доклады, оказался весьма широким. В их числе, помимо собственно истории, география, филология, лингвистика и другие. Весьма широким был демонстрируемый участниками конференции набор методов, избранных ими для проведения исследований, среди которых текстуальный, историографический, филологический анализ; систематизация и ранжирование сведений, полученных из письменных источников и архивных материалов. Основная про-

блема, прошлое и его интерпретация, рассматривалась на материале самых разных культур, например, западноевропейской, византийской, армянской, арабской, древнерусской и русской.

Собственно, именно микроисторическим исследованиям, основанным на тщательном анализе разнообразных источников, среди которых саги, жизнеописания, путевые заметки и дневники, демонологии, судебники и пр., была посвящена большая часть выступлений. Благодаря интерпретации сведений из перечисленных выше текстов прослеживалось становление коллективных представлений о прошлом, «существование» и «выявление» идей прошлого в историописании страны, указывалось на традиционные и новаторские способы передачи событий давно минувшего. Обсуждались также вопросы реконструкции биографии, выявления исторического факта и его интерпретации, складывания дискурса древнерусской идентичности; рассматривалась воображаемая география; историческая составляющая правовых документов и др.

Тематика докладов конференции и прошедшие дискуссии отразили растущий интерес научного сообщества к новациям в области методологии, концептуального аппарата и инструментария исторического исследования (включая использование информационных технологий). Были проанализированы эвристические возможности новейших подходов и направлений, достижения и познавательные границы исторических субдисциплин, сформировавшихся на рубеже XX–XXI вв. в результате «лингвистического», «культурного», «прагматического» и «визуального» поворотов в историческом знании, перспективы микро- и макроподходов, глобальной, региональной, новой локальной, новой институциональной и новой событийной истории, компаративной историографии, исторической имагологии и визуальной антропологии, истории эмоций, восприятий и ценностей, интеллектуальной и гендерной истории и др.

*В. П. Корзун, М. П. Лаптева, Г. П. Мяжков, И. Ю. Николаева,
О. С. Поршнева, М. С. Петрова, В. Г. Рыженко, З. А. Чеканцева*

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И. Н. Ионов

ЗАРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ И АРАБСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Пути развития цивилизационного самосознания в разных регионах мира во многом определяет соотношение функций последнего, среди которых главными являются идентификационная, коммуникативная и когнитивная¹. Проявляясь в разной степени и в различных формах, они создают те уникальные конstellации, которые влияют как на местную специфику цивилизационных представлений, так и на особенности их культурного трансфера². Сходства и различия между этими конstellациями порождают условия социального взаимодействия, коммуникации и диалога между мыслителями и культурами, те напряжения, на базе которых строятся интеллектуальные сети — смысловые контексты новых вариантов цивилизационного сознания. Американский социолог Р. Коллинз, указав на роль «социального торга», «интеллектуальных ритуалов» и «интерактивно-ритуального смысла» в производстве нового знания, писал: «чем сильнее для индивида эмоциональная значимость ожидаемого столкновения <идей>, тем более наполнены его мысли репетицией ожидаемого разговора»³. Так коммуникация стимулирует познавательное напряжение и процесс смыслообразования, а условия

¹ *Ионов И. Н.* Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. 2007. № 2. Сентябрь. С. 79-121.

² Но следует учитывать и роль культурной преемственности, восприятия и реинтерпретации смыслов того или иного понятия в культурах-наследниках.

³ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 92, 101-103.

этого «социального торга» задают также меру мифологичности и пределы познавательных возможностей цивилизационных теорий.

Важнейшей функцией цивилизационных представлений является идентификационная. Всякому народу, особенно в периоды кризисов самосознания, необходимо выстроить представление о самом себе, выделить себя среди других, обрести смысл своего существования и достойных культурных предшественников. Это проявляется и на индивидуальном уровне: «Эмоциональная энергия <исследователя> в любой данный момент отбирает символы, дающие ему оптимальное чувство групповой принадлежности. Мышление человека является разыгрываемой в его сознании пьесой социального членства»⁴. Так появляются понятия, фиксирующие базовые ценности, отражающие представление об отличии данного народа от его культурного окружения, воплощающие культурный идеал, с которым этот народ себя связывает. Такого рода понятия (древнегреч. — *paideia*, лат. — *humanitas*, кит. — *вэнь*, франц. — *civilisation*) имеют и объективную основу: в своем смысловом наполнении они в той или иной мере воплощают культурную специфику данного общества и прежде всего ориентации его духовной и государственной элиты. Эти ценности делают возможным как легитимировать существующую власть, так и оценивать современное состояние общества, его исторические судьбы и перспективы его развития, сравнивать роль тех или иных общественных групп в социальной жизни. Все это позволяет вести диалог как внутри общества (между властью и гражданами, элитой и массами, образованными и необразованными людьми), так и между носителями цивилизационной идентичности и их соседями, от которых они стремятся себя отличать. Различные формы цивилизационных представлений имеют разный коммуникативный и диалогический потенциал, что позволяет с разной степенью эффективности выстраивать сеть общественных и политических институтов, воспроизводящих тот иной тип цивилизационного устройства, а также внешнюю политику государств.

Познавательная функция цивилизационных представлений не является первичной и доминирующей, она скорее вторична, хотя и важна для самоидентификации и особенно культурного диалога в

⁴ Там же. С. 103.

обществе. Тем не менее, появление цивилизационного идеала, направленного, в конечном счете, на образование и познание, способствует повышению роли интеллектуалов, интеллектуальной деятельности и общественной оценки когнитивной составляющей цивилизационных идей, которая превращается в существенный культурно-философский элемент исторического знания, а также в форму легитимации существующего общественного сознания.

Важнейшей характеристикой понятий, определяющих цивилизационный идеал как форму самоидентификации, является их эпистемологическая аподиктичность, самодостоверность, («самопрозрачность», по С. Л. Франку), характеризующая их укорененность в «жизненном мире» человека данного общества. Тем самым они составляют основу метафизики как способа глубинного осмысления реальности. Лучшим основанием в данном случае является принадлежность к той или иной, мифологической или исторической, сакрализованной традиции, т. е. восприятие идеала от авторитетного культурного предшественника. Р. Коллинз называл подобного рода понятия «культурным капиталом» и «священными объектами», выделяя среди последних «величественные тексты прошлого»⁵. Такими текстами для всех культур Запада (в т.ч. арабской, российской, культур местной колониальной администрации по всему миру) была античная традиция, в которой довольно рано зародились цивилизационные представления и которая сделала их основой межкультурного диалога, заложила основы познания специфики различных культур.

Утверждение ценностей образования и воспитания в Древней Греции

Универсалистское, надэтническое и надконфессиональное (условно говоря, цивилизационное) самосознание в Древней Греции формировалось в результате кризиса мифологического и локалистского (родоплеменного) сознания. Иностранцев, особенно соседей, перестали описывать как нелюдей, но во имя сохранения позитивной самоидентификации продолжали дистанцироваться от их образа жизни при помощи негативно окрашенных терминов, таких как «дикость», «варварство», «деспотизм». Это был тот фон, на котором рисовался собственный положительный образ «эллинов» как носителей

⁵ Коллинз Р. Указ. соч. С. 79-80, 92.

высокой культуры, живущих в обществе, управляемом законами. Результатом развития полисной демократии и увлечения риторикой в V–IV вв. до н.э. было развитие *софистики* — релятивистского философского направления, отрицавшего существование истинного знания и богов. Софисты стирали границы между аристократией и рядовыми гражданами (акцентируя роль в жизни человека воспитания и образования и трактуя последнее в специфической форме — как обучение игре словами — *paideia*), а также между греками и варварами. Антифонт признавал: «от природы мы все абсолютно равны, и греки, и варвары»⁶. Тем самым признавалась принципиальная «обучаемость» варваров и потенциальная возможность уравнивания их в культуре и общественном устройстве с греками. Это создавало потенциально широкое поле для диалога и изучения жизни «варваров».

В борьбе с софистикой Платон заимствовал у софистов идеал образования (*paideia*), реинтерпретировав его как воспитание любви к мудрости и духовной доблести⁷. Возникла и развивалась идея Ойкумены не только как обитаемой части мира, но и как области распространения культуры, а также представление о разуме как свойстве, характерном для всех людей. По мнению английского историка Г. Болдри, это послужило прочным основанием для античного универсалистского сознания⁸. Идея культурного многообразия укоренилась в культуре и философии, создавая основу для когнитивной деятельности. Для античных скептиков разнообразие обычаев, законов, верований являлось одной из основ их теории познания, инструментом критики догматического (метафизического) способа мышления⁹.

Воздействие идеала *paideia* на процесс исторического познания прослеживается уже у Геродота (490/480–430/424 гг. до н.э.), испы-

⁶ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. СПб., 1994. С. 60.

⁷ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 97.

⁸ Baldry Н. С. The Idea of the Unity of Mankind // Grecs et barbares. Six exposés et discussions... Vandoeuvres; Gèneve, 1961. P. 170-175; Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994.

⁹ Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1975. С. 35; Реале Д., Антисери Д. Указ. соч. С. 228.

тавшего влияние софистов. Представление о родстве всех эллинов (по крови, речи, религии и образу жизни) порождало у него, как показал французский историк Ф. Артог, не только чувство превосходства, связанное с идеей о наличии менее культурных соседей «варваров» (скифы), не имевших писаной истории, но и имевшее важнейшее значение для самоидентификации признание возможности существования «варварских» народов, существенно более культурных, чем греки, таких как египтяне, обладавшие большим объемом исторической памяти¹⁰. Геродот создал укоренившуюся затем на века в Европе векторную географическую схему уменьшения культуры и духовности, а также передачи знаний с юга на север. Для него Египет был культурным образцом, он утверждал, что многие обычаи, верования и лучшие законы греки заимствовали у египтян¹¹. Египтянам приписывался статус изобретателей имен богов (признак власти), обладателей совершенных знаний о природе, лучшей системы летоисчисления, высших достижений в архитектуре. Универсальными у Геродота выступают не греческие, а египетские религия и обряды, культура и ценности, законы и нравы, а также более секуляризованные египетские формы самосознания¹². Правда, это не мешало Геродоту маркировать обычаи современных ему египтян как устаревшие и культурно периферийные¹³.

В «Истории» Фукидида (ок. 460 – ок. 395 гг. до н.э.) представление об обучаемости греков и варваров позволяет сближать их образы, но разводя их во времени. Возникает формула философского историзма, который проецирует культурную иерархию на течение физического времени. Фукидид отмечал, что в древности греки «...не расставались с оружием подобно варварам. Те области Эллады, где

¹⁰ Hartog F. *The Mirror of Herodotus. Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley; Los Angeles, 1988. P. 15, 375. См. также: Brown T. S. *Herodotus Speculates about Egypt* // *American Journal of Philology*, 1965. Vol. LXXXVI. № 1.

¹¹ *Геродот. История*. Кн. II, 50-52 // *Геродот. История*. В 9-ти кн. Л., 1972. С. 96-97; Hartog F. *Op. cit.* P. 241, 18-19.

¹² *Геродот. Указ. соч.* Кн. II, 2, 4-5, 37, 148, 177 // *Геродот. Указ. соч.* С. 80-81, 91-92, 126-127, 135.

¹³ Там же. Кн. III, 106; IX, 122 // *Геродот. Указ. соч.* С. 171, 453; Hartog F. *Op. cit.* P. 235.

такой быт еще сохранился, служат явным доказательством того, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе... Можно указать много и других обычаев древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров»¹⁴. Этот подход позволял дистанцировать современное состояние цивилизованных стран от идеального состояния, изображая последнее как утраченное и испорченное. Так сформировался идеал цивилизации (укрепление общественного порядка благодаря государству, рост личной безопасности и благосостояния, расцвет культуры) и представление о его избыточном воплощении в жизнь: о переходе к «более пышному образу жизни» и сопровождающей его опасной изнеженности, о жажде власти, коренящейся в жадности и честолюбии. В результате позитивные приобретения эллинов у Фукидида приводят к отрицательным последствиям: вырождению человеческой природы, разрушению общества¹⁵.

Платон (427–347 гг. до н.э.) догматизировал роль идей и понятий (эйдосов), считая их основой (прообразом) мироздания, своего рода метафорами, переносящими смыслы из мира вечного в мир временный. Поэтому образование для него — путь к воплощению в общественной жизни идеала *блага* при помощи формирования человека справедливого и добродетельного (прежде всего *умеренного*, т. е. знающего меру). Оно лежит в основе таксиса, государственного порядка, на котором строится полис и который соответствует мировому порядку (космос). Это тот «первый толчок государственному устройству», от которого оно, по мнению Платона, «двинется вперед само, набирая силы, словно колесо»: «Правильное воспитание и обучение пробуждают в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, благодаря такому воспитанию они становятся еще лучше»¹⁶. При этом «правильное» обучение отделяется от «неправильного», которое страшнее «полного невежества» и является «тяжким наказанием», и даже «самым великим из зол»¹⁷. Платон усилил моральное содержание идеала образования (*paideia*). Он сде-

¹⁴ Фукидид. История. Кн. I, 6 (1,6) // Фукидид. История. Л., 1981. С. 79-82. С. 7.

¹⁵ Там же. Кн. I, 6 (3), III, 82-84 // Там же. С. 7, 147-149.

¹⁶ Платон. Государство, 424b // Платон. Соч. в 3-х тт. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 212. См. также: Платон. Законы. 641b // Там же. Т. 3(2). С. 104.

¹⁷ Там же. 819a // Там же. С. 301.

лал его достижение основным условием реализации идеала общественной жизни и поддержания общественного порядка¹⁸. Потребность в образовании у Платона связана с идеей о внутренней противоречивости мира, о наличии в нем наряду с «Тожественным», вечным и правильным — алогичного и иррационального «Иного». Они насильственно соединены в космической душе самим демиургом. Поэтому полная победа рациональности и порядка в мире невозможна, хотя к ней нужно стремиться¹⁹.

Воспитание как формирование совершенного гражданина — путь к счастью самого человека и вместе с тем — государственное дело, в чем-то более существенное, чем даже соблюдение «важнейших законов»²⁰. При этом политический и социальный идеал как идеал взаимопонимания противопоставляется образам мифологии как конфликтным и «неумеренным». Религия подчиняется требованиям общества; воспитание стражей должно сделать их «божественными», а для этого религия — подвергнуться цензуре²¹. Одним из важнейших направлений образования для Платона является мусическое искусство, как по литературному содержанию, так и гармонической, музыкальной форме. Изменения в области музыки столь же опасны, как и пропаганда социальных конфликтов: ведь «не бывает перемены приемов мусического искусства без изменений в самых важных государственных установлениях»²². Характерно, что образцом для Платона также был Египет, но Персия даже времен расцвета еще не признавалась им в качестве образца. Он считал, что царь Кир «не понимал правильного воспитания»²³.

Другую позицию занимал Ксенофонт (445–355 гг. до н.э.), который вынес общественный идеал из Греции в Персию. В его «Киропедии» (воспитание Кира) представлен идеал воспитания (*paideia*) народа-воина и его вождя как воспитания добродетели и доблести.

¹⁸ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ Гайденок П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980. С. 234–236.

²⁰ Платон. Государство. 445b, e // Платон. Соч. Т. 3 (1). С. 241, 242; Платон. Законы. 643e // Там же. Т. 3(2). С. 107.

²¹ Платон. Государство. 378c, 383b // Там же. Т. 3(1). С. 157, 164.

²² Там же. 424c // Там же. Т. 3 (1). С. 212.

²³ Платон. Законы. 301, 819b, 693b–d // Там же. Т. 3 (2). С. 165.

Ксенофонт противопоставил обычаи большинства государств, держащих своих подданных в страхе наказания, обычаям Персии, где (будто бы) главное внимание уделяется предупредительным мерам, в школе «постоянно учатся справедливости» и «с самого начала воспитывают граждан так, что они не позволят себе дурного или позорного поступка»²⁴. Учиться справедливости (прежде всего на примере старших или в ходе разбора конфликтов) там так же важно, как в Греции — учиться грамоте. Без этого невозможно занять государственную должность. В результате сила у них соединяется с мудростью, а лишение гражданской чести является высшим наказанием²⁵. Кира привели к власти и сделали идеальным государем три качества: происхождение, природные данные и воспитание (*paideia*)²⁶. Главным при этом является поведение в бою, от которого зависит величие его страны. Тут образ Кира противопоставлен образам Астиага, Киаксара, Креза, которые предпочли изнеженный образ жизни тяготам войны. Надо отметить, что книга Ксенофонта принадлежит жанру античного романа, реальная история Персии мало его интересовала и была серьезно им искажена²⁷. Но позиционирование идеального образа за границами эллинского мира должно было постулировать его универсальность, приемлемость для всех стран и народов.

Под влиянием этих крупнейших деятелей культуры идеал образования в Древней Греции приобрел уже в V в. до н.э. такое значение, что распространялась ценность взаимопонимания, обеспечиваемого не родством по крови, а общностью образования, близостью культуры. Ритор Исократ (436–338 гг. до н.э.), выступавший в поддержку Филиппа Македонского, мог утверждать, что «эллинами называют скорее тех, кто причастен греческому образованию, нежели тех, кто общего с нами происхождения»²⁸.

Интерпретация понятия *paideia* в условиях кризиса античного полиса

²⁴ Ксенофонт. Киропедия. Кн. I, II, 3, 6 // Ксенофонт. Киропедия. М., 1977. С. 7.

²⁵ Там же. 6–14 // Там же. С. 7–9.

²⁶ Там же. I, 1, 6 // Там же. С. 6.

²⁷ Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Там же. С. 257.

²⁸ Бузескул В. П. Античность и современность. М., 1924. С. 94.

Учение о роли воспитания получило дальнейшее развитие у Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), который развил представления Платона о наличии разных вариантов и сложной структуры человеческой души. Будучи воспитателем «полуварвара» Александра Македонского, сам женатый на персиянке, Аристотель избегал однозначного приписывания «варварам» рабской природы. Он допускал, что склонность к рабству — скорее индивидуальное, а не родовое качество, связанное с наличием у каждого человека «душ» разного рода: вегетативной (растительной), чувственной (животной) и понимающей (человеческой)²⁹. Государство Аристотель видел как организм, являющийся самостоятельной единичной сущностью, субстанцией, который может вырастить воспитанного человека по своему подобию³⁰. В процессе воспитания человек движется из потенциального состояния, когда в нем преобладает животное начало, к актуальному состоянию, когда в нем преобладает разумное, деятельное начало. Инструментом воздействия являлась культура, которая «имеет целью восполнить то, что недостает от природы»³¹. Так развивались социальный реализм (учение о первичности общности перед культурным индивидом) и гуманистический идеал воспитания разума и добродетели (*paideia*).

Представления об универсальной роли образования и воспитания заимствовал в Греции и адаптировал к потребностям Рима Цицерон (106–43 гг. до н.э.)³². Он приписывал образованию и философии универсальную роль в создании «человеческого сообщества» (*communitas generis humani*), в основе которого — стремление к защите общественных интересов, верность исполнению договоров, способность видеть истину, величие и сила духа. Цицерон считал, что именно изучение философии, провозгласившей эти принципы, объединяет людей: она «породила города... соединила в общество

²⁹ Аристотель. Полигика. Кн. I (а), 1252b, 5-10, 1254 b, 16-25; 1255 а, 28-33; 1255b, 5-7 // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1984; Аристотель. О душе. Кн. III, 434a // Аристотель. Указ. соч. Т. 1. М., 1975. С. 444-445.

³⁰ Асмус В. Ф. Античная философия. С. 378-379.

³¹ Аристотель. Политика. Кн. VIII, 1337a, 1-35 // Аристотель. Соч. Т. 4. С. 628-630.

³² Коллинз Р. Указ. соч. С. 589. Примерно так же поступили Варрон и Лукреций.

рассеянных по земле людей... объединила их сначала домами, потом супружеством, наконец, — общностью языков и письмен... открыла законы, стала наставницей порядка и нравственности...»³³. Для характеристики образования как овладения человеческой сущностью Цицерон употреблял слово *humanitas* (латинский перевод слова *paideia*). В то время это слово еще не идентифицировалось однозначно с понятием «человечество». Скорее оно означало воспитанность, утонченность манер, изысканность речи, учтивость, материальную и духовную культуру, т.е. сближалось не только с понятием *paideia*, но и с содержанием понятия «цивилизация», которое появится в далеком XVIII веке. Г. Болдри подчеркивал кардинальное значение «идеи *humanitas*: представления об общей (для людей) цивилизации, теперь уже не сводимого к идеям полиса или эллинистической культуры, хотя оно многим обязано и той и другой, но ставшего более масштабным, порождающим гораздо более полный образ цивилизованного человека»³⁴.

Кризис греческого полиса активизировал силы традиционализма, но не мог радикально противостоять тенденции к универсализации. К традиционалистам принадлежал, в частности, Плутарх (ок. 46 – ок. 126 гг. н.э.). В своих «Сравнительных жизнеописаниях» он прославил полисные добродетели, а в трактате «О злокозности Геродота» осудил того за идеализацию благочестия варваров и отсутствие почтения к греческой старине³⁵. С. С. Аверинцев подчеркивал, что историк очень гордился своим эллинским происхождением, считал своим достоинством то, что он «славит в нравственных вопросах закон, общность и гражданственность»³⁶.

Вместе с тем в центральной для Плутарха биографии Александра Македонского покоренные «варвары» изображены не только сочувственно, но и прославлены как воспитанные и доблестные люди. Мы видим образы морально совершенных правителей, таких как персидский царь Дарий, достойно принимающий утраты и восхва-

³³ Цицерон. Тускуланские беседы. Кн. V. О самодовлеющей добродетели. II (5) // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 324-325.

³⁴ Baldry H. C. The Idea of the Unity of Mankind. P. 194-195.

³⁵ Плутарх. О злокозности Геродота // Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947. С. 167; См. также: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 74, 196.

³⁶ Там же. С. 54, 58, 195.

ляющий своего божественного противника, или индийские правители, такие как Таксил, вызвавший Александра на состязание в широте благодеяний, и Пор, которого тот за смелость и достоинство назначил своим сатрапом. Так же позитивно обрисованы образы индийских йогов-«гимнософистов», которые представлены равными греческим философам в благочестии, мудрости и самообладании, и даже превосходящими их³⁷. В этом описании греческий патриот Плутарх совершенно не отличается от римского «космополита» Цицерона, хотя формы самоидентификации и диалоговый (а значит и познавательный) потенциал их учений далеко не сходны.

Было бы неверно трактовать позитивную характеристику «варваров» в биографии Александра как позитивную оценку их культуры. Плутарх знал лишь одну шкалу ценностей, эллинскую, которой и мерил всех своих героев. С точки зрения Плутарха, «всечеловеческая общность возможна, но возможна лишь на основе принятия норм греческой морально-философской культуры»³⁸. Плутарх не универсализировал, подобно Цицерону, не сделал независимым от культуры, а лишь радикально распространил греческий идеал *paideia* («образованности как выучки духа»), в который в его время входили знание греческой культурной традиции, философии и риторики, искусство управления государством, гражданская и воинская доблесть. Этот идеал становится у историка самодовлеющим. «Сравнительные жизнеописания» в этом контексте — поле примирения греческих культурных и римских имперских ценностей в рамках единого универсалистского сознания, созданного на базе греческого культурного идеала. Не случайно герои римской истории, такие как Нума, Попликола, Марцелл, Лукулл, Цицерон, Брут и даже Катон Старший своим авторитетом поддерживают ценности эллинов³⁹.

Кризис эллинского цивилизационного сознания мог трансфор-

³⁷ Плутарх. Александр. XXXVII, XLIII, LIX, LX, LXIV, LXV, LXIX // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963. С. 418, 423, 428, 438-445. Все это не позволяет вслед за Ю. Н. Поплинским однозначно ограничивать сферу применения Плутархом понятия *paideia* греко-римским миром. См. Поплинский Ю. К. О понятии "варвар" в античности // Африканский этнографический сборник. Т. 13. Л., 1972. С. 184.

³⁸ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 229, 236-238.

³⁹ Там же. С. 195-196.

мировать всю картину истории. Автор «Всеобщей истории» Полибий (ок. 200–120 (132?) гг. до н.э.) превратил историю мира в предысторию власти Рима именно потому, что идеал *paideia* перестал действовать, интеллектуальное лидерство Греции как ценность утратило свое универсальную роль. Впервые история отечества потеряла для историка характер нормы. Критика эллинистической культуры побудила Полибия нарисовать страшную картину личностной деградации людей и вымирания целых народов в Греции. Он зафиксировал провал эллинской программы воспитания человека (*paideia*) и противопоставил ей римский государственный идеал строгого законодательства: «...Люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнежены, не хотят заключать браков, города постепенно приходят в упадок и бессилие»⁴⁰.

Но в рамках стоической традиции идеалы *paideia* и *humanitas* сохранили свое значение, на их основе формировалось имперское сознание полиэтничной Римской империи. В нем античные добродетели были осмыслены как общечеловеческие, а представления об «эллинстве» универсализированы. Сенека Старший, Лукреций, Тит Ливий признавали, что грек по рождению может не быть «эллином», если он не имеет соответствующего образования, т.е. не знает литературного языка, не имеет гражданской доблести. В то же время воспитанный и образованный африканец или германец мог быть признан настоящим «эллином»⁴¹. Так формировалось представление об универсальной империи и мировом гражданстве, которое оправдывало наделение всех свободных жителей Римской империи правами римского гражданства в 212 г.⁴²

Кризис основ цивилизационного сознания в позднем Риме и раннехристианской культуре

В условиях кризиса Римской империи в общественном созна-

⁴⁰ Полибий. Всеобщая история. Кн. XXXVII, 9 // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. С. 224.

⁴¹ Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. Cambridge, London, 1985. P. 168-171; Поплинский Ю. Н. Указ. соч. С. 182.

⁴² О роли стоиков в утверждении универсалистских представлений в Древнем Риме см.: Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihre geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1880. S. 298, 301-302.

нии происходили противоречивые процессы: универсализирующий потенциал зачатков цивилизационных идей в их традиционной форме резко снизился. Когда нашествия кочевников стали непосредственно угрожать Римской империи, имперский универсализм начал распадаться. Вновь актуализировались представления о «варварах» как всех не-римлянах, агрессивных и опасных чужестранцах. Последний крупный историк античности, грек по происхождению Аммиан Марцеллин (330–400 гг.) абсолютизирует древность и традицию как идеал, противостоящий мрачной реальности. Рим — воплощенная утопия, вечный город, «которому суждено жить, пока будет жить человечество». Во главе его стоит император — воплощение всех античных добродетелей, мудрец и воин в одном лице, а также сенат — уважаемый всем миром блюститель чистоты нравов. Правда, «великолепный блеск этого общества омрачается невежественным легкомыслием тех немногих», которые утратили представление о нормах морали и предпочитают славе — почет и богатство⁴³. Для устойчивого поддержания этого высокого уровня самоидентификации в условиях кризиса Аммиану Марцеллину нужен был «фон», воплощающий худшие приметы «отвратительного», неприемлемого, отталкивающего. Цивилизационное сознание деградирует до уровня идиосинкразии по отношению к «варварам».

Образ «варваров» (как враждебных, так и дружественных) демонизируется, решительно оттесняется в «фон» повествования. Это звери, с которыми невозможен диалог. Их обычаи постулируются, исходя из их «варварской» сущности. К этому времени опыт позитивного, хотя и критического описания варваров Корнелия Тацита (ок. 55 – ок. 120 гг.), впервые создавшего развернутый когнитивный дискурс варварского общества⁴⁴, был забыт. Утрачивается представление о том, что на войне «варвары» могут проявлять доблесть; их войско именуется бандой разбойников, которые сражаются безрассудно, неосмотрительно и недисциплинированно. Их общественное

⁴³ Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 7-8; Аммиан Марцеллин. История. Пороки сената и римского народа // Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., 1964. С. 313-314, 316.

⁴⁴ Корнелий Тацит. О происхождении германцев и описании Германии // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х тт. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л., 1969.

устройство характеризуется как несправедливое, основанное не на праве, а на силе. Даже свою свободу они не в силах использовать во благо, так как «свобода в их представлении — это разнузданное безрассудство»⁴⁵. Если же их поведение оказывается рациональным и понятным, оказывается, что они поступили так вопреки своему обыкновению. Картины сражений показаны автором, бывшим солдатом, максимально натуралистично с тем, чтобы читатель сопереживал поражениям римлян, вызванным непреодолимостью рока⁴⁶.

Римскую историю Аммиан Марцеллин представляет антропоморфно, как историю человеческих возрастов. Империя у него подается в образе человека, прошедшего не только детство, юность, молодость, но и зрелость. Однако, в отличие от предшественников, это не приводит его к мысли о неизбежности конца. Аммиан полемизирует с линейной концепцией истории, вводимой христианами, и отстаивает циклическую концепцию периодического возврата времен поражений и упадка, но также и времен расцвета и побед. Историк, как и Полибий, подчеркивает роль слепой судьбы, способной низвергнуть и силу, и добродетель. Эмоциональным фоном изложения служит травматическое ощущение от непрерывных утрат, когда «воспоминание о прошлом... мучительно, а ожидание грозящих бед еще более мрачно»⁴⁷. В сущности, Аммиан Марцеллин, несмотря на все его страдания, признается в том, что не способен создать картину истории, в которой этот образ мог быть преодолен. Эта духовная немощь сохранилась надолго. В эпоху Великого переселения народов за термином «варвар» в формирующихся европейских языках закрепилось представление о «невежественном, агрессивном разрушителе», несущем смерть, с которого начиналась история античного универсалистского сознания⁴⁸.

Однако такая тенденция была не повсеместной. Крах политиче-

⁴⁵ Аммиан Марцеллин. Деяния // Историки Рима. М., 1970. С. 404-409.

⁴⁶ Там же. С. 415-421, 427; Стратановский Г. А. Фукидид и его история // Фукидид. История. С. 432.

⁴⁷ Аммиан Марцеллин. Деяния. С. 432; Культура Византии. IV-VII вв. М., 1984. С. 131-132.

⁴⁸ Буданова В. П. Указ. соч. С. 9; Она же. Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах // Византийский временник. Т. 41. М., 1980; Скржинская М. В. Скифы глазами эллинов. СПб., 1998.

ского идеала империи заставлял думать об альтернативном, прежде всего духовном, христианском идеале. В нашествии на Рим участвовали «варвары»-христиане, благодаря чему у христианских мыслителей идеалу угасающей империи мог быть противопоставлен идеал карающего Бога. Аврелий Августин (354–430) впервые создал универсалистскую концепцию истории, строго ориентированную на религиозные, потусторонние ценности и подвергавшую с этой точки зрения критику ценность государства. Крах идеи сакральной империи породил потребность в новом, трансцендентном источнике сакральности и как следствия — быструю десекуляризацию и ремифологизацию сознания. Платоновское соединение макрокосма и микрокосма в государстве было заменено их разведением, акцентированием роли барьера между должным и сущим, посюсторонним и потусторонним, который проходил теперь через каждый поступок и каждое слово. Августин разорвал созданную автором первой истории христианской литературы св. Иеронимом (347–419/420) связь между политической историей Римской империи (которая должна была длиться до Конца света) и историей христианства.

Августин переориентировал светскую, государственническую и отчасти даже антирелигиозную (антимифологическую) концепцию *paideia* на религиозные, потусторонние ценности. Идеал универсалистской утопии был перенесен с государственных образований на христианскую церковь — «Небесный град» как сообщество верующих в Христа, который воплощает гораздо более широкую возможность единения людей и «призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях... ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая»⁴⁹. Появляется представление о потенциальной открытости человека Богу и знанию о нем (наряду с убежденностью в греховности человека и стремлении к бесполезному знанию), а также о вещах, «незнание которых вредно»⁵⁰. Это реабилитирует знание и образование как общественные ценности. При этом важнейшей становится проблема достижения нравственности и веры как

⁴⁹ Блаженный Августин. О граде Божием. Минск; М., 2000. С. 1038.

⁵⁰ Там же. С. 1270, 1268, 514.

высшего выражения духовной доблести, идеал *paideia* реинтерпретируется как собирание духовности из всех возможных источников, в том числе и античной философской и мифологической традиции⁵¹. Р. Коллинз называл это «энциклопедически полным представлением языческого культурного капитала в христианском контексте»⁵². В качестве источника идей в соответствии с Писанием могла рассматриваться также «египетская мудрость», хотя ее роль сознательно ограничивается⁵³. Так возникало новое основание для диалога культур.

Критика Августином Римской империи прочно опиралась на античную традицию (прежде всего на Саллюстия). Она носила морализаторский характер, римляне обличались Августином в предательстве собственных нравственных основ: «Рим... возвеличенный трудами древних, они обезобразили гораздо более при его внешне благополучном существовании, чем обезобразило его разрушение»⁵⁴. В этом контексте представления о жестокости «варваров»-завоевателей размывались, речь скорее шла об их христианской вере, о «кротости», «милосердии и смирении», даже «сострадательности» и «человеколюбии»; они выступали как орудие божественного возмездия⁵⁵. «Варвары»-христиане превращаются в положительных персонажей, а империя выводится в «фон», действия коррумпированной власти приравниваются к действиям разбойников. «При отсутствии справедливости, что такое государства, — вопрошал Августин, — как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть ни что иное, как государства в миниатюре»⁵⁶. Римская империя, как и все другие государства, противопоставлена небесному Иерусалиму, этому центру духовного совершенства, принадлежность к которому связана только с «жизнью по Богу»⁵⁷. Но-

⁵¹ Там же. С. 1039; Гайдено П. П. Эволюция понятия науки... М., 1980. С. 412.

⁵² Коллинз Р. Указ. соч. С. 201.

⁵³ Блаженный Августин. Указ. соч. С. 958.

⁵⁴ Там же. С. 60.

⁵⁵ Там же. С. 10, 12, 26, 29,

⁵⁶ Там же. С. 89, 101, 165.

⁵⁷ Markus R. A. Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine. Cambridge; New York; Sydney, 1988. P. 55-57, 59; Блаженный Августин. Указ. соч. С. 903-904, 930, 965, 977.

вый универсализм заявляет о себе как о чисто религиозном, потустороннем. Это отчасти подрывает идеал светской гражданственности, который является базовым для цивилизационного сознания.

Однако замена политического идеала моральным открывала дорогу к *коммуникации и взаимовлиянию культур*, в частности взаимодействию библейской и античной картин истории. Августин стремился (следуя за Евсевием Кесарийским), совместить две хронологии и два списка персонажей, основанные на христианских и языческих мировоззренческих предпосылках. Августин осуждал светское знание, считал его ненужным, а то и вредным для дела веры, но вместе с тем полагал, что «лучше и честнее в храме Платона читать его книги»⁵⁸. Хотя высшим авторитетом для него остается Священное писание, библейская картина истории благодаря влиянию античных авторов отчасти скорректирована и по-новому окрашена. История церкви у Августина впервые отделяется от священной истории, представленной в Библии, как профанная история от сакральной, что создает основу непривычно широкого для западных христиан обсуждения норм церковной жизни, а также секуляризации христианского социального и исторического сознания, рациональной критики церковной иерархии, обрядов и текстов⁵⁹.

Церковь становится основным общественным институтом, а потому и воспитание, образование и жизнь верующего получают не только религиозное, но и социокультурное измерение. Такой же синкретической субстанцией представляется и душа верующего. Это тесно связано с восприятием истории, которое у Августина сильно персонализировано. Основным инструментом исторического знания и свидетельством его достоверности становилась укорененность в личном сознании, в чувствах «внутреннего человека», в памяти как стержне человеческой личности. Это история, окрашенная в цвета страдания и психологической травмы, но вместе с тем — преодоление духовного кризиса, восстановление целостности личной картины исторического времени⁶⁰.

Раннехристианская культура создала новый аспект социальной

⁵⁸ Там же. С. 66, 370-371, 1262-1263.

⁵⁹ Там же. С. 958, 962, 1092.

⁶⁰ Гайденок П. П. Указ. соч. С. 412-419; *Аврелий Августин*. Исповедь. М., 1997. С. 222-223.

и исторической самоидентификации, с которым приходилось взаимодействовать цивилизационным представлениям. Общественные идеалы и ценности, на основе которых формировалось цивилизационное сознание в античности, стали носить потусторонний оттенок. Цель истории оказалась радикально вынесена за пределы исторического времени. За пределами человеческой жизни оказалась также возможность полного познания земной реальности как воплощения промысла Божьего. Все это ограничивало диалогические и особенно когнитивные возможности цивилизационного самосознания. Но идеалы *paideia* и *humanitas* не были утрачены, что создало возможность их возрождения в самых разных контекстах и, в конечном счете, в XVIII–XIX вв. у Дж. Вико и немецких философов.

Цивилизационные представления в средневековой арабо-мусульманской культуре

В мусульманской культуре до «запрета на нововведения» (X–XIV вв.) заметно присутствие античных и раннехристианских ценностей и идеалов. Мохаммед характеризовался как «печать пророков», наследник всей иудео-христианской пророческой традиции, представленной Авраамом, Моисеем, Иисусом и др. Представление об универсальности своей религии у мусульман долгое время основывалось на ощущении духовной связи с другими монотеистическими религиями. Мусульмане осознавали себя младшими братьями великих древних культур, что позволяло им относиться к достижениям этих культур (в т. ч. античных) без ревности. Кроме того, слабость центральной власти, высокий авторитет улемов и раздробленность исламских сект долгое время оставляли место для свободной мысли и образования. Поэтому противоречия между идентификационной, коммуникативной и когнитивной функциями цивилизационного сознания были незначительны или, по крайней мере, малозаметны. Так, известны положительные отзывы о неисламских культурах и верованиях, восходящие к IX – началу X вв. (Аль-Джахиз, Абу-ль-Аббас аль-Ираншахри)⁶¹.

Мусульмане рано осознали ценность культуры, закрепленную в термине «адаб» (общая культура человека, определяемая его миро-

⁶¹ Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие // Абу Рейхан Бируни. Индия. М., 1995. С. 9, 542. См. также: Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973.

воззрением, интеллектуальными запретами и требованиями социальной среды) и образования «адиб» (цивилизованный, воспитанный человек, умеющий вести беседу, разбирающийся в литературе, истории и генеалогии), восходящие к идеалу *paideia*⁶². Это помогло им выделить из общей массы «неверных» культурные народы, особенно создавшие монотеистические религии. В утопии неоплатоника Аль-Фараби (870–950) «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» социальная иерархия в традиции Платона обеспечивает возможность воспитания личности, ее продвижения от уровня «страдательного разума» к уровню «разума в действии» и высшему уровню «приобретенного» или «совершенного» разума. В этом состоянии человек вступает в непосредственное отношение с Богом, разум «переливается» к нему от Аллаха⁶³. Р. Коллинз писал, что деятельность Аль-Фараби представляет собой кульминацию исламского заимствования античных идей; он стремился к упорядочению всех направлений греческой философии и «переводил ее культурный капитал в исламскую терминологию». Аль-Фараби создал «религию разума», сакрализовав знание и превратив его в инструмент самоидентификации, что свойственно цивилизационным представлениям⁶⁴.

На этой основе мусульмане создают первые масштабные описания иных культур. При анализе культуры Индии философ и космополит Аль-Бируни (973–1048) смело сравнивал не только географические и астрономические знания, но и религиозные взгляды народов, как явления одной сферы — образованности⁶⁵. Он умел создавать позитивные образы изучаемых неисламских явлений, переносить на них положительные ценности своей культуры, распознавал в иноверцах (греках, манихеях, зороастрийцах, христианах, евреях и индусах) сообщества верующих, организованных по тем же принципам, что и мусульмане, используя для их описания метафору мусульманской общины («умма»). Бируни писал об *общности и равноценности* знаний различных народов о священном, подобном универсальности и общности знаний людей о природе. Базой сравнительного анализа культур и религий было представление Аль-

⁶² Игнатенко А. А. Ибн Хальдун. М., 1980. С. 41–42.

⁶³ Ал-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 306–307, 316.

⁶⁴ Коллинз Р. Указ. соч. С. 543.

⁶⁵ Там же. С. 554.

Бируни о древних греках как общем источнике культуры. Обильно цитировались высказывания Сократа, в качестве носителя высшей мудрости порой подменявшего пророка Мохаммеда. Даже название исламского мистического движения суфиев Аль-Бируни возводил к древнегреческому понятию «софия», т.е. мудрость, и искал истоки единобожия в трудах Платона⁶⁶. Всем людям свойственно стремиться к добру и уклоняться от зла — на этом этическом принципе, по мнению Аль-Бируни, основано не только мусульманское, но в равной мере античное, индийское или христианское право⁶⁷.

Осуждая экзотичность обычаев индусов и «искаженность» их природы, негативно характеризуя их религию (индуизм), заносчивость брахманов, неразвитость научного знания⁶⁸, Аль-Бируни подчеркивает, что арабы-язычники были ничуть не лучше, что взаимонепонимание народов амбивалентно: «на самом деле в отношении такой противоположности [обычаев] мы оказываемся с индийцами в одинаковом положении...»⁶⁹. Релятивизируя значение метафор собственной культуры (религиозная община, вера, мудрость, право и т.д.) и свой собственный образ мира при описании другой страны, Аль-Бируни последовательно делает географически и исторически конкретными, зависимыми от места и эпохи образы религии, религиозной общины, научного знания, уровня развития народа.

Наибольший расцвет цивилизационные представления в исламском мире достигли у кади (судьи) и философа Ибн Хальдуна (1332–1406), признаваемого родоначальником современной мусульманской социологии и теории цивилизаций⁷⁰. В период кризиса идеи халифата он попытался во введении к своей всеобщей истории арабского мира («Муккадима») предложить рациональную альтернативу изначальному синкретизу родо-племенного и имперского сознания в ара-

⁶⁶ *Абу Рейхан Бируни*. Индия. М., 1995. С. 75, 44.

⁶⁷ Там же. С. 474.

⁶⁸ Там же. С. 67-69, 187, 196, 218.

⁶⁹ Там же. С. 183.

⁷⁰ *Nassar N.* La pensée réaliste d'Ibn Khaldun. P., 1967; *Amin S.* La nation arabe et la lutte des classes. P. 1976; *Meghrebi A.* La pensée sociologique d'Ibn Khaldun. Alger, 1977; *Garaudy R.* Pour une dialogue des civilisations. L'Occident c'est un accident. P., 1977.

бо-мусульманском мире⁷¹. К этому времени идея о богоизбранности властителя была подорвана и впервые в исламской историографии мог быть поставлен вопрос о естественных причинах смены власти, который нуждался как в философском, так и в правовом решении⁷². Но для этого нужно было найти точку зрения, независимую от канонов религии. Ибн Хальдуну была близка «религия разума», развитая в работах Аль-Фараби и Ибн Рушда, согласно которой бессмертной частью человека является его душа, наполненная универсальными истинами, полученными от трансцендентной мировой души, т.е. Бога. Тем самым спасение достигается через интеллект и знание, «человек не может спастись, не зная логику»⁷³. В этих условиях путем к познанию истории становилось исследование культуры.

Развитию философии истории в арабо-мусульманском мире мешала идея о принципиальной непознаваемости воли Аллаха. Даже когда под византийским влиянием стали создаваться «всеобщие истории» (историко-политические нарративы), историография (тарих) продолжала причисляться к религиозным дисциплинам, основанным на традиции, а не на разуме. Только Бог знает историю в ее связях и закономерностях. Знания о прошлом — не более чем испытание религиозного идеала во времени, которое принципиально не может окончиться поражением идеала. Поэтому для мусульманской историографии большое значение имеет не столько осмысление опыта прошлого, сколько обращение к славным примерам предков.

Идентификация с культурой и теория «двойной истины» Ибн Рушда помогли Ибн Хальдуну абстрагироваться от трактовки богословских тем, уйти от обвинений в нарушении запрета на толкование веры и дать светскую интерпретацию смысла истории. Религия идет путем откровения и интуиции, а наука — путем чувственного и логического познания. Только в отдаленной перспективе они должны прийти к открытию одной и той же истины⁷⁴. В центре теоретического исследования философа оказались не политические деятели, и

⁷¹ Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.) М., 1974. С. 124.

⁷² Там же. С. 123–126.

⁷³ Коллинз Р. Указ. соч. С. 583.

⁷⁴ Лей Г. Очерк истории средневекового материализма. М., 1962. С. 197–198, 203.

даже не философский разум, а рядовой человек с его потребностями, алчностью и недалекостью. Все это позволило исторической и социальной теории Ибн Хальдуна обеспечить прирост знаний в области истории хозяйственной жизни, географии, естествознания.

Главную причину недоверности современных ему исторических сочинений Ибн Хальдун видел в незнании авторами «естественных качеств» общественной жизни. В центре его внимания — взаимодействие человека и природы. Основным в созданной им «новой науке» был термин «умран», который А. А. Игнатенко интерпретирует как преобразование окружающего мира деятельностью людей, объединенных в общество⁷⁵. С определенными оговорками этот термин можно перевести и как «культура» (особенно в первоначальном латинском значении этого слова), и как «экумена» (в т.ч. в смысле, который придает Г. С. Померанц), а также как «цивилизация». При этом в духе позднеантичной традиции самоидентификации акцентируется противоположность культуры и природы, цивилизации и дикости. С точки зрения Ибн Хальдуна, сущность цивилизации вытекает из потребности человека в преодолении хаоса и устройении общественного и политического порядка, идеалом которого он в греческой традиции именует «полис»⁷⁶.

В своем развитии, согласно Ибн Хальдуну, общество проходит стадии дикости (таваххуш), сельской жизни (бидава) и городской жизни (хадар, или цивилизованное состояние, следуя переводу М. Махди). Эти термины до сих пор используются в арабском языке для обозначения «примитивности» (бидая — начало) и «цивилизации» (хадира — столица, греч. — *polis*, лат. — *civitas*)⁷⁷. Человек в традиции Лукреция рассматривается философом прежде всего как природное существо, удовлетворяющее свои жизненные потребности, без чего «невозможно существование людей»⁷⁸. Это помогло ему поставить вопрос о влиянии природной среды и разделения труда на развитие общества. Как и античные философы, Ибн Хальдун выделил на территории Земли умеренный пояс — наиболее благоприят-

⁷⁵ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 61.

⁷⁶ Там же. С. 126-127.

⁷⁷ Там же. С. 66.

⁷⁸ Баццеева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Хальдуна «Мукаддима». М., 1965. С. 143; Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 53-55.

ное место для человеческого существования. В него, в соответствии с концепцией «семи климатов», входят Северная Африка, Средний Восток, Северо-Западная Индия, Китай, арабская и христианская Испания, Европа. Во всей этой зоне, несмотря на религиозные и культурные различия между странами, общество развивается свободно, в соответствии с потребностями людей, это поле диалога культур и познаваемое поле исследований⁷⁹.

Взгляды Ибн-Хальдуна на разделение труда очень специфичны и связаны с жизненным опытом обитателя Магриба, где господствовала ксенократия («экзополитарные общества»), т.е. кочевники правили земледельцами и горожанами. Цивилизованные, городские общества Магриба были недостаточно сплоченными, неспособны отстоять свою независимость, поддерживать достигнутый в эпоху античности уровень культуры, а поэтому служили легкой добычей для кочевников-завоевателей, представляющим собой единственную реальную вооруженную, а значит и политическую силу. Это резко снижало оценку цивилизации как проявления разума и создавало представление о «примитивности» как вечно воспроизводимому состоянию, без которого невозможно преодоление тупика общественного хаоса и деградации. Представления о «варварстве» и цивилизации не просто релятивизировались. Создавалась бинарная картина вечного исторического круговорота, соответствующего природе человека, не способного вместить божественную мудрость.

Правда, оседлые и кочевые народы различались. Ибн Хальдун заявлял, что арабы, берберы, курды, туркмены и тюрки «самые дикие из людей и занимают по отношению к цивилизованным людям ступень необузданного и хищного животного»⁸⁰, но признавал, что освободиться из-под их влияния навсегда невозможно. В этом смысле смена арабов турками может рассматриваться как благодеяние Господа. Достижения цивилизации в конце концов оказываются бессмысленными. Они лишь объект вождения и домогательства диких кочевников, заставляющий их захватывать города и земельные участки

⁷⁹ Баццеева С. М. Указ. соч. С. 150-157.

⁸⁰ Там же. С. 133-134; Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995; Он же. Кочевничество, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

территории, а затем приводящий их к моральной деградации и гибели. Кочевник, т.е. «варвар», а не цивилизованный человек — основной субъект истории, предмет интереса и анализа философа.

Отсюда же в высшей степени скептическое отношение к перспективам цивилизации. Вместе со многими античными авторами Ибн Хальдун видел в переходе от деревни к городу, от земледелия к ремеслу и торговле прежде всего знак перехода от удовлетворения насущных потребностей к удовлетворению искусственных потребностей, сопровождающийся распадом связей солидарности между людьми, утратой прежней мужественности и доброты. Вне общинных отношений расшатываются и религиозное чувство, и корни политической власти. Город — стимулятор социально-политического кризиса, место, где люди теряют способность себя защищать. В результате общество периодически впадает в безвластие, дикость и нужду, ибо цивилизованный человек не способен ни удовлетворять свои потребности, ни защищать свои интересы «из-за бессилия, проистекающего от изнеженности, либо из-за высокомерия, связанного с излишними благополучием и роскошью»⁸¹.

Идеалом для философа была умеренность, она проявлялась в приобретении человеком новых знаний и умений, сопровождаемом мудрым самоограничением, а также поддержанием традиционного образа жизни (баланс мудрости и доблести Аристотеля). Если знания не порождают потребности в их совершенствовании, не рождаются своеволие и тяга к роскоши. Гибельность цивилизации — следствие высокоумного легкомыслия, использования человеческого труда не для удовлетворения потребностей, а ради забавы (например, культивирование декоративных растений или создание цирков с дрессированными животными). За насаждением садов и парков, по опыту Ибн Хальдуна, следует превращение городской территории в пустыню. Сегодня деревья сажают для развлечения людей, а завтра бедуины вырубают их, а заодно вытаптывают поля, обрекая жителей города и окружающее население на голодную смерть. «Цивилизация — это конец человеческого общества... Цивилизация разрушает, унич-

⁸¹ Баццеева С. М. Указ. соч. С. 161, 165-166, 185-190, 193; Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 93.

тожает самое себя», — подытоживал свои рассуждения философ⁸².

В трактовке «цивилизированного состояния» Ибн Хальдун сближается с Платоном, который считал, что роскошь, достаток и покой — ценности эпохи угасания культуры, свидетельства скорого упадка⁸³. Однако его критика идеи цивилизации глубже. Ибн Хальдун не видел возможности самостоятельного развития цивилизации без опоры на политическую организацию «варваров»-бедуинов. Цивилизация в его описании выглядит как кратковременная промежуточная стадия в политической истории кочевых племен. Можно согласиться с С. М. Бациевой, которая критиковала представление о концепции Ибн Хальдуна как о преимущественно культурологической. Понять эту концепцию невозможно, не учитывая *политического* контекста размышлений, который, в сущности, представляет собой ее каркас. Это размышление об эфемерных империях кочевников, правители которых эксплуатируют заимствованные, культурно чуждые им и потенциально губительные для них знания и силы. Именно это роднит проблемы Ибн Хальдуна и проблемы современного Востока, который тоже вынужден строить свою экономику и государственность на основе изобретений и институтов, созданных чуждой ему силой, капиталистическим Западом⁸⁴.

Правда, было бы неверно назвать Ибн Хальдуна историческим пессимистом или последовательным традиционалистом. В его представлениях об историческом времени тесно переплетены циклическая и линейная составляющие: каждая правящая династия в течение четырех человеческих поколений проходит через все стадии развития общества, культуры и нравов — от «дикости» до цивилизации, после чего сменяется новой династией, которую основывают ее же наемники — захватившие власть кочевники пустыни. Но в этих политических перипетиях наследие цивилизации не исчезает. «Основатели династии подражают в новых обстоятельствах предшествующей династии, ибо они видят ее обычаи собственными глазами и

⁸² Там же. С. 91, 93, 99.

⁸³ Там же. С. 69-70.

⁸⁴ Подробнее о проблемах цивилизационного сознания современного Востока, его отношения к европоцентризму см.: Сауд Э. В. Ориентализм. М., 2006; Europe and Its Others. Vol. 1-2. Colchester, 1985; Amin S. Eurocentrism. London, 1989.

перенимают большинство из них... Так, цивилизация государства предшествующего передается государству последующему⁸⁵.

В целом идеал Ибн Халдуна имел традиционалистский характер. Его ядро — относящееся к политической философии представление об идеальных нормах кочевой жизни как необходимых для создания государства, защиты его границ и сохранения власти. Философ осознавал необходимость прочной групповой солидарности (ассабийя), составляющей жизненную силу племени, а затем и государства. В этом понятии воплощена мысль о единстве, основанном не на кровной связи, а на необходимости удовлетворения человеческих потребностей, что соответствует самой природе общества. Характерно, что именно ассабийя, а не исламская умма (религиозная община) является, по мнению философа, первичной средой для распространения религии в народе⁸⁶. Ассабийя — полуутопический идеал, духовный стержень истории, вокруг которого, по мнению Ибн Халдуна, воспроизводится государственный порядок и который помогает философу преодолеть ощущение аномии, порождаемое военными стычками династий и племен, тяготами повседневной жизни, упадком религиозной веры. Это понятие имело большое будущее в исламском мире и стало в период борьбы с колониализмом одним из лозунгов исламского национализма. Оно используется социологами Запада для анализа исторических процессов (уровня социокультурной интеграции общества) не только на Востоке, но и во всем мире⁸⁷.

* * *

Сложность и внутренняя противоречивость выдвинутого в Древней Греции идеала *paideia* и развитого на его основе в Древнем Риме идеала *humanitas* характерны для терминов, используе-

⁸⁵ Баццеева С. М. Указ. соч. С. 196.

⁸⁶ Игнатенко А. А. Указ. соч. С. 71-72, 136-139; Степанянц М. Т. Указ. соч. С. 89, Сн. 2. Тем самым Ибн Хальдун пошел на конфликт с мнением самого пророка Мохаммеда, который, по преданию, осудил этот принцип, сказав: «Тот, кто обращается к ассабийя, не принадлежит к нашей общине» (Там же. С. 89). Более того, признавая развитость этого качества у евреев и предвидя возможность возрождения их культуры и государства, он шел против Корана. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 96.

⁸⁷ Gellner E. Muslim Society. Cambridge, 1981. P. 86-98; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton, 2003. P. 38-40, 42, 48, 118, 132.

мых для выражения социокультурного самосознания (ср. “культура” и “цивилизация”), для самых разных, порой противоположных целей — самоидентификации, коммуникации, познания, оправдания инноваций и воспроизводства традиций. При их помощи звали как на борьбу с мифологическим сознанием, так и приветствовали переход от господства светской, имперской культуры к религиозной; провозглашали как стремление к самосовершенствованию, так и отстаивали тягу к преобразованию мира по своему собственному образу и подобию. Поражает их культурная продуктивность, позволяющая использовать их в разных регионах и противостоящих идеологических дискурсах. Полисеманτικότητα сочетается в них и их производных с неожиданной прозрачностью воплощенного смысла.

Ключевым для развития цивилизационного самосознания в любой культуре является политический и культурный кризис, когда сакрализация власти и традиционных божеств уступает место иным формам сакральности, в том числе сакрализации знания и культуры. В этих условиях перестройка культурной самоидентификации может способствовать реструктуризации интеллектуальных сообществ, присвоению культурного капитала соседей или предшественников, созданию новых интеллектуальных сетей, а значит, и новых общественных связей и отношений власти. Подобным образом возникновение цивилизационного самосознания помогало грекам, сохраняя высокую самооценку, заимствовать знания у египтян и индусов, римлянам — выстраивать империю на основе традиций эллинистической культуры, ранним христианам — использовать языческую ученость как фундамент рождающейся теологии, а мусульманам — занять место медиатора между индийской и новой европейской культурами. Масштабность этих культурных явлений помогает судить об огромном творческом потенциале античной культуры, ставшей как реальным, так и воображаемым предшественником для многих форм познавательной и социальной деятельности в истории.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВНОГО САМОСОЗНАНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сегодняшние категории самоопределения далеко не всегда приложимы к обществам прошлого, в том числе Древней Руси¹. Вместе с тем, порой умолчания столь же опасны, сколь и тотальный агностицизм. Независимо от позиции исследователя, в критической проверке нуждается как тезис о неприменимости современных понятий к древнерусской культуре, так и противоположное утверждение.

Несомненно, определяющее значение для такого рода проверки будут иметь данные Начальной летописи². Другие возможности изучить самосознание древнерусского человека существуют³, одна-

¹ О том, что «относительно изучения истории патриотизма, дело осложняется уже на терминологическом “уровне”», поскольку «в древнерусском языке слова “родина” не существовало», говорится даже в сборнике, подготовленном Центром военной истории России ИРИ РАН в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» (Пчелов Е. В. Патриотизм в средневековой Руси: Проблемы исследования // Патриотизм — духовный стержень народов России. М., 2006. С. 28). См. также: Добровольский Д. А. Современные этнополитические представления и Повесть временных лет: К вопросу об осмыслении истории в летописях // Ежегодник историко-антропологических исследований: 2001/2002. М., 2002. С. 177-183.

² Этим термином возвращающим к традициям XVIII–XIX вв., современные специалисты собирательно именуют «всю совокупность памятников киевского летописания XI – начала XII в., включая различные редакции Повести временных лет и предшествующие ей летописные своды» (Гиттинус А. А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 172, прим. 2).

³ Скажем, автор берестяной грамоты № 424 (первая четверть XII в.), некто Гюрги (имя читается предположительно), предлагает родителям-новгородцам «продавше дворъ» переселиться «Смольньску ли Киеву ли», потому что «дешеве ти» там «хлебе» (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд.,

ко летопись составлялась несколькими поколениями книжников на протяжении (как минимум) нескольких десятилетий. Образовавшийся в результате текст многократно превосходит по объему даже такой классический для темы источник, как Слово о Законе и Благодати. В итоге исследователь, изучающий самосознание Древней Руси на основании Начальной летописи, получает наиболее развернутую и многоплановую картину обсуждаемых процессов. Вместе с тем, использование летописного текста в качестве источника по истории самосознания связано с определенными сложностями, одна из причин которых кроется в специфике средств выражения, использованных киевскими «историографами» XI – начала XII вв.

В литературе, особенно за последние два десятилетия, детальное освещение получили проблемы интерпретации произведений древнерусской книжности, обусловленные тем, что средневековая традиция еще не знала индивидуального авторства. В трудах Д. С. Лихачева, Р. Пиккио и других ученых был определен круг различий между архаическим и современным типами словесного творчества⁴, а И. Н. Данилевский предложил конкретные механизмы выявления сакральных образцов, использовавшихся для примирения «личных впечатлений» летописца с «коллективным опытом общества»⁵. Существенно меньше говорится о хронологической организации основного объема летописного текста, которая зани-

перераб. М., 2004. С. 272). Благодаря такого плана частным письмам ученые получают возможность наблюдать взаимосвязи различных областей Древней Руси (а значит и содержание понятий «мы», «наши» и «наше») не только на макро-, но и на микроисторическом уровне.

⁴ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 80-102; *Буланин Д. М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // Тр. / Ин-т рус. лит. АН СССР. Отд. др.-рус. лит. [далее ТОДРЛ] Л., 1983. Т. 37. С. 3-13; *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 122-162, 431-473; *Naumow A. E.* Biblia w strukturze utworów cerkiewnosłowiańskich. [Kraków], [1983]; Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 15-23, 105-123, 222-266; *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV вв.). М., 2000.

⁵ *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет: (К проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78-94; *Он же.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

мает специалистов как свидетельство типологического сходства русских летописей и западноевропейских анналов⁶, или как отражение социального статуса древнерусского историописания⁷, но почти не рассматривается с точки зрения ограничений, накладываемых ею на выразительность летописного нарратива. В то же время, дискретность повествования создает для современного читателя не меньше сложностей, чем ориентация пишущего на утратившие сегодня свое системообразующее значение библейские и литургические контексты.

Г. Лант предположил, что тавтологическое название Повести временных лет «является передачей встречающегося в греческой анналистике заголовка διήγησις τῶν καιρῶν καὶ χρόνων»⁸, а А. А. Гиппиус и И. Н. Данилевский независимо друг от друга обратили внимание на созвучие первых слов Начальной летописи обороту *времѣнѧ ѡ лѣтѧ*, обозначающему в Книге Деяний апостольских (1:7) отмеренные Создателем эпохи истории и сроки Страшного Суда⁹. Видимо, уже первые строки изучаемого произведения долж-

⁶ *Капитанов С. М.* Источниковедческие основы компаративного метода в истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 30-35; *Гиппиус А. А.* Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века – раннее Новое время. М., 1997. С. 24-27; *Он же.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 362; *Гимон Т. В.* Ведение погодных записей в средневековой анналистике: (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.03). М., 2001; *Гиппиус А. А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах: 2002. М., 2003. С. 25-43; *Гимон Т. В., Гиппиус А. А.* Русское летописание в свете типологических параллелей: (К постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174-200.

⁷ *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 6-10.

⁸ *Lunt H.* On Interpreting The Russian Primary Chronicle: The Year 1037 // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. № 2. P. 261, note 1; Ср. также: *Ibidem.* Повѣсть врѣмѣныхъ лѣтъ от Повѣсть врѣмѣнь и лѣтъ // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 317-326.

⁹ *Гиппиус А. А.* «Повесть временных лет»: О возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры [далее ИИРК]. М., 2000. Т. 1.

ны были указывать на принципиальное значение хронологической привязки всех описываемых событий, задававшей повествованию не только временную, но и (поскольку *привліжнѣ цѣткѣ нѣноѣ*) — морально-этическую перспективу. Функцией летописи становилось, соответственно, не простое удовлетворение человеческого любопытства, и даже не сохранение «аутентичных свидетельств о событиях для последующего использования в разного рода практических ситуациях»¹⁰, а оценка всего происходящего с точки зрения христианской морали. Свою роль играло и постепенное складывание летописного текста. При разности гражданских и творческих позиций годовая сетка была едва ли не единственным композиционным решением, приемлемым для всех без исключения «историографов», сменявших друг друга на протяжении нескольких поколений. Словом, с точки зрения пишущих, повременная организация текста была вполне осмысленной и целесообразной.

Однако с точки зрения читателя стремление летописцев упорядочивать события прежде всего по хронологии оборачивается прихотливым чередованием сюжетных линий. Так, под 6497 (989) г. говорится о постройке Владимиром церкви «пресвятыя Богородица», а под 6504 (996) — об учреждении для нового храма десятины и даровании церковного устава. В содержательном отношении указанные записи явно связаны между собой¹¹. Но из структуры летописного текста этого никак не видно, поскольку между известием о

С. 448-460; *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101-111. В примечании к цитированной работе А. А. Гиппиус отмечает, что «в действительности» круг возможных коннотаций «был еще шире, в том числе и за счет архаических дохристианских реминесценций». Но по мере анализа фольклорного материала точка зрения ученого характерным (и вполне обоснованным) образом изменяется, предполагаемые «архаические значения» летописного заголовка перемещаются с позиции одного из источников на роль «дополнительных коннотаций» (ср.: *Гиппиус А. А.* «Повесть временных лет». С. 456-457, прим. 13). В итоге, даже в предельно осторожной позиции А. А. Гиппиуса роль компонента, не связанного с христианской эсхатологией, оказывается минимальной.

¹⁰ *Гимон Т. В.* Указ. соч. С. 22-23.

¹¹ Более того, в начале статьи 6504 г. даже не поясняется, какую именно церковь увидел Владимир «свершену», что явно требует от читателя держать в памяти статью 6497 г.

постройке Десятинной церкви и статьей 6504 г. расположены сообщение о закладке Белгорода, известие о походе Владимира «на хорваты», а также легенда о подвиге юноши-кожемяки¹². Правда, в Новгородской I летописи, которая, судя по всему, сохранила текст более ранний, чем классические списки Повести временных лет¹³, нет рассказа о кожемяке¹⁴. Вместе с тем, известия об основании Белгорода и о войне с хорватами в новгородской летописи есть. С другой стороны, исследователь в любом случае должен работать не

¹² Полное собрание русских летописей [далее ПСРЛ]. М., 1997. Т. 1. Стб. 121-124.

¹³ Гипотеза А. А. Шахматова о большей древности значительной части текста Новгородской I летописи младшего извода по сравнению с сопоставимыми статьями Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьевской (*Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1. Кн. 1. С. 24-27. Кн. 2. С. 5, 56-66, 457-461 и др.) подвергалась критике рядом специалистов (*Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: (По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. РАН: 1921. Пг., 1923. Т. 26. С. 62-78; *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М., 2006. Т. 1. С. 14, 289-299; *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 46-53; *Он же.* Начальные этапы древнерусского летописания. [М.], 1977. С. 85-110; *Вилкул Т. Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge, 2003. Vol. 11. P. 5-35). Но предположение об относительно позднем происхождении первоисточника Новгородской I трудно согласуется с тем, что дополнительные по отношению к новгородской летописи статьи Лаврентьевской и сходных содержат больше всего лингвистических инноваций (см.: *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игоревы... С. 151-162, 171). Кроме того, в рассказе Повести временных лет о захвате Олегом Киева действия правителя и его дружины обозначаются с использованием не только единственного или множественного, но и двойственного числа глаголов: «оттуда поиде внизъ, и взя Любечь, и посади мужь свои. [и] *придоста* къ горамъ хъ Киевскимъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; курсив мой — Д. Д.). Данный феномен необъясним из контекста Лаврентьевской и сходных, однако становится понятен с привлечением новгородской летописи, где поход варягов по Днепру представлен как предприятие двух человек — князя Игоря и его воеводы Олега, а, значит, двойственное число используется регулярно (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 107). Таким образом, по крайней мере до определенной степени, предыстория текста, вошедшего в состав ПВЛ, все-таки может быть восстановлена с опорой на списки новгородской летописи XIII–XIV вв.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 165.

с гипотетическими реконструкциями, а с реально дошедшими до нас ранними летописями, среди которых нет ни одной, где описание молитвы Владимира в новопостроенной церкви примыкало бы к сообщению о завершении последней¹⁵. Приходится признать, что даже такой хрестоматийный сюжет как дарование клиру десятой доли всех княжеских доходов изложен в Начальной летописи (по крайней мере, в ее последней форме), мягко говоря, нетривиально.

Аналогично, под 6603 (1095) г. говорится, что когда Святополк Изяславич и Владимир Мономах отправились в поход против половцев, Олег Святославич Черниговский, «не иде <...> в путь единь» со своими двоюродными братьями и не выдал им сына хана Итларя, отчего между князьями, по формулировке летописца, возникла «ненависть»¹⁶. Под следующим 6604 (1096) г. книжник сообщает, что Святополк и Владимир попытались разьяснить недоразумения, пригласив Олега в Киев на съезд, однако Олег Святославич предложение грубо отверг, а это, в свою очередь, вызвало вооруженный конфликт, закончившийся осадой и капитуляцией Олега в Стародубе¹⁷. История, начатая под 6603 г. обретает, таким образом, логическое завершение. Более того, в статье 6604 г. делается попытка объяснить произошедшее тяжелым характером Олега и воздействием неназванных «злых светникъ»¹⁸. В летописи имеются, иными словами, не только кульминация и развязка заявленной сюжетной линии, но и попытка психологического осмысления излагаемых событий.

Однако если просто мысленно убрать заголовок очередной годовой статьи, то цельная история из двух пересказанных выше фрагментов не получится, поскольку статья 6603 г. не заканчивается на упоминании о разногласиях внуков Ярослава, а содержит еще четыре сообщения (о выселении Святополком нескольких степных городов, о смене князя в Новгороде, о присоединении Мурома ко владениям Мономаха и о налете саранчи)¹⁹. Правда, указанные че-

¹⁵ Такого нет и в поздних летописях, даже тех, которые представляются своего рода конспектами летописей более ранних; ср.: Там же. Т. 37. С. 25, 64.

¹⁶ Там же. Т. 1. Стб. 228-229.

¹⁷ Там же. Стб. 229-230.

¹⁸ Там же. Стб. 230.

¹⁹ Там же. Т. 1. Стб. 229.

тыре известия занимают в типографском наборе лишь немногим больше, чем потребовалось на один только непосредственно им предшествующий рассказ о степной экспедиции Святополка и Владимира. Это дает основания предполагать, что соответствующие сведения были вставлены позже, книжником, предпочитавшим более сухую и сжатую манеру изложения. В то же время, Новгородская I на сопоставимом участке содержит уже не полный текст Начальной летописи, а ее сокращенный пересказ²⁰, так что проверить выдвинутую догадку невозможно. Сама откровенная «неуклюжесть» многих позднейших вставок свидетельствует о различиях между тем, какого рода текст готов видеть сегодняшней читатель, и тем, какие тексты казались допустимыми книжникам XI–XII вв.

Более того, в 1946 г. И. П. Еремин сравнил ПВЛ с «приключенческим фильмом, на который почему-либо попадаешь, когда он уже демонстрируется»²¹. Такая метафорическая вольность вызвала отповедь со стороны Л. В. Черепнина, увидевшего в словах коллеги «показательный пример уже не модернизации, а настоящей вульгаризации памятников прошлого»²². Однако под 6589 (1081) г. летописец сообщает, что «бѣжа Игоревичъ Давыдь. с Володаремъ Ростиславичемъ. месяца мая 18 день. и придоста Тмутороканю. и яста Ратибора. и сѣдоста Тмуторокани»²³. Но в предыдущем тексте нет никаких упоминаний ни о Давыде Игоревиче, ни о Володаре Ростиславиче, так что понять, от кого и откуда князья бежали (а тем более — почему были лишены свободы) можно только путем сложных и практически непроверяемых рассуждений²⁴. Следовательно,

²⁰ Там же. Т. 3. С. 202.

²¹ Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946. С. 5.

²² Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Ист. зап. [М.; Л.], 1948. Т. 25. С. 300.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

²⁴ В помещенном под 6601 (1093) г. некрологе Всеволода указывается, что «сѣдѣящю <...> ему Киевѣ. печаль бысть ему от сыновець своихъ. яко начаша ему стужати хотя власти [ов сея ово же другие. сеи же омиряя их. раздавая власти]» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 216). Легко предположить, что Давыд и Володарь оказались в своих требованиях слишком назойливыми, за что и угодили в темницу. С другой стороны, Володарь Ростиславич был внуком самого старшего из Ярославичей,

при всех возможных претензиях стилистического характера, по сути, наблюдение И. П. Еремина остается вполне справедливым. Летопись не отвечает даже простейшим критериям связности нарратива. Взгляды книжников на любое конкретное событие или каждую частную проблему приходится собирать по крупицам из высказываний, прихотливо разбросанных по всему объему дошедшего до нас произведения.

Когда вопрос о приемах выявления и отбора ключевых категорий изучаемой культуры был поставлен перед А. Я. Гуревичем, он указал на проповедь Бертольда Регенсбургского (ок. 1210–1272) «О пяти талантах», картина мира которой примечательным образом совпала с моделью, построенной исследователем второй половины XX в. на основании разрозненных наблюдений²⁵. В составе Начальной летописи имеется фрагмент, сопоставимый с сочинениями Бертольда по «относительной стройности» структуры и даже «расчленению речи на пункты, выстраиваемые с большой логичностью»²⁶. Это так называемое этногеографическое вступление, а точнее — несколько первых известий летописи, касающихся самой глубокой древности и не имеющих определенной хронологической привязки.

Во вступлении принят дедуктивный принцип организации материала. Во-первых, обозначаются границы частей, принадлежащих трем сыновьям Ноя, во-вторых, дается подробное описание Иафетовой части, особенно ее северных и северо-восточных (по современным понятиям) регионов, в-третьих, вводятся сведения о 72 языках, возникших после разрушения Вавилонской башни, от чего повествователь переходит к рассказу о расселении славян.

— Владимира Новгородского. Следовательно, по мере утверждения вотчинного принципа распределения владений Володарь мог оказаться опасным претендентом на киевский престол. Наконец, любопытно соотнести известие 6589 г. с косвенными указаниями на политическую активность галицко-волыньских Рюриковичей, обнаруживаемыми в исповеди Василька Тербовльского (Там же. Стб. 266). Вместе с тем, уже само обилие версий свидетельствует о крайней невятности обсуждаемого сообщения.

²⁵ Гуревич А. Я. Предисловие // Гуревич А. Я. Избр. тр. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 13-14.

²⁶ Он же. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Там же. С. 397.

Правда, перечисленные сюжеты (за исключением, естественно, «славянского») хорошо знакомы византийским монашеским хроникам, в т.ч. цитированной летописцами Хронике Георгия Амартола²⁷. В то же время, рассмотрев несколько десятков «произведений византийского историографического жанра», И. В. Ведюшкина заметила, что «ни одно» из них «не начинается с традиционного этногеографического экскурса о разделении земли между сыновьями Ноя, хотя почти все они этот сюжет содержат»²⁸. Напротив, древнерусские летописцы поместили сведения о трех частях ойкумены в самом начале своего сочинения, проявив тем самым творческий подход к освященному традицией «общему месту». С другой стороны, в летописном предисловии наиболее подробно представлен именно восточноевропейский регион, о котором составители других доступных летописцам версий этой т. наз. «таблицы народов» знали очень мало²⁹. В итоге, несмотря на присутствие ряда заимствований, летописное вступление может, как минимум теоретически, рассматриваться в качестве более или менее оригинального текста, воплощающего прежде всего мировидение древнерусских

²⁷ Ср.: Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1. Ч. 1. С. 153-156.

²⁸ Ведюшкина И. В. Библийское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 83.

²⁹ Хроники Амартола и Малалы ограничиваются в своих сведениях Северным Причерноморьем, представленным у первого названиями *Меоти*, *Дерви*, *Сарматы*, *Тавриани* и *Скуфия* (Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 156), а у второго — упоминаниями Понта и Дуная (*Истрин* В. М. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. СПб., 1897. С. 11). Немного шире (но также далек от летописного) кругозор Летописца Еллинского и Римского второй редакции, а также Прибавления к Палее, представляющих несколько иную традицию. В этих источниках упоминаются *Колха*, *Меланехлена*, *Сапрамате*, *Германа*, *Сарамате*, *Неоте*, *Иехуте* и *Тауре* (Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. С. 7; Т. 2. С. 202). Наконец, в еврейской Книге Иосифина предвосхищается структура летописной «таблицы народов» (Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XII веков. Смоленск; М., 1995. С. 25-36; *Он же*. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // ИИРК. Т. 1. С. 59-64), а также упоминаются племена, живущие по рекам *Итиль*, *Дануби* и *Кива*. Однако и этот список (перевод опубликован в: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории... С. 36-40) очень далек от летописного по составу.

«историографов» XI – начала XII вв.

«Этногеографическое вступление» Начальной летописи пользуется большой популярностью у специалистов. Так, в основополагающей работе Н. И. Толстого о «самосознании и самопознании Нестора-летописца» цитируются только четыре статьи из основной части памятника: 6390 (882), 6406 (898), 6420 (912) и 6453 (945) гг.³⁰. Много внимания уделяют истолкованию этого фрагмента и выявлению его источников И. В. Ведюшкина и В. Я. Петрухин³¹, специальную работу о нем опубликовала Е. А. Мельникова³², а его история в составе Начальной летописи была рассмотрена А. А. Гиппиусом³³. Однако соотнесение вступительной и основной части произведения обнаруживает, что многие из заявленных на первых страницах топонимов и этнонимов (например, *Елмаисъ, Лукаония, Старая Фругия, Керькура, корлязи, вендици, галичане, фрягове*) не встречаются в тексте более ни разу, тогда как принципиально важные для летописцев степные регионы³⁴, напротив, никак не освещаются. До известной степени дисбаланс компенсируется под 6604 (1096) г., где находится другой этно-

³⁰ Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // ИИРК. Т. 1. С. 443-445.

³¹ См.: Борцова [Ведюшкина] И. В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // Древнейшие государства на территории СССР: 1987. М., 1989. С. 178-185; Ведюшкина И. В. Этногеографическое введение «Повести временных лет»: особенности композиции // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1993. С. 12-14; Петрухин В. Я. «Нарци, еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто; IV Чтения памяти д-ра ист. наук А. А. Зимина: Материалы конф. М., 2005. Ч. 1. С. 129-131; Он же. Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. Т. 57. С. 36-41.

³² Мельникова Е. А. «Этногеографическое введение» Повести временных лет: Пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 1995. № 4. С. 45-48.

³³ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56-96.

³⁴ Достаточно отметить, что одни лишь половцы упоминаются на страницах Повести временных лет порядка 80 раз, уступая в этом отношении, кроме самой руси, только грекам.

географический экскурс, специально посвященный тюркским народам³⁵ (он, кстати, также является предметом ряда исследований³⁶). В то же время, уже сама по себе неспособность книжников представить всю необходимую читателю этнологическую информацию в один прием вызывает определенные сомнения относительно репрезентативности обоих упомянутых фрагментов.

Сомнения перерастают в уверенность при обращении к содержанию тех наиболее самостоятельных фрагментов вступительной части, которые посвящены народам Руси и содержат сразу пять перечней восточнославянских племен. Эти перечни не идентичны между собой ни по принципам организации, ни по составу.

Сначала книжник попытался рассказать о заселении восточными славянами территории будущего Русского государства. При этом племена перечисляются в следующем порядке:

1. поляне
2. древляне
3. дреговичи
4. полочане
5. словене новгородские
6. северяне³⁷.

Второй перечень помещен после сообщения о смерти Кия, Щека и Хорива. Порядок упоминания оказывается немного другим:

1. поляне
2. древляне
3. дреговичи
- 4-5. словене и полочане (как ветви одного племени)
6. кривичи

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234-236.

³⁶ *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // ИИРК. Т. 1. С. 697-698; *Карпов А. Ю.* Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 7-26; *Он же.* «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 3. С. 3-24; *Гарькавый И. В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4-6 февр. 1997 г. М., 1998. С. 87-89.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6.

7. северяне³⁸.

Третий список снова отличается от двух предыдущих:

1. поляне
2. древляне
3. «ноугородьци»
4. полочане
5. дреговичи
6. северяне
7. бужане
8. волыняне³⁹.

Наконец, четвертая попытка перечислить восточных славян, предпринятая после рассказа об обрах и дулебах, привела к появлению таких двух перечней:

(А)

1. поляне
2. древляне
3. радимичи
4. вятичи

(Б)

1. поляне
2. древляне
3. северяне
4. радимичи
5. вятичи
6. хорваты
7. дулебы / волыняне (вторые пришли на место первых)
8. уличи
9. тиверцы⁴⁰.

Стабильными оказываются только две первых позиции. Прочие заполняются каждый раз по-новому. Специалисты пытались некоторые из указанных противоречий объяснить⁴¹, но единственная в литературе попытка системного анализа перечней как феномена привела А. А. Горского к гипотезе о редакторском вмешательстве⁴². Вместе с тем, в Новгородской I между известием об

³⁸ Там же. Стб. 10.

³⁹ Там же. Стб. 11.

⁴⁰ Там же. Стб. 12-13.

⁴¹ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII веков: Очерки и исследования. М., 1969. С. 74-75.

⁴² *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства.

основателях Киева и легендой о хазарской дани читается только сообщение о первом походе Руси на Константинополь⁴³. Гипотеза А. А. Шахматова о неоднократном редактировании Начальной летописи во втором десятилетии XII в. подвергалась критике⁴⁴, и даже сторонники ученого говорят сегодня скорее о пополнении в ходе переписывания, чем о концептуальных изменениях в первоначальном тексте произведения⁴⁵. Иными словами, все списки со второго по пятый включительно должны трактоваться вместе, как плод усилий одного автора — составителя Повести временных лет.

До известной степени, нестыковки можно объяснить разностью задач, поскольку первый список представляет собой перечисление племен по местам проживания, во втором речь идет (по крайней мере вначале) о княжениях, в третьем — о языках. В то же время, четвертый и пятый перечни снова возвращают читателя к уже освещенному вопросу о племенах, пошедших «от рода словѣньска»⁴⁶, а значит — должны совпадать или хотя бы коррелировать с первым. Однако этого не наблюдается. Напротив, отсутствие в первом списке радимичей и вятичей может объясняться тем, что два названных племени произошли, по представлениям летописцев, «от ляховъ», а лехитские племена в рассказе о расселении славян перечисляются отдельно: «Волхомъ бо нашедшемъ на

М., 2004. С. 20-22.

⁴³ ПСРЛ. Т. 3. С. 105.

⁴⁴ *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: (По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи) // Изв. / Отд. рус. яз. и слов. РАН: 1922. Т. 27. Л., 1924. С. 217-248; *Мюллер Л.* «Третья редакция» «Повести временных лет» // *Он же.* Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 165-182; *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // *In memoriam: Сб-к памяти Я. С. Лурье.* СПб., 1997. С. 203-209.

⁴⁵ Ср.: «То, что Шахматов называл третьей редакцией Повести временных лет, и есть, в нашем представлении, этот «княжеский» или «Мстиславов» экземпляр, созданный на основе выдубицкого экземпляра в 1117 г. и вобравший в себя ряд дополнительных известий и уточнений, включая «ладожскую» версию рассказа о Рюрике и записанные со слов новгородцев и ладожан рассказы о чудесных явлениях на севере, вместе с комментариями к ним» (*Гиттис А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет: I // *Славяноведение.* 2007. № 5. С. 42).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12.

словѣни на дунаиския. [и] сѣдшемъ в них. и насилящемъ имъ. словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ. и прозвашася ляхове. а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне. ляхове. друзии лутичи. ини мазовшане. ини поморяне»⁴⁷. Важен и замеченный А. Н. Насоновым хронологический сдвиг между перечнями, первый из которых посвящен начальным этапам расселения славян по Восточной Европе, а остальные (судя по их месту в тексте) — времени после основания Киева. Наконец, отсутствие в первом перечне дулебов легко объяснить поздним появлением всей связанной с этим племенем сюжетной линии, пик которой (истязания дулебских женщин обрами) не находит себе соответствия в Новгородской I. В то же время, остаются непонятными пропуск в пятом перечне словен новгородских и дреговичей, а также перемещение северян с последней шестой позиции на третью. Более того, центральную тему и второго, и третьего, и четвертого, и пятого списков можно выделить лишь условно, поскольку их основной сюжет всякий раз перебивается новой порцией сведений о местах обитания (второй, третий, пятый списки) или происхождении упомянутых племен (четвертый список). Видимо, в сознании книжников так и не сформировалось комплексного представления об этногеографии восточноевропейского региона, а значит составленные ими разноплановые и неполные перечни нельзя использовать в качестве модельных.

Единственным выходом из сложившейся ситуации видится создание полного тезауруса географических и этнических представлений летописцев. При этом содержание категорий самоопределения будет раскрываться через анализ контекстов употребления наиболее показательных слов или группы слов. Такого рода работа уже делается применительно к местоимениям *мы* и *нашъ*⁴⁸. Но исследования либо затрагивают материал Начальной летописи только

⁴⁷ Там же. Стб. 6.

⁴⁸ Ведюшкина И. В. «Чувство-мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1994. С. 5-8; Она же. Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 286-310; Вилкул Т. Л. О проявлениях местного патриотизма: («Наши» в летописании XI–XIII вв.) // Там же. С. 311-320.

отчасти (как в работе Т. Л. Вилкул), либо основываются на отдельных фрагментах⁴⁹. Кроме того, формирование самосознания является неотъемлемой частью и функцией интеллектуальной эволюции как таковой. Следовательно, история самоидентификации может быть написана только на фоне истории мироописания вообще, но летописный образ «другого» изучается пока прежде всего с точки зрения знака оценок, присваиваемых тем или иным народам. Словарь описания или хотя бы круг элементарных мотивов⁵⁰ исследованы существенно меньше.

Правда, некоторые специалисты опасаются, что при большом объеме материала предлагаемый строго формальный подход обусловит слишком высокий уровень «шума», т.е. случайных, проходных словоупотреблений, и это не позволит увидеть принципиальные закономерности. Очевидно, вместе с тем, что разделять выявленные употребления на системообразующие и маргинальные можно только исходя из представления о генеральной совокупности в целом. С другой стороны, И. В. Ведюшкина права: проанализировать и откомментировать «с учетом контекста, подчас довольно широкого» все сотни формулировок, образующих живую ткань летописной «этнологии», — физически невозможно⁵¹. Однако этого и не требуется, поскольку на практике быстро выясняется, что несмотря на все внешнее разнообразие, подлежащие анализу высказывания укладываются во вполне ограниченное число (не более десятка) синтаксических и лексических моделей, употребляемых в структурно близких контекстах. В результате открывается возможность строго формально и проверяемо объединить выявленные вхождения в группы, радикально упрощая таким образом техническую

⁴⁹ Ср. список «наиболее “показательных”» фрагментов: *Ведюшкина И. В. Формы проявления... С. 287.*

⁵⁰ У термина «мотив» выделяются два оттенка в зависимости от контекста, в котором этот термин употребляется. Если для исторической поэтики важнее повторяемость определенных коллизий и реализуемых ими сюжетных функций, то для структурного исследования существеннее неделимость данного мотива на более мелкие компоненты (*Томашевский Б. В. Теория литературы: Поэтика. М., 2003. С. 182.*) В данном случае под мотивом подразумевается именно повторяющийся в разных контекстах элемент летописного рассказа.

⁵¹ *Ведюшкина И. В. Формы проявления... С. 287.*

сторону вопроса.

Сложнее оказывается проблема отбора слов для анализа, поскольку готового перечня известных летописцам групповых именованных в литературе нет. Монография Г. А. Хабургаева, посвященная проблемам восточнославянского глоттогенеза, включает весьма представительные подборки цитат, но лишь для славянских этнонимов, названия неславянских этносов (кроме *руси*) представлены эпизодически. Работа Г. Ф. Ковалева затрагивает только собирательные этнонимы⁵². Наконец, в указателе О. В. Творогова имеются ошибки⁵³. В то же время, большинство упущений, обнаруженных при работе с данным словоуказателем, не носит критического характера и легко исправляется с привлечением оцифрованных текстов, а пропусков в словнике пособия не выявлено. В итоге, проанализировав употребления порядка ста слов, исследователь получает несколько сотен фрагментов, представляющих в совокупности и само-, и, если так можно выразиться, иносознание составителей Начальной летописи. Этот материал дает основания для постановки самых разных вопросов, от основополагающих (владели ли книжники вообще такой категорией как народ?) до самых конкретных (степень знакомства с жизнью того или иного этноса; кстати, интерес к повседневной жизни соседних народов в летописи минимален).

Принятая с самого начала методологическая ориентация данной публикации не позволяет ознакомить читателя со всеми результатами осуществленных наблюдений, не рискуя нарушить композиционную целостность текста. Дополнительную сложность создает то обстоятельство, что рассказ Начальной летописи сформировался не

⁵² Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. [М.], 1979. С. 158-226; Ковалев Г. Ф. Собирательные этнонимы в «Повести временных лет» // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980. С. 69-74.

⁵³ При описании слова *болгаре* пропущено его первое употребление (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 3), в число употреблений этнонима *козари/козарь* включено вхождение киевского микропонима Хазарская улица («а хрестьяную русь водиша ротѣ. в церкви святого Ильи. яже есть надъ ручаеми. конецъ Пасыньчѣ бесѣды и Козарѣ» — Там же. Стб. 54), а в статье *кривичи* неверно подсчитано общее число употреблений (их 12, а не 13). Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет»: Словоуказатели и частотный словник: (Кроме «Почучения» Владимира Мономаха) // ПСРЛ. М., 1997. Т. I. С. 607, 639, 641.

одномоментно, а в несколько приемов, так что любое соображение о структуре повествования приходится сопровождать громоздкой текстологической аргументацией. Целесообразно, поэтому, представить основные результаты проделанной работы хотя бы в виде тезисов.

Во-первых, представляется не просто возможным, но и необходимым разделить вопросы о самоидентификации летописца и о понимании им сущности и границ образования, определяемого словом *Русь*. Убеждение, что «наши» и «русские» составляли для монастырских книжников одно, находит основание в целом ряде летописных фрагментов. Например, в одной из последних фраз помещенного под 6406 г. Сказания о славянской письменности говорится: «от негоже языка и мы есмо русь. темъ же и нам руси учитель есть Павелъ. понеже учил есть. языкъ Словескъ»⁵⁴. Однако рядом с такими высказываниями присутствуют в летописи и формулировки, где характеристики руси даются уже от имени стороннего наблюдателя (причем это не только выписки или парафразы из византийских хроник): «сию бо [Ольгу — Д. Д.] хвалят руские сынове. аки началницу»⁵⁵. Более того, употребленное выше слово «рядом» можно понимать не только метафорически, но и буквально, так как начав рассуждение о русичах апостола Павла в первом лице, книжник сбивается на третье: «от варягъ бо прозвашася Русью. а первое бѣша словене. аще и поляне звахуся но словенская рѣчь бѣ»⁵⁶. Видимо (и как ни странно), «русские» и «свои» с точки зрения летописцев XI – начала XII вв. часто совпадали, но, по сути, были далеко не одним и тем же.

Во-вторых (и это наблюдение является своего рода зеркальным отражением предыдущего) системный анализ употребления местоимений *мы* и *нашъ* обнаруживает формулировки, в которых самоидентификация летописца превосходит даже конфессиональные рамки и поднимается на общечеловеческий уровень. В частности, в посмертном панегирике князю Изяславу Ярославичу (статья 6586 (1078) г.) говорится: «любы бо есть выше всего. якоже Иоан глаголетъ Богъ любви есть. пребываяи в любви. в Бозѣ пребываетъ. и Богъ в немъ пребываетъ. о семъ свершается любви. да достоянье имам в

⁵⁴ ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 19.

⁵⁵ Там же. Т. 1. Стб. 68.

⁵⁶ Там же. Т. 38. Стб. 19.

*день судный. да якоже онъ есть и мы есмь в миръ семь. боязни нѣсть в любви. но свершена любви вонъ измещеть боязнь. яко боязнь мученье имать. бояи же ся нѣсть свершень в любви. аще кто речеть любовь Бога а брата своего ненавижу ложь есть. не любяи бо брата своего егоже видить. Бога егоже не видить как можетъ любить. сию заповѣдь имам от него. да любяи Бога любить брата своего. в любовь бо все свершается. любви ради и грѣси расыпаются. любви бо ради сниде Господь на землю. и распятъся за ны грѣшныя. вземъ грѣхы наша пригвозди на крестъ. давъ намъ крестъ свои. на прогнанье ненависти бѣсовское⁵⁷. Значительная часть фрагмента представляет собой цитату из 4-й главы Первого соборного послания апостола Иоанна (стихи 16-21), но на словах *да любяи бѣа любити и брата своего* 4-я глава послания заканчивается, так что последние несколько клаузул (в цитате они подчеркнуты) представляются относительно «оригинальными». Значит, наивысшим для летописного самосознания был даже не религиозный уровень, а уровень человечества как такового.*

Наконец, третий тезис состоит из двух компонентов. С одной стороны, есть определенные основания утверждать, что книжники рано освоили «этимологическое» понимание народа как общности людей, связанных, среди прочего, еще и единством происхождения. Некоторые из фрагментов, свидетельствующих о восприятии книжниками народа как совокупности сородичей (в т.ч. уже цитированный фрагмент статьи 6477 (969) г. о сынах русских), вполне могут принадлежать к древнейшим пластам летописного текста. С другой стороны, к описанию «своих» идея общих предков была применена очень поздно. Таких высказываний на весь объем Начальной летописи только два: в статье 6406 (898) г. (цит. выше) и в некрологе князя Владимира, помещенном под 6523 (1015) г. («аще бо онъ не крестилъ бы насъ. то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи. якоже и прародители наши погынуша»⁵⁸). При этом статья 6406 г. в Новгородской I летописи младшего извода отсутствует⁵⁹, а эпитафия Владимира пе-

⁵⁷ Там же. Т. 1. Стб. 203-204. Употребления первого лица множественного числа выделены курсивом.

⁵⁸ Там же. Стб. 131.

⁵⁹ После отнесенного к 6362 (854) г. сообщения о захвате Рюриковичами Киева в Новгородской I следует статья 6428 (920) г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 107).

редана, но с обрывом⁶⁰, заставляющим вспомнить об аналогичном обрыве в статье 6582 (1074) г.⁶¹, объясняемом сегодня обращением местного книжника к дефектному экземпляру Повести временных лет⁶². Имеются и другие основания полагать, что не только текст Сказания о славянской письменности, но и значительная часть эпиграфии по Владимиру Святославичу появилась в составе Начальной летописи только во втором десятилетии XII в. Для современного понимания этноса идея межпоколенного единства является системообразующей. Она присутствует как в дефиниции Ю. В. Бромлея⁶³, так и в постмодернистских определениях этничности⁶⁴. Однако в представлениях летописцев дело обстояло, судя по всему, не так.

Видимо, идея своего народа была для киевских «историографов» XI – начала XII вв. сугубо маргинальна, а в основе их самосознания не последнее место занимала космополитическая идея принадлежности к роду человеческому вообще.

⁶⁰ Последняя фраза перед заголовком летописного сказания о Борисе и Глебе гласит: «Мнози бо праведнии творяще, по правдѣ живуще, погыбают, нь воздати комуждо противу трудом и неиздреченою радостью, [юже] буди уллучити всѣмъ крестианомъ» (Там же. С. 169). В Лаврентьевской текст тоже испорчен (хотя и по-другому — Там же. Т. 1. Стб. 131), однако сравнение с Ипатьевской обнаруживает, что между словами *погыбают* и *нь воздати* пропущено около страницы текста (Там же. Т. 2. Стб. 116-118)

⁶¹ В этой статье на полуслове прерывается рассказ о последних днях Феодосия Печерского (Там же. Т. 3. С. 201).

⁶² *Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 31; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 38-39, 45-51.*

⁶³ «...этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (*Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57-58.*)

⁶⁴ «Этничность <...> — это представление о наследуемой групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре» (*Чешико С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 40.*)

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ, ИЛИ «КАК ЭТО НЕ БЫЛО»

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ КОММУНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОДА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

В осмыслении общих задач историка происходили самые радикальные революции. Достаточно выделить две кардинальные мировоззренческие трансформации. Отказ от морализаторских и идеологически-воспитательных интенций был облачен в следующий призыв: «описывать историю, как она есть». Но и такая прагматическая направленность следующим поколениям историков показалась крайне тенденциозной и идеалистически наивной.

Наиболее дальновидным мыслителям XX века стало очевидно: «Историческое знание не может быть описано в соответствии с моделью объективного знания, поскольку оно само является процессом, имеющим все характеристики исторического события. Объективизм — это иллюзия»¹. Однако иллюзия эта не только стойкая, но и тщательно поддерживаемая и поощряемая. Предметно-объектной иллюзии поставлен памятник в каждой сфере знания (политологии, лингвистике, истории) — жесткая объективистская модель описа-

¹ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988. *Gadamer H. G. Il problema della coscienza storica. Napoli, 1969. P. 78. Bourdieu P. Homo academicus. Ch. 5. <http://bourdieu.name/content/bourdieu-pierre-homo-academicus>; Idem. Structures, Habitus, Practices / The Logic of Practice. 1990. Углубляя анализ псевдо-объективизма, Бурдьё поясняет, что «против позитивистского материализма в теории практики выдвигается тезис о том, что объекты знания конструируются, а не пассивно отражаются. Против интеллектуального идеализма — тезис, что принципы такого конструирования являются системой структурированных, структурирующих предрасположенностей...». P. 52-65.*

ния, регламентирующая, в том числе, критерии оценки академических работ и язык изложения. У современного историка может сохраняться архаический понятийный аппарат, который не дает исследователю углубить представление о собственных задачах исторического интерпретирования. Это видно и по терминологическим стандартам исторической дисциплины, которыми диссертанты пользуются хотя бы во введении квалификационной работы, послушно произнося «объект» вместо — «тема» и т.д.

Итак, язык, свойственный позитивистской модели представления о мире и его познании, остался в арсенале современного историка, и это серьезно мешает как исследованию, так и восприятию его результатов. Можно сказать, что у историка всегда есть в арсенале несколько языков описания, коммуникативных средств, терминологических аппаратов. Иначе и быть не может, если учесть, как давно появилось историческое описание и как много специализаций исторического знания обозначилось в самый последний период. Для корректного изложения самых конкретных вопросов необходимо прояснить эти терминологические наслоения в историческом описании.

В определенный момент развития европейской мысли сложилась популярная система представлений о возможностях интерпретации как прошлого, так и настоящего человеческого сообщества, возникло объективистское мировоззрение. Словарь историка, вписанный в эту заданную жесткую систему, включал понятия «объекта» (более широкое) и предмета (его части), над которыми ведется некое «наблюдение». Эти наблюдения и приравнялись к интерпретации в историческом знании. Интерпретация, однако, это не вневременной способ свершения логических операций, а истина своего времени². Говоря, словами Дж. Леви, вплоть до эпохи романтизма интерпретация была, прежде всего, проблемой техники — того, как сформулировать правила, по которым должно осуществляться чтение определенных текстов. Герменевтика же как общефилософская проблема развивается в связи с разрывом в европейской традиции, обозначенным Французской революцией: вопрос о доступе к

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 97; Vattimo G. Introduzione // Apel K. O. Comunita e comunicazione. Torino, 1977.

продуктам духовной деятельности других эпох и народов становится проблемой, Библия и юридические тексты перестают быть привилегированными и неподвижными объектами интерпретации³.

История средневековой Италии, с ее невиданными и неожиданно сохранными для доиндустриального периода массивами источников, прежде всего правовой документации, представляет особое поле исторических исследований, которое одновременно требует новых подходов, но и допускает длительное использование одних и тех же методик при совершенствовании техники интерпретации, без качественных изменений в подходах к интерпретируемому материалу, и, в конечном счете, консервацию историографических традиций.

После тысячного года образование общин (коммун) и сеньорий в ситуации политического полицентризма и территориальной раздробленности Италии представляло собой основной способ организации экономической и социально-политической жизни на локальном уровне. История структур, которые в научной литературе определяются как сеньория и община, представляет собой основную тему интерпретации для медиевистов. Практически весь период существования медиевистики основной (не всегда осознанной и артикулируемой) парадигмой изучения итальянского средневековья была перспектива выведения политических, экономических и социальных аспектов истории из свидетельств правового характера. Были периоды, когда исторические нарративы пытались корректировать «данными» правовых документов, были периоды возвращения к хроникам и другим нарративным источникам как к свидетельствам, «обогащающим» правовой материал, но общей ситуации это не меняло.

Таким образом, сама по себе эта оппозиционность сохраняет на определенной высоте и тот, и другой подход, расценивая каждый из них как высокий штиль или, выражаясь модным образом, дискурс. Оппоненты невольно являются пропагандистами той позиции, которая удостоилась их критики. Можно сказать, что дисциплинарная оппозиционность истории и права в любом случае является условной, поскольку у обеих дисциплин есть ряд общих используемых

³ *Levi G. I pericoli del Geertzismo // Quaderni Storici. 1985. № 58. P. 269-277.*

концептов и тем. Однако эти взаимоотношения истории социума и истории права требуют особого тщательного анализа.

В этой связи выделяются итальянские историки Вольпе и Каджезе⁴, а также Табакко, связанные с марксистской ориентацией на экономические и политические факторы развития коммуны. Они получили международную известность не только из-за своих талантов в сфере конкретных исследований, но и благодаря мировоззренческой внятности, которая обеспечивала связность их исторической картины мира (в частности, мира итальянских средневековых коммун и общин). Справедливо мнение, что краткая работа Вольпе о происхождении и развитии итальянских коммун служит отправной точкой в современной историографии коммун⁵. Она была пионерской и для идеологически обоснованного тренда умеренного марксизма в историографии. Фундаментальный труд Каджезе по истории сельских коммун и социальных «классов» первоначально оставался как бы в тени конструирования истории городских коммун, но, возможно имел более оригинальный характер и, во всяком случае, до сих пор используется⁶. Главное же отличие школы, которую создали Каджезе и Вольпе, состояло в стремлении переосмыслить традиционные наработки правоведов по истории коммун в свете истории экономического развития социума, что и было закреплено в названии научного направления — экономико-юридическая школа.

Это течение либерально-марксистской мысли в итальянской историографии получило развитие в творчестве Табакко, который также переосмыслил правовую историю коммун, но уже в социально-политическом ключе, заявив, что социально-политическая история

⁴ Ссылаюсь на более доступное в России издание, хотя существует и более современное: *Volpe G. Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani / Medio evo Italiano. 2nd ed.* Firenze, 1961. P. 85-118. (3 ed. Roma, 1992); *Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano.* Firenze, 1907-1909. Vol. 1-2; *Он же. La repubblica di Siena e il suo contado.* 1906.

⁵ Такую оценку можно найти в работе: *Coleman E. The Italian communes. Recent works and current trends // Journal of Medieval history.* Vol. 28. N 4. P. 376.

⁶ Ромоло Каджезе и его трудам в текущем году в Италии (Милан, 13 февраля 2009 года) была посвящена специальная конференция – столетие спустя после выхода в свет заключительного тома истории сельских коммун. <http://www.comune.ascolisatriano.fg.it/cca/html/modules/news/>

представляет собой изучение процесса сознательного приобретения социальными группами и классами-гегемонами структур осуществления власти и кристаллизации особых институтов⁷. Эту традицию продолжает современный британский медиевист, провозглашающий себя приверженцем марксизма, хотя идеологизированный контекст практически не проступает в его трудах сквозь хитросплетения текстурального анализа правовых свидетельств⁸.

В определенный период развития итальянской медиевистики и школы советских итальянистов, взаимодействие двух традиций было необходимо и закономерно. Советские историки могли скорректировать жесткие контуры формационной модели за счет исследовательских практик, апробированных в Италии и принесших интересные результаты, а итальянские медиевисты нуждались для создания обзорных трудов по истории Италии в способах объяснения и создания исторического нарратива через фильтры тоталитарного видения, свойственные российской версии марксистской историографии⁹. Позиция одного из авторитетнейших специалистов советского периода В. И Рутенбурга весьма показательна. Его общие идеологические установки составляли как бы несущую конструкцию советской историографии, но в данном вопросе исследователь выражается весьма нейтрально и избегает четких определений коммуны в плане правового статуса, политические же моменты признаются основными ориентирами, даже если не существует никаких доказательств политического влияния объединения на раннем этапе: Рутенбург постулировал, что города-коммуны к последней четверти XI века пользовались уже «частичной или полной автономией, как правило, закре-

⁷ *Tabacco G.* The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule. Cambridge, 1989. P. 1. Из контекста всей книги следует, что под институализацией, автор понимает систему формально регламентированных и достаточно долговечных должностных постов и учреждений публичной власти.

⁸ См.: *Wickham C.* Community and clientele in twelfth century Tuscany. The origins of rural commune in the plain of Lucca. Oxford, 1998.

⁹ *Рутенбург В. И.* Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; *Он же.* Введение / Итальянские коммуны. Л., 1965; *Самаркин В. В.* Эволюция либерального держания в Северо-Восточной Италии в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. История. 1964. № 3.

пленной юридически» без какой-либо конкретизации форм и способов правового самоопределения коммуны. Из этого следует, что «юридические формальности» считались менее значимыми, чем общий план политической борьбы. Именно вследствие отрицания формально-юридических критериев «...время зарождения средневековой коммуны Италии не может быть зафиксировано с абсолютной точностью». При этом, однако, подчеркивается, что консолидация коммун происходит именно «в период борьбы с сеньорами»¹⁰.

Вклад российских медиевистов действительно был самобытным, и не случайно среди авторов многотомной энциклопедии истории Италии есть их имена. Прежде всего, органически ощущавшейся потребностью в связности исторического нарратива и тщетными поисками дисциплинарной когерентности в 1960–70-х гг. можно объяснить тот моральный авторитет, которым пользовались в среде итальянских текстологов и исследователей региональных и локальных казусов некоторые зарубежные коллеги, вводившие в оборот гораздо меньшие объемы источников и не замечавшие многих тонких аспектов средневековой социальности.

Кроме усложнения вопросов эпистемологического характера, меняющих картину исторического описания, видимые изменения влечет за собой расширение спектра тем исторического исследования. Возможно, проблематизация языка описания и новые стандарты теоретической рефлексии, которые возникли в рамках отдельных видов медиевальных исследований, заставили некоторых историков отказаться от традиционных правоведческих сюжетов средневековой истории и перейти в другую тематическую область интересов, например ту сферу, которую прежде считали своей историки искусства и культуры. При этом было бы неправомерно обвинять историков в том, что они посягнули на «территорию» более молодой дисциплины, с менее определенными теоретическими основами.

¹⁰ Рутенбург В. И. *Итальянские коммуны XIV–XV вв.* М.; Л., 1965. С. 8–11. Такая тенденция сохранялась и в позднее. См., например: *Классы и сословия средневекового общества* / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1988. *Общности и человек в средневековом мире* / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1992.

Историк, естественно, хочет исследовать взаимодействия множества малых социумов в их социально-правовых проекциях. Поскольку осуществление права является таким взаимодействием, историк, с неизбежностью черпает материал из правовых источников, нормативных правовых свидетельств. Используя те же материалы, что и представители других видов гуманитарного знания, историки задавали собственные вопросы, искали и реконструировали объекты описания, интересные именно с точки зрения истории социума, социальной коммуникации и репрезентации.

В последние десятилетия XX в. и начале XXI столетия в медиэвистике в плане общих теоретических «опор» исследования стали фигурировать основы культурной антропологии¹¹ и понятия из социологического арсенала Бурдьё, в первую очередь «габитус». Микроистория выразила резкое несогласие с влиянием антропологов. Идеи же Бурдьё не критиковались в явном виде, но и не были напрямую использованы. Однако использование концептов в духе Бурдьё можно заметить и у историков, сформировавшихся на итальянской почве, если детально проследить, как сам Бурдьё выпестовал понятие *габитус*¹² и какие клише вырабатывают современные медиэвисты при исследовании итальянской общины средневековья.

Подходы к формированию понятия *габитус* сжато изложены следующим образом: «*habitus* — это продукт истории, который производит и воспроизводит индивидуальные и коллективные практики — в соответствии со схемами, порождаемыми историей... тот принцип преемственности и регулярности, который отмечается в социальных практиках последователями объективизма, но не находит у них объяснения, а также принцип регулируемых преобразований, который не может быть объяснен ни внешним детерминизмом

¹¹ Важен пример влияния идей К. Гирца на исследование Р. Дарнтон, поскольку эта тенденция получила не только немедленную отповедь, но и самое детальное описание со стороны Дж. Леви: *Geertz C. Local Knowledge. Further Essays in Interpretative Anthropology. N.Y., 1983. Levi G. Op. cit. 1985. № 58. P. 269-277. Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984. (Рус. пер.: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002).*

¹² *Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices... P. 52-65.*

механистического социологизма, ни чисто внутренней, но такой же внезапной детерминацией спонтанного субъективизма». Основные характеристики *габитус*'а следующие: «...*habitus*, т.е. системы прочных приобретенных предрасположенностей (*dispositions*), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Объективно “регулируемые” и “регулярные”, не являющиеся при этом никоим образом результатом подчинения правилам, они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера... Разумеется, не исключается, что действия *habitus*'а могут сопровождаться стратегическим расчетом, который обычно направлен сознательным образом на то, что *habitus* делает совсем иначе, а именно, на оценку шансов преобразования наследия прошлого в ожидаемую цель...».

На мой взгляд, идейное влияние Бурдые ярко проявилось в труде под редакцией современного итальянского историка Р. Бордоне, для которого община — воплощение не просто гражданской традиции, но и некоего состояния духа — *uno stato d'anima*¹³. Однако в целом сообщество итальянистов-медиевистов демонстрирует консерватизм и подозрительность в отношении смены концептов и способов интерпретации, что обуславливает мифологизацию основных изучаемых тем, и в частности истории общины.

По моему мнению, в рамках собственно исторических исследований не происходит отклонения от парадигмы описания средневековой итальянской истории, основанной на правовом материале, интерпретируемом в таком ключе, который изжил себя еще до эпохи интеллектуальной революции Просвещения. Среди традиционно изучаемых тем первостепенное значение имела организация коммун и сеньориальных структур средневековой Италии, однако их институты обычно рассматривали сепаратно, отдельно друг от друга

¹³ La società urbana nell'Italia comunale (secoli XI–XIV) / A cura di Renato Bordone, 2005.

в различных контекстах. При этом сам язык описания сеньории и коммуны, представляемых историками в совершенно разных, контрастирующих контекстах, был практически единым. Более того, весьма длительное время он был языком историков права.

Займствование, точнее говоря, вкрапление юридических концептов никогда не было секретом, но до недавнего времени не являлось предметом рефлексии историков. Как только один из таких употребляемых историками терминов был изобличен как анахронизм, вторично заимствованный из сферы истории права (речь идет о кластере понятий, связанных с феодалом и вассалитетом¹⁴), то и вся традиционная картина мира историков-медиевистов покачнулась. Потребовалось признать необходимость ревизии понятийного аппарата и традиционной исторической интерпретации правовых отношений. Данная ревизия обычно связывается с именем американской исследовательницы С. Рейнольдс, хотя у нее были предшественники, в частности, Элизабет Браун, выпустившая критическую работу, посвященную понятию «феодализм» двумя десятилетиями ранее¹⁵. Радикальный критицизм Рейнольдс, вписывается в определенный историографический контекст: не в интеллектуальную моду конца XX века, а в традицию американской университетской культуры, которую воплощают рефлексивные выступления, попытки переоценки эмпирической основы медиевистики¹⁶. Э. Браун и некоторые из критиков¹⁷, наиболее чутких к сути вызова, сформулированного в ее исследовании, равным образом являлись учителями Рейнольдс.

Можно сказать, что именно Рейнольдс предложила исследование истории концептов и историографических стереотипов (возникших в процессе изучения истории общин, государств, фьефов и сис-

¹⁴ Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.; Oxford, 1994; *Eadem*. *Kingdoms and communities in Western Europe 900–1300*. 2 ed. Oxford, 1997.

¹⁵ Brown E. A. R. *The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe* // *American Historical Review*. 1974. N 79. P. 1063-88.

¹⁶ Подробнее см.: Селунская Н.А. Сеньория, община и вассалитет простолюдинов, или "Презумпция невинности Рейнольдс" // *Одиссей* 2006. <http://www.odysseus.msk.ru/numbers/?year=2006&id=28>

¹⁷ Cheyette F. *Speculum*. 1996. Vol. 71. P. 998-1006.

тем вассалитета средневековья) как основу *исторического* интерпретирования. Важно отметить, что к этому времени развитие теоретических исследований в университетских центрах уже показало и доказало зависимость представлений медиевистов-источниковедов от привнесенных в историческое поле «чужеродных» концептов.

Однако у взаимопроникновения и долговременного слияния дисциплин истории права и социальной истории есть и другое важное следствие. Не только определения из арсенала правоведов (в том числе устаревшие) стали неотъемлемой частью исторического описания, но и базовые представления историков, уже пересмотренные ими, стали краеугольным камнем общих построений историков права в том, что касается осмысления изучаемого прошлого «как реальности», попыток описать, «как было на самом деле».

Для историков права, как и для историков, не ставящих вопроса о соотношения теории и истории в собственном исследовании, ничего не изменилось, и традиционное словоупотребление остается корректным способом описания в рамках академического дисциплинарного дискурса. Именно поэтому необходимо рассмотреть перспективы и претензии развивающейся истории права, накопившей и введшей в научный оборот ценный источниковый материал, на то, чтобы создать историю по модели прошлых веков историографии. Пеннингтон — виднейший ученый среди историков права, утверждал, что еще 25 лет назад любое выступление по теме изучения истории правовых доктрин *Ius commune* вызывало неизбежное ритуальное действие между докладчиком и аудиторией: историки в нетерпении вертели на стульях, ожидая возможности сразить выступавшего прагматическим вопросом о том, как эти интересные и возможно даже правильные рассуждения относительно «ученого права» можно соотнести с низовой практикой судов и противоборствующих в них сторон. Теперь же ритуал изменился... Правоведы, историки правовых доктрин уже показали, что доктрины общего права пронизывали область правоприменения, первый страт правовой системы.

На мой взгляд, обнаружение исторических источников, документов, описывающих практику правосудия, применения правовых доктрин и теорий, заставляет серьезных историков права наивно рассчитывать на создание подлинной правовой истории, пытаться

показать «как это было» на уровне практики и индивида¹⁸. Более того, проникновение терминологии, связанной с определенной традицией в новую область, (например терминов *Jus commune* в сферу, принадлежавшую *Jus proprium*) однозначно трактуется как показатель исторического влияния, практического замещения одного другим¹⁹.

Здесь явно обнаруживается слабость интерпретации правоведов. Самый наивный историк не станет принимать наличие свидетельств, описывающих изменения практики (например, практики судопроизводства) за объективный показатель реальных изменений этой практики. Однако в пользу истории права играет важный фактор — непрерывность самого преподавания дисциплины, системность терминов и понятий. Это в конечном итоге дает связность описания, четкий общий план картины исследования, который далеко не всегда могут продемонстрировать историки.

Историки решают проблему связности (дисциплинарной когерентности) разными способами, если вообще ощущают ее как проблему и не считают легко достижимой технической задачей²⁰. Вообще самый распространенный случай — отсутствие заявки со стороны историка на методологически обоснованную стратегию исследования и описания — представляет наибольшую трудность для историографического анализа, поскольку отсутствие автокомментария

¹⁸ См., напр.: Pennington K. Roman and Secular Law in the Middle Ages. Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide / Ed. F. A. C. Mantello, A. G. Rigg. Washington (D.C.), 1996. P. 254-266; *Idem*. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune 5 (1994). P. 197-209 // Syracuse Journal of International Law and Commerce 20 (1994). P. 205-215. Авторитетное международное издание напечатало статью в том же году, когда аналогичный вариант был опубликован университетом, в котором работал автор. Затем появилась Интернет-версия статьи, текст которой я и использую <http://faculty.cua.edu/pennington/learned.htm>.

¹⁹ “Legal historians have shown again and again how the jurisprudence of the *Ius commune* pierced the lowest levels of the judicial system... Manlio Bellomo has pointed out that the doctrines of the *Ius commune* guided the practice of Italian courts, penetrated the doctrine and language of the *ius proprium*” (Ibidem).

²⁰ Интересные наблюдения над историками и их представлениями в связи с проблемой дискурса связности см. в книге: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. (Особенно гл. 4-5).

и проблематизации, рассматриваемых понятий не снимает вопроса о наличии методологических предпочтений, стереотипов и предрассудков, а только усложняет этот вопрос. Подобным наивным позитивизмом может отличаться и вполне качественное с точки зрения текстологии или истории права исследование, но настолько же важно, насколько и трудно оценить его вклад в развитие собственно исторической дисциплины. Тенденция к созданию рефлексивной историографии непреодолима и особенно значима именно когда конкретно-исторические исследования находятся на подъеме.

Потребность в связном «описании мира» настолько велика в ситуации поразительной сохранности исторических источников и их усиленного штудирования на локальном уровне, что единственным «двигателем» исследований становились тенденциозные, вписанные в идеологические каноны исторические школы. В итальянистике в основном это были историки, связанные с той или иной версией марксизма. На мой взгляд, если исследования итальянского средневековья останутся в традиционном детализирующем ключе описания, будет повышаться ценность связных нарративов, хотя они включают немало идеологем. Вопрос в том, каким будет русло развития нового большого нарратива.

Крайне претенциозный стереотип историописания, созданный XIX столетием и воплощенный в лозунг Ранке — показать «как было на самом деле», на излете XX века сменил более реалистичный призыв: путем исторической критики, скептической саморефлексии историка и борьбы с историографическими стереотипами выявить, по крайней мере, самые шаткие и неподкрепленные предположения. Задачей историка становится попытка ответить на вопрос *wie es eigentlich nicht gewesen* — «как это не было» в истории²¹.

«История, какой она не была» — двоякий концепт, обоюдоострый инструмент историописания. С одной стороны, это своеобразный апофатический метод создания исследования и отражающего его нарратива. Мы можем узнать о жизни социума и индивида прошлого далеко не все: самые тонкие материи не поддаются реконст-

²¹ Igers G. G. *Historiography and Politics in 20th century* // *Societies made up of history*. Edsburg, 1996. P. 15-16.

рукции. Кроме того, только когда мы как историки просто признаем это положение, можно двигаться дальше: во-первых, исключить самые бездоказательные, необоснованные (и в этом смысле нереалистичные) тезисы и исторические реконструкции, а во-вторых, выделить сюжеты, по определению требующие исключительно субъективного взгляда, эмоционально окрашенного отношения²². С другой стороны, проблема мифотворчества, закрепленного в историографической традиции, не может быть оценена однозначно. Это мифотворчество имеет не только негативные, но еще и позитивные последствия для изучения отдельных тем истории. Образно говоря, рабочие пчелы — исследователи-практики не имеют тех сот, ячейки которых они могли бы заполнить. Без структурирующей сознание (идеологизированной историком) картины прошлого, без создания большого нарратива, без попытки *ре-конструирования* широкого исторического контекста, бывает невозможно реализовать имеющиеся частные наработки и исследовательские результаты, выстроить их в определенной перспективе и сфокусировать.

Итак, интерпретация истории — тема, которая требует изучения по тем же критериям, что и любой исторический феномен. Язык интерпретации формируется исторически, является отражением коммуникативной среды определенного научного сообщества, и несет в себе ряд архаизмов и неологизмов, закрепившихся в терминологическом аппарате исследователей разных поколений и научных школ. Как правило, успешной интерпретацией, принимаемой научным сообществом широко и надолго, является модель, заданная не одним человеком, но специфической интеллектуальной средой, создавшей определенный контекст интерпретаций — мировоззренческую картину мира, более или менее тенденциозного характера.

²² Отношение к этим аспектам может быть диаметрально противоположным. Можно считать эту ускользающую историчность смысловой основой труда историка, недостижимой целью, которую он стремится, тем не менее, представить и конкретизировать, или же просто игнорировать и исключать иррациональное и субъективное в рамках исторического исследования. Или же, прекрасно понимая смысл «позиции субъективности», как она выражена в современных гуманитарных исследованиях, можно, тем не менее, с полной ответственностью и последовательностью отстаивать точку зрения антирелятивизма.

Д. М. Володихин

«СМЕЛО ВЫДВИГАЛ НОВЫХ ЛЮДЕЙ...»: ОПРИЧНЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Массовое историческое сознание любит мифы. А мифы создаются тогда, когда научное творчество волей публициста или идеолога принимает форму яркой, прозрачной для масс метафоры.

Лихорадочная героизация Ивана Грозного в XX столетии, продолжившаяся, правда не столь масштабно, в наши дни, опирается на мифы. Они родились, ушли в небытие и вновь возродились как производная от большой политики. Однако у всякого мифа есть (хотя бы и скромная) научная база. Поэтому полноценная деконструкция мифа требует в первую очередь проверки его научного фундамента, и только во вторую очередь — аналитических усилий, которые позволили бы установить его общественно-политический источник.

Общий миф о великом, мудром и справедливом царе Иване Грозном подразделяется на несколько мифов пониже рангом. Каждый из них требует особого внимания. В их числе есть легенда о том, как поднимал царь «из грязи» бесконечно талантливых, но безродных воевод и дипломатов, как защищал их от гнетущей власти боярства, как возвышал за великие заслуги перед отечеством... Миф этот укоренился в художественной литературе, в кино и живописи. Ну что же, имеет смысл вооружиться отверткой, вскрыть футляр мифа и посмотреть, какие шестеренки крутятся в его механизме.

В исторической литературе по опричнине, действительно, распространён тезис, согласно которому Иван IV, устроив двор, отделенный от земского, получил возможность выдвигать на самый верх талантливых людей из числа худородных дворян. Он появился не во времена сталинского культа личности, при котором лидер партии получил в исторической науке и художественной культуре прочную ассоциацию с другим «великим вождем», в древности «каравшем изменников» с такой же твердостью и с таким же масштабом, Иваном IV Грозным. Корни мифа надо искать в более раннем времени.

В XIX в. представители «государственной школы» видели в Иване IV пусть и жестокого, но полезного для страны централизато-

ра. Еще у С. М. Соловьева он предстает в роли локомотива «государственных начал» в судьбе России, которые постепенно преодолевают «родовые начала» — пережиток развитого средневекового общества. Соловьев считал этот тезис очевидным, поэтому не ставил целью расшифровать ход борьбы. Но содержание соответствующих томов «Российской истории» показывает, что одним из главных этапов общественной трансформации было отступление древней родовой аристократии, опиравшейся на права людей княжеского и дружинного происхождения, и ее разгром государственной властью. А сама эта государственная власть представлена московскими самодержцами, стремившимися установить свой, т.е. государственный, порядок на Руси. Отсюда до вывода о том, что для установления нового порядка нужны новые люди, находящиеся на определенном расстоянии от служилой аристократической среды, всего один шаг.

Любопытно, что последовательный государственный и сторонник самодержавной власти в России Н. М. Карамзин, к Ивану Грозному относился скептически. Для него, очевидно, христианское чувство стояло выше государственного, а в деятельности первого русского царя хватало эпизодов, от которых у верующего человека волосы на голове встают дыбом. Соответственно, в его «Истории государства Российского» героями царствования Ивана IV в большей степени являются представители служилой аристократии, полководцы, политические деятели, судьи. Никакого прогресса и, соответственно, никакой плеяды новых прогрессивных деятелей Карамзин не увидел там, где разглядел их Соловьев.

К. Д. Кавелин дал максимально концентрированную версию взглядов, близких воззрениям Соловьева и... концентрация привела к преувеличениям, а значит, и к искажению исторического материала. Кавелин прямо написал: «Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на месте рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»¹.

С. Ф. Платонов двигался в том же направлении, что и Соловьев. Его Иван Грозный также оказался движителем общественного прогресса. Первый русский царь, согласно Платонову, уничтожил зем-

¹ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // СС. СПб., 1897. Т. I. С. 53.

левладельческую основу существования «старой знати» и в противовес ей укреплял «новый социальный слой “детей боярских”, опричных слуг великого государя». Платонов видел в Иване Грозном «крупную политическую силу», и подвел историческую науку вплотную к выводу о том, что эта сила рекрутировала сторонников из среды мелкопоместного худородного дворянства. В прогрессивных, разумеется, целях — ради торжества стратегического курса.

Однако впервые четко сформулировал научную основу мифа Роберт Юрьевич Виппер, профессор Московского университета, в будущем — академик. Он никогда не был специалистом по отечественной истории, справедливо получив репутацию блистательного знатока истории античной и западноевропейской. Однако Виппер превосходно знал языки и легко оперировал иностранными источниками по истории грозненского царствования, которые оказались закрытыми на семь замков от его коллег, далеко не всегда располагавших столь же фундаментальными лингвистическими познаниями. Этот ученый считал, что до введения опричнины «...плотный строй родовой аристократии, теснившейся к должностям, мешал государю выдвигать способных и талантливых людей низшего звания»; зато после ее учреждения «...в опричнину царь отбирал пригодные ему элементы, не считаясь с родовитостью, с местничеством, с классовыми предрассудками и притязаниями, свободно передвигая людей в чинах и соображаясь только с их военной пригодностью, их талантами и заслугой»². Очень важно учитывать обстоятельства, при которых этот тезис засиял во всей своей красе.

Книга Виппера «Иван Грозный» появилась в печати задолго до установления безраздельной единоличной власти И. В. Сталина и никак не была связана с воздвижением «культы личности». Первое издание монографии пришлось на 1922 год. Роберт Юрьевич в ту пору испытывал самое негативное отношение к советской власти и революции. Несколько лет спустя он эмигрирует (и окажется в пре-

² Виппер Р. Ю. Иван Грозный / Сост. и вступ. ст. Д. М. Володихин // Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530–1584). М., 1998. С. 152, 157. При всей спорности утверждений Р. Ю. Виппера, одна его идея заслуживает самого пристального внимания: он видит в установлении опричной организации род военной реформы. К настоящему времени собрано достаточно фактов, чтобы согласиться с этим мнением в весьма значительной степени.

делах СССР лишь незадолго до начала Великой Отечественной войны). В эмиграции Виппер излил потоки гнева на коммунизм, революцию и устройство науки при большевиках. Ярости его не было предела. Так вот, книга «Иван Грозный», с этой точки зрения, должна интерпретироваться прежде всего как ультрагосударственническая и антиреволюционная. Фигура Ивана Грозного рассматривалась в ту пору как синоним самодержавия, и любое доброе слово по поводу этой личности могло трактоваться в «революционной науке» только как пережиток «буржуазного прошлого». Виппер писал панегирик не Грозному, а государству Российскому, разгромленному на его глазах. И он постарался показать, что в периоды торжества самодержавия государство умело привлекать на службу и возвышать людей молодых, талантливых, хотя бы и не отличавшихся знатностью. Тут было личное отношение. Он сам и его семья возвысились в системе народного просвещения благодаря труду и талантам. Видя унижение старой системы, Виппер инстинктивно встал на ее защиту. Его в данном случае интересовало не столько действительное положение дел при Иване Грозном, сколько исторический материал, который можно было бы привлечь при обличении коммунистического устройства постреволюционной России через возвеличивание России дореволюционной. Реакция современников на выход книги «Иван Грозный» показывает: они прекрасно поняли ту «роковую аналогию» между прошлым и настоящим, которую протягивал автор. Второе и третье издание книги известны гораздо лучше. Они вышли значительным тиражом уже в 1942 и 1944 гг., когда Виппер вновь стал советским гражданином. В условиях военного времени редактор исковеркал старый текст так, что апофеоз личной власти царя и торжество его даровитых выдвиженцев стали в ясную ассоциацию со Сталиным и его фаворитами; Виппер, будучи патриотом России, да и просто очень старым человеком [родился в 1859 г.!), то ли не считал возможным в условиях военного времени отстаивать свое мнение, то ли просто не нашел сил для борьбы за него.

Получается парадоксальная картина. Советская власть в период правления Сталина использовала себе на пользу книгу, написанную... против советской власти, но только в период правления Ленина и «старых большевиков». И миф, который впоследствии был задействован в строительстве «культы личности» партийного лидера

имел первоначально резко антикоммунистическую, антисоветскую направленность. Во всяком случае, он противостоял той картине организации власти, которую Р. Ю. Виппер видел в начале 1920-х гг.

Любопытно, что в книгах С. Ф. Платонова, написанных после революции, в 1920-х гг., видим то же самое «государственничество», что и у Виппера. Собственно, монографию Виппера Платонов всей душой одобрил, прекрасно зная, что тот по русской истории никак не специалист... Платонов оказался волею судьбы во главе «тихой оппозиции» ученых «старой школы» всей системе «красной науки». Он славил Карамзина в ту пору, когда М. Н. Покровский и люди еще более радикальных воззрений готовы были поставить на трудах классика жирный черный крест. Отсюда и его любовь к фигурам, ассоциировавшимся в первую очередь с успехами того же дореволюционного самодержавия, что и у Виппера: Ивану Грозному, Петру Первому и (менее убедительно) Борису Годунову.

В 1920-х гг. противостоять линии «пролетарского интернационализма» и «красного нигилизма», направленных на разгром государственного чувства, было делом рискованным и почетным. Делом для порядочных людей. Позднее, в 1930-х, ситуация изменилась. С 1934 г. начинается волна «советского патриотизма». Она, с одной стороны, улучшила положение ученых, привела к освобождению многих прекрасных специалистов из лагерей, из ссылки... Тот же С. Ф. Платонов, правда не дожил, скончавшись на положении ссыльного в 1933 г. С другой стороны, совпартрежим требовал «отработать» перемену в положении историков. Вот тогда-то и появляется откровенный «культ личности Ивана Грозного».

В условиях становления «режима личной власти» Сталина советские ученые, хотя бы и принадлежавшие «старой школе», участвовали в теоретическом подкреплении исторической параллели Грозный — Сталин достаточно активно. Кто-то из них не мог поступить иначе «страха ради», кто-то пытался увидеть в новых временах оттенки «национального возрождения», а кто-то по происхождению своему не надеялся при «старом режиме» подняться по-настоящему высоко. Соответственно, в научных трудах утверждается противопоставление «бояр» и «дворян»: в дворянах, на которых якобы опирался царь, многие видят молодую прогрессивную силу,двигающую страну к выходу из состояния «феодальной раздробленности», «де-

централизации». Вот она, среда для появления новых талантливых государственных и военных деятелей... В известном фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный» главного героя окружают прекраснотылицы любимцы с жаркими патриотическими речами на устах; понятно, не бояре. В не менее известном романе Костылева — опять «молодые талантливые». Примерно в том же ключе выступил и знаменитый писатель А. Н. Толстой. Свою роль сыграла и фраза Сталина, обмолвившегося о «прогрессивном войске опричников», но само явление старше и сложнее попыток «соответствовать воле вождя». П. А. Садиков противопоставлял «помещичье-дворянскую» опричнину и «княжеско-боярскую феодальную знать»³. С. В. Бахрушин считал социальной основой опричнины «мелкое и среднее, преимущественно городское (провинциальное), дворянство»⁴. Это серьезные исследователи, знавшие Московское государство гораздо лучше, чем Р. Ю. Виппер. Они отдали десятилетия жизни исследованию этого периода русской истории. Относиться к их высказываниям надо соответственно — как к тезисам, получившим обоснование в силу большого научного авторитета специалистов, их высказавших. В то же время появилось много третьесортной квазинаучной продукции, выходившей под фамилиями тов. Кретьова, тов. Верховня и пр., не оставивших в науке серьезного следа. Но тут другое дело.

Собственно, даже в сталинский период фигура Ивана Грозного не являлась абсолютно неприкасаемой для исторической критики. Хотя, разумеется, теперь критик оказывался в рискованном положении. Известнейший специалист по истории России времен Московского царства С. Б. Веселовский активно позиционировал себя как принципиального противника восхвалений Ивана Грозного. Хорошо известен, например, его разгромный отзыв на публичное выступление А. Н. Толстого, читавшего ученым свою пьесу о первом русском царе. При этом Веселовский, конечно же, ставил себя под удар, но его крамола была все-таки не расстрельного уровня.

Любопытно, что Веселовский не ограничился критикой того, что видел вокруг себя. Он с совершенной непримиримостью относился к позиции С. Ф. Платонова, обрушивался на С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Полемический тон Веселовского по отношению к

³ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.–Л., 1950. С. 26.

⁴ Бахрушин С. В. Иван Грозный // Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 300.

Платонову может покоробить — столько в нем радикального отрицания. Он как будто спорил не с опальным мертвецом Платоновым, а с чем-то более масштабным. Дело даже не в том, что в нападках на «белоснежные ризы» Ивана Грозного современники могли прочитывать завуалированный удар по авторитету его здравствующего аналога — И. В. Сталина. Тут, скорее, С. Б. Веселовский вел огонь по более крупной мишени, а именно идее русского государственничества, столь близкой Платонову. Вот образец полемического высказывания Веселовского: «В погоне за эффектностью и выразительностью изложения лекций С. Ф. Платонов отказался от присущей ему осторожности мысли и языка и дал концепцию политики царя Ивана, настолько переполненную промахами и фактически неверными положениями, что поставил критиков его построений в весьма неловкое положение: опровержение всех ошибок может наскучить читателю, а главное, показаться ему неприличной и ненужной попыткой подорвать задним числом научную репутацию всеми уважаемого и высоко ценимого ученого»⁵. К Кавелину Веселовский был просто беспощаден: «Итак, можно сказать, что царь Иван предполагал при помощи опричнины открыть дорогу безродным талантам, в интересах государства оттеснить на второй план бездарных представителей родовой знати. Нет надобности много говорить... это высказывание Кавелина голословно и не подтверждается фактами. Но в эпоху реформ Александра II и зарождения «мыслящего пролетариата» Писарева эта идея широкой дороги, открытой талантам независимо от происхождения, оказалась как нельзя более кстати и обеспечила успех мнению Кавелина в кругах либеральной и революционной интеллигенции. С другой стороны, кавелинское восхваление самодержавия находило самый благожелательный прием в кругах консерваторов и реакционеров. Так высказывания Кавелина могли отвечать вкусам самых разнообразных читателей, и это обстоятельство обеспечило им едва ли заслуженный успех»⁶.

В литературе «царствования» Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева и, тем более, периода перестройки, этот миф постепенно ослабляется, размывается... Частично ему досталось от обломков «культы

⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 29.

⁶ Там же. С. 19.

личности», частично же ученые просто начали всерьез вглядываться в персональный состав опричного двора.

В. Б. Кобрин, составивший список опричного двора, совершенно отвергает его повальное худородство; он выдвигает более корректную формулировку: «Состав опричного двора был несколько “худороднее” доопричного и, главное, современного ему земского». Кобрин считал, что борьба боярства и дворянства в опричный период не была стержнем политической истории⁷. А. А. Зимин еще осторожнее: «Создавая себе опричнину и персонально отбирая преданных ему лиц из господствующего класса, Иван Грозный смело выдвигал новых людей из числа городского дворянства, ранее не игравших никакой заметной роли в армии и государственном аппарате. Но это нельзя сколько-нибудь переоценивать. В опричнину входили также представители большинства знатных княжеских и боярских фамилий...»⁸. Р. Г. Скрынников был уверен, что «...при наборе опричной тысячи предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству»⁹. А. П. Павлов, чей труд вышел уже в 1990-х, подходит к вопросу дифференцированно: «Привилегированное положение опричников, состав которых зависел от личной воли царя Ивана, приводило к серьезным нарушениям традиционной иерархии внутри господствующего класса. В первый год опричнины у ее руководства стоял кружок царских фаворитов преимущественно из представителей старомосковского боярства. Но на рубеже 60-х — 70-х гг. в составе руководства опричного двора произошел перелом и на смену прежним царским фаворитам пришли новые, более худородные лица, выходцы из рядов провинциального дворянства (Бельские, Грязные и другие)». Верхушка же земского двора состояла из представителей княжеско-боярских родов¹⁰. Таким образом, научное сообщество относится к этому вопросу с большой осторожностью, но все-таки дает кое-какое топливо для печки мифотворцев.

⁷ Кобрин В. Б. Социальный состав опричного двора. Автореф. канд. дисс. М., 1961. С. 11; *Он же*. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 199-218.

⁸ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 354-359.

⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 219, 221.

¹⁰ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 102.

А общество, после тягот, обрушившихся на его голову в 1990-х, мечтает о «новой опричнине», о посадке на кол виновников всеобщего обнищания. Поэтому фигура Ивана Грозного вновь в чести, поэтому миф о царе, справедливо «каравшем измену» и своевременно «выжигавшем коррупцию», получил новую жизнь. Он живет уже в отрыве от науки и во многом противопоставляет себя ей. И опять на страницах романов, а еще более — в публицистике — появились во множестве те самые «молодые», «лихие», отчаянные», «талантливые» «новые люди», корчевавшие «старый порядок» и под рукою мудрого царя направлявшие Россию к «новой жизни», к «прогрессу». А раз новые люди, стало быть, «простые дворяне», не какие-нибудь «князья-бояре», т.е. «более близкий к народу» элемент¹¹.

Но на протяжении долгого изучения опричнины всего несколько десятилетий наполняют штудии, посвященные ее кадровому составу. Поэтому до сих пор под названным идеологическим мифом существует, пусть и «похудевшая», ослабленная, но все-таки еще заметная научная традиция. Поэтому имеет смысл рассмотреть действительное положение вещей: кто такие те выдвиженцы, которые оказались в высшем эшелоне опричнины?

Важной, может быть, важнейшей частью опричной системы была ее военная машина, с осени 1565 г. выводившая на театры военных действий отдельный боевой корпус. И на ее примере легче всего проверить, насколько хороши были «выдвиженцы» Ивана Грозного и являлись ли они полезным приобретением для вооруженных сил Московского государства. Насколько очевидны способности и таланты этих самых «новых людей»?

Определяя наиболее характерные особенности опричного воеводского корпуса, следует обратиться к служебной деятельности опричных военачальников, их карьере, а также, разумеется, изучить вопрос об их положении в иерархии служилой аристократии России. Итак, прежде всего: из кого выбирались командующие опричными полевыми армиями и гарнизонами, строительством крепостей? Кому доверяли самостоятельное командование опричными соединениями?

Список их, составленный на основе летописных свидетельств, иностранных источников, и, в первую очередь, разрядов, невелик:

¹¹ Закавычены выражения, взятые из публицистических статей, опубликованных в современных СМИ.

Р. В. Алферьев
Князь В. И. Барбашин
Ф. А. Басманов
М. А. Безнин
Князь А. И. Вяземский-Глухой
Князь Д. И. Вяземский
В. И. Колычев-Умной
И. Д. Колодка Плещеев
А. И. Плещеев-Очин
З. И. Плещеев-Очин
И. И. Плещеев-Очин
К. Д. Поливанов
Князь С. Д. Пронский
Князь А. П. Телятевский
Князь В. И. Телятевский
Князь В. И. Темкин-Ростовский
Князь Ф. М. Трубецкой
Князь Д. И. Хворостинин
Князь Ф. И. Хворостинин
Князь М. Т. Черкасский

Этот и без того недлинный реестр следует сократить за счет учтенных в нем командиров незначительных отрядов. Дело в том, что опричный корпус относительно редко концентрировался для больших походов. Разряды знают лишь 9 или 10 таких операций. В них опричное войско возглавляли в разное время всего восемь человек: И. Д. Колодка Плещеев, А. И. Плещеев-Очин, З. И. Плещеев-Очин, Ф. А. Басманов, князя М. Т. Черкасский, Ф. М. Трубецкой, А. П. Телятевский и В. И. Телятевский. Именно эти персоны стояли на верхушке опричной иерархии. Все они принадлежали к родовитым семействам служилой знати. Первые четыре принадлежали старинному роду бояр Плещеевых, служивших Московскому княжескому дому как минимум с начала XIV в. и имели в XV–XVI вв. первостепенное значение при дворе. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности, некоторые добились думных чинов, хотя карьерное продвижение семейства затруднялось его близостью ко двору удельного князя Юрия Дмитровского¹². При

¹² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. С. 195-201.

Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева. Его сын, Алексей Данилович, был удачливым полководцем: взял в 1558 г. Нарву, а в 1564 г. отстоял Рязань от удара крымцев. За рязанскую службу Алексея Даниловича и его сына Иван IV наградил золотыми монетами¹³. В победоносном походе на Полоцк в 1562–63 гг. он участвовал как третий воевода передового полка¹⁴. Но еще за два года до Нарвы он получил боярский чин¹⁵. Выше расти ему было некуда. В 1560-х гг. А. Д. Басманов-Плещеев находился в большом доверии у государя. Само учреждение опричнины в источниках связывается с его именем, и в опричной элите он был вначале чуть ли не самым влиятельным человеком. С другой стороны, в воеводах он больше не бывал, видимо из-за преклонного возраста или болезни (увечья?). Именно так объясняется то, что сам он никогда не возглавлял опричный военный корпус, несмотря на выдающиеся способности военачальника и большой опыт. В 1569–70 гг. в связи с подозрением в измене по «новгородскому делу» его карьера рухнула, потащив за собой многочисленных родственников. Глава клана Плещеевых-Басмановых был казнен. По мнению Р. Г. Скрынникова первые признаки опалы по отношению к Плещеевым видны еще зимой 1568–69 гг.¹⁶

Только этим можно объяснить взлет И. Д. Колодки Плещеева. В семействе Плещеевых он был старшим представителем. Его отец, Дмитрий Михайлович, добился когда-то окольности, но сам Иван Дмитриевич никакими заслугами и высокими чинами до опричнины отмечен не был. Разрядами до опричнины он просто не замечен (!) и, быть может, совершенно не обладал командным опытом. И вдруг — высшее и несколько просто высоких назначений в опричном корпусе. Судя по разрядной росписи опричного выхода под Калугу весной 1568 г., Иван Дмитриевич был назначен опричным «главнокомандующим», первым воеводой большого полка. Одновременно с этим

¹³ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 22.

¹⁴ Сапунов А. П. Разряд полоцкого похода 1562/1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV. С. 28.

¹⁵ Веселовский С. Б. Исследования... С. 225.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 376–377, 404. Скрынников высказал предположение, что крах Плещеевых связан с интригами «руководителей сыского ведомства опричнины В. Г. Грязного и М. Л. Скуратова-Бельского».

войском в районе Одоева и Мценска разворачивалась вторая опричная армия — под командой А. И. Плещеева-Очина. По свидетельству росписи совместного похода одоевских и калужских полков, который так и не был совершен, Иван Дмитриевич стоял выше А. И. Плещеева-Очина: в случае схода тот должен был подчиниться. В 7076 г. (конец 1567-го или весна 1568 г.) И. Д. Колодка Плещеев возглавлял небольшой отряд опричников в той же Калуге¹⁷. В конце 1568 — первых месяцах 1569 г. он стоял с крупными силами опричнины (отряды еще трех военачальников) во Ржеве Володимирове как первый воевода¹⁸. В 1569 г., видимо, на весенние и летние месяцы до августа включительно, его назначили первым воеводой полка правой руки вместо умершего А. П. Телятевского в большой опричной армии, стоявшей под Калугой, а затем передвинутой к Туле. И. Д. Плещеев оказался в подчинении у своего родственника Ф. А. Басманова, который на этот раз был поставлен главнокомандующим. В мае 1570 г. Ивана Дмитриевича расписали первым воеводой в отряде, стоявшем «у Онтонья Великого» по вестям¹⁹. После падения А. Д. Басманова-Плещеева в службах его родича виден перерыв на полтора года. После этого он получает скромное назначение третьим воеводой сторожевого полка (1572 г.); вскоре идет в маленький Орешек «по ореховским вестям» для «береженья»²⁰.

Совсем другая история с сыном А. Д. Басманова-Плещеева, Федором Алексеевичем. К началу опричнины у него было всего две заметные службы. Во-первых, в полоцком походе зимой 1562–63 гг. он занимал очень скромную должность поддатни у рынды с третьим саадаком, а затем просто присутствовал в царской свите²¹. Во-вторых, после взятия города 15 февраля 1563 г., его отправили из-под Полоцка с реляцией о победе ко двору Старицких²². Когда в

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 231–233.

¹⁸ Там же. С. 242.

¹⁹ Там же. С. 250–251, 256.

²⁰ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 81. А. П. Павлов заметил, что в начале 1570-х гг. многие его вотчины пошли в раздачу «дворяном и детем боярским». Павлов А. П. Указ. соч. С. 194.

²¹ Сапунов А. П. Разряд полоцкого похода... С. 39; Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 236.

²² Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 316.

1564 г. Алексей Данилович заперся от крымских татар в Рязани и отстоял город, сын был вместе с ним. Вот, собственно, и всё. После учреждения опричнины Ф. А. Басманов получил дворовый чин кравчего, но в первые годы на военной службе оставался малозаметной персоной. Он был «воеводой для посылок» в походе осенью 1567 г., прерванном на полпути, и лишь затем получил пост первого воеводы передового полка, развернутого весной 1568 г. в составе трехполковой опричной рати против литовцев в Вязьме²³. И вот в 7077 (1568/1569) г. его ставят первым воеводой большой пятиполковой опричной рати под Калугой и даже подчиняют ему «лутчих людей» из земского войска²⁴. Триумф, которому предшествовал на редкость краткий служебный маршрут, но вместе с тем и последнее воинское назначение перед опалой. Ф. А. Басманов был не намного опытнее И. Д. Плещеева в военных делах, поднявшись на высшую ступень командирской иерархии. На военной службе он не проявил себя ни самостоятельными победами, ни долгой честной работой на переднем крае, и по заслугам перед отечеством стоит ниже Ивана Дмитриевича. Еще С. Б. Веселовский собрал о нем ряд крайне негативных высказываний: А. Курбский, немцы-опричники Таубе и Крузе, а также долго живший в Москве А. Шлихтинг пишут о нем одинаково неприязненно²⁵. По их свидетельствам, Басманов-младший делал карьеру «содомским блудотворением» с царем, к тому же он жестокими интригами вызывал гнев государя против других вельмож. Г. Штаден также считает, что с Федором Алексеевичем «великий князь предавался разврату»²⁶. Допустим, показание Курбского, ненавидевшего новое окружение царя, заведомо должно быть подвергнуто сомнению; допустим, Таубе и Крузе собирали злые сплетни и порочили всю опричнину от вершков до корешков; но слова Шлихтинга и Штадена, у которых не было явных причин питать предубеждение против Басманова, следует принять во внимание. Вероятно, у современников он оставил впечатление человека сквер-

²³ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 52; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 229.

²⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 59; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 249.

²⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 226.

²⁶ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.

ного и порочного. Басманов-младший не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Дата и обстоятельства его смерти не известны. Лишь Веселовский указывает на довольно странную деталь: «Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано “По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь... 100 рублей”. Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора»²⁷.

Захарий Иванович Плещеев-Очин был родней А. Д. Басманову: семейства Очиных и Басмановых восходили к единому предку — боярину Даниле Борисовичу Плещееву, большому вельможе времен Василия II и Ивана III Великого²⁸. Захарий Иванович имел самый богатый опыт и самый солидный послужной список среди всех главных воевод опричнины. Он отстаивал честь русского оружия во многих битвах, проявил себя как энергичный, инициативный и храбрый командир. Однако его карьера показывает: самостоятельно командуя крупными полевыми соединениями, Захарий Иванович нередко приводил их к поражению; особого полководческого таланта у него, таким образом, не видно. Он дебютировал в Козельске в 1549 г. вторым воеводой под командованием отца И. Г. Плещеева-Очина,²⁹ в 1555 г. его отправляли с князем А. И. Ногтевым-Суздальским и П. П. Головиным расследовать причины вооруженного конфликта на шведско-новгородской границе в Карелии (и заодно поставили командовать сторожевым полком в формирующейся для отпора шведам рати). Когда стало ясно, что война неизбежна, он остался в полосе конфликта и действовал удачно, в частности, вместе князем Ногтевым разбил шведский осадный корпус у Орешка³⁰. Затем он пошел первым воеводой полка левой руки в составе большой русской армии, наголову разгромившей шведов в районе Выборга³¹. Осенью 1557 г. его отправили в Путивль, по-видимому для земле-

²⁷ Веселовский С. Б. Исследования... С. 227. Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.

²⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 198-199.

²⁹ Милуков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 134.

³⁰ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 241.

³¹ Там же. С. 242-243.

описания (сказано: «в Путивле пишет»)³². Служба Захария Ивановича на Ливонском театре военных действий складывалась не столь успешно, как на Карельском. Его назначили командовать сторожевым полком в армии, вставшей под Юрьевом-Ливонским³³. В октябре-ноябре 1559 г. он совершил ряд удачных набегов на земли Ордена, но позже дважды потерпел поражение; во второй раз его разбили всерьез: воевода потерял обоз и более тысячи убитыми. По свидетельству летописи, в столь тяжком разгроме виновата несогласованность в действиях воевод и беспечность самого Плещеева-Очина — он не наладил караульную службу, к тому же вступил в жестокий местнический конфликт с Замытней Сабуровым, что мешало их служебной деятельности³⁴. В течение нескольких лет его имя не всплывает в разрядных списках: очевидно, государь положил на него опалу. В октябре 1562 г. ему сказано околичество, и он вместе с Д. Г. Плещеевым на Можайске раздаёт дворы; в большом зимнем походе к Полоцку Захарий Иванович участвовал и нигде в боевых действиях не отличился, но 17 февраля 1563 г. ему была доверена ответственная служба — вместе с тремя иными военачальниками охранять полоцкого воеводу С. Довойну и других знатных пленников; 18 февраля его перевели на должность первого воеводы в острог «за городом», где он, видимо, и остался после возвращения русской армии³⁵. За поражение большой русской армии под Улой в январе 1564 г. воеводы Захарий Иванович и князь И. П. Охлябинин подверглись опале. Тогда они оба попали к литовцам в плен, а помимо двух этих «имянных людей» пленниками стали многие русские дворяне, неприятель захватил и обоз³⁶. Главный виновник поражения, старший из воевод, князь П. И. Шуйский бежал с поля боя и погиб от рук литовских «мужиков»³⁷. Это было не просто поражение, а еще

³² Милуков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 192.

³³ Там же. С. 214.

³⁴ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 281-282; Милуков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 176, 179.

³⁵ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 124, 143.

³⁶ Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 329. К весне 1566 г. Плещеев-Очин уже вернулся из плена. (Сб. РИО. Т. 71. С. 398-399).

³⁷ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

и позор, и утрата стратегической инициативы. В 7074 (1565/1566) г. 26 «князей и детей боярских» подписали поручную запись на боярина З. И. Плещеева-Очина «...в том, что ему... в Литву не бежати и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехать и не постричься... А побежит он... в Литву или х которому ко государеву недругу в удел отъедет, или пострижетца, или безвестно где денетца, ино... на порутчиких четыре тысячи рублей денег и... порутчиковы головы в его голову место»³⁸. Иными словами, воеводе перестали доверять. Вернувшись из недолгого плена, Захарий Иванович долго не мог восстановить прежнее доверие Ивана IV и свое высокое положение. Его должность в большом осеннем походе русской армии 1567 г., свернутом на полпути, показывает, как много он потерял в карьерном смысле: его поставили всего-навсего вторым воеводой «на посылку» — ничтожный пост! Очевидно, в 1567 г. он и попал в опричнину, где удостоился боярского чина. По разрядным записям опричного похода под Вязьму (весна 1568 г.) видно: его положение начало понемногу восстанавливаться — он уже первый воевода сторожевого полка, а затем и воевода в Вязьме³⁹. По-видимому, за очередной взлет по службе Захарии Ивановичу следовало благодарить родню — Басмановых. И они вывели воеводу на высоту, которой до опричнины у него не было. В 1569 г. его отправили во главе отряда опричников с земской ратью М. Я. Морозова отбивать Изборск; эта непростая воинская задача была выполнена. Но если земских воевод и татарских мурз за изборскую победу наградили от имени царя золотыми монетами, то опричным военачальникам их не дали. По-видимому, Иван IV был недоволен местническим столкновением среди них⁴⁰. В том же году, во время калужского похода опричного корпуса З. И. Плещеева-Очина расписали первым воеводой передового полка, но затем перевели на должность второго воеводы большого полка — по всей вероятности, подстраховывать менее опытного Ф. А. Басманова-Плещеева⁴¹. Родня же и свела его в могилу:

³⁸ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. № 14.

³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 225, 229, 233.

⁴⁰ Там же. С. 240–241.

⁴¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 59–60.

очевидно, общая опала 1570 г. на Плещеевых коснулась его: имя опричного боярина попало в синодик казненных⁴².

Брат Захария Ивановича, Андрей Иванович Плещеев-Очин, не располагал ни сравнимым опытом, ни такой же энергией, однако добился высокого положения в опричной военной иерархии за счет тех же родственных связей. До опричнины его имени разряды почти не знают. Он числится сыном боярским 3-й статьи по Бежецкому Верху в «Тысячной книге» и дворовым сыном боярским по «Дворовой тетради»⁴³. В феврале 1560 г., после взятия Алыста, его посадили там вторым воеводой⁴⁴. Во время большого осеннего похода 1567 г., окончившегося у Ршанского яма, он — «дворянин в стану» у государя⁴⁵. Для серьезных воеводских назначений это, конечно, негусто. Но, тем не менее, Андрей Иванович их получает! В 7076 (не ранее зимы 1567–68) г. его поставили возглавлять отряд «из опришникины» в Одоеве; при «сходе» с армией И. Д. Колодки Плещеева он должен был подчиниться последнему и «ходить за людьми по вестям» в большом полку. Позже он был расписан воеводой большого полка, т.е. главным начальствующим лицом в корпусе трехполкового состава под Мценском (туда перешел, вероятно, и его одоевский отряд)⁴⁶. В синодике казненных его имени нет, но и в разрядах после 1568 г. оно также не встречается: опала на Плещеевых, по всей видимости, выбила его из воеводской «обоймы». Отличиться на поле боя и проявить полководческие способности этот воевода не успел — в отличие от того же И. Д. Колодки Плещеева.

Любопытно, что господство Плещеевых в опричной военной организации установилось не сразу. Это произошло лишь в самом конце 1567 или в первые месяцы 1568 г. До того на первом плане в опричном корпусе было семейство князей Телятевских. Они происходили из Тверского княжеского дома и служили Москве со времен Ивана III. Это была весьма родовитая ветвь служилой аристократии. С 1509 по 1544 г. она находилась, по всей видимости, в опале, лишилась вотчин, исчезла из разрядов, но потом постепенно восстановила высокое положение при дворе и в армии. Незадолго до учреждения

⁴² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 543.

⁴³ ТКДТ. С. 81, 201.

⁴⁴ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 285.

⁴⁵ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 51.

⁴⁶ Там же. С. 54–55; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 237.

опричнины кн. П. И. Телятевский получил боярский чин, но в 1565 г. умер⁴⁷. А. П. Павлов собрал значительный материал о больших земельных приобретениях, сделанных Телятевскими (в частности, Андреем Петровичем) в значительной степени благодаря опричной карьере⁴⁸. В доопричные времена Телятевские, как видно, не были богатыми землевладельцами и не располагали вотчинами: в «Дворовой тетради» все они фигурируют как ярославские помещики⁴⁹.

Центральная фигура среди них в опричные годы — князь Андрей Петрович Телятевский, сын боярина кн. П. И. Телятевского. Это воевода, боевой опыт которого сравним с опытом З. И. Плещеева-Очина. К опричнине он пришел с солидным «послужным списком»: рында с копьем в Коломенском походе Ивана IV летом 1557 г.; сопровождает двор Щигалея в зимнем 1558–1559 г. походе против ливонцев; через несколько месяцев — опять расписан в рынды с копьем в походе Ивана IV под Тулу, но поход этот не состоялся; первый воевода ертоула в зимнем походе на Полоцк 1562–1563 гг. (у него под командой — 628 детей боярских, плюс еще 384 — у второго воеводы, А. И. Бутурлина, плюс ногайские и астраханские татары)⁵⁰. После «полоцкого взятия» Андрей Петрович получает крупные назначения: в 7072 (1563/1564) г. его ставят первым воеводой передового полка под Вязьмой, «по литовским вестям», и в сентябре 1564 г. он участвует в отражении неприятеля у Великих Лук⁵¹. Веселовский сообщает, что в 1564 г. его пожаловали чином думного дворянина. «Для сына боярина это было небольшой честью, но следует иметь в виду, что в это время царь Иван был очень скуп на пожалования в думу»⁵². Летом 1565 г. он опять на литовском рубеже, в составе оборонительной армии, на той же должности⁵³. Осенью 1565 г. Андрей Петрович уже в опричнине. Первое время именно он является «главнокомандующим» опричного полевого корпуса. Причины выбора,

⁴⁷ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 108-111.

⁴⁸ *Павлов А. П.* Указ. соч. С. 180.

⁴⁹ ТКДТ. С. 123.

⁵⁰ *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга. С. 189, 204, 212-213, 234; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 304-305; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 129.

⁵¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 18-20.

⁵² *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 234.

⁵³ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 35.

сделанного Иваном IV в его пользу, неясны. Откуда такое доверие к нему? Известно, что Андрей Петрович выполнил службу, требовавшую большой осмотрительности: он провел расследование о смерти Алексея Адашева в Юрьеве-Ливонском и изъял оставшиеся после покойного заготовки для «летописца лет новых» (1561 г.)⁵⁴. Составляя новую духовную грамоту (ок. 1562 г.) Иван IV включил кн. А. П. Телятевского в регентский совет при его сыне Иване, а значит, уже тогда князь был доверенным лицом государя⁵⁵. Что ж, у него была влиятельная родня, составившая ему протекцию: его близким родственником был боярин кн. С. И. Пунков-Микулинский, блистательный полководец и обладатель богатого удела в Микулине, умерший в начале 60-х; за Микулинского стояла и его могучая родня по жене — семейство старинных московских бояр Морозовых. Князь Телятевский как раз весной 1559 г. вернулся из победоносного похода в Ливонию, где войсками командовал кн. С. И. Пунков-Микулинский. После разгрома немецких войск под Чесвином он имел возможность в лучшем виде представить заслуги родича⁵⁶... Незадолго до опричнины у Андрея Петровича была еще одна отличная возможность выдвинуться, которой он, по всей вероятности, воспользовался: будучи в момент «полоцкого взятия» 1563 г. первым воеводой ертоула, он наилучшим образом зарекомендовал себя в глазах царя. А Иван IV исключительное значение придавал полоцкой победе: резонанс от нее пошел по всей Европе и, главное, триумф был достигнут под непосредственным руководством государя⁵⁷, это была величайшая победа самого царя в роли военачальника. Очевидно, тогда Андрей Петрович и запомнился ему.

Итак, князю А. П. Телятевскому поручают возглавить опричный корпус на первой боевой операции — под Болховом в октябре 1565 г. По сообщению летописи, боевые действия у Болхова (в них участвовали и земские войска), увенчались успехом: основные силы

⁵⁴ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 43.

⁵⁵ СГГД. № 174.

⁵⁶ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 278.

⁵⁷ Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 108–110; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 334–337.

крымцев, устроивших набег, вынуждены были спешно отойти, а небольшие их отряды подверглись разгрому⁵⁸. Осенью 1567 г. князь Телятевский выходит под Калугу как первый воевода большого полка, т.е. как командующий всем корпусом⁵⁹. Это пик в его военной карьере. И выглядит он как вполне заслуженное возвышение; оно хоть и было довольно быстрым, но, тем не менее, Андрей Петрович успел пройти несколько более низких ступеней воеводской иерархии и получить необходимый командный опыт. В дальнейшем Телятевских оттесняют от управления военной машиной опричнины Плещеевы. В большом осеннем походе 1567 г. кн. А. П. Телятевский назначен одним из воевод «на посылку». Это несравнимо с его недавними постами. В весеннем походе 1568 г. под Вязьму он лишь второй воевода большого полка при первом — кн. М.Т. Черкасском. Допустим, пребывание на первом месте кабардинского царевича Черкасского никак не роняет чести Телятевского, но в 1568 г. высшими должностями в опричной армии завладевают И. Д. Колодка Плещеев и А. И. Плещеев-Очин. В 7077 (видимо, зимой 1568–69) г. Телятевский получает самостоятельное назначение в Брянск «с украинными воеводами», а «по вестям сходиться» он должен с рязанскими воеводами, но уже во время выхода всего опричного корпуса к Калуге в 1569 г. он расписан всего лишь первым воеводой полка правой руки. Его подчинили фавориту Ивана IV Ф. А. Басманову, который поставлен командующим⁶⁰! Это вызвало конфликт: Андрей Петрович бил челом «в отечестве о счете» на Ф. А. Басманова, но «...вскоре разболелся, и умер». Что же, быть может, болезнь рассудила два семейства, соперничавших за первенство в опричной военной иерархии. Вероятна и насильственная смерть — судя по отзывам современников о Ф. А. Басманове, он мог организовать тихую расправу над своим недругом, особенно когда речь шла о статусе всего огромного клана Плещеевых. А обстоятельства похода позволили это убийство (если, конечно, произошло убийство) скрыть. Царь, благоволивший Басмановым, не был заинтересован в серьезном расследовании. Смерть кн. А. П. Телятевского стала серьезной потерей

⁵⁸ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 348.

⁵⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221.

⁶⁰ Там же. С. 225, 229, 239, 249–250.

для командного состава вооруженных сил России. Факты его биографии свидетельствуют о том, что он был способным военачальником и мог в дальнейшем сослужить отечеству добрую службу.

Другой крупный опричный военачальник — дядя кн. А. П. Телятевского, князь Василий Иванович Телятевский. По справедливому замечанию В. Б. Кобрин, они были примерно одного возраста — «судя по времени начала службы»⁶¹. Однако по служебным достижениям племянник превзошел дядю. Василий Иванович попал на «именную службу» в Полоцком походе 1562–1563 гг.: он определен был «спати в стану у государя», а затем расписан в есаулы⁶². В 7072–7074 (1563/1564–1565/1566) гг. с перерывом с мая 1565 г. на несколько месяцев Василий Иванович сидел в Брянске наместником; кроме того, как уже говорилось выше, он выходил летом 1565 г. под Калугу в должности первого воеводы передового полка⁶³. В 1569 г. вместо З. И. Очина-Плещеева его вновь расписали первым воеводой передового полка из опричнины под Калугой⁶⁴. Следующее служебное назначение Василия Ивановича ставит перед исследователями проблему: записи разрядных книг пространной редакции сообщают, что в августе 1569 г. «после отпуску больших воевод» он был назначен первым воеводой большого полка в опричном корпусе, передвинутым на позиции в районе Тулы⁶⁵. В дальнейшем его воеводская карьера в опричнине, хотя и пошла под гору, продолжилась, несмотря на смерть племянника, сильнеешего в роду человека. В мае 1570 г. Василий Иванович был вторым воеводой у Калуги «по вестям», а осенью возглавил сторожевой полк во время общего выхода опричного корпуса к Тарусе⁶⁶. С отменой опричнины он остался в «обойме» командного состава вооруженных сил. Крупное назначение Василий Иванович получил в декабре 1578 г. — он

⁶¹ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 76.

⁶² Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода... С. 130, 131.

⁶³ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 28, 30, 39, 40; Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 246, 256, 265.

⁶⁴ Там же. С. 59-60.

⁶⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 251-252.

⁶⁶ Там же. С. 256; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69.

Кн. В. И. Телятевский был расписан также в тарусский разряд 1571 года, однако, как уже говорилось выше, вряд ли имеет смысл учитывать его.

возглавил гарнизон Полоцка. Однако оно принесло ему только горе. Летом 1579 г. польский король Стефан Баторий осадил город и вошел в него 1 сентября. Таким образом, осенью 1579 г. Василий Иванович оказался в плену. Сохранился также рассказ польского шляхтича С. Немоевского о последних годах жизни Ивана Грозного. Так вот, Немоевский сообщает, что кн. В. И. Телятевский возвратился в Россию после заключения мира с поляками; царь, гневаясь на воеводу, велел его утопить. По всей видимости, это был военачальник средних способностей, честный, надежный, но звезд с неба не хватавший. Он имел сравнительно немного командного опыта, когда взшел на высшую ступень в опричной иерархии, став во главе самостоятельного полевого соединения; с годами опыт к Василию Ивановичу пришел, но не избавил его от катастрофы 1579 года.

Князь Михаил-Салнук Темрюкович Черкасский, крещеный кабардинский царевич, приходился Ивану IV ближайшей родней: он был братом его второй жены Марии-Кученей Темрюковны Черкасской. Свадьба состоялась в августе 1561 г. Но Салнук прибыл в Москву с просьбой о помощи против наседающих соседей гораздо раньше — осенью 1558 г., тогда же и крестился, приняв имя Михаил⁶⁷. Служебная карьера Михаила Темрюковича первое время не приносила ему высоких должностей. В полоцком походе 1562–1563 гг. князь Черкасский расписан всего лишь рындой «с большим саадаком»⁶⁸. Зато после взятия города он получает от царя весьма почетное задание. Его отправляют в Москву в качестве главного из вестников победы. В опричнине кн. М. Т. Черкасский поднялся до необычайных высот. Более того, Генрих Штаден связывает сам факт учреждения опричнины с советами, поданными Ивану IV сестрой Михаила Темрюковича, царицей Марией⁶⁹. Это согласуется со свидетельством Пискаревского летописца об аналогичных советах, поданных царю В. М. Захарьиным-Юрьевым и А. Д. Басмановым: Михаил Темрюкович был женат на дочери В. М. Захарьинова-Юрьева и мог выступать «одним фронтом» с сестрой и новой русской родней.

⁶⁷ Россия помогла кабардинским князьям: осенью 1565 г. князь Мамстрюк Темрюкович Черкасский получил от царя большую армию, и с нею отбыл на родину.

⁶⁸ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 15.

⁶⁹ Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 43.

С такими родственными связями совсем не удивительно, что карьера Михаила Темрюковича в опричнине вышла просто головокружительной. Во время осеннего похода 1567 года его поставили первым дворовым воеводой (!); в весеннем походе под Вязьму 1568 года он расписан первым воеводой большого полка, да и в Тарусском разряде осени 1570 г. числится в той же должности⁷⁰. Иными словами, князь Черкасский трижды побывал в опричных «главнокомандующих» и оставался на пике карьеры как минимум с осени 1567 по конец 1570 г. В опричных воеводах ходили и другие представители рода Черкасских: Иван и Борис Таатуковичи⁷¹. Их возвышение было связано с возвышением Марии Темрюковны и ее брата. Между тем, имея (предположительно) опыт боевых действий с татарами, который мог быть им получен еще на родине, Михаил Темрюкович вряд ли когда-либо возглавлял крупные самостоятельные полевые соединения. Иными словами, в роли крупного военачальника вновь оказался человек, не получивший для этого должной подготовки.

Осенью 1569 г. царица М. Т. Черкасская умерла. Самого Михаила Темрюковича казнили (или просто тайно убили) только в мае-июне 1571 г. Свидетельством очевидной государевой опалы на него является низведение с прежнего высшего поста в опричной военной иерархии на должность первого воеводы передового полка. Именно в такой должности его отправили в составе большой рати отражать набег Девлет-Гирея. Тогда же, в самом походе, либо сразу после него, Михаил Темрюкович и расстался с жизнью⁷². После катастрофического прорыва Девлет-Гирея к Москве в мае 1571 г. Иван IV жаловался, что одной из причин поражения было отсутствие разведки и худо налаженная сторожевая служба. В частности, он говорил: «...Передо мной пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском царе знать не дали»⁷³. Очевидно, претензия относится к служебным обязанностям воевод передового и сторожевого полков. Их командирами были: кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-

⁷⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 68; С. 225, 229.

⁷¹ Там же. С. 262; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69.

⁷² Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 74; *Рогинский М. Г.* Указ. соч. С. 54; *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 55; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 543 (синодик!).

⁷³ ЧОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.

Ростовский, кн. Д. И. Хворостинин, кн. П. Т. Шейдяков, боярин В. П. Яковлев и кн. В. А. Сицкий. Трое из них — В. П. Яковлев, князь Черкасский и Темкин-Ростовский — были тогда казнены, причем Яковлев и Черкасский стоят в синодике казненных рядом⁷⁴. Из числа прочих кн. Д. И. Хворостинин временно потерял в служебном росте. Вероятнее всего, речь идет об одном деле, и очень похоже на то, что всех названных наказали за майский разгром. В таком случае, смерть царского шурина оказалась расплатой за командирскую некомпетентность. Этот инцидент вскрыл брешь в самой системе комплектования командного состава опричнины: слишком многое зависело от интересов наиболее влиятельных придворных кланов и личного доверия Ивана IV. Соответственно, воеводский опыт и полководческий талант оказывались на втором плане. И вот — расплата.

Наконец, князь Федор Михайлович Трубецкой, приход которого в опричный корпус стал одним из главных свидетельств изменения в кадровой политике Ивана IV. До 1570 г. в опричную военную организацию не брали представителей наиболее богатых и влиятельных княжеских родов. После большого карательного похода против северных русских земель, находившихся в земщине, а также расследования «новгородского изменного дела» произошел перелом. Для этого было как минимум две причины. Прежде всего, подвергся разгрому стержнеобразующий для опричнины клан Плещеевых, которые до того успели оттеснить от власти в опричном корпусе Телятевских. Плещеевы ставили своих людей не только на высшем, но и на всех уровнях командного состава опричнины. Помимо четырех перечисленных воевод, к числу опричных военачальников относились также И. И. Плещеев-Очин и Н. И. Плещеев-Очин, а также кое-кто из родни Плещеевых. Тогда же пал род князей Вяземских, а это еще четыре опричных воеводы, из них два крупных: князья А. И. Вяземский-Глухой и Д. И. Вяземский. Более того, сам поход мог вызвать серьезное разочарование царя в опричнине: во время грабительского похода на Северную Русь в 1569–1570 гг. опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе, личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Ста-

⁷⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 543 (синодик!).

рице смотр опричному войску, желая знать «...кто остается при нем и крепко его держится»⁷⁵. Следовательно, Иван IV увидел в рядах опричного войска заметное число людей отставших, ушедших по своим надобностям... Поэтому опричный корпус нуждался, во-первых, в укреплении новыми командными кадрами, поскольку старые оказались выбиты или попали под подозрение, и, во-вторых, потускнела идея, согласно которой опора на старинные московские боярские рода и устранение представителей сильнейшей титулованной аристократии от рычагов управления опричниной придадут опричному военному механизму особый градус верности, управляемости, инициативности. Поэтому весной-осенью 1570 г. происходит вливание целого ряда способных военачальников из числа титулованной знати, притом ее «сливок», в командный состав опричнины. Среди них виднейшей персоной был именно Ф. М. Трубецкой.

Федор Михайлович происходил из весьма знатного рода, идущего от Гедимины и Ольгерда. Трубецкие служили государям московским со времен Ивана III. Они на протяжении всего XVI века сохраняли права на родовые вотчины в Трубчевске и даже остатки удельного суверенитета, хотя удел был ликвидирован не позднее 1531 г. До первой половины 1560-х гг. Федор Михайлович известен лишь по «Дворовой тетради» как служилый князь⁷⁶. В разрядных записях его имя появляется незадолго до опричнины. Князь Трубецкой упомянут в числе есаулов, ходивших с Иваном IV под Полоцк зимой 1562–63 гг.⁷⁷ С 7072 (1563/1564) г. он на протяжении нескольких лет сидит первым воеводой на переднем крае обороны южных рубежей России в Децилове. Отпускают его с воеводства лишь в сентябре 1565 г. Летом 1565 г. он, как уже говорилось, ненадолго выходил сначала к Кашире, а затем к Калуге во главе защитной рати. В дальнейшем его карьера складывалась в рамках земщины. Известно, например, что осенью 1567 г. он стоял первым воеводой в передовом полку на Великих Луках и там же расписан был «в посылку» первым в сторожевом полку; позднее он занимает пост первого воеводы в Туле⁷⁸. В опричнине он оказался не позднее мая 1570 г. С

⁷⁵ Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 108 (курсив мой — Д. В.).

⁷⁶ ТКДГ. С. 117.

⁷⁷ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 131.

⁷⁸ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 53-54; Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 78.

момента попадания в опричнину Трубецкой становится одной из крупнейших величин в вооруженных силах России при Иване IV и его сыне Федоре Ивановиче (1584–1598 гг.), одним из «столпов царства». Князь Трубецкой с самого начала занимает среди опричных военачальников ведущее место. Почему именно он был избран царем для этой высокой службы, понять нетрудно. Трубецкой не имеет прочных связей со старым воеводским корпусом опричнины, а значит, избавлен от подозрений в доброжелательстве к «новгородским изменникам». Военный опыт у него вполне достаточный, хотя и нет ярких боевых достижений. Главное же достоинство — чрезвычайная знатность рода. Опричные воеводы не вылезали из местнических споров друг с другом, что заметно вредило службе, а против Федора Михайловича ни один из них не посмел бы инициировать подобного разбирательства: слишком велико было превосходство прямого потомка Ольгерда. Итак, в мае 1570 г. он возглавляет опричный отряд, поставленный у Калуги «по вестям». Летом того же года уже поставлен первым воеводой большого полка, т.е. «главнокомандующим» основных сил опричного корпуса, дислоцировавшихся там же. Осенью Федор Михайлович вновь под Калугой командует опричным отрядом. В походах Ивана IV 1571 и 1572 гг. он ставится первым дворовым воеводой⁷⁹. На исходе опричнины, не позднее октября 1571 г., князь Трубецкой получил боярский чин: об этом сообщает разряд государевой свадьбы с Марфой Собакиной: здесь, среди прочих доверенных людей, присутствует с семьей и Федор Михайлович⁸⁰. Падение опричнины, в противоположность судьбам многих других опричников, не разрушило его карьеру.

Где же они, эти яркие дарования? Где же они, победы, прославившие русское оружие и держанные под командою опричных «выдвиженцев»? На счету опричного корпуса всего один серьезный военный успех. Это разгром крымцев в районе Зарайска в мае 1570 г.⁸¹, совершенный отрядом кн. Д. И. Хворостинина, происходившего из князей ярославских. Дмитрий Иванович ни хуdorод-

⁷⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 256, 261, 292; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69, 74, 81.

⁸⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 286.

⁸¹ Там же. С. 256.

ным, ни «новым человеком» не был. Он и до опричнины ходил в воеводских чинах...

Изучив кадровый состав высших военачальников опричного корпуса, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, во главе опричного корпуса во всех крупных его операциях ставились представители родовитой служилой знати. К подобной службе не допущено ни единого представителя провинциального «городового» дворянства или даже дворянства московского, но не принадлежавшего старинным боярским родам. Никаких «худородных», иными словами.

Во-вторых, наличие боевого и руководящего опыта для претендентов на высший командный пост в опричнине отступало на второй план перед иными критериями: принадлежностью к «правильному» семейно-родственному клану и доверием государя. Из восьми названных военачальников четверо располагали явно недостаточным опытом для столь высоких и столь ответственных должностей: Ф. А. Басманов-Плещеев, И. Д. Колодка Плещеев, А. И. Плещеев-Очин и кн. М. Т. Черкасский. Не намного больше опыта было у князя В. И. Телятевского. А старый боевой воевода З. И. Плещеев-Очин пришел в опричнину с репутацией человека, неоднократно битого неприятелем. Таким образом, общая боеспособность высшего командного состава опричного корпуса оставляла желать лучшего. Мнение Р. Ю. Виппера о «талантливых выдвиженцах» Ивана Грозного не находит подтверждения на материале верхнего яруса опричной военной машины. Государь, пользуясь терминологией А. А. Зимина, действительно, «смело выдвигал новых людей», но на данном уровне выбор Ивана IV обеспечил армию военачальниками далеко не лучшего качества.

Ради этих двух абзацев, не оставляющих камня на камне от мифа о «талантливых выдвиженцах», пришлось на протяжении нескольких месяцев прилагать к материалу профессиональные усилия... Но с мифами всегда так.

А. Н. КОЖАНОВСКИЙ

ИСПАНСКИЕ РЕГИОНАЛИСТЫ И ДОНСКИЕ КАЗАКИ

Автор этих строк, много лет профессионально занимавшийся этнографией / этнологией Испании, однажды по ходу работы пришёл к выводу, что представления относительно состава населения Испании и сущности тамошнего «национального вопроса», утвердившиеся у нас в советский период и продолжающие доминировать в общественном сознании после 1991 г., во многом не соответствуют реальному положению вещей и весьма затрудняют адекватное восприятие и понимание сути «этнонационального» ряда событий, происходящих на другом конце Европы. Данная ситуация, совершенно неудовлетворительная сама по себе, становится и вовсе неприемлемой, когда к испанскому опыту пытаются обращаться как к материалу при сравнительном анализе процессов, важных для нашего общества и для оптимизации политики по отношению к ним. А такого рода сопоставлений, прямых или косвенных, было за истекшие годы более чем достаточно — и понятно почему: в последней четверти XX века Испания, подобно России, но несколько опередив ее, пережила всестороннюю радикальную «перестройку», фактически перешла из одной (авторитарной) эпохи своей истории в другую (либерально-демократическую), причём этот переход был осуществлён, по мнению многих аналитиков, едва ли не оптимальным образом (в смысле его последствий для страны и её населения). При этом «национальный вопрос», всегда был там и у нас (как считают здесь) одним из наиболее актуальных, сложных и болезненных.

Поскольку ход исследований автора и выводы, к которым он пришёл относительно «этнонациональной ситуации» в Испании, подробно изложены в других работах¹, в данном случае целесооб-

¹ *Кожановский А. Н.* Быть испанцем. Традиция. Самосознание. Историческая память. М., 2006; *Он же.* Испанский случай: этнические волны и регио-

разно ограничиться упоминанием некоторых положений, представляющихся важными в контексте настоящей статьи.

Итак, согласно привычному отечественному взгляду, основное коренное население современной Испании есть совокупность четырёх народов/этносов/наций: испанцев, каталонцев, галисийцев и басков, — каждый/ая из которых характеризуется общим генетическим происхождением (иногда уточняется, что правильнее говорить о «представлении об общем генетическом происхождении»), имеет за плечами многовековую «этническую историю», обладает собственной неповторимой национальной культурой, особым национальным языком, высоким уровнем национальной сплочённости и соответствующего ей самосознания, собственной этнической территорией (ареалом традиционного расселения) и, наконец, особым «политическим проектом» в виде стремления к сохранению целостности страны (у испанцев) или, напротив, к созданию в пределах зоны обитания «своего» государства (у всех остальных) или хотя бы к достижению автономии, в которой этот народ/этнос/нация должен/на иметь главенствующие позиции «народа-хозяина». Соответственно содержание тамошнего «национального вопроса» видится отсюда в различном положении означенных этносов в системе испанского государства (обычно испанцев описывают как «исторически доминирующий» этнос, тогда как басков, каталонцев и галисийцев — как «национальные меньшинства», исторически ущемлённые в своих законных правах), в политике центральной власти по отношению к ним, в их собственных действиях по обеспечению своих национальных интересов, в их отношениях между собой и т.д. Между тем столь ясная, казалось бы, картина не находит подтверждения ни в реальной социально-политической жизни Испании, ни в общественном сознании её населения, отражённом в существующей там понятийно-терминологической практике.

Даже привычно используемые в нашей литературе в качестве этнических обозначений термины имеют в испанском контексте иное смысловое наполнение. Так, слово «испанцы» означает там —

нальные утёсы // Национализм в мировой истории. М., 2007; *Он же*. Государственная идентификация по-испански // Испания. Анфас и профиль. М., 2007.

и не только в официальной трактовке, но и в общественном сознании — вовсе не доминирующий народ-этнос, а принадлежность к общегосударственному (в данном случае общеиспанскому) историко-политическому единству, согражданству (по аналогии с нашими «россиянами»), а названия «каталонцы», «баски», «галисийцы» практически однозначно отождествляются в испанской традиции только с обитателями соответствующих исторических областей/регионов и таким образом ставила в один ряд с обозначениями выходцев из других регионов Испании («арагонцы», «балеарцы», «андалузийцы», «валенсийцы», «кастильцы», «астурийцы»). И подобно тому, как отдельные регионы вместе составляют Испанию, сообщества их обитателей в совокупности являют собой «испанцев».

Это «областное» подразделение обитателей Испании всегда находило самое непосредственное отражение в самосознании и взаимоотношениях местных жителей. Русский путешественник 1880-х годов И. Яковлев пишет об этом так: «...С самого приезда в Испанию я заметил, что все провинции (имеются в виду исторические области. — *А. К.*) здесь друг с другом на ножах. Валенсийцы — бандиты и мошенники, андалузцы — лгуны, гальего (уроженец Галисии. — *А. К.*) — животное, больше других похожее на человека, арагонцы — грубы и глупы, баски — невежды и фанатики, манчего (обитатели Ла-Манчи. — *А. К.*) — воры и т.д»; «только земляк считается соотечественником, остальные — иностранцы, к которым относятся враждебно или свысока, смотря по провинции»².

Именно с интересами областей — будь то в области политики, экономики, культуры — всегда вынуждена была считаться испанская верховная власть. Вполне наглядно это проявилось и в ходе радикальной реформы государственно-территориального устройства конца 1970-х – начала 1980-х гг., когда в пределах страны, при полном соблюдении демократической процедуры, т.е. в согласии с волей населения, — возникли целых 17 (а не три или четыре, как можно было бы ожидать, исходя из концепции о «доминирующем народе» и «национальных меньшинствах») так называемых «авто-

² Яковлев И. Очерки современной Испании. 1884–1885. СПб., 1889. С. 306, 338-339.

номных сообществ» (*comunidades autonomas*), на которые ныне подразделяется территория Испании, и границы которых в основе своей воспроизводят древние рубежи её исторических областей.

Именно «земляческие», т.е. территориальные, областнические сообщества местных жителей издавна выступают здесь в качестве субъектов межгрупповых отношений в историко-культурной сфере, в качестве групп/коллективов, осознающих своё единство, общность своей культуры, своей исторической судьбы, своих интересов (в том числе и политических); обладающих единым самоназванием и ясным сознанием отличия по всем этим признакам от других, соседних и отдалённых, групп/сообществ того же уровня. Но это вовсе не «народы-этнос» в нашем понимании — хотя бы потому, что они не отвечают некоторым важнейшим характеристикам, обычно подразумеваемым за этносом как таковым.

Так, какая-нибудь историческая область (регион) Испании может иметь в своём составе территории, население каждой из которых исконно говорит на своём особом языке (к примеру, в случае с Арагоном это испано-, каталано- и арагоноязычные зоны). В российской трактовке этот факт означает, что в пределах Арагона расположены «этнические территории» двух наций, испанской и каталонской, в составе первой из которых имеется ещё, возможно, некая этнографическая/этническая, пережиточно арагоноязычная, группа, а само население Арагона состоит, соответственно, из представителей двух названных наций/народов/этносов. Но с точки зрения самих обитателей региона (а равным образом и прочих их соотечественников, так же, кстати, как и официальных властей, какую бы политическую силу они ни представляли), все они, независимо от языка и прочих локальных особенностей, являются «арагонцами» и именно по признаку областной (региональной) принадлежности противостоят остальным гражданам страны — *на уровне регионов*.

И наоборот, общность языка и происхождения обитателей двух или нескольких соседних регионов совсем не означает здесь их принадлежности к одному и тому же народу ни в их собственных глазах, ни во мнении других жителей Испании. Не случайно французский автор, компетентный в испанской проблематике, наставляет своих соотечественников: «Не спутайте каталонца с мальоркинцем

(на том основании, что и в Каталонии, и на о. Мальорка говорят по-каталански. — *А. К.*), иначе сойдёте за неграмотного»³. Соответственно «каталонцы» в данной системе понятий — это только обитатели региона Каталония (коренные и дети приезжих, а во многих случаях и сами приезжие, которые, прожив здесь много лет, стали отождествлять себя уже с этой областью, а не с регионом происхождения), «валенсийцы» — жители региона Валенсия (большая часть которого находится в каталаноязычной зоне); та же история с «басками» и «галисийцами». Словом же «испанцы», повторимся, здесь традиционно обозначается не какой-то особый народ/этнос, наряду с другими народами, проживающими в стране, а *все* коренные ее обитатели, составляющие в совокупности нацию-согражданство.

Местные сепаратисты (а они есть в каждом из 17-ти автономных регионов страны) могут отрицать свою «испанскость» и писать на стенах, к примеру, «Каталония — это не Испания!», но это остаётся делом их личных или партийных убеждений. Исторически доминирует тенденция, в полном соответствии с которой даже крайние баскские радикалы считают ныне возможным публично утверждать, что «баск — это тот, кто живёт и работает в Стране басков».

Что же касается тех четырёх вышеназванных совокупностей населения Испании, которые соответствуют привычному для нас описанию «народов/этносов/наций» этой страны и были «дистанционно» выделены в своё время отечественными исследователями на основании критериев, которым приписывалась тогда универсальная валидность, то в реальности они никак не проявляют себя в качестве самостоятельных коллективных сущностей, не имеют никакого самоназвания или же общего самосознания, не претендуют на общую культуру или общий «политический проект». Не знает — и никогда не знала — указанных «наций» и испанская государственно-административная практика. Попросту говоря, именно таких народов-этносов на испанской земле нет, в том числе и потому, что для жителя Испании нет какого-то раз и навсегда закреплённого за ним, единственного на все случаи его жизни обозначения принадлежно-

³ *Louapre E.* L'Espagne d'aujourd'hui. Londres, 1986. P. 23-24.

сти к одной определённой совокупности населения — вроде пресловутой «национальности» (этнической принадлежности) нашего недавнего прошлого, которая фиксировалась официально и могла весьма ощутимо повлиять на судьбу человека. Вместо этого наличествует целая иерархия уровней принадлежности и соответствующих ей форм самосознания. Человек ощущает себя членом сообщества своего квартала, селения, города, своей комарки (небольшого района), своего родного острова, своей провинции, исторической области (региона), своей страны в целом — в зависимости от контекста, от ситуации, в которой он находится в данный момент. И все эти сообщества — вовсе не плод его воображения, а реально существующие коллективы, со своими интересами, особенностями, самосознанием и самоназванием, культурой, своим историческим прошлым; иное дело, что все перечисленные связи, как правило, неравноценны, и в каждом конкретном случае одни из них могут существенно превалировать над другими (к примеру, связи по региону — над связями по провинции, или же наоборот); к тому же с течением времени положение дел, как правило, ощутимо меняется, узы одного уровня слабеют, другого, напротив, крепнут. Поскольку требования и интересы политического свойства исторически оказались сосредоточены по преимуществу на уровне регионов («исторических областей»), именно последние и были в ходе реформ конца 1970 — начала 1980-х годов наделены весьма широкими правами и полномочиями по самоуправлению, что превратило жёстко унитарную до той поры Испанию в «государство автономий» едва ли не федеративного толка.

Конечно, данная трактовка «этнонациональной ситуации» в Испании весьма отличается от той, к которой мы привыкли. Мало того, если с ней согласиться, следом неизбежно встанет вопрос о том, как воспринимать саму эту «ситуацию»? Имеет ли место какой-то особый «испанский случай», некая аномалия в этнонациональной сфере? Ведь и мы сами, и предшествующие нам поколения соотечественников привыкли к совсем иным формам бытования «этнического начала» в нашей стране, к тому, что роль «национального фактора» в общественно-политической жизни у нас всегда была чрезвычайно велика, она поддерживалась и закреплялась официально, и это воспринималось как нечто само собой разумеющееся. И

наша наука немало потрудились, доказывая, что «этническая ипостась» органично присуща человечеству, что всё оно без остатка естественным образом подразделяется на этносы, так что каждый человек с рождения и до смерти — непременно член одного из них, «этнофор», а каждый этнос имеет право на политическое самоопределение. Вряд ли есть серьёзные основания сомневаться (по крайней мере, до последнего времени), что такая или примерно такая картина мира (пусть и в иных терминологических категориях) соответствует видению подавляющего большинства населения нашей страны.

* * *

Однако так было не всегда, и если мы обратимся к реалиям российской жизни хотя бы немного более отдалённого, чем советское, времени, то увидим, что немало таких, которые не укладываются в рамки известной «теории этноса» и более того — очень напоминают то, что мы наблюдаем на примере Испании. В данном случае, чтобы продемонстрировать это, предлагается воспользоваться не какими-либо специальными научными разработками, которые всегда можно поставить под сомнение по подозрению в «концептуальной ангажированности» и тенденциозном подборе материала, а общеизвестным текстом прославленного романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». Необходимо сразу оговориться, что здесь перед нами тот случай, когда ни художественный характер произведения, ни всплывающий время от времени скандальный вопрос о его авторстве ничуть не умаляют возможностей его использования как полноценного документа эпохи, — впрочем, об этом сказано и написано уже достаточно.

Нужно сказать, что в отечественной литературоведческой науке рассматриваемый нами круг вопросов уже оказывался (отчасти) объектом исследования, предпринятого, правда, в ином аспекте и с иными целями. Речь идёт о незаконченной работе И. А. Медведевой «Стремя “Тихого Дона”. Загадки романа»⁴ (написана под псевдонимом «Д*»), которая в СССР была запрещена. По мнению автора, ведущая тема романа (точнее, его изначальной версии) выражена в словах старинной казачьей песни о «тихом Доне», который «у Мо-

⁴ Медведева И. (Д*). Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа). М., 1993.

сквы, как жить, не спрашивался»⁵; главный идейный принцип — взгляд на события «исходя из интересов казака-земледельца, казака-воина, ограждающего землю свою и независимость от всего *иногороднего* (будь то соседние *мужики* или *хохлы*, будь то сама Москва с ее всеохватом или корыстные иноземцы)»⁶.

В самом деле, любой отечественный читатель романа прекрасно знает, что донские казаки, о которых здесь идёт речь, представляют собой неотъемлемую часть русского народа/этноса. В тот период, когда официальные документы, удостоверяющие личность гражданина, непременно включали пункт о его «национальности» (этнической принадлежности), донские казаки однозначно фиксировались там как «русские». Упоминания в специальной литературе о донских казаках как об «этнографической» или «этнической» группе, т.е. о совокупности населения, обладающей некоторым историческим своеобразием и осознанием данного своеобразия, никогда не ставили под сомнение их принадлежность к русской национальности. Подразумевается, что основные, базовые этнические признаки, которые характерны для русского народа/этноса в целом и которые, с одной стороны, объединяют и внутренне сплачивают его, а с другой, отличают от прочих этнических общностей того же уровня, естественным образом распространяются и на донских казаков.

Однако с первых же страниц читателю, вознамерившемуся обратиться к хорошо знакомому тексту романа, на сей раз с точки зрения «национального вопроса», придётся «споткнуться», и не однажды, на многочисленных (часто мимолётных, порою развёрнутых) высказываниях, описаниях, оценках, вполне органичных, судя по всему, для самого автора и его героев, но вступающих в очевидное противоречие с упомянутыми трактовками, сделанными с позиций «теории этноса». Начать с того, что, как мы знаем, в решении вопроса об этнической принадлежности той или иной личности или группы людей определяющее значение принято придавать самосознанию, самоназванию, представлению об общем происхождении, общему языку и культуре. И вот — первая большая сцена, где мы

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 56.

вплотную сталкиваемся с «национальным вопросом» на дореволюционном Дону. В данном случае речь идёт о массовой жестокой драке на мельнице между казаками и живущими в Донской области со времён Екатерины II украинцами (они же в тексте «хохлы» и «тавричане»). Сразу после побоища один из героев романа, приезжий революционер-пропагандист Штокман, пытается остудить бойцовский пыл разгорячённых казаков и публично спрашивает одного из них, некоего Афоньку, только что говорившего о «хохлах»: «А ты кто?» — на что получает презрительный ответ: «Я-то казак, а ты не из цыганев?», — после чего пытается просветить его, а заодно и всех присутствующих: «Нет. Мы с тобой обое русские», — однако, без успеха. «Брешьешь! — отдельно выговорил Афонька». «Казаки от русских произошли. Знаешь про это?» — настаивает Штокман. «А я тебе говорю — казаки от казаков ведутся» — упорствует его собеседник. «В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их-то и прозвали казаками», — рассказывает агитатор очевидные для него самого вещи, но для окружающих они звучат дико, в споре на эту тему они не видят смысла, а значит: «Иди-ка ты, милый человек, своим путём...», «Сволочь поселилась!.. Ишь, поганец, в мужиков захотел переделать!» и т.д.⁷ В свете этого уже не случайными обмолвками выглядят слова автора в прологе о том, что «подстриженная... борода и *обычная русская одежда*» (курсив мой. — А. К.) делали героя повествования «непохожим на казака»; что с какого-то момента в его семье «пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей» (а не «с русской», как было бы, кажется, более правильно выразиться в данном случае. — А. К.) [т. 2, с. 12].

Здесь же автор считает нужным дать своего рода «историческую справку» о многолетней непрекращающейся вражде между казаками и местными украинцами («Эй, хохол! Дорогу давай! На казачьей земле живёшь...»; «драки начинались... просто потому, что “хохол”, а раз “хохол” — надо бить»), и резюмирует: «в драках лилась на землю кровь казаков и пришельцев — русских, украин-

⁷ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1956–1960. Т. 2. С. 141–145. (Далее ссылки располагаются в тексте, помещаются в квадратные скобки и даются по этому изданию).

цев», — относя тем самым, по сути, к одной и той же категории представителей двух качественно различных (в привычной для нас понятийно-терминологической системе) типов общностей: народов/этносов (русские и украинцы), с одной стороны — и социального сословия (казаки), с другой. Впрочем, само слово (термин, обозначение) «казак» имеет в романе несколько значений: это и мужчина, в отличие от женщины («казак? — девка!»; «иная баба забьёт и казака разными словами» [т. 2, с. 74, 224]); и взрослый социально полноценный мужчина, принявший воинскую присягу, в отличие от подростка (т. 2, с. 166); и сословная принадлежность («опять же он мужик, а мы казаки» [т. 2, с. 129], «он за честь должен принять, что за его дочерю казак сватается» [т. 2, с. 130], «казак ты, или мужицкий лапот?» [т. 2, с. 235]); и особый род войск; и, наконец, полноправный, «коренной» житель Донской области — в отличие от всех остальных, являющихся здесь «чужаками».

Последнее (т.е. «областное») значение явно выходит на первый план во взаимоотношениях казаков с окружающим миром, со всеми, кто появляется на донской земле по ходу действия романа или же успел обосноваться там ранее, сколь угодно давно (о «пришлом» статусе этих последних «коренное» казачье население прекрасно помнит, не желая делиться с ними тем, что считает своим единственным достоянием — землёй и правами). Но примечательно, что среди массы «чужаков» имеются и те, кто принадлежит, как у нас считается, к одному с казаками этносу, и те, кто принадлежит к другим этносам — и казаки не делают между ними принципиального различия, в том числе и по признакам, считающимся «этнообразующими» (культура, язык, представление об общности происхождения). Всё это или не принимается во внимание, или порождает сопротивление (пример убеждённости в своём особом «этногенезе» — «казаки от казаков ведутся» — мы только что видели). Главное в практикуемом ими делении на «своих» и «чужих» — принадлежность к казачьему сословию и вытекающая из неё монополия на полноправие в рамках Донской области — «казачьей земли»; неразрывно связанное с ними начало — *земляческое*, а не этническое. Таким образом, самоопределение, осознание коллективной общности произошло и затем поддерживалось здесь по сословно-земляческому принципу: казак —

истинный донец, остальные (не казаки) — не истинные донцы. В этом, социально-региональном, «донском» контексте они даже терминологически противопоставляют себя России и русским — независимо от классов и мест происхождения. Так, об одном из наёмных работников в усадьбе казачьего генерала упоминается, что он «родом был из богучарских москалей» (т.е. пришлый на Дону; не забудем, что, к примеру, среди украинцев «москаля» — неуважительное обозначение русских вообще) [т. 2, с. 185]. А вот и ещё одна говорящая характеристика: «обрусевший казак» [т. 2, с. 347].

Образованный казачий офицер размышляет о казаках: «всё же это — маленькая обособленная нация, по традиции воинственная, а не то что какой-либо фабричный или мужицкий сброд» [т. 3, с. 24]. Его боевые товарищи решительно поддерживают в июле 1917 г. казачьего генерала Корнилова: «Оторвёмся от него — пропадём! Расея навозом нас загребёт» [т. 3, с. 113]. Ещё один характерный диалог в романе: «...а из каких народов Ленин будет? Где он родился и произрастал? — Ленин-то? Русский. — Нет, браток... Знаешь, каких он кровей? наших. Сам он из донских казаков...» [т. 3, с. 161]. Очень характерно, что здесь, как и во многих аналогичных местах, упомянуты «кровя», т.е. речь всякий раз идёт именно о настойчивом «биологическом» противопоставлении казаками себя русским.

Идеал казачьего автономиста — «будущая привольная жизнь на родимом Дону, когда не будет в пределах области ни одного русака» [т. 3, с. 198]. Старый казак Пантелей Прокофьевич внушает политически неустойчивому сыну Григорию: «Вонючая Русь у нас не должна править» [т. 3, с. 280]. Герой романа воюет против нового врага, пришедшего на Дон; «обличье» прежнего он твёрдо знал: «в большинстве они были донские офицеры, казаки. А тут ему приходилось иметь дело с русскими солдатами, с какими-то иными людьми...», и к ним он испытывает «огромное, ненасытное любопытство» [т. 4, с. 87].

Есть у казачьей сословно-земляческой общности и свой «политический проект» — достижение максимально полной административно-политической самостоятельности по образцам, оставшимся в далёком прошлом, в казачьем «золотом веке», — то и дело обретающий отчётливо антироссийское звучание. В начале пятой части романа [т. 3, с. 198 и далее] автор знакомит читателей со взглядами

одного из «заядлых казаков-автономистов» (казачьего офицера Изварина), представителя «казачьих кругов самостийного толка», сторонников «полной автономии Области Войска Донского», «установления того порядка правления, который существовал на Дону ещё до порабощения казачества самодержавием». Они надеются на скорый приход времени, «когда... казачество, имея на своих правительственных границах пограничные посты, будет как с равными, не ломая шапок, говорить с Украиной и Великороссией и вести с ними торговлю и мену» [т. 3, с. 198], — и автор сообщает, что их взгляды находят живой отклик и поддержку большинства казаков, трогают «наиболее сокровенное, лелеемое» ими (т. 3, с. 199). Казачьи «самостийники» надеются, что после отделения от России донское казачество сможет «восстановить свои уничтоженные русскими царями порядки, выселить всех пришлых иногородних... Земля эта — наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покорённые Россией, защищали четыреста лет её границы и не думали о себе» [т. 3, с. 199-200]. Главный герой романа, простой казак, усвоивший «автономистские» идеи, выражает их так: «России-матушке мы теперь низко кланялись... Своя власть, свои порядки. Хохлов с казачьей земли долой, протянем границу — и не подходи! Будем жить, как в старину наши прадеды жили» [т. 3, с. 203–204].

Периодом наибольшей активности донского сепаратизма становится 1918 год — время всеобщей гражданской смуты после распада единой Российской державы. Именно тогда были предприняты действия по созданию в пределах Донской области независимого государства. Автор приводит текст пространного письма атамана Краснова германскому императору, где казачий лидер, ссылаясь на взаимное уважение «воинственных народов германцев и казаков» (т. 4, с. 48), просит своего коронованного адресата «признать права Всевеликого Войска Донского на самостоятельное существование», с границами «в прежних географических и этнографических его размерах», заставить московские власти установить с Доном равноправные межгосударственные отношения, «помочь молодому нашему государству», тем более что «два месяца борьбы доблестных донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины... увенчались на всех фронтах нашего государства (имеется в виду

Донская область. — *А. К.*) полной победой... Государственный порядок внутри страны (Донской области. — *А. К.*) окреп...» [т. 4, с. 46–48].

Что касается широких масс казачьего населения Донской области, то «самостийные» настроения в их среде, безусловно, находили поддержку в той части, которая касалась решительного сопротивления всяким посягательствам извне на границы донских земель и — шире — на уклад казачьей жизни, на право казаков самим распоряжаться своей судьбой. Именно эти чувства владеют Григорием Мелеховым: «...В старину, слышно, Дон татары обижали, шли отнимать землю, неволить. Теперь — Русь. Нет, не помирюсь я! Чужие они мне и всем-то казакам» [т. 4, с. 165], и далее: «Гнать их (красных. — *А. К.*), как татар, из пределов области! Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир!» [т. 4, с. 198]. Однако едва ли не столь же враждебно настроен он и к тем, кто воюет на его стороне — если это «чужаки». Так, свою грубую выходку по отношению к одному из них, английскому офицеру-инструктору, он объясняет тем, что «мне он тут, под Усть-Медведицей (донская станица — *А. К.*), что-то не понравился... Две собаки грызутся, третья не мешайся... я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил!» [т. 5, с. 99].

Примечательно, что аналогичную точку зрения исповедуют и донцы, сражающиеся на противоположной стороне. В самом начале 1918 г., в ходе борьбы за власть на Дону между так называемым Войсковым правительством Войска Донского (белыми) и Военно-революционным комитетом (красными) оба провозглашают лозунг «казачьего самоуправления» в Донской области; оба заявляют, что не желают, чтобы «кто-нибудь посторонний» навязывал Дону свою волю, и тем более чтобы в Область входили чьи-либо внешние по отношению к ней вооружённые формирования [т. 3, с. 231 и далее].

Неразрывно связано с этой «закрытостью вовне» и горячей привязанностью к родной области категорическое нежелание донских казаков в ходе боевых действий уходить из её пределов — даже если это сулит стратегические выгоды или же, напротив, грозит поражением и всяческими бедами. В романе мы встречаем многократные обращения к этому сюжету, что говорит о его несомненной актуальности в годы гражданской войны, когда командованию

приходилось считаться с чувствами и волей подчинённых. Вот восставшие против большевиков (в 1919 г.) казаки обсуждают дальнейшие действия: «От своих плетней не пойдём! Биться, так возле куреней, а не чужую жизнь спасать!» [т. 4, с. 275]. А вот как развиваются события, когда белые, вместе с примкнувшими к ним казаками, переходят в наступление: «Донская армия, выйдя за границы Хопёрского округа... утратила наступательную силу... Казаки-повстанцы... по-прежнему не хотели воевать за пределами Донской области... и никакими ухищрениями командование Донской армии не могло понудить их сражаться с таким же упорством, с каким они недавно сражались в пределах своей области...» [т. 5, с. 199-200]. Зато их отчуждённость по отношению к жителям соседних неказачьих регионов то и дело принимает крайние, совершенно недостойные формы: «В занятых сёлах Саратовской губернии казаки держали себя завоевателями на чужой территории: грабили население, насиловали женщин, уничтожали хлебные запасы, резали скот» [т. 5, с. 191].

Но вот ситуация изменилась, и военное счастье повернулось спиной к казакам. Отступая, они вновь оказались на родной донской земле, и тут же «снова обрели утраченную боеспособность; дезертирство резко сократилось, из станиц среднего Дона потекли пополнения. Чем дальше [красноармейцы]... вторгались в землю Войска Донского, тем сильнее и ожесточённее становилось оказываемое им сопротивление. По собственному почину казаки повстанческих станиц Верхне-Донского округа объявляли на сходах поголовную мобилизацию, служили молебны и немедленно отправлялись на фронт» [т. 5, с. 203]. Подобным образом уже много времени спустя, после победы советской власти, командир мятежного казачьего эскадрона, оказавшегося под угрозой разгрома, уговаривает своих бойцов перейти на территорию соседней Воронежской области, где население готово оказать им поддержку. Но те, даже рискуя жизнью, решительно отказываются уходить из донских пределов, вынуждая своих начальников пойти на попятный [т. 5, с. 433].

Многokратно подчёркнуто в романе своеобразие донской казачьей культуры, нередко противопоставляемой чужеродной, чаще всего — русской. Казаки сразу отличали «своих» по внешнему ви-

ду — манере одеваться (иной, нежели «обычная русская»), стричь бороду и пр. («носил он чуб по-казачьи, зачёсывая на правую сторону» [т. 1, с. 188]; «казáчку из всех баб угадаешь [по одежде. — *А. К.*]... А у мужичек зад с передом не разберёшь, — как в мешке ходит...» [т. 3, с. 277]); по особой «казачьей» посадке в седле (при этом иная, неместная манера ездить верхом вызывает у казаков насмешку и презрение: «Мужики! Он и лошадь-то, может, в первый раз видит» [т. 4, с. 128]). Столь же ясно отдают казаки себе отчёт в своеобразии своей, «казачьей» манеры говорить — и дорожат ею, постоянно отмечая особенности «чужих» вариантов русской речи и то и дело как бы отталкиваясь от них наиболее доступным способом — передразнивая их совсем не по-доброму («мал-ти поедим, гляди — и доедим» [т. 4, с. 128]; «гнида гадкая, вонючая... теперя уж не скажет “тут”, а “здесь”...» [т. 3, с. 86], и т.п.). Свято блюдутся обычаи предков: «Год от рождения тебе сравнялся, и по давнишнему казачьему обычаю вынес я тебя на баз... и посадил верхом на коня», — рассказывает отец сыну. Не раз и не два читателю напоминают об особых традиционных формах социально-административного устройства Донской области: «У нас Войсковой круг, власть народная — на что нам Советы? — спрашивали казаки» [т. 3, с. 161].

Примеры подобного рода щедро рассыпаны по всему тексту, но и приведённых достаточно, чтобы увидеть: донские казаки в описании автора романа «Тихий Дон» в этнокультурном аспекте по множеству параметров типологически удивительно напоминают региональные общности населения Испании, в особенности те из них, что входят в ареал собственно испанского (кастильского) языка. И там, и здесь областные группы уверенно противопоставляют себя всем остальным обитателям страны, в том числе и одноязычным с ними, но живущим в других областях — во внутригосударственном контексте, совершенно не принимая во внимание те «объективные» этнические (у нас их по-прежнему чаще называют «национальными» — *А. К.*) признаки и особенности», наличие которых, как считается, должно чуть ли не естественным образом порождать тесное сплочение и соответствующее ему отчётливо выраженное этническое («национальное») самосознание у всех носителей означенных «призна-

ков и особенностей» (в одном случае — в пределах русской нации, в другом случае — нации испанской; при этом «нация» привычно понимается как этническая общность «на высшей стадии её развития»). Как мы уже могли убедиться, ничего этого не происходит.

Подтверждение сказанному на материале Испании мы можем найти едва ли не в любом из множества опубликованных в этой стране описаний или аналитических исследований тамошней региональной проблематики. Вот взятая буквально наудачу недавняя работа об одном из конкретных примеров испанского областничества — «астурианизме» (Астурия — один из «исторических регионов» страны в пределах испаноязычного ареала; в нашей литературе его обитатели однозначно трактуются как представители «испанского этноса»). В книге мы найдём изложение аргументации местных регионалистов, которые, ссылаясь на неповторимые особенности астурийской истории и культуры, на диалектальную специфику местной речи, требуют для своей малой родины особых политических и административных прав; доводы астурийских националистов, считающих своих земляков полноценной нацией, имеющей полное право не только отделиться от Испании, но и аннексировать при этом какие-то «исторически принадлежащие» Астурии земли соседних регионов...⁸ Чем не казацы «самостийники» из «Тихого Дона»? Подобно им, «астурианисты» «реконструируют» прошлое своего региона в националистическом ключе, создавая манящий образ особого и независимого идеального мира, безжалостно разрушенного предшественниками нынешних властителей. Как это было на Дону и шире — в России, всплески «астурийского» самосознания и сопутствующей им деятельности приходится на моменты социально-политических потрясений, переживаемых Испанией и непосредственно затронувших Астурию. Наибольшая вооружённая активность донских «областников» соответствует годам Гражданской войны в России, — и возникновение астурийских «комитетов революционного действия», провозгласивших вооружённую борьбу и устано-

⁸ *Loredo Narciandi J. C. Más aca y más allá de las palabras // Asociación de antropólogos iberoamericanos en red (AIBR). 2006. Vol. 1. № 3. Agosto-diciembre. P. 557-559.*

вивших контакты с известной баскской организацией ЭТА, произошло в 1979 г., на волне полномасштабной ломки всей прежней франкистской политической системы и становления новых основ внутригосударственного устройства. Ещё одна параллель между Донской областью и Астурией, состоит в том, что жители обеих этих «исторических областей», как принято считать, сыграли особо заметную роль в укреплении и расширении «своих» держав. Это обстоятельство, несомненно, придаёт немалую остроту и сложность всем спорам и столкновениям вокруг историко-культурной специфики населения данных регионов и их политического статуса.

В свою очередь, совершенно по «испанской модели» донские казаки в романе могут воспринимать себя и восприниматься окружающими как «русские» — но лишь в тех случаях, когда волею обстоятельств оказываются в ином, нежели привычный для них, бытийном контексте, актуализирующем общероссийские (в романе чаще называемые, по традиции того времени, просто «русскими») модели поведения и самосознания. Это, конечно же, особенно ярко проявляется на уровне межгосударственных отношений, прежде всего войн, или же общеполитической борьбы — и тогда в применении к казакам употребляется эпитет «русские»: «русские казаки», «русские солдаты», «русские офицеры» («...на опушке венгерские гусары рубили прислугу русской батареи»; «Стреляй! Смотри, как умеют умирать русские офицеры...» [т. 3, с. 171] и т. д.). Однако все это подразумевает их принадлежность не к русскому этносу, а к Российскому государству. Но те же люди, в условиях распада или ослабления центральной общегосударственной власти, когда возникает (или кажется, что возникает) возможность восстановить древнее, представляющееся идеальным, местное общественное устройство, или же при попытках (со стороны власти или откуда-то извне) всерьёз посягнуть на традиционный уклад жизни их малой (а на самом деле главной) родины, немедленно возвращаются к областническому мировосприятию, к земляческим ценностям и устремлениям.

В романе упомянуты ещё два контекста, в которых в отношении казаков звучит определение «русские», но оба они также вряд ли могут восприниматься как обозначающие этническую принадлежность: в одном случае речь идёт о языке, на котором они говорят

(«Не понимаю хохлячьего твоего языка!» — сердится казак в разговоре с украинцем. Тот уточняет: «Що ж ты, москаль, не понимаешь?» [т. 2, с. 389]), в другом — об их православии («Они что же, не хрещёные, что ли? Такие ж, как и мы, русские...» [т. 4, с. 138]).

Проявляют себя в романе — опять же порождая аналогию с испанскими реалиями — и более «низкие», нежели областническая общедонская, формы самоотождествления (сейчас в таких случаях нередко говорят об «идентичности»): на уровне отдельных станиц, небольших и более крупных местностей. В мирные годы — это что-то вроде ревнивого соперничества, тлеющего недоброжелательства. Вот как встречают главного героя по его прибытии в воинскую часть: ««Какой станицы?» — “Вёшенской”. — “Куцый?” — Григорий, под сдержанный смешок казаков-иностаничников, молча проглотил оскорбление». Тут же следует примечание автора: «Станицы имели каждая своё прозвище: Вёшенская — Кобели» [т. 2, с. 249].

Однако в моменты социально-политических потрясений накопившиеся внутриобластные противоречия резко обостряются и могут перейти в вооружённое противостояние. Так, в разгар партизанских действий в Донской области, когда в силу обстоятельств самостоятельность отдельных отрядов повстанцев резко возросла, а авторитет общего командования, напротив, снизился, немедленно проявилась тенденция к тому, чтобы в рамках отдельных станиц «окончательно отделиться от Дона» и организовать собственный, независимый центр власти [т. 4, с. 275]. А о «великом разделе» между казаками верхнедонских и нижнедонских станиц, оказавшихся по разные стороны фронта в самом начале Гражданской войны, автор говорит, что он наметился «ещё сотни лет назад» [т. 4, с. 9].

Удивительное сходство между собой испанских «региональных» и российских дореволюционных «областнических» моделей социально-культурного бытия, с присущими им формами мировосприятия, самосознания и самоотождествления, игнорирующими этническое («национальное») начало в его официально утвердившемся в нашей стране виде, говорит, как представляется, о большей естественности этих моделей, в сравнении с директивно внедрёнными в первые десятилетия советской власти посредством целенаправленной «этнонационализации» внутренней жизни страны и администра-

тивно-политического устройства, расписыванием всех без исключения граждан по «национальностям» с использованием формальных признаков и превращением «национальной принадлежности» в весьма важный, а то и решающий фактор человеческой судьбы. Что же касается Испании, то там ничего подобного не было.

Однако парадоксальным образом работу, осуществленную СССР государством, в отношении Испании «виртуально» проделали наши отечественные обществоведы, — исходя из тех принципов, критериев и практических наработок, которые были реализованы в нашей стране. Так, советские этнографы послевоенного времени, занимаясь выявлением этнического состава стран зарубежной Европы (в ходе составления «этнической карты мира», она же карта расселения народов-этносов), столкнулись с тем, что «буржуазная этнографическая наука всех капиталистических стран мира в течение весьма длительного времени систематически замалчивает вопросы этнического расселения...», а «по подавляющему большинству стран мира, охватывающему почти две трети территории и почти половину населения мира, нет ни данных переписей, ни официальных сведений о национальном составе населения»⁹. В категорию «стран, в которых отсутствует этническая статистика» и где в силу этого «границы любого народа, любой этнической группы нельзя определить... иначе, как “предположительные”»¹⁰, входила (и сейчас входит) Испания. В итоге поставленная задача была решена следующим образом: «Из-за полного отсутствия в Испании и Португалии этнической официальной статистики составителям приходилось ориентироваться на данные лингвистических исследований и немногочисленные публикации этнографического характера. Полученные таким образом сведения были проверены путём консультации с рядом сведущих лиц (лингвистов, географов, историков, а также представителей местной национальной интеллигенции, живущих в на-

⁹ Терлецкий П. Е. О новом методе этнического картографирования (к вопросу о составлении «этнической карты мира») // Советская этнография. 1953. № 1. С. 28, 36.

¹⁰ Кушнер (Кнышев) П. И. Методы картографирования национального состава населения // Советская этнография. 1950. № 4. С. 29.

стоящее время в СССР), и сличены с существующими этнографическими картами данных территорий...»¹¹.

Иначе говоря, основным критерием деления населения Испании на народы-этноты в отечественной науке стал (и не только в описанном случае, но и во многих других, причём гораздо раньше) родной язык — при всех оговорках относительно того, что сугубо языковой подход не учитывает «национальное самосознание и этнический быт»¹². Более того, правомерность данного подхода продолжает утверждаться и многие десятилетия спустя: «Народы характеризуются рядом признаков — языком, особенностями культуры и быта и т.д., однако один из них — язык, — как правило, является определяющим. Язык — основной этнический определитель, причём названия большинства народов совпадают с названием языка, на котором они говорят. Каждый народ говорит на одном языке» (исключений очень немного). А когда на одном языке говорят несколько народов, «различить народы между собой помогают другие признаки, находящие отражение в национальном самосознании»¹³.

Но вряд ли такое различие требуется в данном случае: ведь в Европе «...живут в основном крупные народы, достигшие высокой степени национальной консолидации и имеющие свою государственность...»¹⁴. Таким образом, и «по линии этнического картографирования» было подтверждено, что четырём основным языкам Испании соответствуют четыре «народа-этноты-нации».

Для того, чтобы эта «виртуальная» картина стала реальной, не хватало только одного, но, по-видимому, главного фактора: такой же всеобъемлющей и целенаправленной политики «этнонационализации», как та, что проводилась в нашем отечестве на протяжении многих десятилетий — с известными последствиями как для него самого, так и для его граждан.

¹¹ Там же. С. 44.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Брук С. И., Козлов В. И. Основные проблемы этнической картографии // Советская этнография. 1991. № 5. С. 13-14.

¹⁴ Там же. С. 14.

О. Н. ШАНИНА

**«ДУХ ЖЕНЕВЫ»:
СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КАРИКАТУРИСТИКА
О ФЕНОМЕНЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Деидеологизация восприятия советской истории требует обогащения исследовательского инструментария, расширения возможностей для анализа и понимания прошлого. Одним из методологически значимых подходов к изучению советской политической истории, культуры и истории международных отношений представляется исследование образов Другого в разнообразных текстах той эпохи¹.

Привлечение широкого круга источников, таких как художественные произведения, фильмы, плакаты, карикатуры, существенно дополняет архивные документы. Эти источники дают ценные свидетельства для изучения того, как формировались стереотипные представления людей о советском государстве и других странах. Подобные разделяемые взгляды были важным элементом в обосновании политической и геополитической стратегии государств, влияли на их отношения и на мировое развитие в целом².

Политическая карикатура является лишь одним из множества видов источников, находящихся в распоряжении исследователя, и не создает полного представления об изучаемом объекте. Но, отражая свое время и передавая дух эпохи, она позволяет исследовать преобладающие настроения и в государстве, и в обществе.

¹ Подробнее см.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1-2. М., 2002.

² В этом контексте эпоха холодной войны представляет несомненный научный интерес, особенно сквозь призму взаимовосприятия народов и с использованием не только вербальных текстов, но и политической карикатуристики. См: «Круглый стол» в ИВИ РАН: «Феномен «холодной войны» в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования // Новая и новейшая история. 2006, №6. С. 78; Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность. М., 2007. С. 182.

Карикатура удобный инструмент для формирования мнения у аудитории: она дает как бы неофициальные, но в действительности нужные властям ответы на международные вопросы. Напомним о том, что идеологическое противоборство считалось одним из фронтов холодной войны. В условиях, когда для рядовых граждан было затруднено получение достоверной информации о происходивших в мире событиях, официальная пропаганда была призвана создавать у широкой общественности представления о действиях руководства на международной арене с помощью удобочитаемых образов. Политическая карикатура служила одним из «кирпичиков» в строительстве мировосприятия советских граждан в эпоху холодной войны.

Мы остановимся на феномене «духа Женевы», порожденном Женевским совещанием руководителей четырех великих держав (СССР, США, Великобритании и Франции), которое проходило 18-23 июля 1955 г. Официальная советская пресса сразу же по следам саммита вложила в это словосочетание следующий смысл: «это дух взаимопонимания, дух переговоров. Это — отказ от политики диктата, от политики «с позиции силы», это — стремление исключить войну как метод решения спорных вопросов, искать и находить мирные пути урегулирования назревших международных проблем»³. О «духе Женевы», еще не получившем такого названия, говорил уже по ходу совещания президент США Д. Эйзенхауэр: «Мы не можем ожидать, что в течение нескольких часов или дней были решены все проблемы мира, которые требуют своего решения... Однако мы можем разумно создать новый дух, который даст возможность для будущих решений проблем»⁴. Сходных взглядов придерживался и Булганин, так определив задачи совещания: «отыскать пути и средства ослабления международной напряженности и создания атмосферы доверия во взаимоотношениях между государствами»⁵.

В современной литературе «дух Женевы» описывается как первая крупная инициатива по развитию диалога между противостоящими военно-политическими группировками после окончания Вто-

³ Цит. по: Новое время. 1955. № 32. С. 1-3.

⁴ Цит. по: Новое время. 1955. № 30. С. 6-7.

⁵ Цит. по: Там же. С. 16-17.

рой мировой войны, отражавшая «стремление избегать открытых конфликтов, решать спорные вопросы путем переговоров, попытаться ограничить гонку вооружений, ввести в холодную войну элементы кооперативной биполярности»⁶.

Изменения, происходившие в мировой политике с 1954 г., советская пропаганда стала называть «смягчением международной напряженности», «мирным сосуществованием», а после встречи глав правительств четырех держав в Женеве в июле 1955 г. — «разрядкой»⁷. Так термин «разрядка» впервые появился в политическом лексиконе именно для определения новой ступени международных отношений, сложившихся после Женевского совещания 1955 г. В современной историографии холодной войны разрядкой принято называть другой, более поздний период: 1960-е – начало 70-х гг. А для характеристики международной жизни середины 1950-х гг., как правило, применяют такие слова как «оттепель», «смягчение международной напряженности», «мирное сосуществование».

Повестка дня Женевского саммита включала следующие пункты: германский вопрос; проблема европейской безопасности; разоружение; развитие контактов между Востоком и Западом. Дискуссии между участниками совещания проходили напряженно, и в конечном итоге саммит не дал практических результатов. Участники Женевского совещания разъехались ни с чем и даже, по выражению советского министра иностранных дел А. Громыко, остались сторонниками того, что надо держать «порох сухим»⁸.

Тем не менее «дух Женевы» витал в атмосфере холодной войны на протяжении второй половины 1950-х гг. В 1958 г. начались переговоры представителей СССР, США и Великобритании о запрещении испытаний ядерного оружия, было заключено первое советско-американское соглашение об обменах в области культуры, техники и образования. В 1959 г. впервые за всю историю отношений двух

⁶ Наринский М. М. История международных отношений. 1945–1975. М., 2004. С. 100; См. также: Системная история международных отношений. Т. 3. М., 2003. С. 203.

⁷ См.: Новое время. 1956. № 24. С. 18; № 28. С. 17; 1957. № 1. С. 5.

⁸ Громыко А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 367.

стран состоялся визит первого секретаря ЦК КПСС, главы Советского правительства Н. С. Хрущева в США, и между ним и американским президентом были достигнуты договоренности о необходимости и целесообразности мирного урегулирования спорных вопросов как основе взаимоотношений между СССР и США; о проведении весной 1960 г. в Париже встречи руководителей СССР, США, Великобритании и Франции по германской проблеме; об ответном визите американского президента в Советский Союз летом 1960 г.

Однако «духу Женевы» не удалось закрепиться в международной политике. Тому было несколько причин. И в СССР, и в США существовали влиятельные группировки, противостоящие дальнейшему улучшению международного климата. Продолжалась гонка вооружений. В 1958 г. по инициативе СССР разразился Берлинский кризис, из-за чего в 1960 г. провалилось Парижское совещание руководителей четырех великих держав. Наконец, по вине американского руководства, санкционировавшего разведывательный полет над территорией СССР 1 мая 1960 г., не состоялся визит Д. Эйзенхауэра в СССР. Таким образом, серьезным препятствием на пути распространения по миру «духа Женевы» послужила инерция холодной войны. По сути, каждой внешнеполитической инициативе в «духе Женевы» сопутствовали диаметрально противоположные акции, причем подрывные волны, исходящие от противников, в равной степени двигались, как со стороны Запада, так и с Востока. Свою лепту в истребление «духа Женевы» внесли взаимные подозрительность, недоверие и враждебность, обусловленные негативистским восприятием образов друг друга, формировавшихся средствами массовой информации с начала холодной войны. На это работала и политическая карикатура. Обратимся к творчеству классиков советской карикатуры, Б. Ефимова, Ю. Ганфа, Кукрыниксов на страницах популярных в 1950-е гг. журналов «Крокодил» и «Новое время».

Карикатуры и статьи на тему «духа Женевы» не покидали страниц советских журналов, что подтверждает значительную роль, которую советское правительство отводило этому событию. Предпринимая официально на высшем уровне первые шаги к сближению, власти не забывали поддерживать в сознании народа образ врага. Противников ослабления напряженности заблаговременно находили

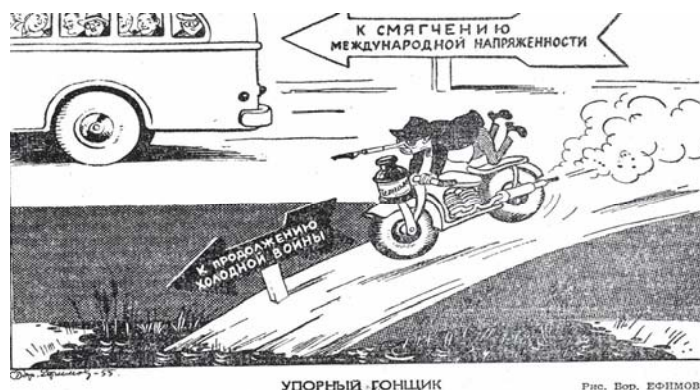
только на Западе. Например, накануне Женевского саммита, в апрельском номере «Нового времени» за 1955 г. под рубрикой «по страницам зарубежной печати» вышла статья «Маневры противников международного сотрудничества». В ней говорилось о том, что «в последние дни противники международного сотрудничества приложили немало усилий, чтобы приглушить общественный интерес к идее совещания великих держав... С созывом такого совещания миролюбивые народы связывают большие надежды на ослабление международной напряженности...». Назывались и имена противников, которые, «... в первую очередь Дж. Даллес, ведут двойную игру, пытаясь заранее договориться за спиной Советского Союза и выступить против него единым фронтом». Они рассматривают планы созыва совещания, как планы «новых переговоров с позиции силы» и «как вынужденную уступку общественному мнению»⁹. Подчеркивалось, что встреча глав правительств четырех держав должна способствовать смягчению международной напряженности, что было заложено еще на Женевском совещании 1954 г.¹⁰ Но переход на новый уровень отношений возможен только при условии, что западные реакционные политики не будут этому препятствовать. Предвидя возможность провала саммита в Женеве, советское руководство заранее рисовало в СМИ образ тех, кто будет ответственен за этот провал. «Почетное место» в этом ряду отводилось политикам США, страны — главного идейного противника СССР во время холодной войны. Подобная антиномия в изображении «духа Женевы» прослеживается на протяжении всего связанного с ним этапа мировой политики. Читатель заранее готовился к тому, чтобы все позитивные результаты саммита связывать с СССР, а все негативные — с «западными реакционными политиками» во главе с США.

Хотя по мере приближения к совещанию, исход которого все же невозможно было предсказать, тон советской официальной прессы значительно смягчился, ее смысловая двойственность не исчезала. В начале июля в «Новом времени» появилась статья, которая называла сам факт «созыва подобного совещания... положительным

⁹ Новое время. 1955. № 15. С. 13-14.

¹⁰ Это совещание положило конец Корейской и Индокитайской войнам.

явлением международного значения...» и подчеркивала, что подобная встреча — «давно назревшая необходимость... Советское правительство расчистило дорогу к этому важному совещанию»¹¹. В числе мероприятий по «расчистке дороги» накануне встречи журналисты вполне обоснованно называли успешное заключение советским руководством договоров с Австрией, нормализацию отношений СССР с Югославией и предложение Советского Союза установить прямые дипломатические, торговые и культурные отношения с Западной Германией. И тут же от перечисления всех положительных моментов грядущего события авторы переходили к предостережениям о том, что «наиболее агрессивные элементы на Западе не расстались со своими расчетами помешать использованию имеющихся ныне благоприятных возможностей разрядки международной напряженности»¹². Эти «агрессивные элементы» изобразил Б. Ефимов в карикатуре «Упорный гонщик» («Новое время», сентябрьский номер 1955 г.). На ней показано, как в то время как весь мир движется по дороге к смягчению международной напряженности, представитель «реакционной» западной печати на своем стареньком мотоцикле мчится по другой дороге — к продолжению холодной войны, дороге, ведущей в тупик, к грязной чернильной луже¹³.

¹¹ Новое время. 1955. № 28. С. 1-2.

¹² Там же. С. 1-2.

¹³ Новое время. 1955. № 39. С. 19.

Другой номер «Нового времени» продолжал воспроизводить ту же дихотомию. На первых его страницах в статье «К итогам Женевского совещания» говорилось, что «некоторые наиболее реакционные политические деятели и органы печати в западных государствах, ... кричат о том, что дух Женевы, ... дескать, "исчез", "умер", и с видимым удовольствием стараются похоронить его». Но, по мнению советских людей, «дух Женевы не исчез и не исчезнет потому, что он вызван к жизни не прихотью политиков, а непреклонной волей народов...»¹⁴. Иллюстрировала статью карикатура Б. Ефимова, на которой мир или «дух Женевы» в образе здорового молодого мужчины останавливает траурную похоронную процессию, несущую венки: «Мир праху твоему, Дух Женевы!», «Прощай Дух Женевы», «Безвременно ушедшему Духу Женевы!». Грозя пальцем, он говорит им: «Успокойтесь, господа! Слухи о моей смерти, которые вы распускаете, сильно преувеличены...»¹⁵.

Политические карикатуры журнала «Крокодил», посвященные Женевскому саммиту, были выдержаны в той же тональности. Например, в первом номере, вышедшем после совещания, мы находим очень оптимистичный рисунок Б. Ефимова, дающий отклик на про-

¹⁴ Новое время. 1955. № 48. С. 3-5.

¹⁵ Там же. С. 20.

шедшее событие. Композиция карикатуры не перегружена, сам рисунок довольно лаконичен, без излишних подробностей, сарказма и даже иронии. Его вообще условно можно назвать карикатурой. На темном фоне художник изобразил по контрасту светлую фигуру человека с глобусом вместо головы, широко улыбающегося и держащего в руках листовку с надписью: «В субботу 23 июля 1955 года закончилось совещание глав правительств четырех держав в Женеве». Из этого следуют мысли Мира вслух: «С этого дня я могу более спокойно заглядывать в свое будущее»¹⁶.

МИР: — С этого дня я могу более спокойно заглядывать в своё будущее.

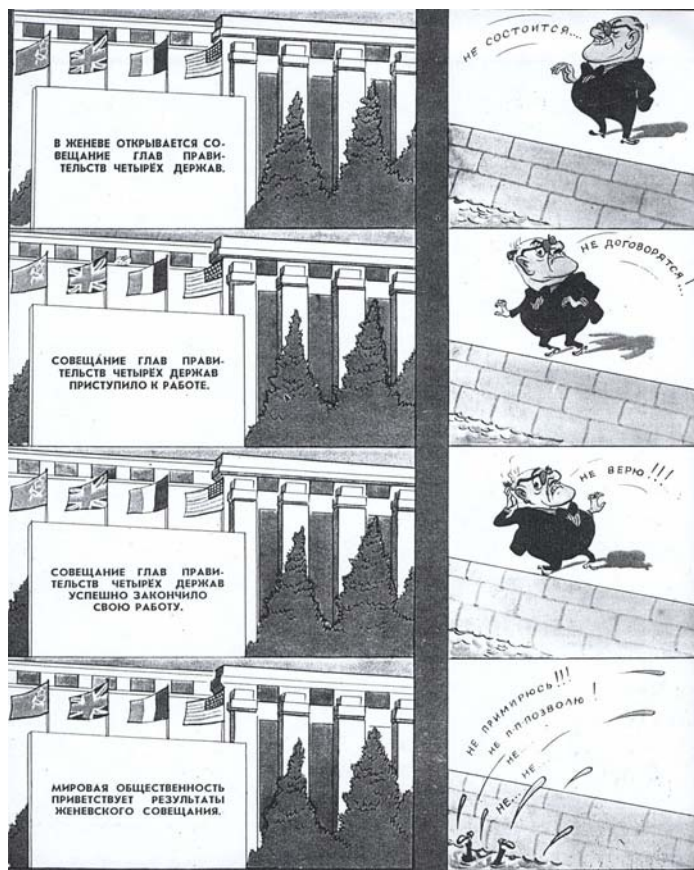
¹⁶ Крокодил. 1955. № 22. С. 16.

С таким оптимизмом советская пресса встретила попытку держав восстановить мирный диалог. Тем не менее, следует отметить маленькую, но очень важную деталь в подписи карикатуры: мир может заглядывать в будущее более спокойно, чем сейчас. Это «более» свидетельствует, что Женевский саммит был только лишь первым шагом на длительном пути налаживания конструктивных отношений между двумя блоками, к спокойствию в Европе. И советское правительство, и мыслящая интеллигенция отдавали себе в этом отчет, не стремясь идеализировать его итоги.

Все закончилось тем, что каждый изложил свою позицию по наиболее важным международным вопросам, но не пожелал идти ни на какие уступки, чтобы выработать приемлемую для всех программу. Как было объяснить обществу фактический провал совещания?

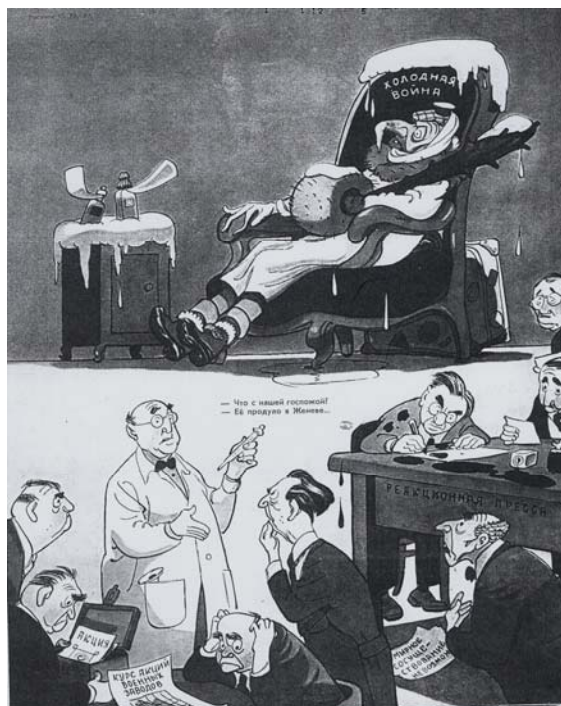
В СМИ снова появляются образы дельцов и провокаторов, которые из-за своих корыстных интересов всячески мешают установлению дружбы между народами. В карикатуры возвращаются классические герои прошлых лет. В опубликованном в «Крокодиле» рисунке Б. Ефимова были расставлены следующие акценты. Композиция состоит из восьми маленьких картинок с одним развивающимся сюжетом. Четыре из них совершенно одинаковые, с изображением дворца, где проходило заседание. Меняются лишь надписи: «В Женеве открывается совещание глав правительств четырех держав. Совещание глав правительств четырех держав приступило к работе. Совещание глав правительств четырех держав успешно закончило свою работу. Мировая общественность приветствует результаты Женевского совещания». На других четырех картинках нарисован «представитель реакционных кругов», который, несмотря на одобрение саммита во всем мире, «долбит» одно и то же: «Не состоится... Не договорятся!.. Не верю!!!.. Не примирюсь!!! Не позволю!»¹⁷.

¹⁷ Крокодил. 1955. № 23. С. 11.

Помещенная в этом же номере карикатура Ю. Ганфа посвящена тем же событиям и представляет их сходным образом. В первой части диптиха изображена «старушка холодная война», захворавшая после Женевы и начавшая «таять» от высокой температуры. На второй части — суетящиеся от ужаса «разжигатели мировых войн»: дельцы и промышленники, связанные с военным производством и сидящие у них на коротком поводке представители реакционной прессы. Все они охвачены паникой из-за возможного банкротства, так как обсуждаемый в Женеве вопрос разоружения привел к падению стоимости акций военных заводов. Со страхом и ис-

коркой надежды в глазах они спрашивают у доктора: «Что с нашей госпожой?» — и получают ответ: «Ее продуло в Женеве...»¹⁸.

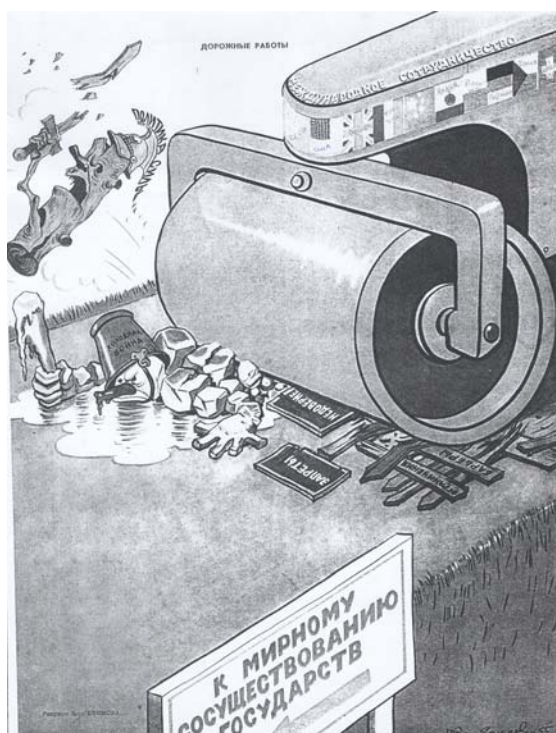

Тема Женевского саммита, появившись на страницах «Крокодила» сразу же после окончания встречи, так и не покинула номера журнала за оставшийся период 1955 г. Обыгрывая детали совещания, карикатуристы выполняли важную функцию «обработки» читателя в русле официальной идеологии. Советская пресса по-прежнему содержала обличительные статьи и карикатуры на внешнюю политику Запада. Наряду с этим, каждый месяц появлялись хотя бы одна заметка или рисунок, заострявшие внимание читателей на том, что главная линия развития международных отношений направлена на смягчение международной напряженности, что мир после Женев-

¹⁸ Крокодил. 1955. № 23. С. 16.

ского совещания взял курс на разрядку. Безусловно, развитие этой линии связывалось с инициативами СССР.

«Крокодил» наглядно прокладывает «дорожную карту» на пути развития идей Женевского саммита. Так, «дорожным работам» по прокладке нового пути была посвящена карикатура Б. Ефимова в № 24 журнала. На дороге к мирному сосуществованию государств, ломая все преграды и барьеры, давя «старушку холодную войну», двигается огромный каток, закладываящий основу международному сотрудничеству следующих государств: СССР, США, Великобритании, Франции, Китая, Индии, Польши, Германии, Чехии, Швейцарии и других. То есть страны с разными социально-политическим, экономическим строем, находящиеся в разных частях света, в разных лагерях могут и должны развивать конструктивные взаимоотношения.

А все «толстосумы», получающие огромные прибыли от гонки вооружений, провокаций в Южной Корее, дезинформации, существования железного занавеса столкнулись, по замыслу художника, у барометра международной погоды и вынуждены были констатировать маловыгодный для них факт потепления мировых отношений. До отметки «ясно» стрелка еще не дошла, но преодолела значительный путь от шкалы «холодно-пасмурно-переменно» к шкале «тепло»¹⁹. В известной мере, эта карикатура, появившись в июле 1955 г., предвосхитила идею мирного сосуществования, впервые озвученную в речи Н. С. Хрущева на XX съезде партии в 1956 г.

Несмотря на неудачи и незавершенность начатого на Женевском совещании дела по сближению разных в социально-политическом плане государств, оно все-таки зародило надежды на светлое будущее, без войн и конфликтов. Теперь стояла задача иного рода — за-

¹⁹ Крокодил. 1955. № 25. С. 16.

крепить этот результат и попытаться его развить. В доходчивой манере на это указывал в 36-ом предновогоднем номере «Крокодил». Номер вышел с обложкой, на которой изображалась сцена встречи Старого и Нового годов. Первый, в виде мудрого старика, передает второму, в виде молоденького мальчика, плакат, содержащий следующую подпись: «Совещание глав правительств четырех держав в Женеве. Мировое общественное мнение требует, чтобы международные отношения и впредь развивались в духе Женевы!»²⁰.

1955 год дает наказ 1956-му продолжать в том же духе. Показательна и последняя страница номера. В карикатуре на тему разрядки в холодной войне Б.Ефимов изобразил две разные картины, символизирующие состояние международных отношений до 1955 г. и после известных событий в Женеве, сложившихся в результате стараний прогрессивных кругов, ратовавших за мир, дружбу и свободу на земле. За широким, светлым окном новый 1956 год встречает веселая компания представителей разных стран и народов. Праздничная комната украшена флагами многих стран (США, СССР, Великобри-

²⁰ Крокодил. 1955. № 36. С. 1.

тании, Китая, Индии, Франции и др.). А за окном на морозе и в снегу остались праздновать «старушка холодная война», с дулом ружья вместо носа и ракетой в руках, и бизнесмен с кипой военных заказов в чемодане. 1955 год, по мысли художника, принес большие перемены, и теперь место этой тесной компании «за дверью»²¹.

Таким образом, советское руководство после встречи великих держав в Женеве, всячески подчеркивало, что отношения между государствами развиваются в контексте ослабления международ-

²¹ Крокодил. 1955. № 36. С. 16.

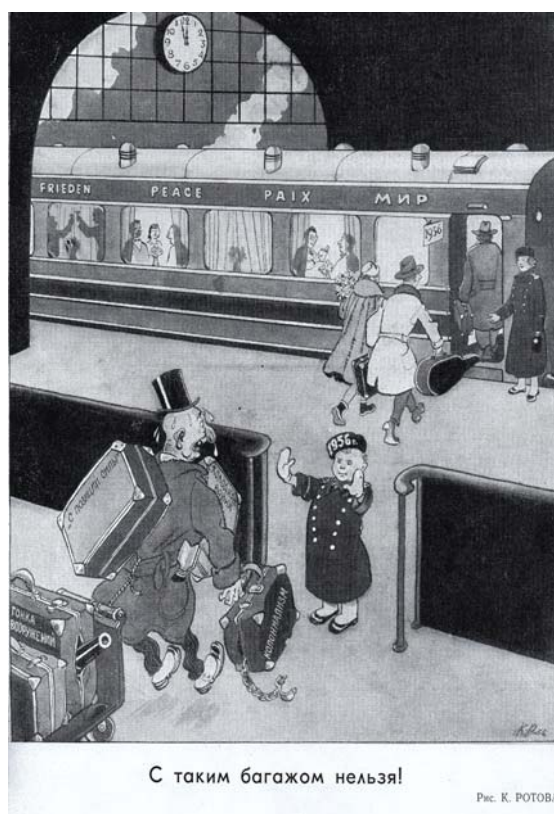
ной напряженности или разрядки, однако трактовка мировой политики с точки зрения «друзей/врагов» с появлением «духа Женевы» не исчезла. В политической карикатуре и статьях 1956 г. это обстоятельство привело к выделению конкретных факторов — образов тех, кто мешал или помогал ослаблению международной напряженности. Образ врага поддерживался в сознании советских граждан в рамках разговора о разоружении. Пресса пестрила статьями и карикатурами, обличающими милитаристские устремления западных стран.

Уже в первом номере «Нового времени» за 1956 г. появилась заметка И. Эренбурга «Доброе начало», напоминавшая советскому читателю, что «дух Женевы» жив в сердцах и умах мировой общности: «Минувший год люди помянут добрым словом, он многое на свете изменил... изменился климат мира... Дух Женевы был продиктован народами, выражал их волю, их страстное и твердое стремление покончить с «холодной войной»... Летнее коммюнике, составленное в Женеве, можно назвать как бы первым черновым текстом той хартии мира, которую жаждут все народы. 1956 год должен осуществить то, что наметил его предшественник»²².

Художественное воплощение эти мысли нашли в карикатурах К. Ротова. Среди всех карикатур, посвященных проблеме разоружения, вторжению англо-французских войск в Египет в 1956 г. во время Суэцкого кризиса, особняком стоят два его рисунка, напечатанные в начале и середине года и посвященные теме ослабления международной напряженности. На первой из них показано, как за несколько минут до прихода Нового 1956 года на вокзале опаздывающие пассажиры бегут на поезд с громким названием «Мир». Там есть места для всех, кроме одного человека «старой эпохи», в сознании которого еще уживаются такие понятия, как «гонка вооружений», «колониализм», «холодная война». Но с таким багажом в новый мир не берут, и он вынужден остаться на вокзале²³.

²² Новое время. 1956. № 1. С. 10-11.

²³ Там же. С. 33.

В журнале первую половину 1956 г. завершает его же карикатура «Холодильная установка типа «холодная война». На ней спокойно гуляющие и отдыхающие люди, которым светит солнце под названием «ослабление международного напряжения», с усмешкой наблюдают за работой стоящей посередине поляны холодильной установки. Там разместился военный штаб, проводящий работу по дезинформации и составлению мрачных предсказаний, совершенно ненужных в «новом» мире²⁴.

²⁴ Новое время. 1956. № 28. С. 17.

В прессе середины 1950-х гг. публиковался огромный объем информации о нежелании «агрессивных кругов» западных стран признать изменения, произошедшие в мире с момента встречи в Женеве, не содержащей ни малейших намеков на то, что и Советский Союз не отказался от гонки вооружений, стремясь «догнать основного соперника и потенциального противника»²⁵. Обозначив гонку вооружений как тормоз для продвижения по «дорожной карте», начертанной «духом Женевы», советские СМИ противопоставляли ему спортивные соревнования, международные культурные мероприятия и конкурсы. На одном полюсе помещались «агрессивные круги Запада», на противоположном – «прогрессивные миролюбивые силы» во главе с СССР. Подобная антитеза была очень доходчива в силу того, что спортивные товарищеские встречи и международные конкурсы, в которых принимали участие представители разных стран Востока и Запада, способствовали потеплению отношений не на высшем, а на обыденном уровне. Для людей такие встречи наглядно свидетель-

²⁵ Наринский М. М. Указ. соч. С. 101.

ствовали о смягчении международных противоречий. С 1957 г. «спортивно-культурная» тема проходит через советскую карикатуру.

Приезд спортсменов и деятелей культуры из других стран, особенно из США, сразу же освещался в прессе, равно как и поездки наших спортсменов за границу. Соперничество Восток — Запад переносилось, таким образом, в мирное русло, а проведение спортивных и культурных мероприятий с участием разных стран свидетельствовало о разрядке международной напряженности.

Примером может служить статья Д. Заславского «Молодость побеждает» об открытии в Москве в июле 1957 г. шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. «Велика зарождающаяся сила этого праздника молодости, — писал автор. — Он заглушает старческое бормотание реакционных дипломатов в Лондоне, сердитое кряхтение в Париже, замогильные голоса в Бонне... Всемирный фестиваль, молодежное празднество одухотворено идеей мира и дружбы. Во всем мире международная напряженность все еще стоит на довольно высоком градусе. В Москве — наглядная и замечательная картина разрядки»²⁶. А на карикатуре Б. Ефимова спортивную дистанцию с препятствиями, чинимыми западными политиками и полицейскими, преодолевает красивый цветок — символ мира и дружбы — с букетом из флагов всех государств. Эту картину сопровождает комментарий: «В Москву, на фестиваль!»²⁷.

²⁶ Новое время. 1957. № 30. С. 7-9.

²⁷ Там же. С. 8.

Развитие спортивно-культурной тематики как одного из сюжетов в контексте идеологического противоборства во время холодной войны продолжалось и в 1958 г. На этот раз внимание СМИ привлекли такие события, как международный конкурс им. Чайковского и международные спортивные соревнования, которые, в представлении советской прессы, растапливали лед холодной войны и служили делу укрепления мира.

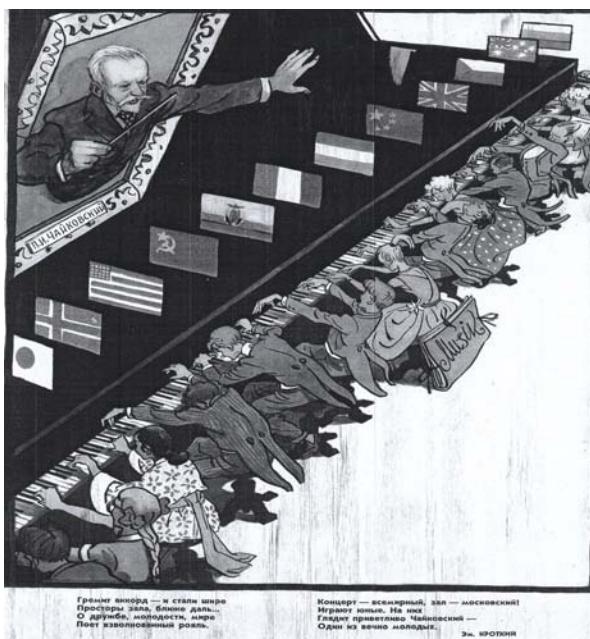
В марте проходило соревнование по хоккею между сборными СССР и США в Москве, в апреле — по баскетболу в Москве и товарищеская встреча сборных команд СССР и США по борьбе в Оклахоме. В связи с этими событиями на страницах «Крокодила» появилась карикатура Ю. Ганфа. Художник нарисовал «старушку холодную войну», дрейфующую на маленьком осколке льдины и рассматривающую афиши встреч между сборными СССР и США и восклицая: «Кому как, а мне спорт только вредит»²⁸.

²⁸ Крокодил. 1958. № 15. С. 11.

Касаясь Международного конкурса имени П. И. Чайковского, проходившего в Москве, художник Н. Семенов на страницах «Крокодила» образно выразил чувство международного единения в своем рисунке, разместив представителей разных государств за одним большим роялем в момент игры одного общего для всех произведения под руководством П. И. Чайковского. А поэт Э. Кроткий сопроводил эту идиллическую картину такими стихами:

«Гремит аккорд — и стали шире
Просторы зала, ближе даль...
О дружбе, молодости, мире
Поет взволнованный рояль.
Концерт — всемирный, зал — московский!
Играют юные. На них
Глядит приветливо Чайковский —
Один из вечно молодых»²⁹.

²⁹ Крокодил. 1958. № 10. С. 16.

Таким образом, «насаждение» в СМИ мысли о переходе к мирному сосуществованию государств, разрядке международной напряженности можно рассматривать как один из аспектов мирного дипломатического наступления СССР, курс на которое был взят новым руководством после смерти И. Сталина.

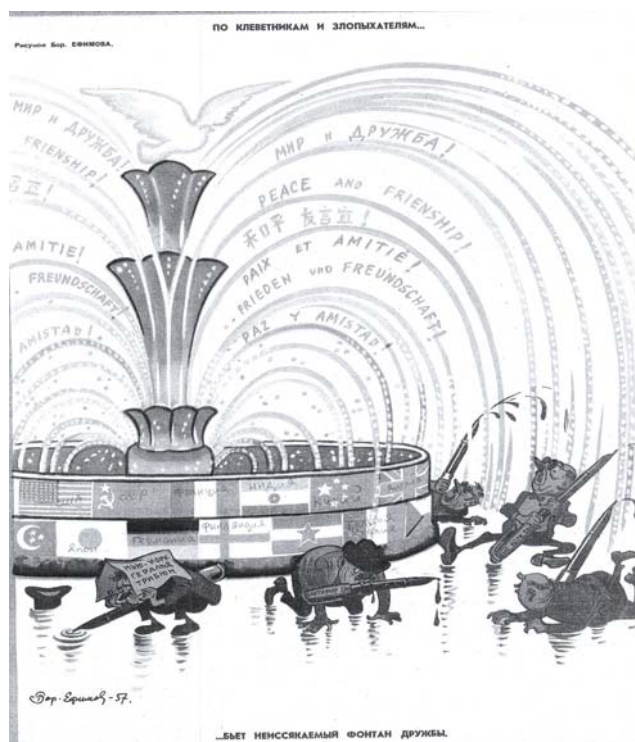
Состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС заслуживает внимания исследователей не только потому, что на нем был развенчан культ личности Сталина, но и потому, что на нем были официально приняты новые установки во внешней политике. Сталинской схеме неизбежности мировой войны в условиях капитализма Н. С. Хрущев противопоставил тезис о мирном сосуществовании как основной принцип советской внешней политики: «Ленинский принцип мирного сосуществования государств с разным социальным строем был и остается генеральной линией внешней политики нашей страны... Мы полагаем, что страны с разными социальными системами не просто могут сосуществовать рядом друг с другом. Надо идти дальше, к укреплению доверия между ними, к сотрудничеству... фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами...»³⁰.

Акцент на теме культуры и спорта был призван развивать миф о неустанных поисках советским правительством компромисса с другими государствами. На случай неудачи, в арсенале обличений сохранялся устойчивый стереотип — виновных в лице «дельцов и промышленников, связанных с военным производством, военных деятелей и реакционных журналистов на западе, которые ратуют за возвращение к холодной войне»³¹. Этот прием выражал понимание политики мирного сосуществования советским руководством, принявшим за аксиому тезис о невозможности идейного примирения между Западом и Востоком. В качестве примера упомянем карикатуру Б. Ефимова, направленную против «клеветников и злопыхателей» из реакционной американской прессы, где изображено, как

³⁰ Системная история... Т. 4. С. 166-169.

³¹ Цит. по: Там же. С. 16.

«жалкие, пишущие по заказу, дезинформаторы» разбегаются в разные стороны от «неиссякаемого фонтана дружбы», украшенного флагами мирно живущих друг с другом американцев, французов, индийцев, китайцев, англичан, японцев, финнов и народов СССР³².

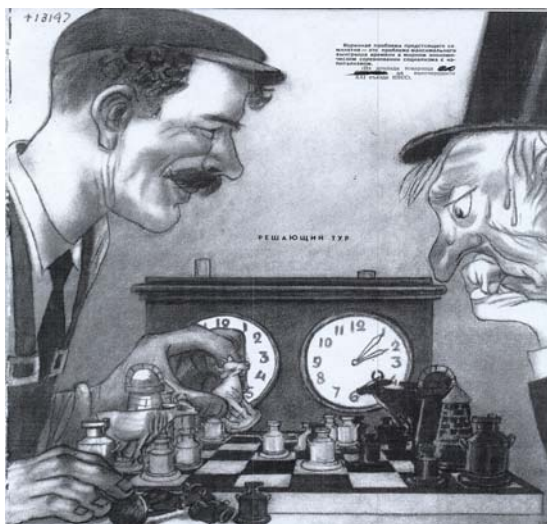

Итак, в пору «духа Женевы» идеологическая конфронтация между двумя блоками не исчезла. Образ врага сохранялся на страницах печати и в политической карикатуре, но несколько в ином виде. Теперь это были не какие-то конкретные страны, а собирательные образы западных реакционеров, ратовавших за возвращение к жесткой конфронтации. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в освещении советскими СМИ проблемы разоружения.

³² Крокодил. 1957. № 24. С. 16.

Идея мирного сосуществования, заложенная еще в 1955 г., была определяющей в советской внешней политике и в 1959 г. На внеочередном XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев в своем докладе поставил следующие цели развития отношений с Западом: «Коренная проблема предстоящего семилетия — это проблема максимального выигрыша времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом»³³. Подразумевалось, что конкуренция между двумя блоками продолжит свое существование, но из военного противостояния она превращается в мирное и переносится в область экономики, культуры, спорта, науки. Подобное уточнение усиливало роль СМИ в целом и политической карикатуристики, в частности.

В одном из номеров «Крокодил» поместил по этому поводу карикатуру, на которой представлен решающий тур игры в шахматы между гражданами США и Советского Союза при лидерстве второго. Шахматные фигуры — это статуэтки в виде коров, бочонков, мельниц и других предметов из сельского хозяйства, что свидетельствует о мирном, экономическом характере соревнований³⁴.

³³ Крокодил. 1959. № 4. С. 1.

³⁴ Там же. С. 1.

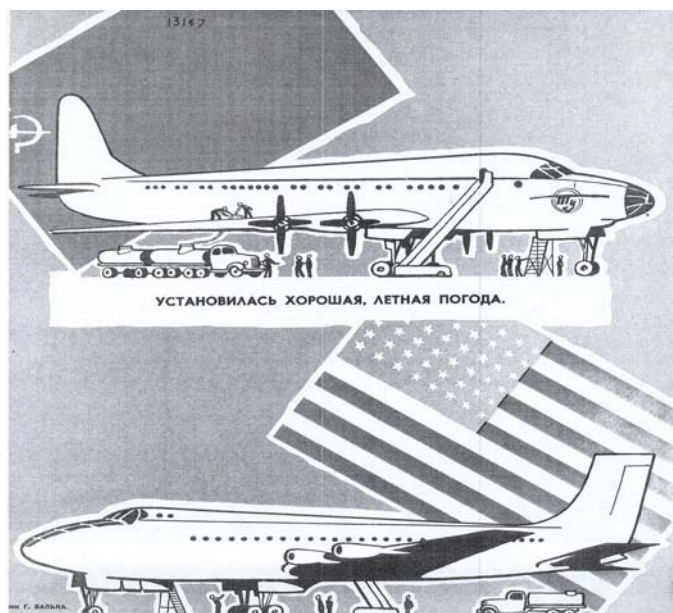
Но, как показала история, в атмосфере холодной войны 1950-х годов спрогнозировать ход международной жизни даже на такой незначительный по историческим меркам отрезок времени оказалось невозможным. Речь Н. С. Хрущева фактически была лишь декламацией, не имевшей под собой реальной основы. Правда, в идеологическом плане она являлась важным шагом. Н. С. Хрущев демонстрировал для мировой прессы мирный настрой Советского Союза, пытаясь добиться первенства в наметившейся разрядке международной напряженности. На деле, на исходе 1950-х гг. уже ощущались порывы ветра, который унесет «дух Женевы».

Пожалуй, главным осенним событием 1959 г., о котором говорили и писали во всем мире, была первая в истории советско-американских отношений встреча лидеров СССР и США. На эту встречу возлагали большие надежды с советской стороны. Считалось, что она должна была не только произвести впечатление на мировую общественность, но и стать символом успеха советской политики мирного сосуществования. Предполагалось ускорить ход застопорившихся советско-американских переговоров об ограничении ядерных испытаний. Д. Эйзенхауэру визит Н. С. Хрущева был важен ввиду предстоящих выборов, накануне которых республиканцы хотели продемонстрировать позитивные результаты своей внешней политики³⁵. Но в обеих странах существовали политики, не заинтересованные в развитии «духа Женевы». Видимо, советский лидер это почувствовал, так как по прибытии в Москву на митинге трудящихся 28 сентября выступил с такими словами: «...надо знать правду, чтобы все видели не только одну, но и другую, закулисную, сторону, которую прятать не нужно. В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохранение «холодной войны». Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке...»³⁶.

³⁵ Системная история... Т. 3. С. 247.

³⁶ Цит. по: Системная история... Т. 4. С. 194.

В официальной прессе поездка Н. С. Хрущева в США подавалась как значительный успех проводимой СССР политики разрядки. Подготовка общественного мнения к ее подобному восприятию началась заранее. Накануне визита, 20 августа, в «Крокодиле» появилась карикатура, посвященная предстоящему событию. Рисунок содержал изображение двух самолетов, американского и советского, готовящихся к взлету. Автор работы г. Валька констатировал факт, что «установилась хорошая, летная погода»³⁷.

Журналисты внимательно отслеживали ход советско-американской встречи на высшем уровне. Карикатуристы старались по-своему обыграть ее наиболее значимые эпизоды. Например, фраза Н. С. Хрущева о том, что «во льдах холодной войны появились первые трещины» нашла свое воплощение в рисунке Б. Ефимова.

³⁷ Крокодил. 1959. № 23. С. 1.

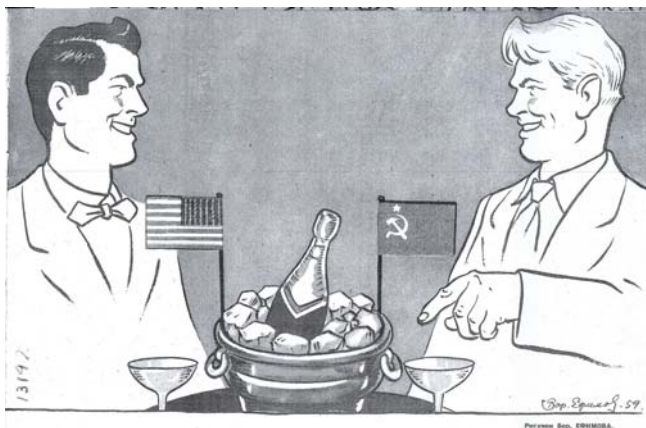

Художник нарисовал странное существо с дулом пистолета вместо носа, в каске, обмотанное шарфом с изображением американских долларов, на санях, сделанных из ракет, которое пытается проскочить через давшие глубокие трещины льды. Под карикатурой помещена надпись: «Зима только начинается, а санный путь уже стал опасным»³⁸. На рисунке второстепенный мотив — изображением знака доллара — подчеркивал, что именно США спонсировали продолжение гонки вооружений и холодной войны.

В предновогоднем 36-ом номере «Крокодила» за 1959 год художники вновь возвращаются к теме дружбы и взаимопонимания между США и СССР. В карикатуре Б. Ефимова за праздничным столом переговоров встретились американский и советский гражданин. Их пожелание на следующий год: «Пусть между нами сохранится только этот лед!» (то есть лед для охлаждения бутылки с шампанским)³⁹.

³⁸ Крокодил. 1959. № 32. С. 1.

³⁹ Крокодил. 1959. № 36. С. 3.

— Пусть между нами сохранится только этот заду!

Завершает журнал рисунок Кукрыниксов «За новогодним столом». На нем изображены «жалкие остатки» былой армии военных промышленников, бизнесменов, дезинформаторов, агрессоров, ратовавших за возвращение к холодной войне и собравшихся на праздничный ужин. Но в мире, настроенном на развитие конструктивных отношений между народами, более не осталось тех лиц, которые бы оказывали им поддержку. И сидящий во главе военный, обвешанный оружием и свисающими кусками льда вместо погон, вынужден с досадой заметить: «А послано было так много приглашений!»⁴⁰.

Между тем, представителей военно-промышленного комплекса, а также тех политиков, которым не по душе была идея сближения между Востоком и Западом, после грустного новогоднего застолья ожидало «бодрящее начало» 1960-х годов с сопутствующими ему международными кризисами, под влиянием которых исчез «дух Женевы». Советские СМИ принялись всеми имеющимися в их арсенале средствами формировать у граждан новое восприятие мировой политики, но отдельные антиномии, визуально представленные в карикатурах в эпоху «духа Женевы» («Запад-Восток», «социализм-капитализм», «СССР-США», «гонка вооружений — спорт и культура», «западные милитаристы — мировая прогрессивная общественность» и пр.), очень надолго закрепились в коллективном сознании. Изучение советской политической карикатуристики служит одним из факторов изживания конфронтационной психологии и развития самосознания в общемировых координатах.

⁴⁰ Там же. С. 16.

И. Ю. НИКОЛАЕВА, Н. С. ЗОРИНА

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ НЕРОНА, ИЛИ О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ТИРАНА

Тираны сегодня являются объектом пристального интереса общественного сознания, не говоря уже о научно-профессиональном. Причиной тому служит как обретение зрелости человеческой цивилизацией, в которой тирания, по крайней мере в европейском ареале, утратила исторические права на существование, так и рост профессионального научного знания. Однако вопросов остается множество. Как согласовать «талант» и его «злодейства», как это нередко имеет место в единой по своей структуре идентичности тирана? Как объяснить в рамках целостной структуры Эго-идентичности, скажем Сталина, любовь и тонкое понимание многих нравственно высоких произведений культуры с теми бесчеловечными злодеяниями, которыми прославился этот тиран? Как и почему боязнь тиранов уживалась с чувствами восхищения и «любви» к ним, заставлявшим насмерть сражаться с искренней верой в сердце и на устах, что это делается «за Родину, за Сталина!»? Можно ли говорить о том, что свершения, жизненно важные для того или иного социума, были совершены вопреки, а не благодаря стилю правления тирана?

Чаще всего попытки ответить на подобные вопросы строятся по принципу «с одной стороны, с другой стороны», что мало объясняет природу сотворения и социальной жизни тирании. Примерно такая ситуация сложилась и вокруг фигуры одного из самых известных истории тиранов — Нерона. В изобилующей противоречивыми персонажами античной истории (Юлий Цезарь, Октавиан Август, Калигула) именно Нерон, «наиболее часто оказывается предметом уче-

ных дискуссий и объектом для изображения у литераторов»¹. Во многих исследованиях отмечается тяга императора к поэзии, театру, изящным искусствам, но превалирует селективно-демонизирующая интерпретация его образа. Казалось бы, если выявлено такое число злодеяний тирана, то какая разница, любил он поэзию или нет, сути его правления это не меняет. Однако именно внешне обыденные черты и эпизоды бытования тирана способны пролить свет на него не как на некую аберрацию в ходе культурно-исторической эволюции человечества, но как на знаковый историко-психологический типаж, олицетворяющий время и место его появления.

Между тем в литературе по-прежнему бытуют оценки, оставляющие за кадром социально-психологические закономерности становления и динамики идентичности властителя. Исследователи нередко упускают из виду, что многие черты властителя являлись продуктом породившего его времени. В данной статье будет сделана попытка показать, что жестокость и развратность императора, как и другие его асоциальные черты были производными от структуры и динамики его Эго-идентичности, имевшей культурно-историческую обусловленность, что «слабости» этого Эго отражали «слабости» общества, еще крепко связанного с породившей его архаикой, отражали хрупкость наработанного цивилизацией культурного багажа.

Сразу стоит оговориться, что охватить весь объем вопросов, связанных с динамикой его идентичности не удастся в связи с неполнотой источников, касающихся этого исторического персонажа. Однако возможность реконструировать картину становления и деформации личности принцепса имеется. Инструментарием для нас будет служить технология полидисциплинарного синтеза, имеющая фокусом бессознательное². Она основывается на взаимодополняемых концепциях современного социогуманитарного знания, чья комплементарность обуславливается не только их общей фокусируемостью, но и методологической близостью в понимании социальной обусловленности формирования и функционирования бессознательного (теория установки Д. Н. Узнадзе, теория идентичности Э. Эриксона, теория невротической личности К. Хорни, теория

¹ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. С. 372.

² См.: Николаева И. Ю. Проблемы методологического синтеза и верификации в истории в современных концепциях бессознательного. Томск, 2005.

авторитарной личности Э. Фромма и др.). Широко вошедшие в научный оборот современной науки эти теории, тем не менее, обладают ограниченными возможностями реконструкции, не будучи соотносенными друг с другом, а также с историческим знанием. Их комплексное перекрестное использование в синергии с историческим методом компенсирует методологические изъяны той или иной конкретной теории и дает возможность разобраться в глубинных причинах становления и деформации идентичности императора.

Современные исследователи не придают особого значения детским годам Нерона, хотя историко-психологическое знание позволяет использовать связанную с детством информацию для системного анализа истоков становления Эго-идентичности взрослого (ставшие афоризмом слова Сартра «ребенок – отец взрослого» сегодня расшифровываются в терминах действия законов человеческой психики). С помощью его мы и попытаемся показать, что как раз в детстве и были заложены те негативные предрасположенности, которыми прославился взрослый Нерон в качестве злодея и развратника.

Итак, 15 декабря 37 года у дочери великого Германика Агриппины и Гнея Домиция Агенобарба родился единственный сын, которому суждено было стать знаменитым императором Нероном. Его отец Гней «был личностью отвратительной, наделенной одними лишь пороками и абсолютно лишенный добродетелей»³. Он был замечен в кровосмесительной связи со своей сестрой Лепидой. Воры, насильники, взяточники — это лишь некоторые «достоинства», которыми славился род Доминициев. От своих предков Гней унаследовал «медную бороду, язык из железа и сердце из свинца». Светоний рисует портрет, в котором просматриваются черты, впоследствии столь ярко проявившиеся в его сыне: «Он однажды убил своего вольноотпущенника за то, что не хотел пить, сколько ему велели, ... в одном селенье по Аппиевой дороге он с разгону задавил мальчика, нарочно подхлестнув лошадей, а в Риме, на самом форуме, выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань»⁴. Отец будущего императора славился и тем, что не платил посредникам за вещи, приобретенные на аукционах, бесцеремонно присваивал награды, завоеванные другими на скачках. Он был обвинен в оскорб-

³ Дуров В. С. Нерон или актер на троне. СПб., 1994. С. 45.

⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1988. С. 197.

лении величества и заключен под стражу, но после смерти императора Тиберия неожиданно оказался на свободе. Через некоторое время Гней покинул Рим и скрывался в своем поместье на берегу Тирренского моря. На известие о рождении единственного сына он отреагировал весьма своеобразно, сказав, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества⁵.

По старинному римскому обычаю, на девятый день после рождения мать клала ребенка на землю у ног отца, который должен был взять малыша на руки, тем самым официально признавая его своим. После совершения этого ритуала ребенку давали имя, и он становился полноправным членом семьи. В тот день, когда Нерону следовало пройти этот обряд, его отец так и не появился. Поскольку Гней отсутствовал, этот ритуал выполнил брат Агриппины — Калигула. Своего сына Агриппина назвала Луцием Домицием Агенбарбом. Очевидно, что и в воспитании сына Гней не принимал никакого участия, а через три года после его рождения он умер.

Мать Нерона Агриппина вскоре после его рождения в январе 40 г. вместе со своей сестрой была обвинена в заговоре против императора и приговорена к ссылке на остров Пандатерии. Надеяться на скорую смерть брата, императора Калигулы не приходилось: он был молод и полон сил. Сестер ожидало медленное угасание вдали от Рима. Новости из Рима и Неаполя они получали лишь несколько раз в год, когда на остров доставлялось продовольствие и жалованье для небольшого гарнизона. Находясь в ссылке, Агриппина овдовела.

Однако судьба оказалась на ее стороне. Император Калигула был убит заговорщиками из числа военных. Новым императором был провозглашен Клавдий, дядя Агриппины и Юлии. Весной 41 г. они вернулись в Рим вместе с толпой амнистированных.

К дочерям своего брата Клавдий отнесся весьма благосклонно. Двери его дома были для них открыты, и очень скоро сестры восстановили положение членов императорской семьи. Агриппине нужно было устраивать свою жизнь, поскольку без поддержки мужа надеяться на обеспеченное существование было невозможно. Дочь Германика начала активные поиски нового супруга. Им оказался Пассиен Крисп, который принадлежал к интеллектуальной элите Рима и

⁵ Там же. С. 198.

прославился как выдающийся оратор. Немаловажное значение имело и его огромное состояние. Брак с Криспом был выгоден Агриппине во всех отношениях: он стал надежной ее защитой и от происков жены Клавдия Мессалины.

После замужества пришло время посвятить себя воспитанию сына. В двухлетнем возрасте Нерон оказался лишен отца и материнской заботы. Первые и самые важные годы в становлении личности ребенка были проведены им в разлуке с матерью, что с неизбежностью должно было сказаться на отсутствии базального доверия к миру и уже на этой ранней стадии формирования идентичности лишить его важной подпитки психологической уверенности в себе⁶. С раннего детства он мог ощущать лишь собственную слабость и беспомощность, что впоследствии привело к закреплению и акцентуации черт авторитарного (в терминологии Э. Фромма) характера, со свойственными ему проявлениями садомазохистского синдрома. После ссылки Агриппины Нерон был отдан на воспитание тетке по отцовской линии Домиции Липиде. Его первыми наставниками стали танцовщик и брадобрей — греки по происхождению, которые ничему, кроме языка мальчика не могли научить. Несомненно, что определенную долю любви и заботы малыш получал от тетки, но это никак не могло заменить ему материнскую нежность.

Когда будущему императору шел четвертый год, из ссылки вернулась его мать, однако эмоциональная связь между ними не была восстановлена. Во многом это было связано с самой структурой социально-психологической идентичности общества и органичной ей системой воспитания детей. Как правило, в знатных семьях для новорожденных брали кормилиц, тем самым лишая мать и ребенка тонкой эмоциональной зависимости друг от друга. По мере взросления к детям приставляли воспитателей, которые обращались с ними

⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995; Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб, 2002; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. Суть всех неврозов заключается в деформации характера, берущей начало в детстве, в котором отсутствовали условия для обретения неосознаваемой, но фундаментально важной уверенности в себе, любви близких. Как правило, негативный опыт социализации на ранних стадиях детства закладывает основания для базисно тревожной психики и в будущем, если условия дальнейшей социализации не компенсируют дефектов этой стадии.

как с маленькими взрослыми. Психо-эмоциональная незрелость не давала возможности любить кого-то глубоко (в современном понимании⁷), дарить нежность другому человеку. В этом смысле история Античности дает нам богатейший материал. Вот лишь два достаточно характерных среза структуры психосоциальной идентичности античного мира — Медея, убившая своих сыновей из-за предательства их отца, и Эней, несущий на плечах своего отца Анхиза. Эти два совершенно разных, и, казалось бы, взаимоисключающих примера — мать, убившая детей, и сын, несущий отца на руках, лишь внешне парадоксальны. Их внутреннее родство заключается в том, что они позволяют вскрыть отсутствие эмоциональной связи между родителями и детьми. Как справедливо отметил П. Киньяр, груз на плечах Энея, это не проявление сыновей любви, это лишь долг по отношению младшего к старшему. Отсюда и традиции сурового воспитания, когда родители не выказывали чувств к своим чадам⁸.

Нерон был обязан получить хорошее воспитание, поскольку он считался одним из последних прямых потомков Августа Германика и со временем мог претендовать на императорский трон. Первым серьезным выступлением Луция стали Троянские игры. Как пишет Тацит: «Это были своеобразные испытания в ловкости и умении управлять лошадьми, к которым допускались сыновья сенаторов и всадников. Мальчики и юноши верхом на лошадях и в соответствующем одеянии, вооруженные каждый копьем, луком и стрелами, на глазах многочисленных зрителей выполняли на арене определенные упражнения и согласованные маневры»⁹. Луцию на момент этих игр было девять лет, но ростом и силой он превосходил сверстников. Троянские игры завершились для него полным успехом, аплодисменты всех зрителей принадлежали только ему. Однако «расположение народа к нему проистекало из еще незаглохшего воспомина-

⁷ См.: *Де Моз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000 (при всей уязвимости исторических построений автора, общая посылка его теории относительно общего вектора динамики взаимоотношений детей и родителей в исторической ретроспективе во многом совпадает с законами психологического знания. См.: *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века. Историкографическая революция. Вып. III. Томск, 2008. С. 185-190.

⁸ Подробнее см.: *Киньяр П.* Секс и страх. М., 2000.

⁹ *Дуров В. С.* Нерон или актер на троне. С. 75.

ния о Германике, чьим последним потомком мужского пола он был, и подкреплялось, кроме того, сочувствием к его матери Агриппине вследствие преследований со стороны Мессалины, которая была всегда к ней враждебна, а в то время более чем когда-либо...». Такое проявление чувств не могло понравиться императрице Мессалине. Опасаясь за будущее наследника, Мессалина пригласила наемных убийц, чтобы избавиться от возможного претендента на императорский трон. Но попытка потерпела поражение. Агриппина приставила к сыну штат охранников и распространила слух о том, что Луций был спасен от смерти благодаря божественному вмешательству (по преданию, спящего ребенка, защищала змея, которая и напугала убийц). Сам Нерон, «отнюдь не склонный себя умять, говорил, что в его спальном покое была обнаружена... змея»¹⁰.

Успешное участие в этих играх, можно трактовать, как прохождение важного лиминарного порога¹¹. В. Тернер на широком историко-культурном материале доказал связь обрядов перехода с лиминарными периодами. Лиминарность он анализировал как межструктурную ситуацию, как трансформацию, некое символическое поведение, означающее отделение индивида или группы от ранее фиксированной точки в социальной структуре или набора культурных условий (состояний). Самое важное в лиминарном периоде — внутренние, а не внешние изменения в человеке, проходящем обряд перехода. На языке теории Э. Эриксона этот период может быть определен как прохождение определенной точки бифуркации в подростковом кризисе идентичности Нерона. Успех в играх, несомненно, должен был способствовать процессу расставания с детской идентичностью и обретению юношеской в алгоритме укрепления позитивных установок в структуре его Эго-идентичности.

Эта структура, как известно, зависит во многом от социализации в рамках семьи и связанных с ней малых групп. И в этом смысле судьба вновь оказалась благосклонна к Агриппине. Благодаря падению и гибели Мессалины, она оказалась одной из главных претенденток на освободившееся место императрицы. Вольноотпущенники Клавдия, управлявшие делами во дворце, хорошо знали своего гос-

¹⁰ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. Кн. 11. С. 184.

¹¹ Подробнее см.: Тернер В. *Символ и ритуал*. М., 1983.

подина и его привычку подчиняться жене. Поэтому они постарались как можно скорее найти новую кандидатуру на это место. Претенденток было трое, но Агриппина одержала победу, несмотря на то, что являлась племянницей императора, а кровосмесительные браки в Риме не приветствовались. Агриппина пользовалась большой популярностью у народа, войск, сената. Благодаря Криспу она была весьма образованна, а будучи племянницей Клавдия, имела свободный доступ в императорские покои. Одобрению этого союза поспособствовал сенатор Луций Вителлий, призвавший сенат голосовать за кандидатуру Агриппины, поскольку она «...превосходит всех остальных славою своего рода; она показала, что способна рожать детей, и что ей присущи добрые качества»¹². Брак Агриппины и Клавдия был решен. «Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы, отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще — высокомерие; а в домашней жизни не допускала ни малейшего отступления от старого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти»¹³.

Будучи весьма умной и предусмотрительной женщиной Агриппина понимала, что недостаточно просто завладеть властью, необходимо уметь ее удержать. Одной из главных задач Агриппины было упрочить положение своего сына. Ей удалось добиться уравнивания в правах Луция и Британика. 25 февраля 50 г. Клавдий усыновил Луция Домиция, который вступил в императорскую семью с новым именем — Нерон Клавдий Цезарь, Друз, Германик. Императрица расправилась и со всеми возможными соперницами. Стоило Клавдию сказать, как хороша та или иная особа, Агриппина уничтожала ее если не в физическом, то в моральном плане. Она вступила в сексуальную связь с вольноотпущенником Паллантом, который стал ревностным защитником ее интересов. Вступая в сексуальную связь с министром финансов императора Клавдия, она преследовала цель укрепления своей власти, возможности влиять на принятие тех или

¹² Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 198.

¹³ Там же. С. 199.

иных политических решений¹⁴. Она добила для себя титула Августа, получив тем самым право сидеть рядом с императором при исполнении им государственных обязанностей. Агриппина стала первой женщиной, возвеличенной этим титулом при жизни мужа (до нее его удостоились лишь Ливия и Антония, но только овдовев).

Агриппина не забывала и о карьере сына — достигнув 14-летия, он получил право облачаться в мужскую тогу (обычно это происходило по достижению 16 лет). Луций был назван главой римской молодежи и назначен консулом с вступлением в должность в 20 лет. До этого возраста ему была предоставлена проконсульская власть, которую он имел право осуществлять за пределами Рима. От его имени народу и солдатам раздавались денежные премии и продовольствие. В его честь было устроено цирковое представление, на котором Нерон был в одеянии триумфатора, а Британик в детской тоге¹⁵.

Для себя Агриппина вытребовала почести — подниматься к святыням Капитолия в конном экипаже (подобная честь предоставлялась исключительно жрецам и статуям богов). Она вмешивалась в государственные дела, присутствовала на частных совещаниях императора и высказывала свое мнение по важным государственным вопросам. Она принимала послов и представителей из провинций. Агриппина прибрала к рукам преторианскую гвардию, что сделало ее положение еще более неуязвимым. Но ни на минуту она не забывала о Британике. Клавдий дал ей полную свободу действий, и Агриппина быстро избавилась от неугодных воспитателей пасынка. В «Анналах» читаем: «Клавдий обрекает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нем отдает в руки назначенных мачехой»¹⁶. Преданные императрице люди доносили ей о каждом его шаге и слове.

¹⁴ Так, «Клавдий по настоянию Палланта ускорил усыновление Домиция». Там же. С. 205.

¹⁵ Логика психологических законов формирования идентичности дает нам основание предположить, что в обстоятельствах, когда молодой Нерон преждевременно, а порой и не по заслугам получал символически важные свидетельства значимости собственной персоны, деформация структуры Эго-идентичности уже имела место. И хотя в источниках не находится прямых свидетельств этому, мы можем, выдвигая данное предположение, полагаться на компенсаторную функцию полидисциплинарного знания.

¹⁶ *Публий Корнелий Тацит*. *Анналы*. Кн. 12. С. 213.

Воспитанием Нерона по-прежнему занимались педагоги-греки. Мать и избранные ею учителя, видевшие в Луции будущего полководца, продолжателя рода великого Германика, воспитывали в нем твердость и суровость, хотя качества, востребованные культурой политической элиты римского общества, не были присущи природе будущего императора: «Нерон с раннего детства устремил живость своей души на другое: занимался чеканной работой, рисованием, пением, учился править лошадьми на ристалище...»¹⁷. Его излюбленными занятиями были посещение театра и цирковых представлений. Его восхищали скачки, но наставники стыдили его за низменные увлечения. Агриппину не волновали увлечения сына. Перед ней стояла лишь одна цель — сделать его римским императором, что в будущем послужило бы гарантом ее власти и удовлетворения собственных политических амбиций. В идентичности молодого Нерона можно предположить наличие негативных идентификаций, отягчавших и без того базисно невротную структуру его психики¹⁸.

Известно, что наибольшее влияние на становление личности будущего императора оказал Сенека, его главный наставник, воспитатель, советник. М. Грант так рисует его портрет: «Сенека был одним из самых экстраординарных людей своего времени... он был безмерно моден среди молодежи, которая обожала его риторические фейерверки и резкую, беспокойную, отточенную манерность, которая сделала его стиль воплощением латинского серебряного века»¹⁹. Творческая гениальность уживалась с чертами, на первый взгляд не вяжущимися с традиционно рисуемым образом. При императоре Калигуле он был ведущим оратором в Сенате, пользовался почетом и уважением, будучи сосланным при Клавдии на Корсику, писал оттуда ему льстивые письма. «Лицемерие и бесстыдство этого челове-

¹⁷ Там же. Кн. 13. С. 225.

¹⁸ Для складывания позитивной идентичности необходимо иметь твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. На данном этапе становления личности будущего принцепса позитивная идентичность сформироваться не могла, поскольку идентификации Нерона приходили в противоречие с представлениями о нем у матери и его воспитателей, а опосредованно и более широкого окружения. Подробнее см.: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис...

¹⁹ Грант М. Нерон. Владыка земного ада. М., 2003. С. 21-22.

ка поразительны. На словах он осуждал богатство, но, разбогатев адвокатурой, продолжал наращивать состояние ростовщичеством. Он восхвалял умеренность, но себя лично ограничил лишь в том, что изгнал со своего всегда обильного стола устрицы и грибы. Он твердил, что хочет навсегда сразить роскошь, а свелось все к тому, что отказался всего-то от благовоний для тела. Он учил воздержанию, но в то же время посещал самых испорченных и мерзких проституток, ублажавших пьяных матросов и гладиаторов. Как все представители римской аристократии, он не брезговал мальчиками и здесь искал самых гнусных и развратных. Он не уставал прославлять чистоту нравов, а жил при этом как гнусный развратник»²⁰.

Однако не будем спешить с категоричной оценкой этой глубоко сложной и противоречивой личности. Вряд ли стоит говорить о пороках Сенеки как признаке нравственно извращенной натуры. Нам ближе иной ракурс интерпретации его «девиаций». На наш взгляд именно близость архаического наследия²¹ определила резкое столкновение связанных с ним и глубоко укорененных ценностных установок с вновь обретенным культурным знанием. Острота конфликта находилась в прямой связи с тем, что Сенека являлся не просто носителем последнего, но одним из тех, кто благодаря болезненно-творческому переживанию конфликтов современности, сформулировал целый ряд составляющих это знание ценностных ориентиров.

Итак, будучи в ссылке, Сенека писал Клавдию льстивые стихи, прославлявшие его успехи в Британии. Он обращался ко всем с подобными посланиями, чтобы только вернуться в Рим. Но все было безрезультатно, пока о нем не вспомнила Агриппина. В 49 г. он возвращается в Рим и становится наставником будущего императора. Агриппина добивается для него должности претора на 50-й год и вводит его в императорский совет. Выбор Сенеки в качестве настав-

²⁰ Дуров В. С. Нерон или актер на троне. С. 104.

²¹ Об укорененности в ментальном складе античного общества архаических установок см.: Николаева И. Ю. Истоки и особенности европейского гендерного культурного кода // Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов: стратегия и методика гендерного образования / Под ред. И. Ю. Николаевой. Томск, 2003. С. 3-16; Она же. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 52. С. 92-98.

ника Нерона был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, философ был личностью яркой и одаренной, он имел громкую литературную славу. Во-вторых, Агриппина надеялась, что Сенека ненавидит Клавдия, но к ней будет питать безграничную преданность как к спасительнице. Именно этот аргумент был наиболее значим. «Она поступила так и ради того, чтобы отроческие годы Домиция протекли под руководством столь выдающегося наставника и чтобы она с сыном, осуществляя ее мечту о самовластном владычестве, могла пользоваться его советами...», — читаем у Тацита²².

Воспитательные методы Сенеки заключались в следующем. Он заставлял юношу читать и изучать только собственные произведения. Философ написал для будущего императора целый трактат «О Милосердии», в котором давал советы по управлению государством. В этом произведении обрисовывалась некая идеальная картина отношений между *pater familias* и подданными. Наделенный властью должен быть заботливым, снисходительным по отношению к подчиненным, подавать им пример собственным поведением. Другая идея этого трактата — служение на благо империи всех граждан и, в первую очередь, императора²³. Занятия музыкой, поэзией и всеми изящными искусствами Сенека осуждал, считая их паразитическими и ненужными, служащими только для роскоши. Подобное отношение у наставника Нерона было и к геометрии, математике, астрономии, поскольку они не способны научить человека добродетели, ради которой он призывает отказаться от материальных благ и богатства, презреть страх смерти и не бояться страданий, а искать внутреннее равновесие. Все, к чему стремился и чем увлекался Нерон, презиралось и резко осуждалось учителем, что не могло не сказаться на характере его идентичности, в чьей структуре все более укреплялся блок неосознаваемых негативных собственных идентификаций.

Как это ни парадоксально, но если бы не властные устремления матери, видевшей в Нероне-императоре гаранта собственной власти, то его эго-идентичность на данном этапе не имела бы шансов обрести свой голос, который он продемонстрирует как император-поэт, император-актер. Главное, пожалуй, заключается в том, что позиция

²² Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 199.

²³ Подробнее см.: *Грималь П.* Сенека, или Совесть империи. М., 2003; *Краснов Пл. Л. А.* Сенека. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895.

матери в данном случае оставляла шанс обретения некоей уверенности в себе. Агриппина внимательно следила за воспитанием сына. Будучи солидарна с Сенекой во многом, она все же не поддерживала его ставки на философию и требовала интенсивных занятий риторикой, искусством письма и публичной речи, историей, литературой, древними обычаями, т.е. всем тем, что необходимо для правителя, и что было органично устремлениям юноши. Кроме того, отдушиной для него стали занятия спортом, которые в глазах учителя и матери могли послужить некой тренировкой для будущих военных успехов.

Будь эти воспитательные практики направлены на развитие внутренних задатков личности, история лишилась бы одного из тиранов. Однако в этом и состоит закономерность, и органичной ее составляющей являются законы функционирования психики в ее исторической ипостаси. По Тациту, Агриппина полагала, что Сенека должен быть предельно строг со своим учеником и сама была «с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвование она не могла»²⁴. Уже с повзрослевшим юношей она обращалась как с несмышленным ребенком, властно и жестко диктовала ему свою волю; ей хватало одного только взгляда, чтобы Нероном овладел страх. Это лишний раз свидетельствует о том, что основные ценностные ориентиры или смысловые установки матери были связаны с властью и проистекали из авторитарной структуры ее психики, культурно-исторически опосредованной самой природой психосоциальной идентичности римской элиты²⁵. Можно переиначить эту закономерность в историко-психологическом срезе — Эго-идентичность Агриппины была отражением одного из модусов социально-психологической идентичности римской политической элиты.

Не удивительно, что поведение матери не могло не способствовать закреплению ригидно-авторитарной структуры характера молодого Нерона. В соответствии с описанным Фроммом поведением такого рода личности изнанкой внешнего подчинения и пассивности

²⁴ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 221.

²⁵ Об этом подробнее см.: Зорина Н. С. Деформация гендерного кода поведения элиты в контексте кризиса позднеимперского общества (к постановке вопроса) // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 28. Томск, 2008. С. 270-279.

будущего тирана являлось до поры до времени подавляемое стремление избавиться от материнской опеки. Стремление, которое в будущем, при складывании условий для его осуществления, выльется в гротескно-уродливую форму убийства матери. Собранный информация дает основания полагать, что психологический интерьер социализации Нерона уже на этапе формирования его детской и юношеской идентичности способствовал фиксации личности на проблемах преодоления страха перед авторитетом, властными фигурами. Такие ситуации, как правило, приводят к гиперкомпенсаторному поведению на стадии формировании взрослой идентичности, если условия на этом этапе ее оформления благоприятствуют демонстрации собственной силы. Вне контекста формирования и действия данного социально-психологического механизма изоцирено кровавая жестокость Нерона-императора не может быть объяснена.

В возрасте 16 лет состоялась свадьба Нерона с дочерью Клавдия Октавией. После этого события сомнений в том, что Нерон – наследник императорского трона, не было. Однако этот брак не был удачен. Нерона совсем не интересовала юная жена. Удовлетворение своих физиологических потребностей он находил на стороне, не исключено, что в этом ему помогал Сенека. Отметим этот отягчающий условия продуктивного развития Эго гендерный фактор, когда выбор брачного партнера не строится на свободе волеизъявления молодого человека, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По случаю вступления в брак будущему принцепсу была предоставлена возможность показать свое ораторское искусство в сенате. Нерон выступил трижды в поддержку трех городов. Одна речь была составлена на латыни, две другие он произнес на безупречном греческом, что не могло не прибавить ему политического веса.

Агриппина делала все возможное, чтобы ее сын стал императором. Почувствовав угрозу свершению своих планов, она пошла на убийство Клавдия. Причиной тому был советник Клавдия Нарцисс, возлагавший надежды на Британика как будущего императора. Нарцисс, как сообщает Тацит, подозревая Агриппину в злонамеренных умыслах, сказал однажды в тесном кругу друзей, что он обречен на верную гибель, достанется ли власть Британику или Нерону. Однако чувствуя себя обязанным Цезарю, Нарцисс сделал выбор в пользу Британика, заявив, что ради истинной пользы действующего импе-

ратора готов пожертвовать своей жизнью. Он, Нарцисс, изблещил Мессалину и Силия; и «если власть попадет в руки Нерона, ... тот будет располагать ... основаниями для его осуждения; но зато, если наследником будет признан Британик, это избавит принципса от опасности; а бесстрашно наблюдать козни мачехи, столь пагубные для всей семьи Цезаря, он счел бы для себя еще большим позором, чем если бы умолчал о распутстве его предыдущей жены...»²⁶.

Агриппина решила отравить мужа и обратилась за ядом к колдунье Локусте. Это был особый яд, действующий внезапно, но не слишком быстро, чтобы ни у кого не возникло подозрений в преднамеренном убийстве, чтобы «Клавдий на пороге смерти не понял, что он жертва коварства, и не возвратил своей любви к сыну»²⁷. Все произошло так, как и задумывала императрица. Предоставим слово Тациту: «И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид, внезапно широко распахиваются двери дворца и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Буром, Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались, озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британик, но так как никто не призывал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесенный в преторианский лагерь Нерон, произнеся подобающую обстоятельству речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, денежные подарки, провозглашается императором. За решением войска последовали указы сената, никаких волнений не было и в провинциях. Клавдию определяются почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой же торжественностью, с какой был похоронен Август... завещание его, однако, оглашено не было»²⁸.

Итак, 13 октября 54 года Нерон был провозглашен повелителем империи с населением в 17 миллионов человек. Агриппина добилась поставленной цели, ее сын стал властителем римского народа.

Так кем же являлся новый римский император, и каких поступков стоило от него ожидать? Весь историко-культурный и социально-психологический интерьер формирования его идентичности дает

²⁶ Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. Кн. 12. С. 222.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 223.

основания считать, что поведение Нерона-императора было вполне прогнозируемым. Он пришел к власти в период кризиса ценностных установок римского общества, когда шла девальвация старых ценностей, а новые были еще слабо укоренены, не были морально санкционированы²⁹. Кризис был сопряжен с психосоциальной трансформацией римского нобилитета. Архаические практики были сильны, а наработанный социокультурный багаж, который мог бы противостоять деформации нравственно-психологических оснований идентичности римского нобилитета, был чрезвычайно хрупким.

В эту эпоху всеобщего кризиса у власти оказался человек с большим грузом собственных негативных предрасположенностей. У шестнадцатилетнего юноши отсутствовало базальное доверие к миру. Акцентуации негативной составляющей его идентичности способствовало то, что в глазах матери и наставников все его увлечения были пустым местом, и чтобы угодить окружающим Нерону приходилось лицемерить и заниматься тем, что выбрали для него мать и наставник. Его никогда не спрашивали, что он любит и чем он хочет заниматься, он никогда не чувствовал истинной эмпатии от близких ему людей. Его судьба была предрешена с самого рождения. Выгодный ранний брак с девушкой, которая вызывала у него отвращение, тоже сыграл не последнюю роль в деформации личности Нерона. Постоянное давление матери и Сенеки было фактором устойчивой подпитки жестко ригидной структуры его авторитарного характера. Не удивительно, что взойдя на трон и получив реальные полномочия, Нерон реализует свои глубоко скрытые устремления, которым в силу их чрезмерного и долгого подавления суждено со всей закономерностью действия психического раскрыться в уродливо жестокой форме. Важная деталь. Известная максима «свита делает короля», может быть реинтерпретирована — тирана делают тираном не только его приближенные, но и жертвы. Но это уже предмет для другого разговора. Мы же пока ставим точку в этом тексте, с тем, чтобы во второй его части попытаться проанализировать историко-психологический механизм властвования Нерона-тирана.

²⁹ Подробнее см.: Зорина Н. С. Деформация гендерного кода...

И. В. ЖЕЛВАКОВА

ХЬЮ МИЛЛЕР. УРОКИ ЖИЗНИ ОДНОГО ШОТЛАНДЦА

Хью Миллера нельзя назвать очень известным человеком, хотя в его родном городке Кроматри, что на севере Шотландии, об этом бы поспорили¹. Миллер помог основанию в 1843 г. новой пресвитерианской церкви и дал ей имя — Свободная Церковь Шотландии. Его коллекция окаменелостей (более 6 тыс. экз.), лежит в основе сегодняшней национальной коллекции в Королевском Шотландском Музее в Эдинбурге. Его книги «Первые впечатления об Англии и ее народе», «Автобиография. Мои школы и учителя, или история моего обучения», «Круиз “Бетси”», «Следы Создателя» и самая известная из всех «Старый красный песчаник» несколько раз переиздавались². В «Автобиографии» и «Первых впечатлениях об Англии и ее народе» помимо повествования о его жизни и путешествиях, содержатся красочные описания пейзажей, научно-геологические заметки, любопытные рассуждения о литературе, науке, политике и религии. Те впечатления, мысли, представления, переживания, которыми полны книги Миллера, позволяют вывести его личную «формулу успеха».

Хью Миллер был одним из тех, кого называют самоучками. Своими талантами, настойчивостью, трудолюбием и благодаря некоторой доли тщеславия он достиг немалых успехов в науке, публицистике, литературе. Миллер гордился тем, что он шотландец. Свою любовь он подтвердил, досконально изучив страну, включая ландшафты, быт и характер людей, их традиции и культуру, структуру земли вместе с ее ископаемыми и окаменелостями.

Хью Миллер происходил из семьи моряков. Он родился в небольшой рыбацкой деревушке на севере Шотландии в 1802 г. Отец

¹ В Кроматри работает музей Хью Миллера, при котором открыт постоянно обновляющийся сайт: <http://www.hughmiller.org>

² «Автобиография» была издана в 1853 и 1905 гг., «Первые впечатления об Англии и ее народе» — в 1847 и в 1889, «Старый красный песчаник» — в 1841, 1858 и 1906 гг., а «Свидетельство скал» в 1857 и 2001 гг. Сборники произведений Х. Миллера выходили в 1908 и 1995 гг.

его бесследно исчез в море, когда мальчику было пять лет. Семье пришлось пережить нелегкие годы бедности. В это время и начинается долгий путь Хью Миллера к знаниям. Впоследствии он в подробностях описал каждый свой шаг, верный или неверный, на этом пути в книге «Автобиография», главную цель которой видел в том, чтобы попытаться приобщить простой народ к самообразованию³. Самообразование (self-culture) и самоуправление (self-government) — то, что лежит в основе «формулы успеха» Миллера.

Первая ступень его образования — частная школа для маленьких детей. Здесь школьная наставница заставляла учеников зазубривать цитаты из Библии и учила детей произносить звуки старым шотландским манером. Впоследствии Миллеру пришлось переучиваться. И, даже будучи взрослым, он, прежде чем сказать какую-либо фразу, сначала в уме переводил слова на более современное звучание. Несмотря на недостатки такого обучения, именно в этой школе Миллер научился читать. В «Автобиографии» он пишет, что «тупое заучивание» проповедей и катехизиса его не увлекало, пока однажды он не натолкнулся на рассказ об Иосифе. Эта история «пробудила» его разум. Метафору *пробуждения* Миллер в дальнейшем очень часто будет использовать в тексте. Вслед за «пробуждением» он открыл для себя, что «искусство чтения — это искусство нахождения историй в книгах»⁴. С этого самого момента чтение стало для него одним из «самых восхитительных развлечений».

Вторая ступень обучения — средняя школа. Его новая наставница мисс Бонд была писательницей, и, несмотря на все старания, не могла уделять подопечным надлежащего внимания. Таким образом, Хью Миллер вновь был предоставлен сам себе. Его основным увлечением продолжает оставаться чтение, и в это время он также занимается рисованием картинок и придумыванием историй⁵. В средней школе мальчик впервые сталкивается с непониманием со стороны окружающих: пока он придумывал истории и «охотился» за книгами, его одноклассники развлекались петушиными боями и преследованием кошек. Позже, несколько лет спустя, в среде каменщиков

³ *Miller H. An autobiography. My Schools and Schoolmasters; or, The Story of My Education. Boston, 1854. P. IV-VI.*

⁴ *Ibid. P. 26-27.*

⁵ *Ibid. P. 84.*

его увлечения вновь будут казаться, по меньшей мере, странными. К счастью для Миллера, непонимание ни в детстве, ни в более взрослом возрасте не выводило его из равновесия.

Следующая ступень обучения – школа, работающая на пожертвованиях. Именно тогда он начал увлекаться прогулками вдоль берега, где исследовал леса, камни, скалы и проникся большим уважением к природе и ее красоте⁶. Ровесники, повзрослев, стали находить его занятия забавными, и по ночам они вместе совершали вылазки в пещеры. Это был переходный период, время непослушания, драк и ссор, время, когда «сила и независимость будущего мужчины смешивается с упрямством и безрассудностью простого мальчика». Миллер пишет, что он стал «опасным», однако опасность он представлял, по его мнению, прежде всего для себя, а спасти человека в этой ситуации может только школа, где «тяжелый труд и нужда – суровые, но благородные учителя»⁷. Говоря о труде здесь и в дальнейшем Миллер имеет в виду не просто труд (labour), а именно *тяжелый труд* (toil). Этот труд, с одной стороны простой (humble). Но именно к нему Миллер дает чаще всего определения *честный* и *благородный* (honest and noble). Он противопоставляет труд праздности и лени, к чему сам был склонен и что смог в себе преодолеть.

Как раз такая «школа» ожидала Хью Миллера сразу после того, как он решил стать каменщиком. Это решение является, пожалуй, одним из самых значимых в его жизни. Его дяди противились такому выбору племянника. Они рассчитывали, что он пойдет в колледж и станет врачом, адвокатом или священником. Профессия каменщика, на их взгляд, совсем не отвечала его способностям. Юноша, однако, не желал становиться юристом или врачом. Он уже тогда надеялся, что его истинным призванием является литература или даже естествознание⁸. И именно профессия каменщика позволила ему осуществить его мечту. Во-первых, она дала ему возможность на практике познакомиться с геологией. Во-вторых, зимой, во время длительных каникул, он мог полностью посвятить себя изучению лучших английских авторов. Работа на открытом воздухе привила ему «вкус к красотам природы», ибо «пейзажи сами по себе — неис-

⁶ Ibid. P. 124.

⁷ Ibid. P. 135-136.

⁸ Ibid. P. 145.

черпаемый источник для восхищения»⁹. Правда, он не сразу смог все это оценить. Поначалу перспектива «трудиться с утра до вечера, неделя за неделей», ради скудной грубой еды и одежды, его ужасала¹⁰. Тем не менее, эта работа стала той школой, из которой он вынес важнейшие для себя уроки. Он описывает ее как «лучшую и благороднейшую из всех школ, за исключением христианства», где «учитель — честный труд», где передается способность быть полезным, где приобретаешь дух независимости и привычку добиваться. Эта школа, по его мнению, более моральная и счастливая, чем те, где изучают философию и где обучают профессии. Если бы не труд и его уроки, человек бы впал «в состояние между демоном и диким зверем», и мир был бы «так же нравственен, как пустыня»¹¹.

Сначала Миллер работал в карьерах, и это стало шагом к будущей его известности как ученого. Нужда, сделавшая его каменщиком, позволила ему стать геологом: он научился видеть в песчанике страты и различные феномены. И если в детстве он смотрел на скалы и пещеры как на картинки, то теперь стал «рассудительным студентом, жаждущим прочесть природу как книгу». Работу в карьерах Миллер сравнивает с чтением книг. Так он совмещает в сознании два главных увлечения своей жизни — геологию и книги. Надо отметить, что Миллер очень часто пользуется сравнениями; более того, сравнения — одна из основных составляющих его текстов. Он умеет находить общее в событиях и явлениях, которые на первый взгляд абсолютно не похожи. Слои земной коры, пишет Миллер, — это «тома книг», «геологическая библиотека природы»¹².

Миллер не нашел среди каменщиков себе приятелей. Те не хотели с ним разговаривать, поэтому он часто лежал на чердаке, «думая и размышляя». Для него способность мыслить — не просто отличие человека от зверя, а способ подняться в моральном и интеллектуальном плане. Не думать — значит заставлять разум спать. Уже к 17-ти годам Миллер понял те возможности, которые открывала его профессия, и даже стал получать удовольствие от труда. Однако были в этой работе и свои минусы. Такой тяжелый труд не мог

⁹ Ibid. P. 148.

¹⁰ Ibid. P. 144.

¹¹ Ibid. P. 147.

¹² Ibid. P. 154.

не отразиться на его здоровье, причем не только физическом. В добавлении к тому, что у него болели суставы, грудь, были изранены пальцы рук, его стали одолевать приступы лунатизма. Тогда же он начал злоупотреблять алкоголем, что неудивительно, если учесть привязанность окружающих Миллера каменщиков к пабам. Однако он смог вовремя остановиться. Любопытно, что именно помогло ему побороть эту слабость: будучи в нетрезвом состоянии, он открыл книгу, эссе Бэкона, и не мог понять смысла текста, так как «буквы плясали перед глазами»¹³. В тот момент он так испугался, что дал себе зарок никогда не пить. Обещание он сдержал.

Проработав три года учеником каменщика, Миллер в 1824 г. уезжает в Эдинбург. Там он зарекомендовал себя превосходным работником, что повлекло за собой зависть и подозрение со стороны коллег. Лишенный их общества, он предавался таким размышлениям, прогулкам по городу, наблюдению за его жизнью, и это тоже способствовало становлению будущего талантливого автора.

Серьезно заболев через два года, Хью Миллер вернулся в родной Кроматри. Там, а затем в соседнем Инвернесе, он зарабатывал себе на жизнь резьбой по камню. Тогда же он начал писать стихи. Опубликовать их он смог не сразу, однако в 1829 г. все же вышли в свет его «Стихи путешествующего каменщика». Его поэзия, очень пока несовершенная, не имела особого успеха ни у читателей, ни у критиков. Но публикация сборника свела Миллера с редактором журнала *“Inverness Courier”*. Результатом знакомства стала серия статей, которые Миллер написал для этого журнала. Тема была заурядной — рыбная ловля. Однако статьи были наполнены «настоящим поэтическим чувством», что оценили многие, в том числе очень богатые и известные люди. Благодаря своей известности Миллер познакомился с талантливой писательницей и учительницей Лидией Фрейзер, которая впоследствии (в 1837 г.) стала его женой.

Слава не сильно повлияла на характер Миллера. Ему помог печальный пример тех людей, которые, вообразив себя поэтами, отказывались от обычного ручного труда: они считали труд недостойным себя, и потому часто становились чуть ли не нищими. Также Миллер видел, что знакомство с людьми высокого ранга портило

¹³ Ibid. P. 151.

даже очень сильных людей. Он смог преодолеть оба искушения: продолжал работать, ибо «никогда не ассоциировал идею низости с честным занятием», и старался по возможности избегать чрезмерного внимания к своей персоне¹⁴.

В 1835 г., ему предложили место в отделении коммерческого банка в Кроматри. Работа бухгалтером дала Миллеру «новое и любопытное поле для наблюдений» и явилась для него «замечательной школой», «лучшей в мире для развития пронизательного ума»¹⁵. У своего патрона м-ра Росса он научился хорошо разбираться в людях и в денежных вопросах. Миллер видел, как процветают и беднеют люди, выяснял причину этих явлений, наблюдал за характерами людей и их способностями. Он стал свободно ориентироваться в различных областях торговли. Впоследствии, уже будучи редактором газеты “*Witness*”, ему приходилось писать статьи по финансовым вопросам, и он мог это делать без посторонней помощи. Необходимость зарабатывать на семью заставила Миллера одновременно со службой в банке активно сотрудничать с различными журналами, такими как *Wilson’s Tales of the Border* и *Chamber’s Journal*¹⁶. В это же время он опубликовал «Сцены и легенды Северной Шотландии».

Вторая половина 1830-х гг. была ознаменована движением внутри шотландской церкви, результатом чего стал ее раскол и образование в 1843 г. Свободной Церкви Шотландии. Миллер встал на сторону тех, кто придерживался принципа невмешательства в дела церкви. Когда в городе Охтерардере, графство Пертшир, паства отклонила предложенную местным попечителем кандидатуру священника, разгорелся спор между церковью и Сессионным Судом Шотландии. Дело дошло до палаты лордов, большая часть которой поддержала политику попечительства. Миллер написал на эту тему два памфлета «Письмо одного шотландца к лорду Бруму»¹⁷ и «Вигизм

¹⁴ Ibid. P. 432.

¹⁵ Ibid. P. 493.

¹⁶ *Chambers R. A Biographical Dictionary of Eminent Scotsmen*. New York, 1971. Vol. 3. P. 142.

¹⁷ Лорд Генри Брум (1778–1868) — знаменитый оратор, юрист и государственный деятель, один из лидеров партии вигов. С 1830 по 1834 гг. занимал пост лорда-канцлера. Один из основателей “*Edinburgh Review*” и Лондонского университета. Противник партии невмешательства.

старой школы». Богатый язык памфлетов произвел большое впечатление на лидеров партии невмешательства. В 1839 г. они предложили ему быть редактором и автором газеты “*Witness*”.

Какую роль религия играла в жизни Миллера? Он был пресвитерианином до мозга костей. Если верная судьба человека подняться, писал он, то неизбежная судьба папизма — рухнуть, тем более что «крайности 1500-летней истории разрушили основу католицизма». «Абсурдные представления» католицизма стали несопоставимы с «продвинутыми знаниями»¹⁸. Около 300 лет назад, писал Миллер, Реформация вытеснила римскую католическую церковь из Шотландии, и именно с тех пор можно говорить об *ожившем* христианстве и о *воскресшей* вере. Христа Миллер называет «великим притягательным центром», «центральной точкой системы», без которой все — хаос. Он — человек, и человеческие сердца тянутся к нему. И он — бог, и разум может вступить с ним в связь. Все религии, которые влияют на умы, считал Миллер, содержат в характере богов нечто человеческое. Боги классической мифологии были просто могущественными людьми, освобожденными от физических законов. Они были друзьями и врагами людей, их боялись и любили. В буддизме, брахманизме, исламе также есть элемент человеческого. Однако во всех этих религиях божественное и человеческое являлись двумя элементами, связанными между собой всего лишь механически. Человеческий элемент в виде сильных суеверий вызывал симпатию у простого народа, а теистический элемент признавался только образованными умами. Таким образом, два элемента неизбежно разъединялись¹⁹. В христианстве же, считает Миллер, связь элементов химическая. Человечность и божественность соединились в обожаемом Спасителе. Бедные умирающие дети и люди с выдающимися интеллектуальными способностями одинаково уповают на свое спасение во Христе. Он — «единственный священник, который стоит между Господом и людьми», и духовенство, от которого происходит тирания, не должно вмешиваться в эти отношения²⁰.

Однажды в Англии Миллера спросили, что хорошего дала шотландцам их религия и почему они так привязаны к ней, и он ответил:

¹⁸ *Miller H. First Impressions...* P. 142.

¹⁹ *Idem. An autobiography.* P. 362.

²⁰ *Ibid.* P. 364.

«Она сделала для наших людей то, что все ваши общества распространения общепользных сведений и... все субботние газеты никогда не сделают для вас: она пробудила их интеллект и научила их, как думать»²¹. По мнению Миллера, развитие народного разума в Шотландии — заслуга пресвитерианства. *Пробужденный* интеллект — это важное понятие для Миллера. Он противопоставляет его *спящему* интеллекту простого народа в Англии.

Таким образом, Миллер не мог не считать религиозную газету «*Witness*» важной для его сограждан. Решение согласиться на пост редактора, однако, далось ему нелегко. Во-первых, пишет Миллер, «работа в газете предполагает в качестве долга войну со всем миром», а он хотел бы жить со всеми в мире. Во-вторых, он считал, что ему придется во многом отказаться от главного увлечения своей жизни — геологии. В-третьих, он опасался, что такая работа может положить конец надеждам оставить свой след в истории литературы. В этой связи Миллер дает интересную метафору: редактор газеты пишет по песку в период прилива, он оказывает влияние на умы в настоящем, но его забывают будущие поколения²². Эти размышления, тем не менее, не остановили Миллера. Он верил во благо данного шага и приготовился «для тяжелого труда, борьбы и неизвестности». Впоследствии, правда, Миллер понял, как сильно преувеличивал. Ведь именно в газете он, наконец, нашел свое место. Это была последняя ступень на пути его становления. Здесь его талант автора и публициста проявился в полной мере. Не удивительно, что газета имела огромный успех, и ее тираж за год вырос в два раза.

Газета, однако, не была полностью посвящена религиозным вопросам. В ней Миллер публикует статьи о науке, искусстве, литературе. С 1840 года здесь он напечатал серию статей «Старый красный песчаник». Впоследствии они были опубликованы отдельным томом и приобрели мировую известность. Позже вышли в свет, сначала в виде статей, а затем отдельными изданиями, «Первые впечатления об Англии и ее народе», «Следы создателя», «Автобиография».

²¹ *Miller H. First Impressions...* P. 10-11. Под Обществом распространения общепользных сведений Миллер имел в виду, скорее всего, общество, образованное при помощи Генри Брума в 1830-х гг. и ставившее своей целью издание недорогих книг, доступных ремесленникам.

²² *Idem. An autobiography.* P. 359.

Вероятно, может показаться странным, что в религиозной газете публикуются научные статьи. Миллер же не видел между своей набожностью и любовью к науке никаких противоречий. Всю жизнь он защищал как теологию, так и геологию. Геология, по его мнению, лишь подтверждает теологию, и наоборот. Последовательные геологические системы и формации со всем их органическим содержанием так же реальны, как и само солнце, утверждает Миллер; геологи могут расходиться между собой во многих вопросах, однако они сходятся в основных пунктах, и одно из таких «великих заключений», подтверждаемое каждым новым открытием — «неисчислимая древность земли, на которой мы живем»: «6000-летняя история человека лишь часть геологического дня». Он цитирует почитаемого им д-ра Челмерса²³: «Библия не фиксирует древность земли, а если она и фиксирует что-то, то только древность человеческого рода»²⁴; «Астрономия и геология, безмерно увеличивающие... представления о пространстве и времени... открывают перед нами Картину и Историю Господства Бесконечной Силы и Мудрости»²⁵. Геология не исключает веру в бога. Миллер считает, что настоящие теологи не будут ревновать к геологическим открытиям, а в будущем многие геологи будут занимать факты у геологов.

Именно в геологии, с точки зрения Миллера, находит доказательство теория о единстве двух природ — божественной и человеческой. Он дает свой взгляд на развитие жизни. Сначала на планете существовала только неживая, неорганическая природа, а потом появились растения и животные низшего порядка. Затем было время рыб и время более развитых рептилий. После их господства землю наполнили млекопитающие. Каждый период был очень долгим, а затем наступил период, еще более отличающийся от предыдущих — время человека, созданного по подобию Божию. Прежние периоды лишь немного сформировали пейзаж, а человек «изменил и уллучил

²³ Томас Челмерс (1780–1847) — известный шотландский богослов. После раскола шотландской церкви 1843 года стал первым Председателем Генеральной Ассамблеи Свободной Церкви Шотландии. Автор многих работ, посвященных проблемам теологии, политической экономии и естественных наук.

²⁴ *Miller H. An autobiography.* P. 441.

²⁵ *Miller H. First Impressions...* P. 333.

лицо континентов»²⁶. Наша планета, пишет Миллер, доказывает уникальную природу человека, которая сделала его со-работником (fellow-worker) Создателя. Человек, созданный по образу Господа, не только постиг его замыслы, но и воспроизвел их, и не только как подражатель, но и как оригинальный мыслитель. Миллер не считает существующий порядок вещей конечным. Будущий представитель жизни — не человек, созданный по подобию Божию, а «сам Бог в форме Человека». Создание и Создатель объединятся в одной персоне. Таким образом, долгая линия от неживого к человеку была прогрессом по направлению к богу, и в конце пути — точка союза, Настоящий Бог и Настоящий Человек²⁷. Так теология и геология в сознании Миллера органично сосуществуют и дополняют друг друга.

В 1852 г. Хью Миллер реализовал свою давнюю мечту — популяризацию науки в среде рабочих. Он подготовил лекции, которые впоследствии были изданы как «Свидетельство скал». Эти лекции были прочитаны в Эдинбурге, Глазго, Лондоне. Миллер не был опытным лектором, однако его талант искупал недостатки, и его лекции собирали толпы.

Итак, у Миллера было несколько учителей и школ, к урокам которых он прислушивался, чтобы достичь успеха. Это, прежде всего, книги. Затем — тяжелый ручной труд, для кого-то низкий и недостойный, а для него честный и благородный. Значимым фактором своего становления Миллер считал и умение наблюдать за явлениями природы и характерами людей. Первое сделало его геологом, второе — известным публицистом. Важно и умение преодолевать встречающиеся на пути искушения. В случае с Миллером соблазнами стали алкоголь и тщеславие. И, наконец, решающее значение Миллер отводит шотландской пресвитерианской церкви.

Теперь рассмотрим, что значило для Хью Миллера быть шотландцем. Он пишет, что полностью шотландцем он стал примерно в возрасте десяти лет. Осознание своей национальной идентичности пришло к нему через книгу. Вспомним, что Миллер стал усердно учиться, так как ему понравилась книга, и он перестал употреблять алкоголь, так как не мог в нетрезвом состоянии читать. Книгой, оказавшей на него огромное влияние, стала поэма «Уоллес» Слепого

²⁶ *Miller H. An autobiography.* P. 365.

²⁷ *Ibid.* P. 366.

Гарри²⁸. «История доблести», наполненная «горячим, нетерпеливым патриотизмом», буквально его опьянила, и он почувствовал гордость, что он шотландец и земляк Уоллеса²⁹. Потом до конца жизни он предпочитал именно шотландских авторов: Роберта Бернса, Алана Рамсэя, Роберта Фергюсона. Он был одним из немногих прекрасных знатоков старых шотландских поэтов периода между правлениями Давида II и Якова VI. Позже Миллер сравнил изучение их поэзии с геологией. Для него исследование сложных, неясных, написанных на древнем языке стихов и выискивание в них смысла было похоже на поиски окаменелостей в скалах³⁰.

Тем не менее, круг литературных пристрастий Миллера не ограничивался шотландскими поэтами. Во время своего английского путешествия 1845 года Миллер посещает музей Шекспира в Стратфорде-на-Эйвоне. Атмосфера музея подвигает Миллера к рассуждению о трех писателях: Уильяме Шекспире, Вальтере Скотте и Чарльзе Диккенсе. Он видит в них нисходящую лестницу ото льва к леопарду, от леопарда к тигровой кошке³¹. Пожалуй, до этого мало кто делал подобные «зоологические» сравнения. Все эти писатели, как и представители семейства кошачьих, принадлежат к одной великой семье, и каждый является мастером в своем деле, считает Миллер. По его мнению, они обладают искусством правдиво описывать людей, а также заставляют своих героев раскрывать интеллектуальную силу самих писателей. То есть степень величия персонажей прямо пропорциональна степени величия писателя. Лучшие персонажи Скотта обладают «солидным здравым смыслом», «великой проницательностью», большим интеллектом; они всегда превосходят, если не великие люди, и «играют свою роль замечательно хорошо». Персонажи Диккенса — наоборот, относительно простые. Интеллектуальная же мощь Шекспира, с точки зрения Миллера, поднимается до высочайшего уровня, поскольку «не было человеческого величия, какого он не мог бы адекватно постичь и изобразить».

²⁸ Генри Менестрель, или Слепой Гарри (ок. 1440 – ок. 1492) — полупоупендарный шотландский поэт, автор героической поэмы о жизни и подвигах Уильяма Уоллеса.

²⁹ *Miller H. An autobiography.* P. 39.

³⁰ *Ibid.* P. 232-233.

³¹ *Miller H. First Impressions...* P. 255-256.

зитель»³². Таким образом, Миллер, при всей любви к шотландской литературе, на вершине лестницы размещает все же англичанина.

Путешествие Миллера по Англии дало ему возможность многое узнать о соседнем народе: как простые англичане живут, думают, чем отличаются от шотландцев. Помимо намерения исследовать геологические формации Миллер, собственно, и предпринял этот путь с целью увидеть «общество без маски», какое оно есть³³.

Уже на границе Миллер отмечает отличие двух стран. Со стороны Шотландии он видит зеленые поля и яркие краски, а со стороны Англии — густые мрачные облака. Он описывает смог от машин, высокие трубы Ньюкасла, похожие на «покрытые черной сажейobelisks, полускрытые в плотной атмосфере»³⁴, «грязно-коричневый мрак атмосферы», нависшие темные пятна в небе, серо-коричневую дымку. Особенно примечательно описание реки, протекающей по Манчестеру: «скорее не река, а поток жидкого навоза, в котором вся жизнь умирает, животная и растительная, и который не похож ни на что в природе, если только на поток, вытекающий при извержении грязевого вулкана»³⁵. Второе, что бросилось в глаза Миллеру в Англии, — это иная церковь. Он понял, что больше не находится на шотландской, пресвитерианской земле, когда услышал беседу двух местных жителей: «Все в порядке?» — «Да, все в порядке. Верно, как английская церковь»³⁶. Для Миллера любовь к Шотландии была тождественна почитанию ее религии. В книге «Автобиография» он повествует, как в детстве на каникулах он уезжал в гости к родственникам в Хайленд, где познакомился с бытом горцев и их набожностью. Он наблюдал, как отец семейства читает Библию. Миллер был поражен «торжественностью и искренностью», «серьезностью и пылом» происходящего. Позже он сравнил эту мессу с тем, что видел в роскошном католическом соборе. Алтарь, служба, музыкально артикулированный голос священника вызвали у него ассоциацию с театром, где священник всего лишь актер³⁷.

³² Ibid. P. 257.

³³ Ibid. P. 2.

³⁴ Ibid. P. 6.

³⁵ Ibid. P. 38.

³⁶ Ibid. P. 5.

³⁷ *Miller H. An autobiography.* P. 93.

Посещая англиканские соборы, Миллер отмечает, что служба в них показывает не «живую набожность, а набожность, погибшую века назад». Он противопоставляет два понятия: *живое* почитание (living devotion) и *мертвое* почитание (perished devotion). Первое применимо к шотландской, второе — к англиканской церкви. Миллер дает геологическое сравнение «мертвому почитанию»: это «окаменелость, сохранившаяся... в прекрасном состоянии, но все же являющаяся безжизненным камнем»³⁸. Для Миллера характерно представление о *жизненности* и *бодрствовании*, если речь идет о пресвитерианстве, и представления о *сне* и даже *гибели*, если речь идет о другой церкви. Отличие шотландской и английской церквей Миллер видит также в степени влияния в них гражданской власти.

В Шотландии церковь уступила гражданской власти контроль над имуществом. В свою очередь, гражданская власть не вмешивается в церковные дела, и таким образом, с точки зрения Миллера, существует необходимый баланс. В данном случае он описывает положение вещей, желаемое для Свободной Церкви Шотландии. В Англии же церковная и административная власть находится у монарха, и именно потому в англиканской церкви нет дисциплины. Гражданский закон, пишет Миллер, сносит то, что считается «джентльменскими» пороками: безнравственность, распутство, пьянство. То же делает и церковный суд, и поэтому священник в Англии в безопасности, если его порок — «джентльменский»³⁹.

Нет ничего удивительного в том, что Миллер в качестве основы различия двух народов видит именно религию: религия никогда так не насыщала ум обычного англичанина, как «пропитывает и пробуждает» ум шотландца. Не литургия и церемонии, уверен Миллер, упражняют мыслящие способности и навыки. Литургии составляют лишь «средство для выражения набожности», и это уже «готовый канал, через который бегут чувства». А ведь человек, который считает себя свободным, довольствуется простой верой в это. Тот, однако, кто чувствует себя связанным, начинает тщательно исследовать природу цепей, окутывающих его. Поэтому кальвинизм оказывается лучшим наставником для того, чтобы научить людей мыслить⁴⁰.

³⁸ Miller H. First Impressions... P. 25.

³⁹ Ibid. P. 400-402.

⁴⁰ Ibid. P. 376.

Итак, простой народ в Англии, чей разум находится в спящем состоянии, сильно уступает в интеллекте шотландскому народу. Англичанин лишен любопытства, он ничего не желает знать о приходящих людях; о себе же он может рассказать все, и при этом не будет слушать. Обычный шотландец более любознателен, чем англичанин. Он задает много вопросов и собирает большое количество информации, и, соответственно, он больше развивается⁴¹. Не стоит, однако, думать, что Миллер был невысокого мнения обо всех англичанах. В данном случае речь шла о простом народе. Вообще же Миллер считал, что интеллект англичан имеет очень широкий диапазон, как, например, фортепиано и клавесин, а диапазон интеллекта шотландцев представляет лишь арфу или скрипку⁴². Он признает, что ни один шотландец не смог подняться так высоко, как выдающиеся англичане Мильтон, Ньютон, Локк, Шекспир. Бернс и Скотт вместе не достигают той высоты, которой достиг «великан с Эйвона». Однако Миллер делает важную оговорку: все достижения англичан приходится на время, когда шотландский ум был под гнетом Стюартов, а когда же гнет исчез, шотландский интеллект стал ни в чем не уступать английскому. Восемнадцатый век, с гордостью повествует он, не дал англичанам таких философов как Адам Смит и Дэвид Юм, и никто из англичан не сделал так много для механики, как Джеймс Уатт; «История Англии» (в данном случае Миллер имеет в виду, конечно, «Историю Англии» Дэвида Юма) написана шотландцем, а проза Смоллетта так же хороша, как проза Филдинга.

Другое важное отличие двух народов, с точки зрения Миллера, неспособность шотландцев решать грандиозные проблемы из-за слабой развитости внутреннего чувства независимости. Шотландцы храбры чрезвычайно, и жизнь готовы отдать против внешнего врага, но они лишены политической смелости и, когда враг не внешний, а внутренний, оказываются осторожными и робкими. Однако и здесь религия, сыграла положительную роль: «единственно религия давала простому народу силы... бороться против королей и аристократии», и, если бы не «влияние Невидимого и Вечного», англичане в борьбе против Карла I не нашли бы в шотландцах союзника⁴³.

⁴¹ Ibid. P. 370.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid. P. 378.

В обычном англичанине живет природная независимость, и он, пишет Миллер, так же готов защищать свои гражданские права (а это видно из Великой хартии вольностей, Петиции о правах, Habeas Corpus, политических писаний Локка и Мильтона), как шотландец готов сражаться с внешним врагом⁴⁴. Здесь можно вспомнить Дэвида Юма. Юм считал, что кардинальным отличием двух наций — англичан и шотландцев — является понятие «свобода». По Юму в Шотландии «свобода» означает, в первую очередь, независимость от Англии. В Англии же «свобода» — гражданское понятие, которое включает в себя свободную систему правления, соблюдение прав монарха и народа, конституционную монархию⁴⁵.

Миллер выделяет еще одно принципиальное отличие шотландцев от англичан. Англичане «более изолированы друг от друга», «более самостоятельны», «не испытывают внутреннего притяжения», а шотландцы «более смешаны» и сильно ощущают общность с другими шотландцами. Его поражает обособленность в Англии соседей друг от друга, тогда как в Шотландии соседние семьи составляют «нерасторжимый круг знакомств»: они гостят, пьют чай, знают прошлое друг друга, осведомлены о планах на будущее⁴⁶. Миллер вспоминает «Эссе о национальном характере» Юма, где философ утверждает, что национальный характер определяется системой правления, и поскольку в Англии она состоит из смешения монархии, аристократии и демократии, то и среди людей наблюдается несхожесть. Поэтому, делает вывод Миллер, там, где вкусы и чувства различны, сближения быть не может. В Шотландии же чувство общности — сильная национальная черта, благодаря которой Шотландия стала «благоприятной почвой для роста пресвитерианства»⁴⁷.

Привязанность Миллера к родной стране питали шотландская поэзия и шотландская пресвитерианская церковь. Именно последняя, по его мнению, определила основные отличия шотландцев и англичан, причем, как правило, в пользу шотландцев. Шотландский народ, по Миллеру, более любопытный и любознательный, его ин-

⁴⁴ Ibid. P. 379.

⁴⁵ Подробно о понятии «свободы» у Юма см.: Liberty in Hume's History of England. Dordrecht, 1990. XII, 226 p.

⁴⁶ Ibid. P. 395.

⁴⁷ Ibid. P. 399.

теллект — бодрствующий, не спящий, думающий; одновременно, и шотландская церковь — более живая, более моральная, более дисциплинированная, более искренняя. Восхищаясь английскими поэтами, философами, учеными, Миллер гордится тем, что в XVIII веке в авангарде британского Просвещения стояли именно шотландцы.

Все эти различия и противоречия между двумя народами, однако, сглаживаются, когда речь идет о любимой Миллером литературе. Посетив Уголок Поэтов в Лондоне, он признается, что, несмотря на сильные пристрастия к шотландским поэтам, его предрасположения «испаряются под добрым влиянием пылкой поэзии Англии». Более того, он готов признать английских поэтов своими земляками, если у тех в груди бьется «настоящее человеческое сердце»⁴⁸. Таким образом, Миллер доносит мысль, не новую, но важную — можно быть горячим патриотом родной страны, и при этом любить, ценить и уважать другие культуры.

Миллер, однако, не склонен преувеличивать заслуги поэзии. Он делает оговорку: «Не арфа Орфея приручит дикого зверя, притаившегося в человеческой природе и время от времени раздражающегося жестокими, опустошительными войнами между народами». Только «Лира Вдохновения», происходящая от Духа Господа, может дать мир земле. Иначе говоря, на первый план в деле единения народов он все же ставит Бога. Но, продолжает Миллер, «арфа Орфея действительно имеет... вспомогательную силу». Природа песен, «богатых человеческим состраданием», «насыщенных мыслями, воображением, надеждами, желаниями», заставляет чувствовать, что «все нации одной крови, что человек — наш брат, и мир — наша страна»⁴⁹. Сразу вспоминается популярное в век Просвещения понятие «гражданин мира». По всей видимости, Миллер был на пути к этому званию.

Триумф Миллера сопровождался упадком физических и моральных сил. Наконец, стали сказываться долгие годы тяжелого труда каменщика и изнурительный труд на посту редактора «Witness». Он стал жаловаться на ослабление памяти, что рано или поздно случается с людьми, которые пишут на множество различ-

⁴⁸ Ibid. P. 351.

⁴⁹ Ibid. P. 352.

ных тем. Это привело и к возвращению детской болезни — появлению галлюцинаций. Последние годы своей жизни он провел в поместье Портобелло в окрестностях Эдинбурга на берегу моря, где он устроил музей с геологическими образцами. По мере того, как его нервы расшатывались все больше, он становился мнительным и подозрительным. Он боялся грабителей, и поэтому всегда держал при себе револьвер. Спал он плохо, страдал лунатизмом. Ему казалось, что его преследуют ведьмы и другие потусторонние силы. Врачи не могли убедить его принимать лекарство или оставить литературный труд, поэтому все закончилось для Миллера фатально. Скорее всего, в ночь на 24 декабря 1856 года у него был очередной приступ. Утром его тело, полуодетое, нашли на полу с пулевым отверстием в груди; пистолет лежал рядом с его рукой⁵⁰. После себя он оставил жену Лидию, которая отредактировала посмертные публикации мужа, и четырех детей, один из которых также стал геологом⁵¹.

К 300-летию со дня рождения Миллера в газете "*West Highland Free Press*" в апреле 2002 года вышла статья Яна Митчелла «Хью Миллер: учение закончилось неудачей». Автор статьи, в частности, упрекает Миллера в том, что тот призывал рабочих искать спасение в умеренности, самообразовании и в Боге, тогда как, по мнению Митчелла, совсем не это нужно было народу. Кроме того, Митчелл высказывает мысль, что самоубийство Миллера, которого он называет не ученым, а дилетантом, связано с неспособностью примирить науку с собственными религиозными убеждениями. Ответом на статью Митчелла был шквал писем, резко критикующих ее автора⁵².

В конце своей «Автобиографии», опубликованной в 1853 г., всего за три года до смерти, Миллер подвел итог своего непростого пути. Себя в юности он представляет «диким фруктовым деревом, богатым листьями и цветами». Он сожалеет, что эти цветы принесли не такие богатые и совершенные плоды, как обещали, но радуется, что правильное использование предоставленных возможно-

⁵⁰ *Chambers R. A Biographical Dictionary of Eminent Scotsmen. Edinburgh, 1971. Vol. 3. P. 144.*

⁵¹ http://www.hughmiller.org/who_was_hugh_g/asp

⁵² Об этом подробнее см.: http://www.hughmiller.org/controversies_g/asp

стей позволило ему стать ученым. Его жизнь, считает Миллер, должна научить, что праздность в юности может обернуться несчастьем для человека, однако дальнейшее усердие может исправить подобные ошибки. «Сама жизнь — это школа, и природа — всегда свежий предмет, и человек, который держит глаза и ум открытыми, всегда найдет подходящих, хотя, возможно, нелегких учителей, чтобы ускорить образование длиною в жизнь»⁵³. И действительно, Миллер смог стать выдающимся для своего времени человеком, не получив классического образования. В «Автобиографии» он упоминает о том, что однажды встретил давнего знакомого, который окончил университет, но вовсе не почувствовал его превосходства. Миллер пишет, что многие его знакомые являются знатоками английской литературы, и при этом у них нет классического образования. Пока студент изучает греческий, латынь, натуральную философию, работающий человек, если у него пытливый ум, также что-то для себя постигает. К тому же, считает Миллер, большей частью университетское образование — не помощник в делах бизнеса, поскольку там нужен практический опыт⁵⁴.

Сегодня в память о заслугах Миллера в геологии его имя носят один из ледников на Аляске, скалы в Канаде и американские окаменелости. Многие современные геологи ценят его достижения и обращаются к его научным трудам. К сожалению, за исключением специалистов-геологов, Хью Миллер сейчас мало известен за пределами Шотландии. А ведь его книги, написанные богатым, красивым, языком, полны удивительно пронизательными и интересными наблюдениями. Способность сопоставлять далекие, казалось бы, вещи указывают на незаурядную фигуру человека, который мог быть одновременно геологом и теологом, писать научные труды и заниматься литературой, человека, который видел связи всего со всем.

⁵³ *Miller H.* An autobiography. P. 536.

⁵⁴ *Ibid.* P. 355.

В. Ю. Волошина

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ
(ПО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
А. В. ПЕШЕХОНОВА)**

Одним из основных факторов, влияющих на социальную адаптацию эмигрантов, является их психологическое состояние. Несмотря на обилие исследований по различным аспектам адаптации, анализ комплекса социально-психологических проблем, с которыми столкнулись российские эмигранты первой волны, до сих пор не сделан. Объясняется это, во-первых, тем, что историки сосредоточились на изучении событийной канвы и условий, в которых оказались изгнанники, оставив «за кадром» проблемы целеполагания, индивидуального выбора, самоидентификации личности, а во-вторых, специфичностью источниковой базы, требуемой для такого анализа.

Процессы, происходящие в исторической науке в последние десятилетия, в частности антропологизация исторического знания, появление в нем такого направления как «персональная история», конечно, изменили ситуацию. Теперь изучение судеб конкретных личностей, формирование и развитие их внутреннего мира, в том числе эмоционального настроения, рассматриваются как «адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения социального контекста»¹. Такой подход заставил по-иному взглянуть на источники личного происхождения. К ним перестали относиться как к документам второго сорта, ибо только они могут дать ценную информацию о психологическом состоянии их создателей. В последнее время при изучении проблем, связанных с историей русского зарубежья, исследователями широко используется мемуарное и эпистолярное наследие его представителей. Важным источником в этом плане мо-

¹ *Ретина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // *Казус* – 1999. М., 1999. С. 78.

жет стать публицистика, поскольку в произведениях этого жанра отражались не только смысл и накал общественно-политической борьбы, но и личные пристрастия авторов, их индивидуальные наблюдения и эмоции. В статье сделана попытка анализа психологии эмигранта через призму публицистических произведений Алексея Васильевича Пешехонова, написанных им в 1923–1925 годах.

После насильственной высылки из России в сентябре 1922 года Пешехонов пережил психологическую драму, похожую на драму сотен тысяч русских изгнанников. Результатом его моральных мук стали статьи «Почему я не эмигрировал?» (1923), «К вопросу о социальной трансформации России» (1923) и цикл статей под общим названием «Родина и эмиграция» (1925). Первая из названных статей, которая рассматривалась как «исповедь» Пешехонова, вызвала колоссальный резонанс. На нее отозвались все лидеры либерального и демократического спектра зарубежья. Она вызвала горячие дискуссии практически во всех европейских центрах русского «рассеяния». Большинство оппонентов, не разделяя пафоса автора, все же признавали, что его выступление — «это не сменовеховское приглашение к советскому пирогу и пенкоснимательству, а призыв к некоему жертвенному подвигу... Все поняли, что это заблуждение ума, а не измена сердца»². Выступление столь авторитетного деятеля демократического движения России действительно положило начало второй после сменовеховства волне возвращения интеллигенции на родину. Такая реакция свидетельствует, на наш взгляд, о том, что проблемы, поднятые автором, глубоко волновали изгнанников, а его душевное состояние было понятно и близко многим. Интересно, что практически все эмигранты, оппоненты Пешехонова, выделяли в «исповеди» психологический аспект. Его отношение к большевикам расценивали как честное заблуждение, спровоцированное ностальгией и обусловленное особенностями его характера. Оставив в стороне политическое содержание названных статей, мы попытаемся проанализировать их с точки зрения психологии автора. Интересный в этом смысле материал дают документы, в том числе рукописи статей, хранящиеся в личном фонде А. В. Пешехонова (Ф. 581) Отдела

² Последние новости. Париж, 1923. 2 июня.

рукописей Российской Национальной библиотеки. Дополнить картину позволяет также дискуссия, развернувшаяся после опубликования статей на страницах периодической печати зарубежья.

В последние годы о А. В. Пешехонове написано немало³. В научный оборот включались также статьи, написанные им в эмиграции. Но исследователи рассматривают их, как правило, в контексте политических процессов, происходивших после революции в России и в зарубежье, рефлексии интеллигенции о миссии русской эмиграции и иллюстрации «ужасов» Гражданской войны. О. Л. Протасова, автор единственного монографического исследования о жизни и деятельности Пешехонова, проанализировала его обширное публицистическое наследие, в том числе, относящееся к эмигрантскому периоду жизни автора. Исследовательница подробно характеризует его размышления о государственности в России, о проблемах взаимоотношений власти и общества, демонстрирует огромный резонанс, вызванный ими в русской диаспоре, справедливо отмечая, что «эмиграцию Пешехонов своей книгой заставил взглянуть на себя, как в зеркало»⁴. Иными словами, она признает, что эти статьи Пешехонова потому и получили огромное общественное звучание, что мысли, высказанные в них, были созвучны мыслям сотен тысяч русских эмигрантов. Но Протасова оставляет без внимания сюжеты, связанные с психологическим состоянием в это судьбоносное время самого Пешехонова, хотя такой подход мог дать дополнительный материал для освещения психологических аспектов массового выезда из России и адаптации эмигрантов в инокультурной среде.

В дореволюционной России А. В. Пешехонов (1867–1933) был широко известен как лидер партии народных социалистов, автор её программных документов и редактор «Народного богатства». Хотя

³ Зеликина Н. С. А. Пешехонов: Судьба русского экономиста // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996; Игнатьева О. А. Трудовая народно-социалистическая партия о перспективах социально-экономического развития России в 1917–1918 гг. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 2. М., 1994; Федоренко А. А. Государство в представлении народных социалистов // Политические партии: История и современность. Орел, 1994. и др.

⁴ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. С. 173.

он и не получил академического образования, его считали крупным специалистом в области аграрных отношений и истории сельского хозяйства дореволюционной России. После Февральской революции он был избран в состав исполкома Петроградского Совета. С мая по конец августа 1917 г. был министром продовольствия во Временном правительстве. Высокую оценку роли А. В. Пешехонова в общественной жизни того времени давал и А. Ф. Керенский: «Алексей Васильевич — человек, которого привыкла любить и ценить вся культурная Россия; его привыкла слушать — и если не всегда с ним соглашаться, то всегда считаться — демократическая интеллигенция. Для целой традиции народнического социализма он был вождем и знаменем чести. Знали: Пешехонов может ошибаться, но никогда приспособляться, ни к власти, ни к толпе»⁵.

Приход к власти большевиков Пешехонов встретил враждебно и был уверен, что эти «выскочки» не смогут долго продержаться. Н. Н. Суханов в воспоминаниях пишет о том, что 26 октября от имени Президиума предпарламента Н. Д. Авксентьев, В. Д. Набоков и А. В. Пешехонов посетили британского посла Д. Бьюкенена с извинениями по поводу случившейся «неприятности»⁶. Осенью 1917 года Пешехонов, как лидер Трудовой народно-социалистической партии, активно участвовал в антибольшевистских акциях, в митингах и собраниях, имея, по словам прессы, несомненный ораторский успех. В то время он допускал возможность насильственного свержения большевиков: «Я как литератор признаю лишь одно орудие борьбы — слово. Но по отношению к лицам, засевшим в Смольном, думаю, что тут без оружия не обойдется, ибо этих лиц словом не прошибешь. Для них, как и для насильников царского режима, требуются более сильные средства и меры»⁷. Впоследствии, оставаясь убежденным противником большевистской диктатуры и сторонником либерально-народнической доктрины, он все же не принял деятельного участия в Гражданской войне, воспринимая ее как братоубийственную. Его формой протеста становится осознанный отказ от по-

⁵ Дни. Париж, 1923. 13 мая.

⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. М., 1992. С. 347.

⁷ Цит. по: Протасова О. Л. Указ. соч. С. 137.

литической деятельности и переход на положение советского служащего. Причина этого, думается, не в примирении с советской властью, а в осознании неготовности масс к восприятию идеалов народнического социализма; именно этим обстоятельством он объяснял неудачу Временного правительства. После окончания гражданской войны Пешехонов работал на Украине в Центросоюзе статистиком по кооперации, входил в комиссию помощи голодающим, затем был переведен в Москву в Наркомзем на должность научного сотрудника. Несмотря на то, что бывший лидер народных социалистов отошел от политики, в июле 1922 г. он был арестован. Попытки руководства Наркомзема отстоять ценного сотрудника завершились неудачей⁸. В октябре Пешехонова против его воли все-таки выдворили из России. Конечно, его нельзя отнести к рядовым эмигрантам. Популярность и авторитет в среде российской демократической общественности, дружеские отношения с президентом Чехословакии, философом и писателем Томашем Масариком, позволили ему избежать материальных тягот беженского существования в их крайней форме. Сразу после переезда в Прагу он получил довольно престижную должность в Институте изучения России и мог заниматься исследовательской работой. Но он не мыслил себя вне России.

Реакцией на высылку стала статья «Почему я не эмигрировал?». В предисловии Пешехонов признавался, что содержание ее несколько шире заглавия: «Я рассказываю в ней о своей жизни в советской России и даю характеристику советской государственности с точки зрения её достижений и проявляемых ею тенденций». Свою задачу автор видел в том, чтобы познакомить зарубежных русских читателей с мыслями и чувствами, заставившими его оставаться в России⁹.

Размышляя о причинах нежелания уезжать из России, и поставив себя на место обывателя, он анализировал свое восприятие кри-

⁸ В сентябре 1922 года на имя Дзержинского поступило письмо из Наркомзема, подписанное наркомом и другими ответственными сотрудниками с просьбой отменить распоряжение о высылке Пешехонова, поскольку он был «ответственным и незаменимым работником», за его лояльность к Советской власти нарком ручался. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1363. Л. 31.

⁹ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923. С. 5.

зисной эпохи. Статья «Почему я не эмигрировал» состоит из пяти частей. Для нашего исследования наиболее интересными являются первые две: «Почему я не эмигрировал?» и «Решимость претерпеть и что из этого вышло», где Пешехонов описывает свою жизнь на фоне общероссийского катаклизма. Другие части («Мои отношения к советской власти», «Большевики и государственность» и «По дороге к реставрации»), посвященные политическим сюжетам, многократно проанализированы исследователями. Кроме того, в них особенно сказались социалистические воззрения Пешехонова и его ностальгия. Эти два обстоятельства мешали автору объективно оценить, происходящие в России политические процессы.

В отличие от многих политических деятелей Пешехонов не стремился оправдаться перед потомками и современниками. Его невозможно заподозрить в неискренности и конъюнктуре. По свидетельству И. В. Гессена, Алексей Васильевич принадлежал к числу весьма немногих писателей, исповедь которых может притязать «на самое серьезное внимание и вдумчивое отношение читателя». «Ясный и широкий ум, чуткая совесть, высоко развитое сознание долга и ответственности отмечают все его литературные выступления яркой логической стройностью и полной самостоятельностью, отсутствием жупелов и, наконец, глубокой искренностью... Все высказываемое им глубоко продумано и тщательно взвешено»¹⁰.

Психологи считают, что все эмигранты, независимо от причин и времени выезда за границу, переживают состояние психологического шока. Очевидно, что шок не столь выражен, если отъезд был добровольным, и ему предшествовала длительная подготовка. Но экстремальные обстоятельства выезда большинства эмигрантов в условиях революции и гражданской войны заставляли их спешно покидать родину без ясных перспектив жизни, без психологической подготовки и налегке. Говоря об обстоятельствах своего отъезда, Пешехонов вспоминал об унижении, которое ему пришлось в связи с этим пережить: «...меня схватили за шиворот и выбросили сначала из Украины, а потом вышвырнули и из России. Более тяжелого удара большевики не могли мне нанести. Более тяжкого и мучительно-

¹⁰ Руть. Берлин, 1922. 10 мая.

го, более тяжелого и оскорбительного»¹¹. Безусловно, насильственная, унижительная высылка из России оказала огромное негативное влияние на его психологическое состояние.

Покидая Родину, эмигранту трудно было избавиться от тревоги, порожденной расставанием с родным домом и привычным окружением, от страха перед переменами. Это состояние проявляется в напряжении, чувствах потери (друзей, статуса, профессии и собственности), неполноценности, отверженности, одиночества, в сбое ценностей и ролевых ожиданий и т.п. Пешехонов не раз признавал, что русские эмигранты остаются чужими для приютивших их стран и живут обособленной от их населения жизнью. Он обращал внимание на то, что они «смотрят на свои здешние “дела” как на что-то временное, преходящее, чем они занимаются лишь в ожидании настоящего дела, которое у них начнется когда-то там в России»¹².

Несмотря на крайнюю популярность, на чужбине его не покидало горестное чувство одиночества. Отчасти оно было вызвано недостаточным знанием европейских языков. Он признавался известному юристу Н. Д. Соколову: «Одно из главных затруднений — я не знаю языков. Разговорные... языки мне совсем не даются, может быть уже стар для этого, а может быть, и никогда не было нужных способностей»¹³. Как вспоминал Д. А. Лутохин, известный экономист, литератор и хороший знакомый Пешехонова, за границей Алексей Владимирович добросовестно изучал языки: немецкий и чешский. «Начинал изучение языка с чтения авантюрных романов, так было легче сделать успехи, полагал он. Немного понимал и английский, французский в чтении. Читал газеты, хотя и медленно. Но в театр, на лекции, на митинги не ходил — настолько чужие языки усвоить не мог. Да и особого интереса к Западу не проявлял. Жизнь Европы его не захватывала: помыслы были обращены к России»¹⁴. Хотя Алексей Васильевич был коммуникабельным человеком, от-

¹¹ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? С. 27-28.

¹² ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 26. Л. 14.

¹³ Там же. Д. 43. Л. 1.

¹⁴ Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри // Минувшее: исторический альманах. 22. СПб., 1997. С. 83.

ношения с соотечественниками стали очень напряженными. Ему не могли простить нападки на эмиграцию. Его решение во что бы то ни стало вернуться на Родину, отличалось от доминирующей в диаспоре модели отношения к России. В воспоминаниях Лутохина приведен очень характерный факт проводов Пешехонова из Праги. На вокзале собрались немногие, даже коллеги по Институту изучения России не пришли. Одновременно провожали Г. В. Вернадского, получившего приглашение преподавать в одном из университетов США: его провожала внушительная группа, «были и маститые». «Кто-то из них подошел и торопливо пожелал А. В. (так в тексте — В. В.) счастливого пути. Это были два военных лагеря, «братание между которыми не терпимо... А историк Кизеветтер пустил крылатое слово об А. В.: испортил себе некролог человек...»¹⁵.

На чужбине изгнанники утратили прежний социальный, сословно-классовый, профессиональный статус, превратились в маргиналов. Став «бывшими», они испытывали щемящую тоску по прошлому. Ностальгия и привела Пешехонова к выводу о бессмысленности пребывания за границей. В письме к давнему знакомому, советскому чиновнику Г. А. Громану в мае 1927 г. он писал, что его работа в одном из эмигрантских учреждений бесплодна и никому не нужна, что мизерный заработок все более приобретает характер иждивения, и все это делает его положение «особенно тяжелым, почти непереносимым»¹⁶. Разлука с родиной, по его мнению, разрушает личность и превращает изгнанников в бесправную толпу нежелательных иностранцев, которые могли рассчитывать только на самое низкое социальное положение. «Нельзя долго оставаться в положении людей, лишенных отечества, безнаказанно это не пройдет»¹⁷.

А. В. Пешехонов тонко подметил одну из характерных черт психологического состояния русской диаспоры в начале 1920-х годов: патологическое неприятие большевизма, делавшее невозможным трезвый анализ причин, случившейся катастрофы: «Возненавидели большевиков, и, быть может, произвольно и незаметно для

¹⁵ Там же. С. 85.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

¹⁷ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? С. 28.

себя, распространили это чувство на всех, кто пошел за ними, кто примирился с ними, кто подчинился им, — распространили, в конце концов, на всю Россию. Конечно на «советскую Россию». Но ведь другой и нет сейчас... Им нельзя даже сказать того, что в России погода хорошая... Не верят и еще злятся... За большевика принимают или за подкупленного ими»¹⁸. На Пешехонова это производило тягостное впечатление, и явилось, видимо, одной из основных причин его душевного одиночества среди вчерашних соратников.

Причины такого феномена в общественном сознании русской эмиграции Пешехонов объяснял, во-первых, её неоправданно высоким самомнением, а во-вторых, отсутствием у нее реального представления о ситуации в России: «Послушать здешние разговоры, так можно подумать, что чуть ли не вся русская интеллигенция ушла от большевиков и находится теперь в эмиграции. В действительности дело обстоит, конечно, совсем не так...»¹⁹. По его мнению, многие изгнанники, мечтая вернуться в Россию, неадекватно её представляют: «Эмигранты тянутся и будут тянуться к России, но к России, которой нет и никогда не будет. Они знают, помнят и любят прежнюю Россию... Новой же России, которая складывается, ...они совсем не любят и даже плохо её представляют»²⁰. Именно поэтому, считал он, нужно спокойно, без эмоций проанализировать трагедию, происшедшую в России не на макро-, а на микроуровне.

Поскольку А. В. Пешехонов рассматривал причины своего отъезда как следствие стихийных чрезвычайных обстоятельств, у него отсутствовала обида на родину. Он не связывал большевизм с образом Родины и негативное отношение к Советской власти не переносил на страну и народ. Свой долг патриот видел в том, чтобы вернуться и помочь возрождению России. «Чтобы остаться русским, необходимо самому пережить то, что переживает Россия, нужно слиться и сродниться с этой новой Россией»²¹. Известно, что человеческая память по прошествии некоторого времени от события в

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 26. Л. 16-17.

¹⁹ Там же. Л. 37.

²⁰ Там же. Л. 53.

²¹ Там же. Л. 66.

большинстве случаев утрачивает конкретную точность. Она стремится восполнить образующиеся пробелы представлениями, которые, будучи добросовестными, могут отклоняться от реальности. Пешехонов обращает внимание, что большинство эмигрантов грезит о несуществующей стране, которой уже нет, и никогда не будет. Однако следует признать, что, добиваясь возвращения на Родину, он и сам не вполне представлял политическую ситуацию в России.

Несмотря на «собачью ненависть» к большевизму (выражение А. В. Пешехонова — В. Ю.) отличительными чертами послеоктябрьской эмиграции были огромная любовь к исторической родине, доходящая до идеализации ее прошлого и героизации предков, поклонение русской культуре, гордость за величие нации: «Я знаю, что есть много стран, которые объективно лучше России: богаче, здоровее, красивее. Охотно допускаю, что имеются и народы лучше русского... Но субъективно для меня лично нет страны лучше России и нет народа лучше русского. Нет и быть не может, — не потому, что эта страна и народ действительно уж так хороши, а потому, что эта страна — моя родная страна, и этот народ — мой родной народ, сродниться же с другими я не в силах»²².

Психологическая сопричастность русской культуре, идентификация себя как части особой национальной общности позволили основной массе эмигрантов избежать тяжелых форм деформации личности и создать феномен русского зарубежья.

Публицистические статьи А. В. Пешехонова, написанные им в годы эмиграции (1923–1925 гг.), свидетельствуют, что среди психологических факторов, оказывавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, понижение социального статуса, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации.

²² Там же. Л. 7-8.

Н. Н. БОНЦЕВИЧ

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ: ГЕНРИ ЛЮС И «АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК»*

*«Я пристрастен в отношении трех вещей:
веры в Создателя, Республиканской партии
и свободы предпринимательства»¹.*

Генри Робинсон Люс (1898–1967) — фигура знаковая в истории интеллектуальной мысли Америки XX века. Создатель крупнейшей медиа-империи *Time Inc.*, «король американской прессы»², величайший манипулятор общественным мнением, *абсолютный self-made man*, «стопроцентный американец». Вряд ли, в американском медиа-бизнесе 1940–50-х гг. кто-то мог соперничать с Люсом по силе влияния на формирование пристрастий американского среднего класса в вопросах политики, религии, морали. В профессии он не знал конкурентов, его мнение для многих в мире прессы было не менее, а иногда и более авторитетно, чем позиция высокопоставленных чиновников Вашингтона. При этом сам «король прессы» предпочитал позиционировать себя как издателя вне политики, будучи абсолютно уверенным, что именно таким и должен быть имидж человека, ответственного за формирование общественного мнения в своей стране. Люс умело использовал влияние в мире прессы для трансляции своих идей в сознание нации и искренне верил в то, что способен тонко уловить потребности развития страны и народа.

Биографы Люса отмечают, что в процессе расширения издательского бизнеса, а свою империю Люс создавал в течение 13 лет³,

* Написание статьи стало возможно благодаря гранту Программы исследовательских стипендий Карнеги, администрируемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER, Вашингтон, США). Фонд не несет ответственности за изложенные в статье взгляды.

¹ Цит. по: *Herzstein R. E. Henry R. Luce. A Political Portrait of the Man who Created the American Century.* N.Y., 1994. P. 47.

² Так Люса назвали его конкуренты в 1948 г. См. об этом: *Baughman J. L. Henry R. Luce and the Rise of the American News Media.* Boston, 1987. P. VII.

³ Первым журналом, изданным будущим медиа-магнатом, был «Тайм». Он вышел в свет в 1923 г. Последним стал «Лайф» (23 ноября 1936 г.).

он был приверженцем авторитарного стиля менеджмента. Являясь главным редактором *Time Inc.*, Люс лично контролировал содержание каждого номера. С годами это стремление к контролю сменилось более жесткими установками. И если до начала 1940-х гг. журналы *Time Inc.* служили площадкой для общественно-политического дискурса, то после 1942 г. альтернативной точке зрения не стало места на страницах его изданий⁴. Можно с уверенностью утверждать, что с этого времени целая медиа-империя стала транслировать убеждения и взгляды одного человека.

Люс совершил настоящую революцию в профессии, внедрив принципиально новый способ подачи информации. Благодаря его новаторским начинаниям, а также усилиям его верного друга и партнера по бизнесу Брита Хэддена читателями журнала «Лайф» уже к концу 1930-х годов являлись около 40 млн. американцев, четверть населения страны. По популярности «Лайф» конкурировал с телевидением, которое набрало обороты лишь к середине 1950-х гг.⁵

Генри Люс выбрал журналистику в качестве дела всей жизни, потому что в нем рано проснулось желание проповедовать, назидать, наставлять. Сын миссионеров, он продолжил дело своих родителей, но уже владея мощным средством воздействия на окружающих – профессией, которая позволяла ему в полной мере реализовать потребность «быть в курсе всех дел, не выходя из дома» и «приблизиться к сердцу мира»⁶. Люс родился в Китае, где его родители, отец, пресвитерианский священник и мать, активистка Женской Христианской ассоциации, оказались по зову сердца, убежденные в том, что нет лучшего способа прославлять Бога и совершенствовать свою жизнь, чем заниматься воспитательной и просветительской деятельностью. В воспитании своих детей они большое место отводили образованию, в том числе и религиозному. Генри Люс-младший рос в атмосфере очень тесной причастности к вере, общению с Создателем. Он неизменно завершал день молитвой, посещал церковные службы, не по-детски серьезно к ним относился, даже сам сочинял

⁴ См. об этом: *Baughman J. L.* Op. cit. P. 150; *Jessup J. K.* The Ideas of Henry Luce. N.Y., 1969. P. 18.

⁵ См. об этом: *Miller D. T., Nowak M.* The Fifties: The Way We Really Were. N.Y., 1977. P. 338.

⁶ Цит. по: *Baughman J. L.* Op. cit. P. 11.

молитвы. Совместное семейное прочтение Библии погружало его в мир героев, перед которыми он испытывал и страх, и благоговение. В детских фантазиях Генри видел себя солдатом Христа, бесстрашно сражающимся с армией зла. Весь окружающий мир представлялся ему разделенным на силы добра и зла, находящиеся в состоянии постоянного противоборства. Эту особенность восприятия окружающей действительности Люс не утратил и во взрослом состоянии.

Миссионеры Генри и Элизабет Люсы воспитывали детей в беспрекословной вере в то, что Америка — земля благословенная, отмеченная божественным Провидением и призванная выполнить миссию распространения добродетели в мире. Генри с раннего детства проникся мыслью об исключительности Америки и американцев. Причиной тому было особое ностальгическое настроение, царившее в общине миссионеров, деятельный патриотизм отца, а также наблюдательность маленького Гарри, который быстро отметил про себя, что англичане и немцы очень часто допускали грубость и даже жестокость в обращении с китайцами, поведение же американцев всегда было достойным и уважительным. Наверное, оторванность от родины и не всегда дружественное отношение местных жителей к иностранцам, сыграли свою роль в том излишне романтическом и идеализированном восприятии Америки, которое юный Люс вынес из детства. Особенно памяты были празднования Дня независимости в миссионерской общине в Китае с пением патриотических песен и поеданием традиционного мороженого и торта. Позднее, сделав блестящую карьеру журналиста и издателя и подрастеряв с годами юношеский максимализм, Генри Люс признавался, что никогда не испытал ни малейшего разочарования в своей Америке⁷.

Из детства Люс вынес, во-первых, ощущение своей американской идентичности как формы божьей милости⁸, во-вторых, непреходящую тревогу за Америку, источником которой было засевавшее где-то в подсознании чувство чужого недружественного окружения. Это стало питательной почвой патриотизма Люса на долгие годы.

В 1913 г. Генри младший был отправлен родителями в школу Хоткис в Коннектикуте, кузницу будущих выпускников Йельского университета, бизнесменов и представителей интеллектуальных

⁷ Ibidem.

⁸ Herzstein R. E. Op. cit. P. 29.

профессий. Школа Хоткис считалась строго пресвитерианской и прореспубликанской, отличалась снобистскими нравами. За пренебрежение к внешнему виду и китайское прошлое Генри очень скоро снискал прозвище «китаец», но давлению и нападкам одноклассников не поддался. Напротив, никогда не скрывал своего осуждения нравов, царивших в школе Хоткис, особенно высокомерия, социального снобизма и расовых предрассудков. Все эти качества обывателей элитной американской школы омрачали идеальный образ Америки юного Люса. Он был уверен, что чувство презрения к людям другого цвета кожи недостойно звания американца, как представителя страны, имеющей высокое предназначение. К моменту поступления в Хоткис он четко усвоил кодекс поведения, воспитанный в нем отцом и основанный на трех главных составляющих: вере в бога, уверенности в себе и стремлении к успеху. Причем успех в понимании Люса-младшего не всегда имел материальное измерение⁹.

Став студентом Йеля в сентябре 1916 г., Гарри с головой окунулся в занятие, которое, по его мнению, полностью удовлетворяло его неизменному желанию обучать и убеждать. Он активно печатается сразу в двух студенческих изданиях «Йель Литэрани Мэгэзин» и «Йель Дэйли Ньюз» и входит в коллегии редакторов обоих. Гарри пишет на злободневные политические темы, пишет остро, принципиально, «с огоньком». К началу 1917 г. Йель охватила волна дебатов по поводу возможного вступления США в войну. В гуще обсуждения оказался и студент Люс, который в своих статьях размышляет о войне со свойственной ему риторикой солдата Христа.

Мир возможен только тогда, когда зло будет уничтожено. При таком подходе вопрос о вступлении Америки на стороне правды и цивилизации, олицетворяемых союзом Англии и Франции, в борьбу против тевтонского варварства, решается Люсом без малейших сомнений. Но была еще одна причина, объясняющая невероятную легкость, с которой молодой человек решает столь судьбоносную для своей страны проблему. Дело в том, что еще в школе в Хоткис в Коннектикуте, он спрогнозировал мировое лидерство Америки к исходу первой мировой войны и назвал это лишь прелюдией к наступлению «Американского века».

⁹ Ibid. P. 34.

Мыслями об удивительной непохожести на весь остальной мир, необыкновенных возможностях развития и особом предназначении Америки проникнуты первые публицистические опыты Генри Люса. В эссе «Когда мы произносим Америка», удостоенном премии студенческого конкурса на лучшего оратора в 1920 г., будущий медиамагнат говорит о своей стране, как об имеющей ярко выраженную властную харизму, и сравнивает с гигантом, оседлавшим земной шар и держащим его на финансовом поводке. Он не может скрыть своего восхищения колоссальными возможностями, открывающимися перед Америкой, чье нарастающее быстрыми темпами могущество и мощь, как ему казалось, вот-вот вырвутся за национальные границы. В каком направлении устремится американская мощь, и какие испытания предстоят стране, привыкшей жить собственными тихими радостями? Эти вопросы будут в центре журналистского и публицистического творчества Генри Люса, как минимум, три десятилетия.

В эссе Люс еще не использует ставшей знаменитой впоследствии метафоры «Американский век», но предсказывает, тем не менее, его наступление, которое легко будет определить по двум вещам: «...первое, американские интересы будут уважать (во всем мире. — *Н. Б.*), американские граждане смогут беспрепятственно торговать и жить в любом уголке земного шара; второе, Америка сможет рассчитывать на участие в решении любой международной проблемы, и на то, чтобы быть большим другом для слабых, нуждающихся в поддержке наций, особенно тех, которые стремятся к совершенству своей политической и социальной организации, и, напротив, врагом для тех государств, которые посягнут на мирное развитие народов. Если Америка в своей внешней политике будет руководствоваться данными целями, то ее ждет слава благородной нации...»¹⁰.

Люс пришел в журналистику с твердым намерением ее изменить, придать ей новые формы и наполнить новым содержанием. Ему не нравилась «местечковость» тогдашней прессы, ее оторванность от остального мира, однообразие информации, перепечатанной из одного источника, ставка на сенсационный ее характер. Люс мечтал сделать журналистику интеллектуальной, образовывающей, воспитывающей, такой, которая могла бы послужить осуществле-

¹⁰ *Luce H. R. When we Say "America" // The Ideas of Henry Luce / Ed. by J. K. Jessup. N.Y., 1969. P. 89-90.*

нию его заветной цели видеть Америку в будущем управляемой представителями образованной элиты, способной достойно начать век глобального присутствия Америки в мире. Для потребления информации, более глубокой, чем простая сенсация, в 1920-е годы уже сложилась аудитория. Это был образованный средний класс, численно выросший вследствие экономических преобразований и урбанизации. Потребности в информации динамично развивающихся средних слоев города старая журналистика удовлетворить в полной мере не могла. Кроме того, для страны, которая готовилась в скором будущем, по глубокому убеждению Люса, занять место мирового лидера, отсутствие общегосударственной прессы, способной реагировать на быстрые изменения в мире, было насущной потребностью.

Первым детищем Люса стал журнал «Тайм», который он начал издавать в 1923 г. вместе с университетским товарищем Бритоном Хэддоном. «Тайм» состоял из коротких статей, представлявших законченные истории, и был хорошо снабжен фотографиями интересных людей. Новый журнал отличало две вещи: остроумный резкий лаконичный язык и ощущение, возникающее у читателя, словно бы он прошел от незнания к полному владению информацией. В сущности Люс и Хэддон использовали тот же самый новостной материал, что и остальные газетчики, но преподносили его живо и интересно, иногда дерзко, иногда иронично, но всегда так, чтобы наверняка заинтересовать читателя. Выбранный метод подачи материала сработал и скоро «Тайм» приобрел свою читательскую аудиторию, среди которой самыми преданными были журналисты и политики.

Второй журнал Люса «Форчун» предназначался для бизнес-аудитории. Люс, страстно мечтавший о меритократии, особые надежды возлагал на этот класс общества, видя в нем и надежного партнера, и постоянный резерв власти. Люс утверждал, что бизнес, особенно его средние круги, являются носителями аристократического принципа, без которого невозможна стабильная система правления. Он состоит в сочетании четырех начал — науки, процветания, эффективного распределения богатства и гармонии. Нация без аристократии подобна телу без головы, любил повторять Люс, цитируя своего кумира в мире философской мысли Эдмунда Бёрка¹¹. Одной

¹¹ *Luce H. R. Aristocracy and Motives // The Ideas of Henry Luce. P. 100.*

бюрократии не справиться с задачами развития будущей державы номер один в мире, ей недостает чувства ответственности, которое так присуще бизнес-сообществу. Только союз двух элит, бизнеса и политики, является оптимальным сплавом образованности, здравого смысла и политической решимости.

Неисправимый моралист, Люс не видел смысла в политике ради политики, считал, что в основе любой политики должны быть высокие цели, а к политическим лидерам Америки предъявлял особые требования. Размышляя о моральном облике правящей элиты, Люс снова и снова возвращался к творчеству Э. Бёрка, который говорил о политическом лидере как о человеке, имеющем обостренное чувство долга и внутреннее благородство. Такие качества нужно воспитывать, считал Люс, и искал возможности поучаствовать в этом процессе посредством ремесла, которым владел в совершенстве, журналистики. Новый журнал «Форчун» во многом был задуман как канал воздействия на представителей бизнеса, не случайно его постоянными читателями стали менеджеры разного уровня.

В публицистическом творчестве Люса одной из ведущих всегда оставалась тема прошлого и будущего Америки, ее места во всемирно-историческом процессе. Следует признать, что Люс не ограничился простой демагогией по поводу будущего своей страны, когда с его легкой руки словосочетание «американский век» стало метафорой. Он в продолжение всей своей издательской карьеры методично обосновывал свою позицию, и его многочисленные статьи, речи, материалы редакторской колонки служат тому подтверждением.

В прошлом произошло главное, с точки зрения Люса, событие — были заложены основы великой либеральной традиции, которая представляет собой совокупность жизненно-важных для понимания сущности американской цивилизации принципов, которые определили магистральную линию ее развития на все времена. Политическая свобода, религиозная мораль и здравый смысл — вот символы веры американского народа. Они универсальны, вечны и являются ценностными ориентирами в развитии любого народа¹².

Люс неоднократно подчеркивал, что американская либеральная традиция уникальна. В отличие от европейской, в ней никогда не

¹² *Luce H. R. The Great Liberal Tradition // The Ideas of Henry Luce. P. 127.*

противопоставлялись свобода и вера, т.е. борьба за идеалы политической демократии на американском континенте никогда не носила антирелигиозный характер. Поэтому религиозную составляющую, Люс, совсем не случайно, выделяет в своем определении либеральной традиции наряду с политической свободой и здравым смыслом. Для него, тезис о том, что американская свобода является «свободой санкционированной Богом», не подлежит сомнению. «Разве сможем мы уберечь свободу, которую имеем, если откажемся верить в то, что она дарована Создателем?». Люс убежден, что в ответе на этот вопрос с ним солидарно подавляющее большинство нации¹³.

Сторонник доктрины предопределения, Люс искренне верил в то, что великая либеральная традиция — не просто удачный эксперимент, осуществленный пилигримами, а дар судьбы, обстоятельство, определившее великое будущее Америки. В том, что Америку ждет именно великое будущее, Люс не сомневался никогда.

Еще будучи студентом старшекурсником Йельского университета, Генри Люс высказал смелое предположение о том, что XX век будет столетием американского мирового могущества, основанного на экономической мощи, индустриально-техническом гении молодой республики, а также обновленческом моральном кредо великой нации в деле объединения всех народов и культур в “global city of men”¹⁴. В 1941 г. пророчество Люса, обретшее форму политико-философской концепции, было опубликовано в его журнале «Лайф», а потом и в виде книги под тем же названием «Американский век». Книга наделала много шума в интеллектуальных кругах Америки. В чем только не обвиняли автора «Американского века» пацифисты, изоляционисты, республиканцы, прогрессисты, либералы. В глазах последних книга Люса была идеологическим манифестом грядущего американского имперского экспансионизма. Ведущий американский политический обозреватель Фреда Кирчвей сравнила концепцию американского мирового господства, оформленную Люсом, с такими нацистскими понятиями как «Новый Порядок» и *Lebensraum*. Освальд Гаррисон Виллард, ветеран антивоенного движения в США, подчеркивал, что интервенционизм станет господствующей идеологией американской послевоенной империи, а Рузвельт собирается

¹³ Ibid. P. 128.

¹⁴ Jessup J. K. Op. cit. P. 89.

стать «президентом мира». Виллард рассматривал Люса и Рузвельта как людей глобальных замыслов зла. «Американский век», писал он, «есть смесь империализма с агрессией, результат которой не что иное, как американская версия «Майн Кампф» Гитлера. Итальянский политический комментатор Джованни Ансальдо подчеркивал, что «американские правящие круги, включая Люса, собираются захватить весь мир и править им как своей вотчиной». Ансальдо предсказывал возникновение «американского столетия зла, в котором янки-заправилы будут обращаться с европейцами, как с жителями Гавайев и Филиппин». Немецкий публицист Ричард Саллет, который опубликовал книгу о Люсе, характеризовал американского медиа-магната как «глашатая империализма варварской страны» и добавлял, что книга «Американский век» есть отражение «морального вырождения и порочности, прикрываемых лицемерным высокомерием и притворным коварством плутократов Вашингтона»¹⁵.

В действительности замысел Люса состоял в том, чтобы переломить довольно сильные изоляционистские настроения в обществе и обосновать легитимность предстоящей роли США в качестве мирового лидера. С самого начала войны в Европе Люс был сторонником всесторонней помощи Великобритании, отражавшей нацистский натиск, и поборником особых отношений между Великобританией и США. Он даже предлагал идею объединения двух народов в федерацию. Хотя, впрочем, это не помешало ему пропагандировать идею доминирования США на международной арене в роли лидера, которую когда-то играла Британская империя.

Пытаясь склонить маятник общественного мнения в сторону поддержки интернационалистов, Люс не просто приводит доводы в пользу участия Америки в войне, но делает это, приводя стройную систему аргументов, концепцию предстоящего глобального лидерства Америки. Вот основные ее положения. Вся предшествующая история государства американских штатов — это путь поступательного движения к обретению статуса самой могущественной державы мира. Цепь исторических событий, через которые пришлось пройти американскому народу, как будто, заранее кто-то спланировал, такой очевидной кажется логика продвижения к обретению глобального

¹⁵ См.: http://www.patriotica.ru/enemy/kreitor_nmp.html

лидерства. Кажется, будто рука Провидения позаботилась об удачном стечении обстоятельств, предшествовавших образованию американской государственности, когда в одном месте и в одно время оказались все необходимые компоненты будущей цивилизации — технологии, средний класс, язык, религиозность в сочетании с толерантностью, любовь к знанию и науке, и, главное, задача формирования народного правления. В течение двух столетий «первая современная цивилизация» «вызревала», чтобы продемонстрировать миру свой небывалый экономический и моральный потенциал¹⁶.

Без всякого сомнения, отважный эксперимент, удачно осуществленный пилигримами, мог быть оценен потомками как банальное стремление удовлетворить личный интерес, собственные потребности. Но для Люса мода на подобный реализм современной материалистической мысли остается за гранью его политико-философской концепции происхождения американского государства. Получив с детства экуменическое воспитание, он на всю жизнь сроднился с мыслью об особой исторической миссии Америки, которая как раз и была направлена на реализацию цели изначально лежавшей у истоков создания новой государственности — сделать свободным и благополучным не только отдельную нацию, но и все человечество: «Поощрять и поддерживать всеми возможными средствами доминирующий [американский — *Н. Б.*] образец свободы во всем мире»¹⁷; «Сделать человека свободным» — вот квинтэссенция исторической миссии Америки, цель, которую Провидение положило в основу американской государственности¹⁸.

Замысел «Американского века» состоял не только в намерении доказать несостоятельность и даже опасность изоляционизма как американской внешнеполитической стратегемы, но и обосновать и подкрепить системой весомых аргументов моральное право Америки глобально присутствовать в мире. Люс безошибочно выбирает самые точные аргументы, подтверждающие его безусловную правоту. Америка — единственная страна в мире, которой удалось сохранить глубокую приверженность главным ценностям западной цивили-

¹⁶ *Luce H. R. The American Pilgrimage // The Ideas of Henry Luce. P. 136; Idem. Providence in the Colonies // Ibid. P. 141.*

¹⁷ *Idem. Our Purpose is Freedom // Ibid. P. 123.*

¹⁸ *Idem. National Purpose and Cold War // Ibid. P. 132.*

лизации: свободе, справедливости, христианской вере, демократии, в их первозданном, не испорченными политическими экспериментами, виде. Великая либеральная традиция обеспечила надежный иммунитет от угроз трансформации демократического строя, его вырождения в тиранию или деспотию, от превращения в колониальную империю. Европа, вступившая на путь модернизации, так и не смогла достичь необходимого баланса между свободой и принципами конституционного правления, именно по причине разрыва с великой либеральной традицией, стержень которой Люс видит в синтезе политической демократии и религиозной морали. Отсюда — дикое шатание между демократией и тиранией, классовые и религиозные войны, кульминацией которых стал марксизм и коммунизм¹⁹.

Америка как последний оплот великих принципов западной цивилизации просто обязана поделиться ими со всем остальным миром. «Америка как Добрый Самаритянин», ее призвание в том, чтобы отдавать, а не получать²⁰. Люс справедливо отмечает, что предстоящее лидерство Америки — и величие, и бремя одновременно, и справедливо опасается неготовности общества к новой роли. Он видит свою задачу как профессионала, прекрасно владеющего искусством убеждать, как патриота своей страны в том, чтобы подготовить общественное мнение к новой роли Америки на международной арене. Талантливый манипулятор, Люс искусно применяет самые действенные приемы психологического воздействия на читательскую аудиторию, затрагивает глубинные пласты подсознания. Легче всего ему это удастся, когда он играет на чувствах, обращается к страхам и предрассудкам, как в случае с ситуацией вокруг вступления Америки в войну, которую Люс мастерски обыграл через апелляцию к самому уязвимому месту исторической памяти — коллективному подсознательному страху великой депрессии.

На встрече с представителями ассоциации американских колледжей 9 января 1941 г. Люс начал свою речь с открытой провокации аудитории. Он отметил, что было бы напрасно думать, что самое худшее в истории американского народа, а именно экономический кризис и его социальные последствия, уже произошло. Новые, непредвиденные бедствия ожидают американский народ и мир в це-

¹⁹ *Luce H. R.* Providence in the Colonies. P. 140-141.

²⁰ *Idem.* The American Century // The Ideas of Henry Luce. P. 120.

лом. XX век вообще может стать концом цивилизации, если Америка не возьмет на себя задачу противостоять тем силам, которые последовательно выступают против триумфа морали, свободы, демократии и свободы предпринимательства. Медиа-магнат делает однозначный вывод: «не существует другой возможности выживания американской цивилизации [в условиях острого противоборства добра и зла — *Н. Б.*] как выживания в качестве мировой силы»²¹.

Люс фактически не оставлял американцам выбора, четко давая понять, что мировое лидерство — священный долг всего американского народа, он неоспорим, и хотя бы они того или нет, но им придется «принять [его — *Н. Б.*] от всего сердца и воспользоваться благоприятной возможностью быть самой могучей и жизненно важной державой в мире и, как следствие этого, быть готовыми с полной мерой ответственности оказывать влияние на весь остальной мир в целях, представляющих наш интерес, и средствами, которые мы считаем необходимыми»²². Впрочем, американцам и делать ничего не придется, так как фактически Америка уже «мировая сила», «интеллектуальная, научная и культурная столица мира». «Американский джаз, голливудские фильмы, американский слэнг, американские машины и запатентованные товары» уже есть в каждом уголке от Занзибара до Гамбурга. Люди во всем мире верят в добрые намерения Америки и ее народа. И еще одно обстоятельство, которое, по мнению Люса, автоматически выводит Америку на лидерские позиции в мире, это ее беспрецедентная экономическая мощь. Америка уже сейчас способна накормить и обути весь остальной мир, с чувством особой гордости констатирует Люс. «Наша страна впервые в истории способна удовлетворить все материальные нужды человечества», поэтому ей не представляет особого труда пообещать «более благополучную жизнь» для всех остальных народов. «Это легко исполнить», ведь изобилие там, где свобода, «свобода есть необходимое условие материального богатства», а не плановая экономика, как уверяют социалисты и коммунисты²³.

В сложившихся условиях, подводит итог Люс, у Америки есть все необходимые атрибуты мирового лидера: внушительный про-

²¹ Цит. по: *Herzstein R. E.* Op. cit. P. 177.

²² *Luce H. R.* The American Century. P. 113.

²³ Ibid. P. 117-118.

мышленный и технический потенциал, престиж в мире и безоговорочная преданность великим принципам западной цивилизации, зафиксированным в Декларации независимости, Билле о правах и конституции. Остается лишь осуществить задачу великой нации, которая в том, чтобы без промедления воспользоваться удачным для нее стечением обстоятельств [ослабление Англии — *Н. Б.*] и исполнить высокий долг, возложенный на нее Провидением, так как теперь судьба остального мира напрямую будет зависеть от того, возьмет ли Америка бремя лидерства или нет. Люс не без чувства особого удовлетворения пишет о том, что настало «наше время быть центром цивилизации», «воплощением идеалов свободы и справедливости», «добрым самаритянином», чудесным образом, помогающим народам подняться с колен и достичь вершин благополучия²⁴.

Хотя Люс и позиционировал себя как издателя вне политики, его политические симпатии всегда оставались на стороне Республиканской партии. Еще подростком он проникся особыми чувствами к героическому образу Теодора Рузвельта, который на всю жизнь остался для него воплощением силы характера, патриотизма и нескончаемой веры в торжество справедливости. Подражая во всем своему кумиру, Люс стал понимать справедливость как последовательное искоренение всякой формы несвободы, будь то колониализм или диктатура, или незаконно полученные привилегии. Ему импонировало то, как Рузвельт решал проблему смены геополитических установок, прежде всего проблему «интернационализм против изоляционизма». Рузвельт, будучи лидером интервенционистов, решительно критиковал невовлеченность Америки в мировые дела и считал подобную политику самоустранения преступной. В подтверждение своей позиции он приводил как объективные факторы (например, американскую экономическую мощь), так и философские принципы, принципы высокой морали, которые, в свою очередь, базировались на обновленческом мессианстве и почти мистической вере в то, что именно на Америку Провидение возложило функции главного зодчего нового мироздания²⁵.

²⁴ Ibid. P. 117-120.

²⁵ Мальков В. Л. Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегема. Протоистория «империи по приглашению» // Американский Ежегодник, 1999. М., 2001. С. 136-137.

Оставаясь убежденным республиканцем, Люс, тем не менее, неоднократно в своей профессиональной карьере ставил интересы страны выше собственных политических предпочтений и шел на сотрудничество с демократами, если от этого зависела судьба родины и политических идеалов. Медиа-магнат предпочитал не афишировать своих политических пристрастий, потому что для него, как человека, которому беззаветно доверяли миллионы американцев, было чрезвычайно важно сохранять, хотя бы внешне, беспристрастность. Однако, по понятным причинам, ему не всегда это удавалось. В моменты принятия судьбоносных для нации решений правящая администрация, как правило, искала с ним сотрудничества. Ведь медиа-империя Люса были подконтрольны 40 млн. американцев.

В 1940 г., когда президент Ф. Рузвельт испытывал трудности с принятием решения об оказании военной помощи Великобритании, втянутой в войну с фашистской Германией, именно Генри Люс помог решить ее безболезненным для президента способом. Дело в том, что проблема американской военной помощи Великобритании оказалась на пике обсуждения в американских политических кругах как раз накануне очередных президентских выборов, летом 1940 г. Прекрасно осознавая, каким может быть резонанс в обществе от решения послать американские военные корабли на британские морские базы, Рузвельт не хотел действовать опрометчиво, чтобы не повредить собственному имиджу в глазах избирателей, и до последнего [до июля 1940 г. — *Н. Б.*] искал возможность заручиться поддержкой и Конгресса, и общественного мнения. На помощь пришел, как ни странно, Генри Люс. Важно отметить, что президент и влиятельный издатель питали далеко не дружеские чувства по отношению друг к другу²⁶, но сходились в одном, ради государственных интересов можно поступиться личными пристрастиями.

Рузвельт был прекрасно осведомлен о степени влиятельности периодических изданий *Time Inc.*, о многомиллионной читательской аудитории журналов Люса и понимал, что лучшего канала для воздействия на общественное мнение, тем более сразу по нескольким

²⁶ В 1938 г. «Тайм» обвинял Рузвельта в nepoтизме и политической некомпетентности. Люс был склонен видеть причину экономического спада 1938 г., который он называл «Рузвельтовской депрессией», именно в реформах «Нового курса».

направлениям, ему не найти. Читательскую аудиторию «Тайм» составляли бизнесмены и политики, в то время как «Лайф» был популярен у среднего класса американского общества. Люс мог быть полезен для президента еще и как связующее звено с республиканцами и их кандидатом на выборах 1940 г. Уэнделлом Уилки, над политическим имиджем которого работал Рассел Давенпорт, исполнительный директор журнала «Форчун». Согласие Уилки в вопросе о посылке военных кораблей Британии было важно для президента.

О своем нежелании принимать окончательное решение по вопросу о военной помощи Англии до тех пор, пока Люс не выступит в качестве надежного информационного тыла внешней политики Белого дома, Рузвельт сообщил ему лично на встрече в Белом Доме 25 июля 1940 г. В ответ на что, издатель пообещал поддержку во всем, что касается помощи Англии²⁷. К счастью для Рузвельта Люс был убежден в необходимости посылки эсминцев к британским берегам, так как полностью разделял тревогу многих высокопоставленных чиновников и политиков Вашингтона, а также влиятельных представителей бизнеса по поводу возможного доминирования немцев над Атлантикой, в случае их победы, и глубинных последствий этой победы для США. Кроме того, Люс, как и многие глобалисты, наблюдал за событиями на европейском континенте с едва скрываемым чувством радостного ожидания долгожданного момента, когда Америка займет, наконец, уготованное ей Провидением место «главного архитектора нового мирового порядка»²⁸.

Люсу предстояло переломить существующие в обществе настроения, которые в главном сводились к тому, что кризис на континенте не имеет прямого отношения к Америке. И здесь он не сомневался, что и на этот раз сила его убеждения сработает на то, чтобы посеять семена сомнения по поводу абсолютной безопасности восточных берегов США от немецко-фашистской угрозы и воодушевить американцев продемонстрировать солидарность с сражающейся Британией. Важно было также подчеркнуть исключительную выгоду для США сделки между правительствами двух стран — посылки военных эсминцев в обмен на морские базы Великобритании в Карибском бассейне.

²⁷ Herzstein R. E. Op. cit. P. 15-16.

²⁸ Ibid. P. 6.

Уже 29 июля спустя 4 дня после встречи в Белом доме «Тайм» на четырех страницах текста с привлечением географических карт разъяснял миллионам своих читателей чрезвычайную важность для национальной безопасности страны приобретения военных морских баз в Карибском море. В статье убедительно доказывалось, что в ситуации, когда Америка не имеет в Карибском бассейне сил, чтобы противопоставить немецким морским базам в этом регионе, ее юго-восточная морская граница вместе с Панамским каналом превращаются в уязвимое место. Ссылаясь на документы военной разведки и военного ведомства США, авторы статьи доказывали, что в случае приобретения морских баз дальность бомбовых ударов к востоку и югу от морской границы США и соответственно военная мощь страны на самых дальних подступах в Карибском бассейне и Атлантике увеличится многократно. «Лайф» также отметил выдающийся характер предстоящей сделки для США, а президент Рузвельт, делая официальное заявление для прессы по этому поводу 3 сентября 1940 г., сравнил ее с покупкой французской Луизианы президентом Томасом Джефферсоном в 1803 г.²⁹ Этот небольшой пример из обширной журналистской и издательской практики Генри Люса убедительно демонстрирует его ярко выраженный талант манипулятора, которому по плечу решение любой даже сверхсложной задачи.

Биографы упоминают еще об одной удивительной способности Люса, его умении предвещать политические решения. Так, все в том же «Американском веке» в феврале 1941 г. Люс писал, что у Америки есть очевидная обязанность поддержать те народы, которые вследствие коллапса западной цивилизации оказались один на один с враждебными к ним правительствами. Следуя этой цели, на каждый доллар, который Америка потратит на вооружение, должен приходиться хотя бы цент, предназначенный на гуманитарные цели. Каждый американский фермер должен быть готов к тому, что излишки его продукции могут и должны оказаться в любой точке земного шара, где есть голодающие люди, как подарок, не требующий возмещения³⁰. Складывается впечатление, что Люс уже в 1941 г. знал о послевоенных инициативах правящей администрации: доктрине Трумэна, плане Маршалла и программе «пункт 4».

²⁹ Ibid. P. 21.

³⁰ Luce H. R. The American Century. P. 119.

Современники Генри Люса, критики и публицисты, коллеги по издательскому бизнесу, читатели, высоко оценили его журналистский гений, признав создателя медиа-империи «Time Inc.» одним из самых влиятельных людей в мире прессы («*a Lord of the press*»)³¹. Сравнение Люса с великими американскими мыслителями, отцами-основателями, которые неоднократно делались в литературе о нем, вовсе не кажутся преувеличением, учитывая степень влияния Люса на интеллектуальный климат эпохи, на общенациональный политико-философский дискурс. Его знаменитое эссе «Американский век» получило очень высокую оценку в американских интеллектуальных кругах³². Без всякого сомнения, Люс заслужил подобные аналогии как личность многогранная, как человек широкой эрудиции, как новатор в своем ремесле и как патриот своей страны.

Генри Люс никогда не сомневался в том, что его Америку ждет великое будущее, которое, как он считал, предопределено уже тем обстоятельством, что пуритане, заложившие нацию, сформулировали и передали потомкам некий моральный код, систему ценностей, способную изменить мир к лучшему. Люс не мыслил американской системы ценностей без таких типичных символов жизни маленького городка как вера, семья, община, но при этом оставался человеком современной эпохи, успешным бизнесменом, сторонником технического прогресса. Он был убежден в том, что американский эксперимент как раз и уникален тем, что его итогом стало утверждение феномена «первой в мире современной, технологичной, гуманной, процветающей и набожной цивилизации»³³. Именно в синтезе традиционных ценностей с современными научно-техническими достижениями влиятельный издатель видел залог будущего мирового господства, которое не будет банальным стремлением к доминированию через подчинение. Цель иная: Америке необходимо глобальное присутствие в мире с тем, чтобы изменить его к лучшему, а также выполнить свое предназначение, своего рода долг великой нации «по объединению всех наций и культур в “*global city of men*”»³⁴.

³¹ *Baughman J. L.* Op. cit. P. VII.

³² *Herzstein R. E.* Op. cit. P. 179.

³³ *Luce H. R.* *The American Pilgrimage.* P. 136.

³⁴ Цит. по: *Jessup J. K.* Op. cit. P. 89.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ, ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А. А. ПАВЛОВ

СВОБОДА (LIBERTAS) В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ТИТА ЛИВИЯ

Трудно, защищая свободу, соблюсти меру, пока под видом сохранения равенства кто-то хочет возвыситься, чтоб угнетать другого, пока люди пугают других, чтоб не бояться самим, пока, отражая обиду, мы причиняем ее другим, как будто этот выбор между насилием и страданием неизбежен.

Тит Ливий (III. 65. 11)

«Что есть свобода?» — на этот вопрос Цицерона, поставленный им в трактате «Парадоксы стоиков» (46 г. до н.э.), в современной науке дано немало ответов. Одним из первых попытался это сделать еще в начале XVI в. Никколо Макиавелли (1469–1527). Примечательно, что свои рассуждения он построил главным образом на сочинении знаменитого римского историка Тита Ливия «История Рима от основания города», назвав свой труд «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»¹. Как ни парадоксально, но именно этот исторический (а не философский и уж конечно не юридический) труд, благодаря в полной мере реализованному и выраженному в нем так называемому «римскому мифу»², одним из элементов которого была

¹ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 109-398. Анализ проблем, связанных со свободой, см. в главах: I. 5; 7; 16; 17; 35; 49; III. 3; 7; 49. О концепции Макиавелли см., напр.: McCormick J. Machiavelli against Republicanism: On the Cambridge School's Guicciardinian Moments // Political Theory. 2003/31. № 1; Machiavelli and Republicanism / Ed. G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli. Cambridge, 1990; Skinner Q. Machiavelli on the Maintenance of Liberty // Politics. 1983/18. P. 3-15.

² «Римский миф» и его соотношение с реальностью наиболее полно в отечественной историографии рассмотрел Г. С. Кнабе (Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Ливий Тит. История Рима от основания города. М., 1994. Т. III. С. 590-655; см. также: Ливий и исторический миф // Материалы к лекциям по

концепция римской свободы (*libertas*), оказал, наряду с сочинениями Цицерона, значительное влияние на воззрения о свободе не только последующих поколений римлян, но и мыслителей эпохи Возрождения, Просвещения и Французской революции, а вместе с тем и на всю современную западную ментальность, где понятие свободы стало неотъемлемо сочетаться с понятием права, закона и республиканским политическим устройством³.

Задача настоящей статьи — статистический и семантический анализ концепта *libertas* в фундаментальном труде Тита Ливия “*Ab urbe condita*” и его связи с концепцией *res publica*⁴.

***Libertas* у Тита Ливия: к статистике и семантике термина**

В сохранившейся части труда Ливия термин *libertas* встречается 331 раз, что сопоставимо с использованием его Цицероном во всех его многочисленных сочинениях (388)⁵. Но если учесть, что до нашего времени дошла лишь четверть книг Ливия, то это число долж-

общей теории культуры и культуре античного Рима. СПб., 1993. С. 456-466).

³ Skinner Q. Liberty before Liberalism. Cambr., 1998; Pettit Ph. Republicanism. A Theory of Freedom and Government. Cambr., 1999; Viroli M. Republicanism. N. Y., 2002; Larmore Ch. Liberal and Republican Conceptions of Freedom // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2003/6. № 1. P. 96-119.

⁴ Из специальных работ по этому вопросу см.: Bruno L. «*Libertas plebis*» in Tito Livio // GIF. 1966/19. P. 107-130; Heldmann K. Livius über Monarchie und Freiheit und der römische Lebensaltervergleich // WJA. 1987/13. S. 209-230; Simón F. M., Pina Polo F. Concordia y libertas como polos de referencia religiosa en la lucha política de la república tardía // Gerión. 2000/18. P. 261-292. Не много работ и о свободе в Риме в целом. См. напр.: Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the late Republic and Early Principate. Cambridge, 1950; Helle-gouarc’h J. Liberalitas. Scripta varia. Bruxelles, 1998. P. 90-92; Bleicken J. Staatliche Ordnung und Freiheit in der römischen Republik. Kallmünz, 1972; Brunt P. A. Libertas in the Republic // Brunt P. A. The Fall of the Roman Republic. Oxford, 1988. P. 281-350; Lind R. L. The idea of the Republic and the foundations of Roman political liberty // Studies in Latin Literature and Roman History / Ed. C. Deroux. Oxford, 1986. IV. P. 44-108; Syme R. Liberty in Classical Antiquity // Roman papers / Ed. A. R. Birley. Oxford, 1977. Vol. III. P. 962-968; Edlund I. M. Dionysos of Halicarnassos: Liberty and Democracy in Rome // Classical Bulletin. 1976/53. P. 27-31; Jens W. Libertas bei Tacitus // Hermes. 1956/84. S. 331-352; Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в древнем мире // ВДИ. 1972. № 2. С. 41-61.

⁵ Об употреблении термина Цицероном см.: Павлов А. А. Libertas у Цицерона: к статистике и семантике термина // Вестник СыктГУ. Серия 5. Вып. 4. Сыктывкар, 2003. С. 33-43.

но быть значительно более 1000, и в этом отношении труд Ливия несопоставим ни с каким другим из латинских античных сочинений. Термин встречается практически во всех книгах (за исключением XL, XLIV), но очень неравномерно. Так в I книге, повествующей о царском периоде (753–509 гг.⁶), находим его лишь три раза, тогда как, например, во второй (509–468 гг.), с которой начинается республиканский период, 29; наибольшая же частотность употребления (57!) приходится на третью книгу (467–446 гг.), основной объем текста которой связан с историей децемвирата. Число употреблений в кн. V–X значительно меньше, с явной тенденцией к уменьшению к концу декады. Первая декада (точнее, кн. II–X) посвящена периоду, который традиционно именуется периодом борьбы сословий, и можно было бы ожидать, что число употреблений здесь будет максимальным, однако в реальности статистика показывает, что в первых десяти книгах (753–293 гг.) термин употребляется в целом реже (132 и 199 раз соответственно)⁷, чем в остальных сохранившихся книгах (XXI–XLV), охватывающих период Второй Пунической войны и экспансии Рима в Восточном Средиземноморье (218–167 гг.), где для ряда книг частотность весьма велика (XXIV – 31; XXXIII – 20; XXXIV – 32) и даже превышает максимумы первой декады (за исключением кн. III); однако здесь эти максимумы не носят той концептуальной нагрузки, что заключена в максимумах первой декады, связанных с освобождением от произвола царской власти (кн. II) и децемвиров (III), правление которых Ливий сопоставляет с *regnum*.

Если взглянуть на употребление термина по годам, то увидим, что в период ранней Республики имеется два года, в описании которых Ливий наиболее часто использует термин, что указывает на значение, отводимое им во всей концепции *libertas* и истории Рима в целом: это год свержения царской власти (509), где он встречается 18 раз, и год борьбы против второго децемвирата и прежней системы управления (449), здесь Ливий обращается к нему 47(!) раз (ничего подобного более мы не встречаем). На порядок меньше термин используется в описании таких важных с точки зрения разработки темы свободы явлений как законопроект Терентилия Гарсы 461 г. об

⁶ Все даты здесь и далее до н.э.

⁷ Если иметь в виду частотность по книгам, то соотношение будет иным: в первых десяти в среднем 13,2 употребления на книгу, в кн. XXI–XLV – 8.

ограничении власти консулов (2), закон Канулея 445 г. об отмене запрета на браки между патрициями и плебеями (2), первое оставление римского войска на зимних квартирах в 403 г. (3), мятеж Гая Манлия Капитолийского 385–384 гг. (7), борьба за закон Лициния-Секстия в 370 г. (3), противоборство между диктатором Луцием Папирием и начальником конницы Квинтом Фабием в 325 г. (2). Остальные упоминания единичны. Среди таких оказались, например, события первой сецессии плебса 494 г., где в связи с самой сецессией термин не употреблен ни разу, а также закон Петелия об отмене долгового рабства 326 г. Все это подчеркивает интерпретационную составляющую использования Ливием данного термина, играющего важную роль не столько в анализе конкретного материала, сколько в обосновании политической конструкции, лежащей в основе его реконструкции архаического периода.

В первой декаде *libertas* используется в большинстве случаев в контексте формирования республиканского политического устройства Рима. Формирование единой *civitas*, уменьшение сословного противостояния, выражается у Ливия и в уменьшении употребления термина во второй половине IV в. Тогда же он активно начинает использоваться во внешнеполитическом контексте. Начавшийся в середине IV в. активный курс на завоевание территории Италии выражается в том, что в VIII книге (341–322 гг.) из 8 употреблений 5 связаны со свободой самнитов и привернатов; со свободой самнитов связаны и два из трех употреблений термина в X книге (302–292 гг.). В последующих книгах (XXI–XLV) Ливий употребляет *libertas* (за небольшими исключениями) вне внутривнутриполитического контекста: либо в связи с предоставлением свободы рабам, либо в связи с предоставлением свободы тем или иным народам или городам. В целом, подобная практика выражает следование Ливия сложившемуся канону изложения римской республиканской истории, в котором история ранней республики излагалась как период формирования *civitas* и республиканского конституционного устройства (выражавшегося в сложении смешанной конституции), последующий период средней Республики — как период роста могущества римской державы, расширения ее территории и сложения империи, и, наконец, поздне-республиканский период — как период кризиса нравов и гражданских войн. В трактовке Ливия они превращаются в периоды сложения римской свободы, ее распространения и, очевидно, ее кризиса.

Несмотря на частое обращение к термину, мы не встречаем у Ливия прямого авторского определения свободы. В большинстве случаев (и это характерно для всего текста Ливия, но в первую очередь для первой декады) *libertas* появляется в речах и риторических пассажах, через которые Ливий выражает идеи, присущие тому или иному персонажу и, вместе с тем, стоящему за ним слою, сословию или народу⁸. О риторичности словоупотребления говорит в частности и тот факт, что в периодах термин *libertas* встречается всего три раза, всякий раз в юридическом контексте, где сообщается о предоставлении свободы рабам или городам⁹. Доминирующее расположение *libertas* в риторических пассажах говорит об использовании его Ливием (главным образом в первой декаде) прежде всего в политическом контексте¹⁰; через риторику задается отчасти и полисемантическая звучания термина, чему способствует появление при *libertas* ряда местоименных определений, противопоставляющих свободу одних другим и придающих ей дискретный характер¹¹. Эта дискретность выражается и в различных коннотациях свободы, задаваемых различными модификаторами. *Libertas* у Ливия фигурирует как при рассмотрении внутривнутриполитических, так и внешнеполитических событий (нося, как правило, политический

⁸ В книгах XXI–XLV употребление менее риторично, Ливий часто сообщает о постановлениях сената и решениях народа, предоставляющих свободу рабам или народам, где сентенции носят краткий и фактический характер.

⁹ Рег. II: «Знатных юношей, среди которых были сыновья и его брата и его собственные (Брута. — *A. II.*), за сговор о возвращении царей он казнит отсечением головы, а рабу, Виндицию, на них донесшему, дает свободу»; Рег. XLIX: «Плебейский трибун Луций Скрибоний внес предложение, чтобы лузитаны, сдавшиеся римскому народу, были отведены Сервием Гальбой в Галлию и там отпущены на свободу»; Рег. LXXXI: «Луций Сулла осаждает Афины, занятые митридатом полководцем Архелаем, и с большим трудом берет их приступом. Городу возвращена свобода, а также имущество».

¹⁰ То же можно сказать и о словоупотреблении Цицерона, оказавшего на Ливия значительное влияние. Чаще всего он использует термин в своих речах, прежде всего в «Филиппиках». См.: Павлов А. А. *Libertas* у Цицерона... С. 33–43.

¹¹ *Libertas sua* (II. 10. 8; 55. 2; III. 50. 10; III. 39. 7; VI. 37. 2; 37. 10; 19. 7; VII. 25. 6; XXIV. 37. 10; XXXIII. 32. 8; XLV. 32. 4), *l. vestra* (II. 7. 11; III. 59. 3; III. 54. 9; IX. 34. 5; XXIV. 8. 1; XXXI. 29. 13; XXXVII. 54. 25), *l. nostra* (III. 59. 2; XXXIV. 2. 2; XLI. 23. 8), *l. ea* (V. 6. 16), *l. eorum* (XXIV. 14. 8; XXXIV. 59. 5), *l. aliena* (II. 3. 3; XXXIII. 33. 5; XXXIV. 48. 2; XXXVII. 54. 6; VII. 33. 3; XXIII. 12. 9).

или публичноправовой характер): здесь у Ливия мы встречаем такие важные понятия как *libertas populi Romani* (свобода римского народа)¹², *libertas plebis* (свобода плебса)¹³, *libertas patrum* (свобода отцов-сенаторов)¹⁴, *libertas omnium* (общая свобода)¹⁵, *libertas urbis* (свобода города)¹⁶, *libertas aequa* (равная свобода)¹⁷, *libertas impar* (неравная свобода)¹⁸ и т. д. Она часто встречается и в частноправовой коннотации: *libertas servorum* (свобода рабов)¹⁹, *libertas privatorum* (свобода частных лиц)²⁰, *libertas unusquisque* (свобода каждого)²¹ и т. д. Наконец, мы встречаем ее в связи с духовной свободой и свободой слова²². При всех имеющихся различиях, *libertas* у Ливия всегда употребляется в единственном числе: она мыслится как некая нерасчлененная данность, включающая наличие у гражданина всех его публичных и частных прав, неразрывно связанных и исходящих от общины (*civitas*)²³. Несмотря на исторический характер труда, *libertas* у Ливия, будучи политико-философским конструктом, является одновременно и юридическим понятием как в частно-правовой, так и публично-правовой коннотации.

Ливий использует ряд определений к *libertas*, позволяющих лучше оттенить ее характер. *Libertas* у него не является чем-то раз и навсегда данным, поэтому она может быть новой (*nova*)²⁴, непри-

¹² Liv. II. 15. 2; III. 10. 10; IV. 24. 4.

¹³ Liv. II. 23. 1; III. 55. 2; 56. 1; 63. 3; X. 9. 4; а также *l. plebeia* (IX. 46. 8).

¹⁴ Liv. III. 59. 4; VI. 27. 8 (в этом случае *patrum* имеет буквальный смысл).

¹⁵ Liv. III. 37. 8; VI. 19. 4; VIII. 31. 8.

¹⁶ Liv. XXX. 37. 8; XXXIII. 31. 10; Per. LXXXI.

¹⁷ Liv. IV. 5. 1; 5. 5; XXXIV. 54. 5; XLV. 32. 5.

¹⁸ Liv. XXVI. 2. 15.

¹⁹ Фраза в таком виде не встречается, однако об освобождении рабов Ливий говорит неоднократно (II. 5. 9; IV. 61. 10; IV. 45. 2; XXII. 33. 2; XXVI. 27. 9; XXVII. 3. 5; XXXII. 26. 14).

²⁰ Liv. XXXIX. 5. 4

²¹ Liv. II. 28. 7.

²² Liv. II. 56. 7.

²³ Эта практика является общей для республиканской традиции. Использование множественного числа для *libertas* появляется лишь в эпоху империи, в частности у юристов II и III вв. н.э. Юлиана (D.29.4.22pr.) и Павла (D.50.16.80). И в том и в другом случае они используют термин только в контексте предоставления свободы рабам.

²⁴ Liv. II. 1. 9; XXIV. 27. 5; 24. 2; XXXIX. 23. 13.

вычной (*insueta*²⁵, *insolita*²⁶), незрелой (*immatura*)²⁷, неупорядоченной (*incondita*)²⁸, и напротив прочной, устоявшейся (*stabilis*)²⁹ и нерушимой (*solida*)³⁰, истинной (*certa*³¹, *vera*³²), но и чрезмерной (*nimia*)³³, а также предоставленной (*data*³⁴, *concessa*³⁵), пленённой (*victa*)³⁶, как и восстановленной (*restituta*)³⁷.

Свобода достаточно часто фигурирует в составе ценностных синонимических рядов. Чаще всего она ассоциируется с такими понятиями как закон (*lex*)³⁸ и право (*ius*)³⁹, гражданство и гражданская община (*civitas*)⁴⁰, родина (*patria*)⁴¹, имущество (*bona*)⁴², а также мир (*pac*)⁴³, согласие (*concordia*)⁴⁴, благополучие (*salus*)⁴⁵, жизнь (*vita*)⁴⁶, свет (*lux*)⁴⁷, и даже целомудренность (*prudicitia*)⁴⁸ и плодovitость (*fecunditas*)⁴⁹; etc⁵⁰. Наряду с синонимическими рядами мы встречаем

²⁵ Liv. XXXIX. 23. 13.

²⁶ Liv. XXIV. 27. 5.

²⁷ Liv. II. 1. 3.

²⁸ Liv. XXIV. 24. 2.

²⁹ Liv. VI. 37. 10.

³⁰ Liv. II. 2. 6.

³¹ Liv. I. 23. 9.

³² Liv. XXXIX. 26. 7.

³³ Liv. III. 57. 6.

³⁴ Liv. XXXIV. 49. 11.

³⁵ Liv. XXXIII. 34. 7.

³⁶ Liv. XXXIV. 2. 2.

³⁷ Liv. XXIV. 21. 3; XXXIV. 33. 2.

³⁸ Liv. XXIV. 26. 7; 33. 6; XXV. 28. 3; XXVI. 32. 2; XXVII. 21. 8; XXIX. 21. 7; XXXI. 31. 7; XXXIII. 30. 2; XXXIV. 32. 4; XXXVIII. 44. 3; XXXIX. 27. 9; XLV. 32. 5; XLV. 31. 4.

³⁹ Liv. XXXIV. 48. 2; ср.: XXXVIII. 50. 8; 52. 5; XLV. 18. 3.

⁴⁰ Liv. II. 5. 9; XXV. 6. 21; XLV. 15. 4.

⁴¹ Liv. XXXII. 22. 10.

⁴² Liv. II. 5. 9; IV. 45. 2; 61. 10; XXII. 33. 2; XXVI. 27. 9; 33. 3; 34. 1; XXVII. 3. 5; XXXII. 26. 14; XLV. 6. 7.

⁴³ Liv. XXXVII. 21. 8; XXXIV. 22. 4; XXXI. 31. 15; XXXIII. 12. 2; 34. 3; XXXV. 46. 11.

⁴⁴ Liv. III. 54. 7; XXXIV. 54. 5; XXXV. 39. 6.

⁴⁵ Liv. III. 59. 4; VII. 30. 23; XXVII. 45. 7.

⁴⁶ Liv. XXXII. 17. 2; XLIII. 18. 10.

⁴⁷ Liv. VI. 17. 2; VII. 30. 23.

⁴⁸ Liv. III. 52. 4; XLII. 34. 3.

⁴⁹ Liv. XLII. 34. 3.

и омонимические конструкции. Оппозицию *libertas* составляют такие понятия как *regnum* и *reges* (царство, царская власть, цари)⁵¹, *servitus* (рабство)⁵² и *mors* (смерть)⁵³, *imperium* (власть)⁵⁴, *dominatio* (господство)⁵⁵, *superbia* (высокомерие)⁵⁶, *licentia* (чрезмерная свобода, произвол)⁵⁷, *libido* (сладострастие)⁵⁸. Синонимические и омонимические ряды Ливия, связанные с *libertas*, не имеют тенденции трансформации во времени, говоря о единстве концепции, которую автор накладывает на живое полотно исторического повествования.

***Libertas* и *res publica*:**

политический идеал свободы

В римской республиканской традиции была разработана концепция *libertas*, отличная от греческого понимания свободы⁵⁹. Здесь

⁵⁰ *Incolunitas* (XLV. 6. 7), *immunitas* (XXXVIII. 48. 4), *ciuilis animus* (XLV. 32.5), *licentia* (2. 14), *domus, parentes, liberi* (V. 2. 12), *impunitas* (II. 1. 4), *potestas tribunicia* (III. 56. 1; ср. III. 37. 5), *imperium* (II. 23. 1; VIII. 4. 6; XXXIV. 33. 2).

⁵¹ Liv. II. 2. 2; 10. 8; 15. 3; V. 37. 10; VII. 18. 9; XXXIII. 12. 4; 12. 10; XXXVII. 54. 6. Здесь и далее приведены только прямые оппозиции без учета контекстуальных.

⁵² Liv. I. 29. 3; II. 3. 3; III. 37. 2; 56. 4; 57. 5; XXIV. 32. 9; XXVII. 30. 5; XXVIII. 22. 8.

⁵³ Liv. XXVIII. 22. 8.

⁵⁴ Понятие неоднозначно и у Ливия встречается в различных коннотациях. Liv. I. 23. 9; III. 67. 6; VI. 37. 4; VII. 25. 5; XXI. 45. 2; XXXIV. 33. 2; XXXVII. 54. 6; XXXIX. 37. 13.

⁵⁵ Liv. III. 39. 7; 56. 13; IV. 5. 1; VI. 18. 6; XXIII. 4. 1.

⁵⁶ Liv. IX. 46. 8; XXXIII. 46. 6.

⁵⁷ Liv. II. 3. 3; III. 37. 8; 59. 4; XXIII. 2. 1; XXVII. 31. 6; XXXIV. 2. 14; XXXIV. 48. 2; XLV. 18. 6.

⁵⁸ Liv. XXVII. 31. 5.

⁵⁹ О греческой свободе см.: *Pohlenz M.* La libertà greca. Brescia, 1963; *Hellegouarc'h J.* Op. cit. P. 87-88; *Barnes J.* Aristotle and Political Liberty // Aristotle's 'Politik'. Aktes des XI Symposium Aristotelicum / Ed. by G. Patzig. Göttingen, 1990. P. 249-63; *Eckstein.* Polybius, the Achaneans and the freedom of the Greeks // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990/31. P. 45-61; *Frank D. H.* Aristotle on freedom in politics // Prudentia. 1983/15. P. 109-16; *Gomme A. W.* Concepts of freedom // More Essays in Greek History and Literature. Oxford, 1962. P. 139-55; *Hansen M. H.* Was Athens a democracy? Popular rule, liberty and equality in ancient and modern political thought // Historisk-filosofiske Meddelesener. The Royal Danish Academy of Science and Letters. 1989/59; *Hansen M. H.* The ancient Athenian and the modern view of liberty as a democratic ideal // Demokra-

она рассматривалась прежде всего как структурный элемент публично-правового порядка, тесно связанный с понятием *populus* (народ) и противопоставленный власти (*imperium, auctoritas*). В наиболее систематизированном виде подобное восприятие *libertas* выражено Цицероном в диалоге «О государстве»⁶⁰. Во многом схожую концепцию *libertas* мы встречаем и у Ливия, который тесно связывает ее с определенным типом бытия и функционирования гражданской общины и государства (*civitas, res publica*). В определенном смысле можно говорить, что свобода для Ливия — это и есть государство, а точнее, определенное его состояние, в то время как ее отсутствие означает и отсутствие государства (в чем можно видеть явное влияние политической теории Цицерона). Ливий несомненно использует термины *civitas* и *res publica* в том числе и вне прямой связи с *libertas* (как при описании царского, так и республиканского

tia: A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / Ed. by J. Ober and L. Hedrick. Princeton, N.Y., 1996. P. 91-104; Raaflaub K. The discovery of freedom in Ancient Greece. Chicago, 2004; Seager R. The freedom of the Greeks of Asia from Alexander to Antiochus // CQ. 1981/31. P. 106-112.

⁶⁰ По Цицерону, «государство есть достояние народа» («*res publica res populi est*»; Rep. I. 39), при этом под народом (*populus*) он понимает «не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов». В основе идеального государства лежит смешанная конституция, в которой в равной мере сочленены три наилучших вида государственного устройства (Rep. II. 57: «...если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий — с тем, чтобы достаточно власти (*imperium*) было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей (*auctoritas patrum*) и достаточно свободы у народа (*libertas populi*), то этот государственный строй не может сохраниться неизменным»). Составная ее часть — *populus* и связанная с ним *libertas*. Отсутствие какого-либо элемента рассматривается как отсутствие самого государства (*res publica*; e.g. Dom. 34). *Libertas populi* для Цицерона есть необходимый фундамент для существования государства и сохранения власти *boni* в лице магистратов и сената. Цицерон неоднократно использует понятие *libertas populi* (*Romani*), тогда как *libertas plebis* лишь однажды (Flac. 137). Она подчеркивает для него произвол части, указывает на период, когда плебс имел собственные интересы, которые были им утрачены в эпоху сложения смешанной конституции. См. подробнее: Павлов А. А. Плебейский трибунал в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2004. № 13. С. 29-30; Он же. *Libertas* у Цицерона... С. 33-43.

периодов), однако в его политической концепции они связаны непосредственным образом. С точки зрения Ливия, государство имеет две фазы развития, а по сути две политические формы: *regnum* — когда община подчинена власти царя и находится в состоянии рабства (*servitus*), сопоставимом с частноправовой зависимостью раба (*servus*) от господина (*dominus*), и *libertas* — состояние, первоначально определяемое негативно («свобода от...»), когда община свободна от царской власти (*regnum*), а вместе с тем и от ассоциирующихся с ней царского господства (*dominatio*), произвола (*licentia*), безнаказанности и своеволия (*impunitas*), присущих состоянию рабства. Поэтому, в идеале, *libertas* — это состояние государства, в котором нет места любым проявлениям *superbia*, *dominatio*, *licentia*, *servitus*, *impunitas*. Это концептуальное противопоставление *regnum/libertas* находит свое выражение в исторической концепции Ливия: так в начале второй книги он заявляет в связи со свержением последнего римского царя Тарквиния Гордого, что начинает разговор о периоде свободы (II. 1. 2; 1. 7; 1. 9)⁶¹. Четкую грань двух периодов Ливий подчеркивает и намеренным словоупотреблением: в первой книге, повествующей о царском периоде, он использует термин *libertas* лишь три раза (во второй — 29), при этом всякий раз отмечая, что свободы в Риме еще нет⁶².

Regnum ассоциируется у Ливия с незрелой стадией государства, в рамках которой не может развиваться свобода. «Добрый плод зрелой

⁶¹ В современной историографии, с этого времени принято выделять период Республики (509–30 гг.), который, т.о., соотносится с понятием «свобода», и противопоставлять его, в свою очередь, периоду империи (30 г. до н.э. — 476 г. н.э.). Хотя описание времени Августа у Ливия не сохранилось, однако очевидно, что он не отделял его от предыдущего, рассматривая его, скорей всего, в духе идеологии Августа, как время «восстановленной республики». Лишь позднеантичные авторы, как известно, стали отделять период империи от республики (Dio. LI. 1, 2; LII. 13, 18; Amm. Marc. I. 6, 4-7; Herod. I. 1).

⁶² Liv. I. 17. 3: «Все хотели иметь над собою царя, ибо еще не была изведена сладость свободы»; I. 46. 3: «Так и римский царский дом, подобно другим, явил пример достойного трагедии злодеяния, чтобы опостытели цари и скорее пришла свобода и чтобы последним оказалось царствование, которому предстояло родиться от преступления». В I. 23. 9 Ливий устами альбанского вождя Меттия Фуфетия говорит о наличии свободы (*certa libertas*) у альбанцев и римлян, понимая под ней совсем иную свободу — независимость их общин от этрусков.

свободы» (II. 1. 6) возможен только в государстве со «спокойной умеренностью власти» (*idem*)⁶³, что соответствует его (государства) зрелой фазе. Однако зрелость государства определяется не только политически (характером власти), но и социально. Государство — прежде всего гражданский коллектив, и состояние государства определяется уровнем развития последнего: только единый *populus*, объединенный «общностью устремлений» (II. 1. 4)⁶⁴, может быть фундаментом для сложения и функционирования *libertas*, тогда как отсутствие такового единства может вести только к произволу (*licentia*) части (будь то *patres* или *plebs*)⁶⁵. Для возникновения же «общих устремлений», необходима интеграция гражданского коллектива: плебс, будучи чужеродным элементом (хотя и обладающим частно-правовой свободой), посредством долгой привычки, через привязанность к женам и детям, должен ощутить любовь к земле, дабы не страх царской власти, а любовь к свободе сдерживала его от противостояния *patres* (II. 1 4-5). *Patres* рассматриваются здесь не столько как сенаторы, сколько как первоначальное население Рима, а плебеи — как не до конца интегрированная пришлая часть населения. При этом плебс тесно связывается с царем (*rex*), как противник свободы, которая, в свою очередь, ассоциируется с *patres*, что подчеркивает первоначальный смысл *libertas* как свободы архаической гентильной организации (*populus*) под руководством ее глав (*patres*) от произвола царской власти. Однако для Ливия подлинная свобода — это свобода единого *populus*, появившегося в процессе сложения *civitas*, через объединение различных *partes* (*patres* и *plebs*) на основе общности прав и интересов⁶⁶. Создание такой *libertas* требует опре-

⁶³ То есть в государстве, где отсутствуют *superbia*, *dominatio*, *licentia*, *imperium*, *servitus*, *impunitas*.

⁶⁴ Ср.: *Cic. Rep.* I. 39.

⁶⁵ В связи с чем Ливий неоднократно обращается к теме согласия сословий (*concordia ordinum*), без чего невозможна и свобода. О *concordia* у Ливия см.: Кучеренко Л. П. О содержании понятия «*concordia*» у Тита Ливия // Вестник СыктГУ. Сер. 5. Вып. 4. Сыктывкар, 2003. С. 44-50; *Simón F. M., Pina Polo F. Concordia y libertas...* P. 261-292.

⁶⁶ Подобное восприятие *populus* было прочно укоренено в римском правосознании. Гай, например, говорит (*Gai. I. 3*): «Плебс же отличается от народа тем, что словом народ обозначаются все граждане, включая сюда и патрициев; наименованием же плебс обозначаются все прочие граждане, за исключением патрициев».

деленного политического и социального фундамента, который невозможно создать простым свержением царской власти. В связи с чем ее свержение оказывается у Ливия лишь отправным моментом сложения *libertas*, а вся «История» превращается в историю свободы римского народа и, вместе с тем, в историю сложения и функционирования Римской республиканской «конституции» (прежде всего институтов и инструментальных средств защиты свободы) и гражданской общины (*civitas*), как общины, в которой интересы сословий, групп и личностей подчинены интересам *civitas* и находятся в гармоническом единстве (*concordia*), и где каждый обладает равными правами, опирающимися на закон. Период сложения того и другого для Ливия — это период перехода от новой (*nova*), характеризующейся конфликтом сословий, непривычной (*insolita*), незрелой (*immatura*), неупорядоченной (*incondita*) свободы, к свободе устоявшейся (*stabilis*), нерушимой (*solida*), истинной (*certa, vera*). Хронологически он совпадает с эпохой ранней республики, с эпохой противостояния двух свобод: *libertas populi*, сближающейся по характеру с *libertas patrum* и *libertas omnium*⁶⁷, и *libertas plebis*, сближающейся, в свою очередь, с *libertas militum*. Это противопоставление исходит не только из разности субъектов (*populus/plebs*), но и из различий в понимании двух типов свободы, что подчеркивается и несовпадением точек их происхождения. Начало первой Ливий связывает с созданием срочной выборной двухместной магистратуры консулов (II. 1. 7), как и с фигурой первого консула Брута (509 г.), которого он именует не иначе как «основатель римской свободы» (VIII. 34. 3), «освободитель» (*vindex*) и «защитник свободы» (*custos*; II. 1. 8). Именно с первыми консулами Брутом и Валерием связаны сакрализация⁶⁸ и кано-

⁶⁷ Ливий неоднократно прибегает к этому выражению (III. 37. 8; VI. 19. 4; VIII. 31. 8), но всегда в первой декаде, что лишь подчеркивает существование различных контекстов (*populi/plebis*) свободы. *Libertas omnium* не означает наличие единой для всех свободы, а является лишь способом распространения ценностных установок *patres* на всю *civitas*. Во всех трех пассажах речь идет об остром сословном противостоянии в связи с конфликтом личности (группы лиц) и общины, что Ливий сопоставляет всегда с царским произволом. Таким образом, *libertas omnium*, подобно *libertas populi*, фактически противопоставляется *regnum*.

⁶⁸ Идея рождения, начала имеет определяющее значение для архаического сознания, поскольку через ритуалы рождения создаются новые сакральные про-

низация *libertas (populi)*⁶⁹ как свободы от *regnum*. Начало второй Ливий связывает с сецессией плебса на Священную гору (494 г.) и соз-

странство и время, устанавливается связь общины с богами, определяется ее место в том, что греки называли космосом, а римляне — *mundus*. В этом плане концепт рождения *libertas* представляет собой, с одной стороны, воспроизводство топоса о рождении Рима, с другой, есть ничто иное, как новое рождение римской *civitas*, основанной на иных принципах (горизонтальных вместо вертикальных) распределения властных полномочий, где определяющее значение имеет не ритуализированное воспроизведение неизменного сакрального порядка, а политика — открытое выражение и отстаивание своих интересов различными социальными и политическими группами, в чем выражается и реализуется *libertas*. Рождение новой политико-правовой реальности требовало ее легитимации и канонизации, что было сделано усилиями римской патрицианской верхушки, которая через это сумела закрепить за собой результаты освобождения. Превращение свободы в сакральную ценность, было произведено посредством клятвы народа (*ius iurandum populi*), данной по требованию Брута (II. 1. 9; 2. 5). Дигесты так определяют понятие сакральной вещи: «Священные вещи — это те, которые посвящены (богам) обществом, а не частными лицами: если кто-либо частным образом установит для себя святыню, то эта вещь является не священной, а светской. Равным образом, если здание сделалось священным, то даже после разрушения строения место продолжает оставаться священным» (D.1.8.6.3). Этот характер сакральной ценности свобода будет иметь в течение всего республиканского периода, а клятва станет юридическим основанием для уничтожения всех обвиненных в стремлении к царской власти. Достаточно вспомнить известные примеры Сп. Кассия, Сп. Мелия и Г. Манлия Капитолийского (II. 41; IV. 13-14; VI. 14-20). Фактически из этого же восприятия свободы исходит и юрист III в. н.э. Павел в своем определении свободы (D.50.17.106: «Свобода — это вещь, не имеющая цены»).

⁶⁹ К канону должно отнести двух консулов — основателей свободы; сакрально-правовое основание новой *libertas* в виде клятвы народа; *lex de provocazione* Валерия Попликолы и его символические действия (перенос своего дома с вершины Веллийского холма к его подножию, обычай вынимать топоры из фасок и склонять их в народном собрании; Liv. II. 7. 7; 7. 11), определившие верховенство народа. Завершающим элементом канона стало совмещение в традиции рождения публично-правовой *libertas* (как освобождения гражданского коллектива из рабства царского произвола) с рождением частно-правовой *libertas* — практикой отпуска рабов на свободу посредством виндикации (Liv. II. 5. 9-10: «Говорят, что это он первый был освобожден из рабства виндиктой, а некоторые и само название это выводят отсюда, потому что того раба звали Виндицием»). Как известно, Ливий относит термин *vinde* и к Бруту.

данием института плебейских трибунов (III. 54. 7), созданных для помощи (*auxilium*) плебсу против консулов (II. 33. 1)⁷⁰.

Попытаемся кратко вычленить положительное значение и существенные отличия двух свобод⁷¹. *Libertas populi* фигурирует в двух основных контекстах: во внутривластном она противопоставлена власти царя, являясь свободой от его власти⁷²; во внешнеполитическом — это свобода от подчинения другой общине (т.е. суверенитет общины)⁷³. Как выше указывалось, *libertas populi* ассоциируется

⁷⁰ Подобно сакральному характеру первой, свобода плебса также носит сакральный характер. Ливий упоминает о том, что сецессия была на *Sacer mons*, что трибуны были *sacrosancti* и что на Священной горе был принят *lex sacrata* (II. 33). Однако если священный характер первой был связан с запретом кому-либо быть *rex*, то второй — с запретом покушаться на существование трибуната противопоставленного консульскому *imperium*. Акты восстановления (по свержении децемвиров в 449 г.) консулата (посредством *interregnum*) и трибуната (собранием под руководством великого понтифика), будучи по сути сакральными актами повтора перворождения того и другого института, являются в то же время и актами восстановления свободы в ее двух ипостасях. Еще раз о новом начале свободы плебса Ливий говорит повествуя о законе Петелия 326 г., отменившего долговое рабство (VIII. 28).

⁷¹ Ливий достаточно редко использует соответствующий модификатор (*populi/plebis*), однако и в тех случаях, когда *libertas* используется без него, можно из контекста уловить о какой именно *libertas* идет речь. Выражение *libertas populi* встречается лишь три раза (II. 15. 2; III. 10. 10; IV. 24. 4), *libertas plebis* — семь (II. 23. 1; III. 55. 2; 56. 1; 64. 3; V. 2. 4; IX. 46. 8; X. 9. 4). Примечательно, что все эти выражения используются Ливием только в первой декаде.

⁷² Liv. II. 15. 2-3: «...ибо просил царь о том, что противно свободе римского народа (*libertatem populi Romani*), и римляне, если сами своей погибели не хотели, должны были отказать тому, кому ни в чем отказать не желали бы. Не во власти царей, но во власти свободы находится римский народ...». В этом же контексте встречается употребление и в IV. 24. 4, где, однако, речь идет об обвинении диктатором Эмилием Мамерком в 434 г. Сп. Мелия в стремлении к царской власти: «На созванной им сходке он сказал, что заботу о внешних обстоятельствах и полной безопасности государства взяли на себя бессмертные боги, ему же предстоит принять меры к тому, чтобы защитить свободу народа римского (*libertati populi Romani*) в стенах Города».

⁷³ Liv. III. 10. 8-10: «Как вдруг, словно события обратились вспять, герники сообщают о том, что эквы и вольски, несмотря на подорванные силы, вновь снаряжают войско; главную ставку они делают на Антий, жители которого открыто собираются и совещаются в Эцетрах; отсюда, по их сло-

с заменой царской власти консульской магистратурой, ее двухместным, срочным, выборным характером (ср. VI. 37. 10). Однако плебеи не получили доступа к должностям по свержении царя (e.g. IV. 5. 1-5; VI. 37. 10-11), а значит *libertas populi*, на поверку оказывается свободой патрициев (*libertas patrum*), их свободой занимать магистратуру, а точнее обладать *imperium*, и управлять общиной, опираясь на него. Подлинная же свобода, с точки зрения Ливия, есть равная свобода (*aequa/par libertas*), т.е. равный доступ к осуществлению власти⁷⁴. Она стала доступна для плебеев в связи с плебисцитом Канулея 445 г. (IV. 5. 5) и законами Лициния-Секстия (VI. 37. 10-11). Следует также заметить, что Ливий связывает равную свободу и с равным правом вообще, опирающимся на закон⁷⁵. Впервые такое равенство было установлено вместе с принятием законов XII таблиц (III. 61. 5). До этого, плебеи могли быть не столько субъектами, сколько объектами *libertas populi* (в ее внешнеполитической коннотации), ибо во вне *libertas populi* означала не только независимость общины от внешнего господства, но и распространение ее господства (*imperium*) на других, осуществляемого посредством армии, в значительной мере состоящей из плебса⁷⁶. Можно заметить, что как

вам, война берет начало и силы. Как только сенат был извещен об этом, объявили набор. Одному консулу приказали идти на вольсков, другому — на эквов. Но трибуны объявили войну с вольсками разыгранной на форуме комедией, в которой была заготовлена роль и для герников: не умея отнять у римлян свободу в открытом бою, они ловчат и лгут». В этом контексте *libertas* (но без модификатора) употребляется неоднократно, главным образом в отношении других общин в период римской военной экспансии.

⁷⁴ В IV. 5. 1 трибун Канулей заявляет: «А изгнание царей послужило не всеобщему равноправию, что оно дало и кому: владычество вам или равную свободу всем?». Он замечает далее (5. 5), что плебеи готовы повиноваться, «если, как того требует равная свобода, каждому ежегодная смена должностных лиц позволит попеременно то подчиняться, то повелевать». Аналогично рассуждает и Валерий Потит в IV. 39. 8, отмечая, что децемвиры «упразднили в государстве правосудие, выборы, ежегодную смену должностных лиц и преемственность власти, всех поровну обеспечивающих свободой». Ср. VI. 37. 10.

⁷⁵ Liv. II. 3. 4: «...а закон — глух, неумолим, он спасительней и лучше для слабых, чем сильных, он не знает ни снисхождения, ни пощады для преступивших...».

⁷⁶ Ливий не противопоставляет *libertas plebis* и *libertas populi*, но в II. 23. 2 он дает понять, что плебс отличает свою свободу от свободы народа, понимае-

во внешне-, так и во внутривластном контексте, *libertas populi* коррелируется с понятием *imperium*⁷⁷, а *populus* и в том, и в другом случае, выступает как публично-правовая нерасчлененная совокупность. В то же время, Ливий замечает и третий аспект *libertas populi*, как свободы отдельного индивида от произвола носителя *imperium*, что очевидно из принятого Валерием закона о провокации (509 г.). В этом отношении *libertas populi* ближе всего к *libertas plebis* (*militum*), которая, не будучи связана с публично-правовым порядком, основанным на *imperium*, всегда ему омонимична. Весьма характерна в этой связи фраза патрицианского консула Квинкция (446 г.), в которой он в двойной оппозиции противопоставляет империй патрициев и свободу плебса наряду с патрицианскими и плебейскими магистратами, с которыми соответственно и связываются империй и свобода плебеев⁷⁸. Носителем свободы плебса, инструментом ее защиты, Ливий не раз называет плебейских трибунов⁷⁹, при этом противопоставляя их власть (*tribunicia potestas*) *imperium* консула, которую считает отражением *libertas populi* (VI. 37. 4). *Libertas plebis*, в отличие от *libertas populi*, не выражает собой самодостаточный публично-правовой порядок, а напротив, являет оппозицию последнему, в лице его составной части (*plebs*), *cives minuto iure*, что выражается и в типе власти, и в полномочиях должностных лиц. Лексика Ливия, связанная с *libertas plebis* имеет достаточно очевидный характер за-

мой как *imperium*: «Плебеи роптали о том, что вне Рима они сражаются за свободу (*libertas*) и римскую власть (*imperium*), а дома томятся в угнетении и плену у сограждан, что свобода плебса (*libertas plebis*) в большей безопасности на войне, чем в мирное время, и среди врагов, чем среди сограждан».

⁷⁷ Как, впрочем, и с другими (*auspicia patrum*, *magistratus patricii*), присущими публично-правовому порядку, восходящему к архаической гентильной общине. *Imperium* — сакральная власть, полученная от богов при основании Рима первым царем (и, вместе с тем, первоначальным гражданским коллективом, составлявшим куриатную организацию), непрерывность которой олицетворялась с *patres*, и которой каждый новый царь (а впоследствии *magistratus cum imperio*) наделялся посредством *lex curiata de imperio*.

⁷⁸ Liv. III. 67. 6: «Когда мы не ведаем границ нашей власти (*nobis imperii*), а вы — вашей свободы (*vobis libertatis*), вам внушают отвращение патрицианские магистраты, а нам — плебейские...». Ср.: VI. 37. 4; XXXIX. 37. 13; XXIX. 27. 2.

⁷⁹ III. 37. 5; 50. 13; 53. 6; 56. 1; IV. 44. 5; XXXIX. 5; etc.

щиты⁸⁰, что находит отражение и в основном правомочии трибунов — *ius auxilii* (XXXIX. 5. 4), которое он называет оплотом (arg) свободы (III. 45. 8); в то же время, свобода плебса и ее институты метафорически определяются как революционные и мятежные, и особенно такой инструмент ее защиты как *secessio*⁸¹. *Secessio* всегда носит политический смысл⁸² и тесно связан с *seditio* — мятежом против конституционной власти. Будучи средствами революционного действия плебса (против патрициата), и *secessio* (сецессия), и *seditio* (мятеж) у Ливия всегда *plebis*, и никогда *patrum* или *patriciorum*. Точно также прилагательное *sediciosus* (мятежный) относится к акциям плебса и трибунам⁸³. Этот дихотомический характер языка фактически выражает дихотомию содержания самой *libertas plebis*, как порядка, с одной стороны, стремящегося к защите от произвола носителей *imperium*, с другой, к инкорпорированию и равному участию в публично-правовом порядке *populi*. Но только в первом из отношений *libertas plebis* имеет свое автономное содержание: у Ливия это свобода отдельных плебеев от произвола (консульского) *imperium*, что находит выражение в трибунской защите должников (II. 23. 1; ср. VIII. 28), а также воинов (при наборе)⁸⁴. Мы встречаем у него и другую публично-правовую коннотацию *libertas plebis*, где последняя выступает как свобода отстаивания собственных интересов на сходках и собраниях под руководством трибунов. Здесь у Ливия сливаются воедино *plebs*, *milites* и *cives* (IV. 58. 12; V. 2. 12; VI. 27. 7), а свобода плебса оказывается одновременно и свободой гражданской (свободой политической — участия в сходках и собраниях, отстаивания через них собственных интересов), и в этом смыс-

⁸⁰ См.: Bruno L. Op. cit. P. 124.

⁸¹ Ливий не называет сецессии в числе столпов свободы (как делает то в отношении *provocatio* и *auxilium* — III. 45. 8), однако указывает, что Авентин и Священная гора — места, где римляне получили свободу (III. 61. 5) или вернули ее (III. 53. 4; ср. II. 32. 2-3).

⁸² II. 39. 9; VI. 19. 1; 38. 6; 42. 10; VIII. 18. 12; etc.

⁸³ *Seditiosae contiones* (IV. 35. 5; V. 10. 6; etc.), *sediciosae actiones* (IV. 43. 6), *sediciosi tribuni* (III. 19. 5; IV. 55. 7; 59. 15; VI. 40. 3; etc.), *sediciosus tribunatus* (VIII. 22. 10).

⁸⁴ Ливий неоднократно упоминает о сопротивлении трибунов набору: Liv. II. 43. 3-4; 44. 1-2; III. 11. 1; 16. 6; 26. 1; IV. 43. 2-7; 55. 2; VI. 14. 3; 27. 10.

ле городской, где только и возможна подобная деятельность, и свободой воинов (как граждан), поскольку в походе они полностью подчинены консульскому *imperium* и не имеют (как имели бы в городе) средств защиты от него⁸⁵.

Как видим, сочетание различных по своему происхождению и характеру социально-политических общностей (*populus/plebs*), двух различных порядков, явилось основой существования у Ливия двух различных свобод. Однако истинной он рассматривает свободу, опирающуюся на согласие сословий (*concordia ordinum*), чему поет оду при описании истории децемвирата и его свержения. Свержение децемвирата, принятие законов Валерия-Горация, как и ратификация законов XII Таблиц, на практике не означали сложения *concordia ordinum*, как и унификации понятия *libertas*, но стали несомненно важными основаниями того и другого.

В абстрактном виде формула Ливия такова: «позитивная» свобода есть прежде всего свобода гражданская, реализуемая в равном участии граждан в управлении, в свободном участии в сходках и собраниях, возможности контролировать магистратов посредством выборов, а также народного суда; «негативная» свобода есть прежде всего свобода гражданина от произвола власти (*imperium*); в основе ее два основных средства защиты: *provocatio ad populum* (обращение к народу) и *auxilium tribunicium* (помощь плебейских трибунов).

⁸⁵ Liv. IV. 58. 12: «...их усылают подальше от города, чтобы дома на досуге они не вспоминали на собраниях о свободе колоний, общественного поля или выборов»; V. 2. 4-12: «Продана свобода плебса! <...> хоть когда-нибудь видеть родителей, детей и жен, пользоваться свободой и избирать должностных лиц»; VI. 27. 7: «...лишь бы держать плебеев в войске, не дать им передохнуть в Городе, не дать им на досуге вспомнить о свободе, побывать на сходках, где они могли бы иногда слышать голос трибунов, стремящихся облегчить долги и покончить с прочими несправедливостями <...> он (плебс — А. П.) не потерпит, чтобы кто-то из римских граждан был закабален за долги или чтобы назначили набор». С этим перекликается XXX. 37. 8: «...городская свобода смутила человека военного...». Так, например в V. 2. 4, при описании первого случая оставления плебеев на зимних квартирах в 403 г. во время войны с Вееми, Ливий вкладывает в уста трибунов следующие строки: «Продана свобода плебса! <...> В чем, по-вашему, говорили они, причина продления военной службы? Конечно, не в чем ином, как в стремлении отстранить молодежь, воплощающую собой силу плебса, от обсуждения вопросов, затрагивающих ваши интересы».

М. А. ФИЛИМОНОВА

ОБРАЗ КОНСТИТУЦИИ США 1787 Г. В РАТИФИКАЦИОННОЙ КАМПАНИИ

28 сентября 1787 г. Континентальный конгресс принял решение передать проект новой федеральной конституции на рассмотрение специальным ратификационным конвентам всех тринадцати штатов, составлявших в то время Союз. На протяжении года конституция, ее достоинства и недостатки были самой обсуждаемой темой американской политики. В ходе масштабной пропагандистской кампании федералисты и антифедералисты — сторонники и противники новой конституции — создали яркие образы конституции, опробовали новаторские приемы воздействия на общественное мнение.

Конституция стала плодом острейшего кризиса, повлекшего за собой как экономические трудности, так и дестабилизацию политической системы. К 1787 г. необходимость реформ настолько назрела, что была очевидна всем. С тем, что центральная власть нуждается в усилении, соглашались даже антифедералисты. Тон газеты "*Massachusetts Centinel*" казался триумфальным: «Придите, о, противники реформ, и сообщите нам, каково состояние государственных финансов, каковы успехи... в выплате не то что самого национального долга, но хотя бы процентов по нему? Каковы наши возможности, если вторжение извне или мятеж внутри страны заставят призвать к оружию?»¹. Федералисты поначалу не ожидали серьезного противодействия. В юмористической профедералистской статье «Политический диалог» один из персонажей, Ворчун, представлявший противника конституции, жаловался: «Каждый, с кем я говорил, готов был вышибить мне мозги, если я скажу хоть слово против нее (конституции — М. Ф.)». Союз, воплощавший в диалоге позицию федералистов, утверждал, что удивляться тут нечему, ведь конституция принесет благо всем классам общества, «весь народ, находящийся на краю гибели, будет презирать и проклинать того несчастного, который посмеет порочить политического спасителя нашей страны»².

¹ Massachusetts Centinel. December 22, 1787.

² Political Dialogue, Massachusetts Centinel. October 24, 1787.

Федералисты вели весьма тщательный, по меркам XVIII в., мониторинг общественного мнения (случай, кажется, уникальный в истории всего столетия). Их письма, статьи, памфлеты полны оценок настроений тех или иных этнических, социальных, религиозных групп, перспектив ратификации в том или ином штате. Правда, эти оценки формировались скорее интуитивно, нежели на основе опросов. Особое внимание, естественно, уделялось позиции «лидеров мнения» — редакторов газет, влиятельных политиков и т.п. Однако федералисты сумели учесть опыт прошлых неудач и не упускали из виду позицию большинства граждан. Поначалу оценки были довольно оптимистичными. Г. Нокс в сентябре 1787 г. предполагал, что большинство граждан США сумеют здраво осмыслить ситуацию и принять верное решение, т.е. поддержать ратификацию³.

Собственно, пропагандистская кампания федералистов началась еще до того, как стало известно что-либо конкретное о содержании новой конституции, еще до завершения работы Конвента. Агитация в пользу конституции ведется и в ставших к тому времени традиционными речах по случаю 4 июля. Националист Дж. Брукс подчеркивал в своем выступлении перед массачусетскими «Цинциннатами»: «Среди различных причин нынешних несчастий нашей страны, возможно, ни одна не была столь существенной, как отсутствие сильного национального правительства»⁴. «Мы должны согласиться на перемены в правительстве», — убеждал другой оратор⁵.

Федералисты видели в конституции совершеннейший образец государственного устройства: «Федеральный план, подобно лунному диску, подлинному наблюдателю представится совершенным, хотя он и кажется покрытым небольшими пятнами»⁶. «Аристид»⁷

³ H. Knox to Unknown, September 1787 // Commentaries on the Constitution: Public and Private: 4 vols. / Ed. M. Jensen. Madison, 1981-86. Vol. 1. P. 280.

⁴ Brooks J. An Oration, Delivered to the Society of the Cincinnati in the Commonwealth of Massachusetts, July 4, 1787. Boston, 1787. P. 12.

⁵ Daggett D. An Oration Pronounced in the Brick Meeting-House in the City of New Haven on July 4, 1787. New Haven, [1787]. P. 21.

⁶ New Hampshire Spy. January 1, 1788.

⁷ Александр Конти Хэнсон, мэрилендский законодатель и судья. Pamphlets on the Constitution of the United States, Published during Its Discussion by the People, 1787-1788 / Ed. by P.L. Ford. N.Y., 1969. P. 223-224.

уверял, что если бы великий Монтескье мог ее прочесть, то, без сомнения, предпочел бы ее всем остальным. От конституции ждали, что она даст возможность выплатить государственный долг, столько лет тяготевший над Континентальным конгрессом, и укрепить обороноспособность страны; что она восстановит престиж США во внешней политике. Словом, от нее ждали всего, чего сторонники усиления центральной власти столь энергично и безрезультатно пытались добиться в рамках «Статей Конфедерации».

Первый и важнейший для самих федералистов образ конституции был ответом на угрозу дезинтеграции Союза. Хотя историки не считают ее реальной⁸, современники придерживались иного мнения. И политики, и журналисты в 1786–1787 гг. обсуждали сценарии раздела США на три-пять более мелких конфедераций⁹. И от конституции ожидали, что она станет инструментом консолидации общества. Депутат от графства Саффолк У. Филлипс доказывал, что неизбежным следствием отказа ратифицировать конституцию будет гибель Соединенных Штатов¹⁰. «Курций» гремел: «Дом, разделенный в себе самом, устоять не может. Наше существование как нации, как никогда, зависит от Союза, и его консолидация, вне всяких сомнений, обеспечит наше процветание, счастье и безопасность»¹¹.

Федералисты также не упускали возможности намекнуть на возможность расчленения отдельных штатов. Коннектикутец Дж. Хантингтон говорил о возможности того, что Массачусетс, Нью-Йорк и Род-Айленд разделят его штат между собой¹². Нью-

⁸ *Main J. T.* The Antifederalists. Critics of the Constitution. 1781–1788. Chapel Hill, 1961. P. 283–284. К. Мэтсон и П. С. Онаф, напротив, подчеркивают распространение страха перед распадом Союза накануне принятия конституции: *Matson C. D., Onuf P. S.* A Union of Interests: Political and Economical Thought in Revolutionary America. Lawrence (Kansas), 1990. P. 83–86.

⁹ R. King to J. Adams, November 2, 1785 // *Letters of Members of the Continental Congress* / Ed. E. C. Burnett. Washington, 1933. Vol. 8. P. 247; J. Monroe to the Governor of Virginia, August 12, 1786 // *Ibid.* P. 424–425; *Boston Independent Chronicle*, February 15, 1787; *New York Daily Advertiser*, March 24, 1787.

¹⁰ *The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution* / Ed. J. Elliot. Washington, 1836. (Далее: *Elliot's Debates*) Vol. 2. P. 68. Ср.: *Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джей Дж.* Федералист. М., 1994. С. 33.

¹¹ *New York Daily Advertiser*. September 29, 1787.

¹² *Commentaries on the Constitution*. Vol. 1. P. 107.

йоркские федералисты также распространяли слухи о возможном распаде своего штата. Вашингтон рассуждал: «Что лучше для штатов — объединиться или не объединяться? Если есть люди, предпочитающие второе, то, бесспорно, предложенная конституция будет в их глазах порочна от слов “Мы, народ” и вплоть до подписей»¹³.

По контрасту с угрозой дезинтеграции, рисовался образ обновленной, по-настоящему единой страны. Новый федеральный союз сравнивали с «канатом из 13 пряжей». “*Newburyport Essex Journal*” отмечал как достоинство будущей конституции: «Мы будем единым народом, и нами будут управлять единые законы от Нью-Гэмпшира до Джорджии»¹⁴. При этом подразумевалось не только усиление федеральной власти и прекращение пагубного соперничества отдельных штатов, но и исчезновение враждебных партий и группировок. От английской политической традиции американцы XVIII века унаследовали сугубо отрицательное отношение к такому феномену, как политические партии¹⁵. Интерес партии противопоставлялся общему благу, считался узкоэгоистическим¹⁶.

В 1789 г., после окончания ратификационной кампании, “*Maryland Journal*” предсказывала скорое исчезновение партийных различий в США¹⁷. “*New York Packet*” высказывала пожелание: «Мы искренне желаем, чтобы настало счастливое время, когда никто уже не

¹³ G. Washington to B. Washington, November 10, 1787 // *Washington G. The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799*: 39 vols. / Ed. by J. C. Fitzpatrick. Washington (D.C.), 1931–1944. Vol. 29. P. 310.

¹⁴ *Newburyport Essex Journal*. October 10, 1787 // *Commentaries on the Constitution*. Vol. 1. P. 361.

¹⁵ Г. Болингброк, одним из первых осмысливший феномен партии, определял ее как «некоторую общность людей, связанных друг с другом определенными целями и определенными интересами, которые не являются... целями и интересами всего общества». См.: *Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории*. М., 1978. С. 227.

¹⁶ *Robbins C. «Discordant Parties»: A Study of the Acceptance of Party by Englishmen // Absolute Liberty: A selection from the articles and papers of Caroline Robbins* / Ed. by V. Taft. Hamden (Conn.), 1982. P. 100-120; *Власова М. А. Партии в XIX веке как элемент политической культуры США // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли*. М., 2001. С. 97-99.

¹⁷ *Maryland Journal*, January 16, 1789.

вспомнит о ненавистных различиях виггов и тори, федералистов и антифедералистов. У всех нас одни интересы, одни обязанности»¹⁸.

Конституция представлялась и как альтернатива возвращению монархии¹⁹. Система сдержек и противовесов, положенная в основу новой системы правления, должна была помешать установлению деспотического правления или монополизацию власти в руках элиты. Т. Пикеринг отвергал предположения об «аристократическом» характере конституции: «Если человек обладает добродетелью и способностями, не имея при этом ни шиллинга, он все же может стать президентом Соединенных Штатов. Разве это похоже на аристократию?»²⁰ Федералистская статья в *“Pennsylvania Gazette”* уверяла: «Влияния великих людей следует опасаться в простых правлениях, где пустячный перевес зачастую опрокидывает чашу весов государства. В сложном правлении... таланты, амбиции и даже алчность великих людей так уравниваются, сдерживаются и противопоставляются друг другу, что могут лишь способствовать благу общества, подобно мельничному лотку, отводящему прочь воды, которые в противном случае произвели бы потоп и разрушение, так, что они придают всему краю плодородие, красоту и изобилие»²¹.

Конституция была закономерным и благополучным завершением революции. В одной из традиционных речей по случаю 4 июля, произнесенной в 1788 г., говорилось: «После столетий бесплодных попыток в других странах, наша страна являет первый пример совершенной революции в политике и правительстве, важнейшей, какая когда-либо отмечала прогресс человеческого сообщества, без пролития крови, без насилия и обмана»²².

Внутриполитическими следствиями значение конституции не ограничивались. Ее творцы и защитники видели в ней вызов всему миропорядку, основанному на глобальном господстве Европы. А. Гамильтон писал в «Федералисте»: «Политически и географически мир можно разделить на четыре части, каждая со своими особы-

¹⁸ New York Packet, March 3, 1789.

¹⁹ См., например: New Haven Gazette, August 2, 1787.

²⁰ T. Pickering to Ch. Tillinghast, December 24, 1787 // Commentaries on the Constitution. Vol. 2. P. 194.

²¹ Pennsylvania Gazette, September 26, 1787.

²² Hitchcock E. An Oration July 4, 1788. Providence, [1788]. P. 12.

ми интересами. К несчастью для трех из них, Европа своим оружием или дипломатией, силой или обманом установила свое господство над всеми ними. Африка, Азия и Америка последовательно ощутили это господство... Слишком долго эти высокомерные претензии европейцев подкреплялись фактами. На нашу долю выпало защитить честь человеческого рода и научить умеренности этого зарвавшегося брата. Создание Союза даст нам возможность сделать это»²³. Помимо средства укрепления Союза, конституция рисовалась как путь к экономическому процветанию. “*Boston Gazette*” утверждала, что принятие конституции будет большим благословением для США, чем если бы туда чудом перенеслись все сокровища Перу и Индии²⁴.

Важным элементом позитивного образа конституции был позитивный образ создавшего ее Конституционного конвента — «собрания полубогов», как выразился Т. Джефферсон. “*Pennsylvania Packet and Daily Advertiser*”, с самого начала занявшая профедералистскую позицию, всячески превозносила Конвент: «Подобное собрание просвещенных и честных людей, возможно, еще никогда не собиралось для решения политических вопросов ни в одной стране земного шара»²⁵. Ей вторил нью-йоркский «Цезарь»: «Разве мудрость Америки не была, так сказать, собрана в фокус, и разве предложенная конституция не была принята с единодушием, не имеющим себе равных в древней или современной истории? И разве сейчас мы можем придирааться к этому великолепному целому лишь потому, что некоторые его части, возможно, могли быть еще совершеннее? В таком поведении нет ни добродетели, ни патриотизма»²⁶. Явным успехом федералистов было то, что они сумели связать образ конституции с распространенным и достаточно глубоко укоренившимся культом Дж. Вашингтона. Известно было, что он поддержал конституцию. Ни у кого также не возникало сомнений, что в случае ратификации именно он станет первым президентом США. Федералист, подписавшийся «Человек из народа», торжествовал со страниц “*Massachu-*

²³ Федералист. С. 93.

²⁴ Boston Gazette. November 19, 1787.

²⁵ Pennsylvania Packet and Daily Advertiser. August 23, 1787.

²⁶ New York Daily Advertiser. October 1, 1787. См. также: Independent Journal. October 31, 1787; Федералист. С. 36; Hitchcock E. An Oration July 4, 1788. P. 13.

setts Centinel»: «Пусть только окажется, что Хэнкок, Вашингтон и Франклин одобряют новое правительство, и кто же тогда не примет его?»²⁷ “*Pennsylvania Gazette*” предлагала впредь именовать федералистов вашингтоновцами, а их противников — шейситами²⁸. Некий излишне ретивый федералист даже сочинил за Вашингтона целую речь, которую тот якобы произнес при подписании конституции. Вашингтон будто бы предсказывал, что, если конституция не будет ратифицирована, то в стране прольется кровь²⁹.

В символике «федеральных процессов», отмечавших ратификацию, конституция представлялась как рубеж между прошлым и будущим. При этом «план будущего», безусловно, преобладает: конституция изображается как прорыв в Утопию, в царство свободы, процветания, прогресса. Отсюда частое использование демонстрации технических новинок и соответствующие лозунги. В Филадельфии, например, многих наблюдателей восхитила платформа, сделанная «Обществом покровительства мануфактурам». На нее были водружены полученные недавно из Европы чесальные и прядильные машины для производства хлопчатобумажной ткани. Девиз гласил: «Пусть покровительство Союза защищает мануфактуры Америки»³⁰. «План прошлого» можно проследить в пародийном сценарии процессии «похорон антифедерализма» (опубликован в “*Massachusetts Centinel*” в 1789 г., реально, видимо, шествие не было организовано). Автор строит воображаемую процессию по привычной модели, но старается связать антифедерализм с отвергаемым прошлым, со всеми бедствиями Конфедерации, с которыми покончила ратификация конституции. Процессию должен был возглавлять Демон мятежа в колеснице, влекомой Лениью, Невежеством и Подлостью, а участвовать лидеры мятежа 1786 г. (сам Д. Шейс, Дж. Шэттук, Л. Дэй) и предатели революции (Б. Арнольд, С. Дин). План «нежелательного будущего» в форме распада Союза представляла фигура антифедералистского лидера П. Генри с девизом: «В создании двух конфеде-

²⁷ One of the People // *Massachusetts Centinel*. October 17, 1787.

²⁸ *Pennsylvania Gazette*. October 10, 1787. См. также: *Pennsylvania Gazette*. March 12, 1788. Шейситы — участники фермерского восстания Д. Шейса.

²⁹ *Ferling J. E.* The First of Men: A Life of George Washington. Knoxville, 1988. P. 366.

³⁰ *Foner E.* Tom Payne and Revolutionary America. N.Y., 1976. P. 207.

раций — все мои надежды на величие». Тут же присутствовала, продолжая смысловой ряд, символика упадка и разрухи прежней Конфедерации: английская ворона, выклевавшая глаза американскому орлу, заржавленный меч, сломанный плуг и т.п.³¹

Федералисты связывали с конституцией образ грядущей утопии и активно использовали контраст между ожидаемым «золотым веком» и мрачными прогнозами на случай отказа ратифицировать конституцию. “*Pennsylvania Gazette*” нагромождала серию ужасов, которые могли последовать, если новая конституция будет отвергнута: власть в Массачусетсе захватит Шейс; жители Нью-Джерси попросят принять их обратно под покровительство Великобритании; порты Европы и Вест-Индии закроются для пенсильванской пшеницы, и она будет гнить в амбарах; деньги потеряют всякую цену; Великобритания и Марокко разделят между собой Соединенные Штаты, причем пост губернатора Пенсильвании отдадут известному лоялисту Дж. Гэллоуэю, а Род-Айленд — предателю Б. Арнольду³². “*Massachusetts Centinel*” уверял, что в случае принятия конституции США станут для Европы предметом восхищения и зависти³³. «Курций» предсказывал наступление земного рая: «Если вы ратифицируете результат работы вашего конвента, это счастливое событие начнет эпоху, более уникальную по своей природе, более счастливую по своим последствиям, более интересную для философического ума, нежели все, что до сих пор породила политическая история человечества»³⁴. Жесткость противопоставления близкой утопии и столь же близкой угрозы позволяла федералистам игнорировать дефекты конституции и призывать общество поступать так же. Федералист из Коннектикута О. Эллусорт считал, что лишь принятие конституции, пусть она и несовершенна, предотвратит наступление в США гоббсовской «войны всех против всех»³⁵.

Антифедералист, писавший под псевдонимом «Ян де Витт», высмеивал сладостные грезы федералистов: «Некоторые говорят

³¹ A Parsonian // *Massachusetts Centinel*. February 11, 1789.

³² *Pennsylvania Gazette*. September 12, 1787.

³³ *Massachusetts Centinel*. October 17, 1787.

³⁴ *New York Daily Advertiser*. September 29, 1787.

³⁵ *The Documentary History of the Ratification of the Constitution*: 21 vols. / Ed. by M. Jensen. Madison, 1976–2005. (Далее: DHRC). Vol. 3. P. 477.

нам, что, приняв эту новую конституцию, мы станем всем сразу. Наши внутренние и внешние долги будут легче перышка; корабли всего мира заполнят наши порты, выпрашивая у нас наши товары; наши мануфактуры будут плодиться и множиться; короче говоря, даже если мы сядем сложа руки, все равно наша страна превратится в подобие благословенного Ханаана, в страну, текущую млеком и медом»³⁶. Историк и драматург Мерси Уоррен иронически пророчила наступление «золотого века» федерализма: государственный долг будет, конечно, выплачен, и «сей счастливый уголок земного шара» сполна насладится великолепием власти, и народ будет эту власть обожать... и лишь позже придет отрезвление и осознание, что ратификация конституции была непоправимой ошибкой³⁷.

В воображении антифедералистов конституция отнюдь не была «великолепной», она приобретала монструозные формы. Ньюйоркцу Меланхтону Смитсу она виделась «грозным и ужасающим чудищем огромной силы, с железными клыками, которое пожирает, раздирает на куски и попирает останки ногами»³⁸. Виргинец У. Грэйсон писал о конституции: «Кажется, ее создали, перемешав вместе различные идеи, вроде того, как писались поэмы на свифтовском летающем острове»³⁹. Автор, подписавшийся *Sentinel*, придавал творению Филадельфийского конвента inferнальный оттенок: «Злой дух тьмы председательствовал при ее рождении. Она появилась под покровом тайны. Ее подлинные черты тщательно скрывались. Все уловки обмана использовались и используются, чтобы представить это отродье законным отпрыском божественной свободы»⁴⁰.

Антифедералисты пытались нейтрализовать алармистскую риторику оппонентов. Так, «*Freeman's Journal*» призывала читателей не доверяться нагромождаемым федералистами мрачным предсказаниям и приводила в назидание пример афинского оратора, который

³⁶ John DeWitt // *American Herald* (Boston). October 22, 1787.

³⁷ M. Otis Warren to S. A. Otis, December 1787 // DHRC. Vol. 5. P. 563.

³⁸ Elliot's Debates. Vol. 2. P. 225.

³⁹ W. Grayson to W. Short, November 10, 1787 // *Commentaries on the Constitution*. Vol. 2. P. 83.

⁴⁰ Philadelphia Independent Gazetteer. November 30, 1787.

столь ярко расписал несчастья человеческой жизни, что половина его слушателей ушла домой с твердым намерением повеситься⁴¹.

В то же время сами антифедералисты определенно преуспели в конструировании массовых страхов, связанных с новой конституцией. Некий федералист из Северной Каролины, разоблачая махинации противников на западе своего штата, перечисляет целый набор таких типичных слухов: «Они запугали народ идеей, что существует план установить монархию — отдать нас под власть Франции — ввести римско-католическую религию — уничтожить свободу печати — построить высокую стену вокруг десятимильного округа (предполагаемого местопребывания правительства), где будет размещен сто-тысячный гарнизон... и множеством подобных злобных нелепиц. Вы легко можете предположить, что подобные искаженные представления оказали задуманное действие на невежественных и неграмотных людей. В результате внутренние графства яростно противодействуют тому, что явным образом должно способствовать их собственным интересам и счастью»⁴².

Удаленность власти антифедералисты воспринимали как угрозу. Мэрилендец Л. Мартин подозревал, что целью составителей конституции было «возвысить правителей над общим стадом человечества, осыпать их богатствами, окружить их почетом и славой, а это... повлечет за собой самое унижительное и жалкое рабство их сограждан»⁴³. Это пробуждало острый страх американцев революционной эпохи перед узурпацией власти со стороны небольшой группы людей, перед установлением деспотизма. Антифедералист из Массачусетса Э. Синглтэри уверял: «Эти законники, ученые люди и богатеи, которые так красно говорят... надеются... забрать себе всю власть и все деньги. А тогда они проглотят нас, маленьких людей, как великий Левиафан, как кит проглотил Иону!»⁴⁴.

Массачусетский федералист Руфус Кинг не без оснований сетовал на оппонентов: «Их возражения не касаются отдельных частей

⁴¹ Freeman's Journal. October 17, 1787.

⁴² Extract of a Letter from North Carolina // Pennsylvania Gazette. June 18, 1788.

⁴³ The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. by M. Farrand. New Haven; London, 1911. Vol. 3. P. 291.

⁴⁴ Elliot's Debates. Vol. 2. P. 102.

конституции. Их противодействие, кажется, вызвано непоколебимой убежденностью в том, что против них плетется какой-то заговор; что [предложенная] система — детище богатых и властолюбивых; что они предвидят ее результат; что результатом будет установление в штате двух сословий: одно охватывает состоятельных и могущественных, другое — бедных и неграмотных»⁴⁵.

С точки зрения антифедералистов, их страхи подтверждались как структурой самой конституции, так и особенностями ее создания. «Брут младший» так описывал состав Филадельфийского конвента: «Многие из них разделяют крайне аристократические идеи и беспредельное презрение к простому народу. Немалое число сильно расположено в пользу монархии. Там были люди немалых талантов и влияния, законченные ловкачи и мастера интриги, которых война застала бедняками, а оставила с княжескими состояниями, нажитыми на государственной службе... Были там и другие, молодые, пылкие и амбициозные. Они желали правительства, отвечающего их чувствам, но не имели опыта, который является надежнейшим проводником в политических делах»⁴⁶.

Результат работы подобного собрания был вполне предсказуем. Антифедералисты описывали предлагаемую политическую систему как едва замаскированную монархию. «Катон» негодовал: «Не так давно каждый американский виг свидетельствовал свое страстное отрицание монархии, хотя бы даже ограниченной... А чем же этот президент со всеми своими прерогативами и полномочиями так уж существенно отличается от короля Великобритании?»⁴⁷.

Едва ли не каждая клаузула конституции, как казалось антифедералистам, способствовала установлению тирании. Основной аргумент антифедералистов сводился к тому, что слишком ограниченный по численности Конгресс станет представительством одного только высшего класса. Их идеалом было так называемое «зеркаль-

⁴⁵ R. King to J. Madison, January 27, 1788 // *Rives W. C. History of the Life and Times of James Madison*: 2 vols. Freeport (N.Y.), 1970. Vol. 2. P. 522-523.

⁴⁶ New York Journal. November 8, 1787.

⁴⁷ The Complete Anti-Federalist: 7 vols. / Ed. by H. J. Storing. Chicago; London, 1981. Vol. 2. P. 115. См. также: An Old Whig // New-York Journal. December 11, 1787; A Farmer and Planter // Maryland Journal, and Baltimore Advertiser. April 1, 1788.

ное представительство»: состав законодательного органа должен был включать основные классы общества и таким образом быть зеркальным отражением его структуры. Пенсильванские антифедералисты считали, что Конгресс должен «обладать теми же чувствами, мнениями и взглядами, которые выразил бы сам народ, если бы он весь собрался»⁴⁸. «Ян де Витт» продолжает эту мысль. Критикуя конструкцию Палаты представителей, он пишет: «Можно ли сказать, что это собрание представляет мнение народа? Разве депутаты хотя бы одной чертой напоминают народ?»⁴⁹

Однако эти вполне разумные соображения активизируют иррациональный по сути страх перед делегированием власти. В антифедералистской прессе можно встретить на этот счет самые диковинные умозаключения. Каким образом, например, право Конгресса «вводить и взимать налоги, пошлины, сборы и акцизы, для того чтобы выплачивать долги и обеспечивать совместную оборону и общее благоденствие Соединенных Штатов» (ст. 1, разд. 8) может угрожать свободе слова и свободе вероисповедания? Однако «Тимолеон» эту связь устанавливает. Ведь Конгресс при этом получит право решать, что именно способствует «общему благоденствию»! И разве можно сомневаться, что он этим правом злоупотребит? «Отсюда со всей очевидностью следует, что, если проповедники и журналисты будут причинять беспокойство новому правительству и, по мнению правителей, общему благоденствию будет способствовать ограничение или подавление тех или других, то это можно будет сделать в полном соответствии с новой конституцией»⁵⁰.

Федералисты, как уже говорилось, считали, что предотвратить такой сценарий должна система разделения властей, продуманная организация сдержек и противовесов. У виргинца П. Генри, однако, она вызвала лишь презрение: «Какая польза может быть от ваших показных, воображаемых противовесов, ваших пляшущих на канате, погремушечных, бестелесных сдержек и прочих затей?»⁵¹.

⁴⁸ Pennsylvania Packet and Daily Advertiser. December 18, 1787.

⁴⁹ John DeWit // American Herald (Boston). November 5, 1787. См. также: Brutus // New York Journal. November 15, 1787.

⁵⁰ New York Journal. November 11, 1787. См. также: Brutus // New York Journal. October 18, 1787, December 13, 1787.

⁵¹ Elliot's Debates. V. 3. P. 54.

Более надежной гарантией антифедералисты готовы были признать Билль о правах, но именно его в конституции не было. Этот серьезный недостаток конституции антифедералисты использовали особенно часто. Виргинский антифедералист Дж. Мэйсон предложил антифедералистскому движению лозунг: «В конституции нет Билля о правах!»⁵². Суммируя эти доводы, «Ликург» доказывал, что демократические элементы конституции — фикция. Палата представителей не переизбирается ежегодно и к тому же находится под контролем Сената и президента. Штаты скоро будут поглощены федеральной властью, а Верховный суд сумеет подавить все движения протеста. Свобода прессы, свобода слова и *Habeas Corpus* конституцией не гарантируются!⁵³. Эти страхи усугублялись распространенным в XVIII в. убеждением: нельзя вернуть свободу, утраченную однажды. В подтверждение необратимости установления деспотизма ссылались на пример Франции: протесты французов против тяжелых налогов не привели ни к чему. Они и не могли быть успешными, пока в распоряжении правительства была армия и Бастилия⁵⁴.

Даже массовая поддержка, которую смогли завоевать федералисты, казалась противникам конституции не выражением воли народа, а свидетельством морального падения американцев. Мерси Уоррен опасалась за будущее своей племянницы: «Бедная девочка! Говорят, что ее пол обречен на рабскую долю, но я надеюсь, что ее тяжкая участь не станет вдвое тяжелее — она не окажется замужем за рабом. Мне представляется, что нынешнее поколение быстро идет к этому позорному положению. Им не хватает принципов, чтобы сохранить независимый и почтенный характер своих предков. Это видно по их готовности принять новшества сочинителей систем, пусть даже они куют цепи в кузне какого-нибудь деспота или мастертят что-нибудь еще более нелепое для аристократической хунты»⁵⁵.

⁵² Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М., 1980. С. 148. См. также: Lee R. H. The Letters: 2 vols. / Ed. by J. C. Ballagh. N.Y., 1970. Vol. 2. P. 442, 445.

⁵³ Independent Gazetteer (Philadelphia). October 17, 1787. Автор неизвестен.

⁵⁴ Freeman's Journal. March 5, 1788. Автор статьи, конечно, не мог предполагать, что до падения Бастилии осталось менее полутора лет.

⁵⁵ M. Otis Warren to S. A. Otis, December 1787 // DHRC. Vol. 5. P. 562.

Все это позволяло антифедералистам конструировать сугубо негативный образ конституции, приравнивая ее ратификацию к гибели свободы и всех завоеваний революции. В то же время бесспорной их слабостью оказалось отсутствие позитивной альтернативы. Они могли предложить Америке лишь сохранение уже скомпрометировавшей себя Конфедерации.

При анализе образов конституции, сложившихся у современников, бросается в глаза ожидаемая полемическая заостренность и использование приемов манипуляции сознанием. Федералисты, например, охотно прибегают к давлению авторитета, созданию жестких альтернатив (конституция/анархия, конституция/хаос), призванных убедить общество принять новое правление без критики. В антифедералистской пропаганде широко используется воздействие на существующие стереотипы, заимствованные из английской традиции (постоянная армия — угроза свободе; ежегодные выборы — основа республиканизма и т.п.). Аргументы, в принципе не подлежащие сомнению в рамках культуры, сложившейся на тот момент в США (монархия опасна), используются как довод для обоснования утверждений, никак из них не вытекающих (поэтому конституция пагубна). Иногда доходит до явно абсурдных утверждений: говорили о недопустимости единоличной исполнительной власти, хотя именно такая власть существовала в каждом штате.

Нью-йоркский парусинник С. Аллен демонстрирует, как воспринимались изощренные аргументы враждующих партий за пределами круга образованной элиты. В его изображении доводы антифедералистов выглядели так: «На самом деле, в наших интересах оставаться независимыми и чтобы мы (т.е. штат Нью-Йорк — М. Ф.) не отсылали наши большие доходы в казну Соединенных Штатов, а использовали их к собственной выгоде». Сам он, впрочем, склонялся на сторону федералистов: «Мне думалось, что, случись война или внутренние беспорядки при старой конфедерации, мы были бы разобщены, но в Союзе будем сильны и готовы отразить любой удар. А то, что мы теряем в доходах, полностью вернется к нам в виде расширения нашей торговли и деловых связей»⁵⁶.

⁵⁶ The Autobiography of Stephen Allen // *Keepers of the Revolution: New Yorkers at Work in the Early Republic* / Ed. by P. A. Gilje, H. B. Rock. Ithaca — London, 1992. P. 124.

По-видимому, так рассуждали многие американские механики. Именно в городах федералисты получили массовую поддержку. Об этом свидетельствуют данные о многочисленных митингах в поддержку конституции. На редкость многочисленными для Америки конца XVIII в. были «федеральные процессии». Так, в Филадельфии в такой процессии приняли участие 5-6 тыс. чел. (около $\frac{1}{8}$ всего населения), в Нью-Йорке — 5 тыс. (около $\frac{1}{4}$ всего населения), в Бостоне — 4 тыс., в Балтиморе — 3 тыс., в Чарльстоне — 2,8 тыс.⁵⁷ Граф де Мустье характеризовал общественное мнение в США таким образом: «Новая конституция кажется исцелением от всех зол, от которых стонут Соединенные Штаты. Радость большинства особенно ярко проявляется в публичных празднованиях. В разных городах прошли процессии, представлявшие все классы граждан»⁵⁸. Наконец, массовую поддержку конституции демонстрируют первые федеральные выборы 1788–1790 гг. Особенно ярким был случай Массачусетса, где мало кому известный в то время молодой политик Фишер Эймс сумел опередить в электоральной гонке самого Сэмюэля Адамса — и только потому, что последний был скомпрометирован в глазах избирателей своей оппозицией конституции. Историк Дж. Ч. Миллер насчитывал в Первом федеральном конгрессе лишь 8 антифедералистов, Ф. Макдональд — 13⁵⁹.

Своим успехом федералисты были обязаны, среди прочего, сконструированному ими привлекательному образу будущего, которое ожидает Америку в результате принятия конституции.

⁵⁷ *Young A. F.* English Plebeian Culture and Eighteenth-Century American Radicalism // *The Origins of Anglo-American Radicalism* / Ed. by M. Jacob, J. Jacob. L. e.a., 1984. P. 186.

⁵⁸ Comte de Moustier to Comte de Montmorin, August 2, 1788 // *The Documentary History of the First Federal Elections, 1788–1790: 4 vols.* / Ed. by M. Jensen e.a. Madison, 1976–1989. Vol. 1. P. 58.

⁵⁹ *Miller J. C.* The Federalist Era, 1789–1801. N.Y., 1960. P. 4-6; *McDonald F.* The Presidency of George Washington. Lawrence, 1974. P. 7-8.

К. И. ШНЕЙДЕР

ОБРАЗЫ ЗАПАДА И РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАННИХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ*

История русского либерализма напоминает лабиринт, из которого легче выйти, нежели обнаружить его начало. Иначе говоря, в настоящее время любой исследователь неплохо знаком с периодом существования русской либеральной традиции начала прошлого века, тогда как проблема ее генезиса остается весьма привлекательным научным призом для современных специалистов. Эта ситуация вполне естественна в силу того, что очень сложно определить время появления, персональный состав и концептуальное содержание первоначального варианта любого интеллектуального феномена. Именно поэтому ранний русский либерализм до сих пор остается дискуссионным сюжетом для профессиональных историков.

Автор придерживается версии о том, что во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. в отечественной общественной мысли впервые появился полноценный, национально адаптированный вариант русского либерализма, генетически связанный и выросший из умеренного западничества. В первом ряду его основателей расположились могучие фигуры К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, ставшие идейными наследниками одного из ключевых персонажей в истории русского западничества Т. Н. Грановского. Однако не менее интересен и второй эшелон ранних либералов, представленный именами П. В. Анненкова, И. К. Бабста, В. П. Боткина, А. В. Дружинина, Е. Ф. Корша. Именно они определили экономический, отчасти политический и эстетический облик «либерального первенца», о чем говорят их многочисленные теоретические работы, опубликованные в периодических изданиях середины века.

Ранний русский либерализм стал результатом разработки либералами концепции «просвещенного абсолютизма», в которой неог-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Франко-Российского Центра общественных и гуманитарных наук в Москве.

раниченная власть монарха соединялась с представлением о законном правлении. Появившись в России во второй половине XVIII в., «просвещенный абсолютизм» (возможно, более удачным является термин «просвещенное самодержавие») предполагал наличие доброй воли самого государя, его стремления опереться на законы и ограничить ими собственную власть. В середине XIX в. либералы актуализировали концепцию «истинной монархии» Ш. Л. Монтескье применительно к России, в соответствии с которой правящий режим может быть исключительно просвещенным. В противном случае государство обрекало себя на историческое прозябание, чреватое непредсказуемыми социальными потрясениями в будущем. Таким образом, ранние русские либералы надеялись на новый этап реформ «сверху», а-ля Петр I, посредством политики системной европеизации России и преобразования на сей раз всей внутренней жизни империи. При этом главная роль в реализации столь грандиозных планов отводилась просвещенному, самодержавному государству, которое по логике событий изживало само себя, превращаясь в конституционную монархию. В целом, в исторических условиях России середины XIX в. ранний русский либерализм являлся, скорее всего, формой интеллектуальной утопии, пронизанной элементами как консерватизма, так и становящейся либеральной идеологии.

Значительное место в рассуждениях ранних русских либералов отводилось анализу западной цивилизации и перспективам европеизации России. Для них исторический успех Запада являлся единственным гарантом оптимистического сценария развития собственной страны. Поэтому «правильный» маршрут движения российского государства постоянно сверялся ими с европейской траекторией, что предполагало глубокую рефлексию по поводу национальных особенностей России в периоды длительных командировок и путешествий за границу. Как русские либералы середины XIX века представляли современный им Запад? И как выглядит Россия в либеральном дискурсе отечественных европейцев? Ответам на эти непростые вопросы, затрагивающие проблему самоидентификации раннего русского либерализма, посвящена предлагаемая статья.

Географический Запад для ранних либералов включал в себя континентальную Европу и Англию. Трансатлантические апелляции к Америке появлялись крайне редко и не имели содержательного

контекста. По частоте упоминаний перечень европейских стран в работах либеральных мыслителей начинался с Англии и Франции и дополнялся Германией, Испанией, Россией и т.д. При этом первые два государства получили у них бессрочный кредит доверия и самые горячие симпатии. Англия и Франция в разной степени определяли, по мнению русских либералов, маршрут цивилизационного развития. «Англичане в течение всей своей истории стремились преимущественно к утверждению личных прав и основанной на них свободы, Французы — к установлению порядка и равенства, к единству народной жизни...»¹, — акцентировал внимание на естественно-историческом происхождении у них базовых либеральных ценностей Б. Н. Чичерин. Не случайно в раннем русском либерализме отчетливо прослеживалось деление на англоманов и франкофилов.

Англичане добились выдающихся успехов в экономическом и, особенно, в политическом развитии. Русские либералы восхищались достижениями политэкономической мысли А. Смита и его учеников, а также являлись адептами манчестерской школы с ее идеалами промышленной и торговой свободы, государственного невмешательства в экономику. Известный англоман В. П. Боткин утверждал: «Политическая экономия, на которую романтики и люди феодальные смотрели как на науку слишком материальную, лавочную, как на науку торгашей, в наше время стала наукой государственного управления, и Англия доказала высокую степень своей цивилизации особенно тем, что поставила законы политико-экономические в основу своего государственного управления»². Но еще более восторженный отклик у ранних либералов вызывала британская политическая система с ее парламентской составляющей, законами, исторически сложившимся балансом между аристократизмом и представительным началом, сильным иммунитетом против радикализма.

Русские либералы середины XIX в. искали причины успешного развития европейских государств-лидеров, прежде всего Англии, в древней истории. Среди основных благоприятных условий они называли ярко выраженное личностное начало, его доминирование в общественной структуре раннего социума. «На Западе лицо, человек, с самого начала на первом плане. От того средневековая жизнь и

¹ Чичерин Б. Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 161.

² Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 102-103.

оставила после себя столько живых воспоминаний, столько гордых памятников. И от того эти воспоминания так живы, эти памятники так горды, что на них неизгладимая печать творческого гения человека»³, — писал К. Д. Кавелин. С течением времени личность не утратила своего общественного статуса и сумела вписаться в процесс формирования государственного быта средневековой Европы. Одной из особенностей развития западных народов в средние века была, по мнению ранних русских либералов, имплицитно присутствовавшая в обществе идея оппозиции монархическому началу, с которым различные социальные группы населения стремились вступать в договорные отношения. Наибольших успехов на этом пути удалось добиться Британии, выработавшей уникальный исторический опыт разрешения социально-политических конфликтов.

Важную роль в достижении этой цели сыграла английская аристократия, ставшая предметом истинного уважения в среде русских либералов. В частности, Б. Н. Чичерин, пустивший немало критических стрел в ее адрес, все же отдавал должное исторической мудрости представителей благородного сословия, которые поняли, что «...одним нельзя быть свободными без свободы других, ...что, по требованию общественной справедливости, один класс не должен быть безмерно отягощен против другого. Это добровольное уничтожение феодальных прав и преимуществ составляет одну из самых блестящих и благородных страниц английской истории; а между тем оно произошло без шума, без народных движений, без государственных переворотов, так что и следа почти не осталось в летописях»⁴. Столь высокую оценку политической и общественной деятельности британской аристократии крупнейший отечественный либеральный мыслитель XIX столетия подкреплял рассуждениями о ее стабилизирующем положении в социальной структуре и политической системе Англии. Несмотря на очевидное неравенство в обществе, искренне возмущавшее Б. Н. Чичерина, аристократический дух, который господствовал во всех правительственных учреждениях страны и в повседневной практике, британское благородное сосло-

³ Кавелин К. Д. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных / Сочинения К. Д. Кавелина. М., 1859. Ч. 2. С. 56.

⁴ Чичерин Б. Н. Очерки Англии и Франции. С. 12.

вие, по его мнению, постоянно заботилось о преодолении нищеты и бедности, занималось благотворительностью, стремилось вовлечь массы в орбиту политической жизни, принимало взвешенные законодательные решения. Кроме того, будучи самой образованной частью населения, оно выступало инициатором распространения просвещения и выполняло культуртрегерскую функцию.

Благородная историческая миссия английской аристократии находила горячую поддержку в среде ранних русских либералов. Так, все тот же В. П. Боткин, щедро раздававший комплименты британцам, писал: «Величайшая деликатность, изящная простота и безыскусственность английского хорошего общества непременно многим обязана английскому идеалу джентльменства. Прививаясь с ребячества, он незаметно входит потом в принцип общественной жизни и делается ее регулятором»⁵. Эстетическая нормативность повседневной жизни и красота человеческих взаимоотношений являлись неизменными атрибутами жизнедеятельности отечественной либеральной среды середины XIX столетия. Многие из ранних либералов были профессиональными экспертами в вопросах истории изящных искусств и публиковали статьи о германской и итальянской музыке, английской драматургии, немецкой и русской литературе. Поэтому их печатные тексты, переписка и личные документы нередко насыщены интеллектуальной риторикой и сложными речевыми оборотами. Скорее всего, это дань европейской моде, которой значительная часть либералов-западников стремилась следовать и подражать. Вполне вероятно, что русские либеральные мыслители идентифицировали себя с рафинированной частью британской и французской элиты и считали себя ее миссионерами.

Другими слагаемыми исторического успеха англичан отечественные либералы называли гласность, общественное мнение и системный контроль общества за деятельностью властей: «Настоящий, серьезный контроль над действиями правительства и над самим парламентом совершается в общественном мнении, представителем которого служат все органы гласности. Преклоняться перед общественным мнением считает своим долгом всякая власть в Англии. Так как в нем одном преимущественно отражаются нравственные ин-

⁵ Боткин В. П. Две недели в Лондоне / Сочинения. СПб., 1890. Т. 1. С. 291.

стинкты и умственная цивилизация общества, то подчиняясь ему как своему высшему авторитету, Англия тем самым находится в положении особенно выгодном и нормальном»⁶. Присутствием недремлющего «общественного ока» В. П. Боткин объяснял умеренность сословных притязаний британской аристократии и устойчивость парламентской системы страны. Кроме того, гласность ранние либералы напрямую связывали с культом законности и рационализма в Англии, имея в виду неприятие обществом произвола в любой форме, а также здравый смысл и необходимость подчиняться принятым решениям. Иными словами, личность и собственность поданного английской короны были надежно защищены от различного рода посягательств, и это делало его законопослушным и рациональным в выборе модели поведения. В конечном счете, на этой основе сформировался британский характер, отличавшийся, как полагали русские либералы, деловитостью и основательностью, целеустремленностью, невосприимчивостью к отвлеченным философским понятиям, практицизмом и глубоким уважением к общественным нормам и правилам, освященным авторитетом закона.

Они отмечали, что сама история приготовила англичан к роли политического лидера с образцовой системой парламентаризма. «Я видел перед собой издавна вошедшую в нравы и в обыденную жизнь политическую деятельность великого народа, гордого своей свободой, носящего в себе славные предания, не стремящегося уже к приобретению новых прав, но спокойно уверенного в прочности приобретенного, уважающего власть, но чуждого всякой тени раболепства»⁷, — восхищался Б. Н. Чичерин. Несмотря на критическое отношение к социальному неравенству, элитизму и чрезмерной любви к традиционным формам и институтам в Англии, он считал британские парламентские учреждения высшим идеалом политической свободы, достойным подражания во всем остальном мире, а публичное и гласное судопроизводство приводило его в восторг. Можно предположить, что Б. Н. Чичерин и другие либералы середины XIX в. рассматривали Британию в качестве уникального продукта исторического развития, который невозможно повторить или перенести на иную национальную почву. Страна с уже забытой револю-

⁶ Там же. С. 303.

⁷ Чичерин Б. Н. Очерки Англии и Франции. С. 108.

цией, застывшая в чопорном величии своих недостижимых достижений, Англия казалась ранним русским либералам, скорее монументальным памятником рациональному социуму, уютной гаванью для сибаритов, нежели местом будущих исторических экспериментов.

Отличным от образа Великобритании было у них восприятие французской действительности. Истоки его коренились в разном отношении отечественных либералов к средневековой истории Англии и Франции, когда первой удалось создать основы общественной самостоятельности и отлить их в законодательные формы, а второй нет. Согласно версии Б. Н. Чичерина, во Франции «вся история вела к созданию единого крепкого народа, единого общественного тела, состоящего из сплошной массы граждан и организованного по одной системе. В ней централизация всегда останется преобладающим началом, несмотря на волнения партий и на перемены политических принципов»⁸, в отличие от британской исторической традиции. Казалось бы, с либеральной точки зрения французы вряд ли могли претендовать на роль лидера в политическом обустройстве европейской цивилизации, являясь примером этатистской модели развития. Однако подобные рассуждения вызвали целую дискуссию в либеральной среде во второй половине 1850-х гг. о преимуществах и недостатках централизации в государстве. В частности, Б. Н. Чичерин и Е. Ф. Корш, соредaktor журнала «Атеней», выступили апологетами сильной верховной власти и французской версии государственного строительства, тогда как К. Д. Кавелин солидаризировался с англо-маном М. Н. Катковым, редактором «Русского вестника», и не принял идеи централизма. Следует отметить, что уже в период полемики отчетливо проявилась характерная черта раннего русского либерализма — стремление соединить сильную власть и закон, просвещенное государство и либеральные ценности.

Автором этого конструкта был Б. Н. Чичерин, который с конца 1850-х гг. пытался опереться на французский исторический опыт. Вероятно, его воодушевляла блистательная история Франции конца XVIII – первой половины XIX в., казавшаяся ему непревзойденным примером успешной деятельности сильного и просвещенного государства, способного осуществить мечту о либеральной модернизации.

⁸ Там же. С. 272-273.

ции в обществе. Он восхищался «движением умов» старых французских интеллектуалов и политической мобильностью населения. Наконец, Б. Н. Чичерина привлекали обаятельные черты национального характера, который «...как будто бы создан для того, чтоб действовать на окружающую среду. Этому способствуют общительность нрава, которая не допускает французов сосредоточиться на своей народной особности; свойства французского ума, ясного, точного, положительного, склонного скорее ограничиться тесным объемом, нежели вдаваться в туманные отвлеченности, но который все обобщает, все делает доступным самому простому пониманию; наконец способности даровитой природы — сила возбуждения к новому, сила сарказма против старого, и этот неотразимый смех, составляющий национальную принадлежность французов...»⁹.

Скорее всего, Чичерин отдавал предпочтение французской модели развития в силу своей веры в безграничные возможности просвещенного государства как единственного легитимного гаранта социальной стабильности в условиях общественных перемен. Будучи ярким представителем «государственной исторической школы», он скептически относился к децентрализации власти и игре частных интересов в Англии, все больше увлекаясь идеей формирования сильного политического центра. В первой половине 1860-х гг. именно Чичерин окончательно сформулировал базовые теоретические положения раннего русского либерализма, ставшие результатом интеллектуальных усилий автора по адаптации концепции «истинной монархии» к национальным условиям самодержавной России.

Остальную территорию Европы русские либералы рассматривали в качестве политической периферии западной цивилизации, отталкиваясь при этом не от географического принципа, а от уровня общественной организации и перспектив исторического развития того или иного социума. Поэтому достаточно сложно отыскать в отечественной либеральной среде середины XIX в. восторженные отзывы о других европейских странах, за исключением этнографических зарисовок, сделанных во время заграничных путешествий. В остальном русские либералы часто выступали их критиками. В частности, сибарит и «неженка» В. П. Боткин весьма резко писал: «Я не

⁹ Там же. С. 274.

могу жить в Германии, потому что немецкая общественность не соответствует ни моим убеждениям, ни моим симпатиям, потому что нравы ее грубы, что в ней мало также действительности и реальности, и так далее...»¹⁰. При этом Германия, для многих ранних русских либералов-гегельянцев, являлась территорией интеллектуального роста, особенно во время их командировок в период подготовки к научной и преподавательской деятельности. И все же им было непросто адаптироваться в условиях немецкой социокультурной среды, начиная с Т. Н. Грановского и заканчивая Б. Н. Чичериным.

Некоторые европейские государства заслужили внимание со стороны русских либералов исключительно благодаря их собственным путевым заметкам. Появился особый жанр «письма из-за границы», популярный в либеральной среде середины XIX столетия.

Первой ласточкой стали знаменитые «Письма об Испании» В. П. Боткина. Правда сам автор признавался, что решился напечатать их в журнале «Современник» по причине финансовых затруднений и посему всячески старался увеличить объем материала, однако это обстоятельство несколько не умаляет содержательных достоинств известного труда. Испанию В. П. Боткин относил к забытой европейской периферии, отстраненной «от того движения, которое составляет почву новой истории Европы», движения, которое «николько не проникло в народ», что и явилось, по его мнению, основной причиной «удивительной неопределенности всех политических движений Испании»¹¹. Страна с неопределенной «политической физиономией» явно не вписывалась в идеальный тип европоцентристской модели русских либеральных мыслителей. «Средневековые одежды» надежно скрывали и сводили на нет все попытки модернизации испанского общества, и препятствовали, по их мнению, стадильному прорыву в группу государств-лидеров.

Автор «Писем об Испании» не видел удачных примеров как законотворческой деятельности испанских властей во имя великих целей европейской цивилизации, так и усилий, направленных на централизацию всего государственного организма. Иначе говоря,

¹⁰ Письмо В. П. Боткина — П. В. Анненкову. Москва. 19-го июля 1847 года // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка, 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 541.

¹¹ Боткин В. П. Письма об Испании. С. 78.

конституционные и этактистские идеалы в равной степени были чужды подавляющему большинству населения страны: «В Испании ни в какое время, ни в какой форме не было правительства: был только один произвол со всеми своими заблуждениями и личными страстями; никогда администрация не имела других законов, кроме собственного каприза и своих личных интересов. Так было прежде, то же и теперь. Три века правительственного безумства не прошли даром: тяжко легли они на благородной стране. Мудрено ли, что народ ее теперь равнодушно смотрит на все эти конституции, говоря про себя свое любимое... (что за нужда?). Он знает, что над всеми этими конституциями есть иная высшая власть — анархия»¹². Одновременно Боткин отмечал такую особенность социальной коммуникации в испанском обществе как эгалитарный характер повседневного взаимодействия всех групп населения, присутствие личностного начала, несмотря на очевидные имущественные различия. В результате знакомства с путевыми заметками Боткина возникает образ другой Европы, со средневековыми рыцарскими традициями, патриархальным бытом и признаками исторической инфантильности социума, не испытавшего влияния цивилизационных вызовов Нового времени.

В целом русские либеральные мыслители середины XIX в. являлись сторонниками европоцентризма в вопросах аксиологии исторического развития. Понятие цивилизации они напрямую связывали с образом Запада, географически ограниченного пределами Англии и Франции. Среди них легко найти англоманов и франкофилов и невозможно обнаружить горячих почитателей и поклонников других европейских государственных образований. Кроме многочисленных рациональных рассуждений социально-экономических и политических достоинств западных стран-лидеров, в их размышлениях постоянно присутствовала и важная социокультурная составляющая. Для них Великобритания и Франция — это территория внутреннего и внешнего комфорта, психологического и физического наслаждения, уюта и гармонии, место обитания интеллектуала-сибарита. Путешествие в «другую» Европу воспринималось ими либо как вынужденная деловая поездка

¹² Там же. С. 13.

(Германия), либо как этнографическая экспедиция в экзотический край (Испания).

В итоге образ Запада в представлениях русских либеральных мыслителей середины XIX в. был разделен на «места» и «местечки», на «землю обетованную» и остальное жизненное пространство, что давало импульс к формированию искаженной картинки утопического содержания. В частности, они достаточно произвольно конструировали имидж цивилизованного Запада, и, думается, англичанин или француз очень удивились бы собственному отражению в зеркале идеальной русской версии. Скорее всего, это явилось следствием своеобразного мироощущения ранних русских либералов, которое опиралось на «утопический реализм», генетически связывавший их с периодом классического западничества 1840-х годов¹³.

Собирательный образ России постоянно присутствовал в работах ранних русских либералов середины XIX века в неразрывном единстве и сопоставлении с Европой. Все они были согласны с идеей разных стартовых площадок в историческом развитии Запада и России. Наиболее отчетливо это выразил К. Д. Кавелин: «Наше движение историческое — совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить, рано или поздно, время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выравниваются»¹⁴.

Русские либералы отмечали раннее появление в западной истории наследственных поземельных договорных отношений, распространившихся там в силу оседлого образа жизни людей и регулировавших все основные социальные коммуникации. В то же время, в отечественной исторической практике долгое время сохранялась привычка к кочеванию и заключению временных согла-

¹³ См.: Шуккин В. Г. Русское западничество: генезис — сущность — историческая роль. Lodz, 2001.

¹⁴ Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю / Собрание сочинений К. Д. Кавелина. СПб., 1897. Т. 1. С. 581.

шений, доминировала личная зависимость по службе, не включавшая в свою орбиту большинство земледельческого народонаселения. Впоследствии, именно этим, по мнению либералов, можно было объяснить существенные различия в характере и природе государства в Европе и России, начиная еще с периода его образования: «То общественное устройство, которое на Западе установилось само собою, деятельностью общества, вследствие взаимных отношений разнообразных его элементов, в России получило бытие от государства; монархия сделалась исходной точкой и вожатаем всего исторического развития народной жизни. Народ помогал ей всеми силами в устройении отечества, но не столько собственной инициативой, сколько починяясь мановению сверху и неся на себе громадные тяжести для общего блага. Это историческое значение самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имела ни в одной европейской стране, и перед которой должны были исчезнуть всякие представительные учреждения»¹⁵, — утверждал Б. Н. Чичерин.

В вопросе о роли государства на ранних этапах обустройства общественной жизни народов Чичерин сравнивал Россию и Францию, отдавая первой несомненный приоритет в сложности и масштабности стоявших перед нею проблем выживания. Одновременно британский опыт он считал наименее пригодным для использования в практике российского государственного строительства. Будучи одним из основателей знаменитой «государственной школы» общественной мысли, Чичерин последовательно обосновывал тезис о спасительной миссии верховной власти в исторической судьбе России. При этом у него не было иллюзий по поводу непривлекательного имиджа российской государственной машины, с ее изначальной централизацией, произволом и вседозволенностью. Он прекрасно видел многочисленные отличия базовых принципов жизнедеятельности ведущих европейских стран, в которых утвердились юридические гарантии для подданных, от повседневного беззакония и всевластия российского Левиафана. Однако, по версии Чичерина, отечественная история так и не создала альтернативных сильному государству институтов жизнеобеспечения.

¹⁵ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 525.

Вместе с тем, очевидный этатизм русских либералов не исключал, а скорее предполагал реализацию программы европеизации государственного механизма, ориентированной на утверждение закона, свободы и расцвет личности в условиях самодержавия. Первым шагом по пути возвращения России из исторического небытия либералы считали результаты преобразовательной деятельности Петра I, которая привела к образованию российской империи и, тем самым, интегрировала страну в международное европейское пространство. Для них это стало очередным доказательством креативных способностей власти, действовавшей в одиночку в неблагоприятных условиях общественной индифферентности, но, тем не менее, сумевшей прочертить верный маршрут движения и создать необходимые предпосылки к восприятию достижений западной цивилизации.

В дальнейшем, как полагали ранние либералы, требовалось лишь воспользоваться предоставленной возможностью и превратиться в прилежного ученика в стенах «европейских университетов». На первых порах было трудно, и как заметил К. Д. Кавелин, начиная с XVIII и до первой четверти XIX веков «русское общество представляло странную, пеструю смесь европейского с древнерусским, нового с старым; оба элемента иногда сталкивались, чаще жили мирно один возле другого; учреждения, нравы, понятия, все носило на себе двойственную печать этих несогласных, лишь механически сосуществовавших начал, легко различаемых и отделяемых друг от друга, несмотря на их кажущееся слитие и близость»¹⁶.

Кроме того, либералы неоднократно сетовали на многочисленные издержки «обучения»: такие как раболепное преклонение русских перед всем иностранным, социальный иммобилизм просвещенной части общества, слабое, едва заметное развитие личного начала в повседневной практике населения. На фоне традиционного имперского курса центра и укрепления государственного влияния, все это лишь отдаляло перспективу достижения идеала «истинной монархии», в который русские либералы середины XIX века не переставали верить. С другой стороны, они не видели

¹⁶ Кавелин К. Д. О Петре I и его реформе // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 548. Карт. 2. Д. 37. Л. 4об.

реальной альтернативы постепенной европеизации России «сверху», через политику «просвещенного самодержавия» и приветствовали любые попытки властей начать очередной раунд преобразований в обществе.

В конечном счете, предпринятые «русскими учениками» усилия в процессе восприятия достижений западной цивилизации дали свои результаты. «Мы сделались подражателями, поклонниками, учениками Европы. В этой совершенной преданности, в этой горячности было много юношески-благородного; если хотите, было и много смешного. То и другое совершенно выражало нашу нравственную, духовную юность. Но мы хорошо сделали, что так ею воспользовались. Скажем беспристрастно: самоотвержение, с которым мы принялись учиться и образовываться, отсутствие ложного самолюбия, которое мы обнаружили, отбрасывая свои национальные и исторические предрассудки и строго судя самих себя, много говорят в нашу пользу»¹⁷, — утверждал К. Д. Кавелин.

Ранние либералы редко сомневались в правильности выбранной Россией еще в петровский период общеевропейской исторической судьбы и надеялись на распространение и укоренение на национальной почве западных либеральных ценностей. При этом они прекрасно осознавали всю выгоду настоящего положения страны, которая находилась в позиции наблюдателя, способного учесть все печальные уроки развития государств-лидеров. Еще Грановский отмечал, что «русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы, наблюдателями движения, и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю»¹⁸.

Одновременно ранние либералы подчеркивали такую привлекательную черту западной цивилизации, как способность объединять государства, но, вместе с тем, считаться с национальным раз-

¹⁷ Кавелин К. Д. Сборник исторических и статистических сведений о России... Ч. 2. С. 49.

¹⁸ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 241.

нообразием и особенностями других человеческих сообществ. Более того, они неоднократно критиковали безоглядный космополитизм тех европейцев, которые не уделяли достаточного внимания проблеме независимого и самостоятельного развития народов, пусть даже на основе общих с Западом либеральных ценностей. Однако еще в большей степени отечественные либеральные мыслители не принимали попыток своих оппонентов предъявить те или иные национальные отличия в качестве доказательств особого пути во всемирной истории. И в первую очередь это касалось рассуждений о России. В основном русские либералы середины XIX в. относили ее к числу европейских государств, обреченных на общую историческую судьбу и схожую стратегию развития в настоящем и будущем. Многие из либералов не разделяли мнения своих противников об унижительной для страны практике копирования западного опыта, искренне удивляясь постоянному стремлению и культивированию национальной обособленности. «Неужели обидно для нас, когда мы должны прийти к убеждению, что, оставаясь вполне самостоятельными, мы все-таки проходим и проходили те же эпохи исторического развития, как и остальные народы Европы. Не будь этого, мы были бы какими-то вырожденками человечества, и потому-то, вместо того, чтобы считать ту или другую форму нашей общественной жизни исключительно русской, не вернее ли, не основательнее ли справиться с историей»¹⁹, — писал профессор И. К. Бабст.

Высказывались и другие суждения по вопросу о соответствии «европейского эталона» отечественным реалиям. В среде либеральных мыслителей не часто, но все же появлялись размышления, опиравшиеся на идею разновекторности исторического развития России и Европы. Это могло быть как результатом сомнений в правильности собственного западнического мировосприятия и периодически возникавшей рефлексии по поводу привлекательных сторон славянофильской концепции, так и адекватным ответом на раздражавшую глаз и слух российскую повседневность того времени. В качестве примера вполне подойдет мнение А. В. Дружинина, который еще в 1845 г. не без основания пенял на жгучее желание все

¹⁹ Бабст И. К. Три месяца за границей. Письмо пятое // Атеней. № 4. 1859. С. 474.

и вся в отечественной общественной практике сверять с британским и французским опытом. Удивление и даже возмущение очевидным несходством форм и содержания внутреннего развития этих стран он объяснял единственно тем, что Россия просто «не похожа ни в чем на государства Европы, что она сформировалась иначе»²⁰.

Таким образом, на фоне, казалось бы, общепризнанной среди ранних либералов идеи о неизбежном преодолении первоначальных различий между Россией и Европой, периодически все же возникали сомнения в целесообразности объединения их в единую историко-культурную общность. Подобным настроениям в либеральных кругах в немалой степени способствовала накопившаяся психологическая усталость от затянувшегося периода «ученичества», а порой и плохо скрываемае неприязнь некоторых европейских «учителей», особенно немецких, к своим «воспитанникам». В конечном счете, появлялась дополнительная мотивация для распространения антизападных веяний в русском образованном сообществе. В частности, анализируя некоторые интеллектуальные тренды на рубеже 1840–1850-х гг., об этом достаточно образно писал П. В. Анненков. Он обращал внимание на «влияние кровной ненависти Европы к государству, которое никогда не жило с ней общей жизнью, вошло, как проходимец, в ее состав, помимо ее воли и гаданий, и располагает остаться на своем месте, не слушая ругательств и проклятий»²¹.

Все же Запад в представлениях ранних либералов оставался манящим оазисом процветания и мерилom настоящих и, в основном, будущих успехов российского государства. На фоне благополучной Европы они неоднократно рисовали образ маргинальной России, с ее внутренне разобщенной, неустроенной и архаичной повседневностью. Это проявлялось во всем, начиная с пестрого географического ландшафта и территориальной разнородности, заканчивая неопределенными жизненными идеалами. Одну их главных причин такого положения Б. Н. Чичерин видел в своеобразном восприятии русскими любого понятия. Он писал, что оно

²⁰ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 145.

²¹ Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. 1849–1868 гг. СПб., 1879. Отд. Второй. С. 346.

является нам непременно в безусловной форме и при этом «исчезают линии, которые отделяют его от смежных с ним областей». В конце концов, «мы не постигаем ни места, которое оно занимает в ряду других, ни отношения его к тем понятиям, которые находятся с ним в соприкосновении»²².

Ранние либеральные мыслители, комфортно чувствовавшие себя в европейском пространстве во время своих многочисленных путешествий, без труда могли представить всю сложность восприятия русских на Западе с их безграничностью, непредсказуемостью, социальным нигилизмом, отсутствием чувства меры и общепринятых норм повседневного существования. Пристально вглядываясь в отдельные территории огромной российской империи, либералы пытались обнаружить в ней островки европейской жизни и, вполне естественно, указывали на Царство Польское, с которого и начинался, по сути дела, «Большой Запад» для русского человека. «Одним словом, вы разом чувствуете неволью, что уровень цивилизации выше в Царстве Польском, и что ранее пахло на него европейскою образованностью, что потребности в целом народе и утонченнее и выше»²³, — писал И. К. Бабст. Однако за пределами границ западных губерний либералов часто вдохновляла лишь надежда на просвещенные меры центральной власти.

Подводя итог, можно с большой долей вероятности говорить о нескольких образах России, сложившихся в мировоззрении ранних русских либералов. Первый — географический сосед Европы, на начальном этапе не имевший с ней практически ничего общего и двигавшийся по своему собственному историческому маршруту. В основе этого образа, скорее всего, было пространственное восприятие России, которая не испытав влияния формировавшейся западной цивилизации, оказалась на длительный период на периферии европейской «солнечной системы». Центробежные тенденции удельного времени при отсутствии каких-либо иных структурообразующих форм сменились, в конце концов, процессом утверждения государственных начал. Как писал Б. Н. Чичерин: «Дух русско-

²² Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 77.

²³ Бабст И. К. Три месяца за границей. Письмо первое // Атеней. № 42. 1858. С. 400.

го народа выразился преимущественно в создании государства; отсюда истекают основные начала его общественной жизни»²⁴.

Другой образ России ассоциируется с фигурой «вечного ученика» в стенах «европейского храма мудрости», куда ее поместил еще Петр Великий. Возможно, этот имидж стал результатом утопически-реалистического восприятия русскими либералами достижений, прежде всего, франко-британского исторического опыта. Для них эти очевидные успехи приобрели характер универсальной программы обучения «депрессивных» территорий азам цивилизации. Одновременно европейский канон при допущении даже значительных критических замечаний все же ими идеализировался и приобретал искусственный цвет. Полтора века обучения не смогли превратить Россию в развитое западное государство, а затянувшееся школярство порождало пессимизм среди либералов.

Вместе с тем, именно в середине XIX в. на фоне абстрактной веры в идеалы европейского рационализма впервые обозначились реальные контуры программы русского либерализма. Ее авторство по праву принадлежит Б. Н. Чичерину, который в начале 1860-х гг. сформулировал концепцию «охранительного либерализма», где попытался примирить свободу с просвещенной монархией. Скорее всего, это была самая удачная в истории отечественной общественной мысли XIX столетия теоретическая попытка создать национальную версию процесса европеизации России в целом, посредством реформ «сверху» через плодотворную законотворческую деятельность самодержавной власти. Гипотетически конечной целью ее могло стать не только конституционное преобразование страны, но и смена образов России с «географического соседа» и «вечного ученика» Запада на новый имидж «соучастника» исторического прогресса. Не случайно ранние русские либералы с большим воодушевлением приветствовали Великие реформы 1860–1870-х гг. и считали их важным шагом навстречу цивилизованной Европе.

²⁴ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 139.

Л. В. ЛАННИК

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ ГЛАЗАМИ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Изучение Первой мировой войны ставит исследователя перед необходимостью совмещения в единой картине нескольких аспектов и уровней конфликта. Увлечение специалистов одним из аспектов автоматически приводит к недооценке остальных факторов и даже к их игнорированию. Сложнейший вопрос о степени виновности сторон в развязывании войны, зачастую сводится к поиску «злых сил», которые спровоцировали конфликт, поставивший под угрозу европейскую цивилизацию. Рассмотрение этого вопроса вело и ведет к ожесточенным спорам по главному пункту обвинения («кто виноват?») и к появлению обстоятельных исследований по смежной проблематике («о чем мечталось...»), способствовавших формированию целостных концепций толкования происходившего не только в 1914–1918 гг., но и в предшествовавшие годы.

Значительный интерес представляет знакомство с настроениями, планами и их обоснованием в рядах германской военной элиты предвоенного и военного времени. Автор постарался проследить, каким виделись одной из сторон желательные результаты конфликта, а также как, по мере развития событий, менялось видение перспектив. Источники можно разделить на несколько групп. Во-первых, мемуары крупнейших военных деятелей Германии того времени (Людендорфа, Гофмана, Куля, Фалькенгайна и др.), которые написаны уже после поражения и порой являются скорее попыткой оправдания кайзеровской политики, чем изложением воспоминаний. Фоном для них служат мемуары немецких политических деятелей различных ориентаций (Бюлов, Эрцбергер, Вильгельм II, Бетман-Гольвег), их взгляды были также отражены в корреспонденции американского дипломата Хауза. Кроме того, публицистика во-

енного периода, призванная оправдать напряжение всей страны и очертить цели второго рейха (Науманн, Бернгарди, Рорбах)¹.

При вступлении в войну, начало которой было столь долгожданно и столь внезапно, имея десятилетиями оттачивавшиеся планы военных кампаний, располагая огромным объемом информации о противнике, германская военная элита столкнулась с отсутствием целостного представления о материальных целях войны (при подробном освещении в довоенной прессе ее духовной необходимости)² и последовательной программы действий в случае ожидаемой непременно сокрушительной победы³. Налицо имелся только самый общий контур будущего миропорядка, в котором бесспорным виделось главенствующее положение Германии, ее экономики и культуры, при «сочувствии» и поддержке приведенной к устраивающему немцев порядку и границам Европы.

Накануне войны военные, занимаясь подготовкой к боевым действиям (детальной проработкой развертывания, синхронизацией и оптимизацией громадного объема железнодорожных перевозок, стратегическим проектированием, согласованием действий с союзниками⁴), фактически отстранились от рассмотрения условий будущего мира. А ведь план Шлиффена, рассчитанный на короткую войну (60–80 дней), диктовал необходимость подготовиться к мирным переговорам, которые должны были быть «не за горами».

¹ Большой объем фактов можно почерпнуть в советской и немецкой марксистской историографии (ГДР), достаточно подробно разрабатывавшей проблемы германского империализма и его аннексионистских планов (Туполев, Хальгартен, Ерусалимский). Лучший обзор современной германской литературы по истории Кайзеррейха в годы Первой мировой войны см. в книге: *Chickering R. Imperial Germany and the Great War. München, 2002.*

² Для этой цели в рамках германской военной элиты сформировался даже особый феномен «политических» или «пишущих» генералов, которые, выйдя в отставку, но оставаясь представителями своей касты, занялись публицистикой и активной пропагандой милитаристских идей.

³ Подробно о роли германской армии в государстве в эпоху империи см.: *Deist W. Militär, Staat und Gesellschaft. München, 1991.*

⁴ К таковым даже в апреле 1914 г. относилась не только Австро-Венгрия, но и Италия, позиция которой вплоть до первых чисел августа 1914 г. была не определена и до апреля 1915 г. не безнадежна для Германии.

Взгляды германской военной элиты начала XX в. на послевоенное устройство Европы определялись не столько их геополитическими предпочтениями, сколько более частными соображениями обеспечения безопасности германских границ на будущее. Подход был аналогичен ситуации кануна 1871 года, когда будущая граница между Францией и Германией была составлена с учетом пожеланий военных, которые стремились к созданию такого начертания рубежей, чтобы французы всегда вынуждены были обороняться⁵.

Немецкие промышленники быстро определили возможные экономические последствия германских завоеваний на Западе и потому уже в сентябре 1914 г. сформулировали конкретные территориальные претензии относительно районов Франции и Бельгии, имевших важные морские порты или запасы железной руды⁶, тогда как военные долгое время были не склонны к конструированию компромиссов с противником. Тревожная обстановка на Восточном фронте вплоть до мая 1915 г. заставляла отложить проекты победного мира (в том числе сепаратного с Россией) до лучших времен. Отсутствие прямых противоречий и взаимных территориальных претензий между Германией и Россией в предвоенный период, привели к некоторому вакууму требований в начальный период войны. Одновременно, масштабы жертв и усилий, предпринятых уже в первые месяцы войны обеими странами, исключили возможность мира без аннексий и контрибуций в любом случае, кроме синхронного выхода противоборствующих сторон из войны в результате революций.

Достаточно подробно разрабатываемый до войны проект создания «Срединной Европы», своеобразных «Соединенных Штатов Европы» под главенством Германии, Россию и ее территории практически не затрагивал, а Францию рассматривал как одного из

⁵ Несмотря на резкие возражения Бисмарка, предчувствовавшего неразрешимый конфликт из-за Эльзаса-Лотарингии, Мольтке настоял на аннексии этих территорий, чтобы защитить Южную Германию.

⁶ См. декларацию Бетман-Гольвега о целях войны от 8 сентября 1914 г., основанную на консультациях с германскими монополиями Стиннеса, Круппа и др., а также обращение к рейхсканцлеру шести экономических союзов, а также представителей интеллектуальной элиты Германии в мае 1915 г. См.: Советско-германские отношения. М., 1968. Т. 1. С. 699-710.

важнейших партнеров после того, как ее амбиции будут пресечены поражением в войне⁷. Фактически, заявления о будущем европейском союзе ничего общего с милитаризмом не имели. Часто приводимая в качестве примера агрессивных германских планов идея «новой Европы» совершенно не соответствует той интерпретации, которую она получила в ряде исследований. Более того, в работе Б. М. Туполева показано, как без всякой войны Германия последовательно и очень успешно подготавливала будущее поглощение экономики Австро-Венгрии, Румынии и, возможно, Сербии и Болгарии⁸. При сохранении имевшейся динамики развития германский интеграционный проект нуждался, скорее, в поддержании мира, а не наоборот⁹. Безусловно, в объединенной по образцу Германской империи конфедерации европейских государств на ее флангах не было бы места огромной Российской империи и Великобритании. Однако ее существование и не обязывало эти страны к противоборству с новым союзом. Наоборот, возможное серьезное усиление европейских государств в результате интеграции только повысило бы взаимозависимость Европы и России, так как давало возможности для монополизации такого огромного внешнего рынка, как российский, до этого слишком большого даже для мощной германской экономики.

Усиленная с 1912 г. агитация Пангерманского союза проводилась при поддержке высших армейских кругов Германии¹⁰, она, ко-

⁷ См.: *Науманн Ф.* Срединная Европа. Пг., 1918. Эта работа вышла в Германии весной 1916 г. и произвела фурор, так как была первым действительно стратегическим проектом развития Германии на ближайшие десятилетия. Даже в разгар войны, после всех германских захватов, Науманн заявлял о том, что цель войны — более тесный таможенный союз с Австро-Венгрией, а не расширение границ. (Указ. соч. С. 5).

⁸ Например, к 1914 г. около 40% внешней торговли Австро-Венгрии занимала Германия, ее банки осуществляли успешное финансовое закабаление экономик балканских государств. См.: *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе. М., 1970. С. 115, 216.

⁹ Это дало серьезные основания германскому правительству, военным и лично императору считать себя главными борцами за мир в Европе.

¹⁰ *Сдвижков Д. А.* Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. М., 1999. С. 212-236; *Левина С.* К истории Пангерманского союза. «Красный архив». 1939. № 1.

нечно, касалась судьбы российской Прибалтики, населенной большим числом немцев, но эта агитация не была выражением государственной политики. Реально цель присоединения всех прибалтийских губерний политическим руководством Германской империи тогда не рассматривалась. Для реализации таких условий мира Россия должна была потерпеть поражение, сравнимое по масштабам разве что со Смутой XVII в. Это хорошо понимала старая дипломатическая элита, не склонная к авантюризму вильгельмовского типа, мыслящая категориями имеющегося к началу XX в. миропорядка бисмарковского образца¹¹. Возможность спровоцировать Российскую империю на участие в смертельном противостоянии была неочевидной, если учесть ее позицию в Боснийском кризисе, ее неготовность к войне и нарастающую с 1911 г. внутривнутриполитическую нестабильность¹².

По мере затягивания войны и изменения обстановки на фронтах проекты сепаратного мира с одним из противников и слухи о его возможном заключении становились все более частыми. Однако жесткая схватка за власть между представителями традиционной элиты и выдвигенцами Великой войны заставила обе группировки ужесточить требования к России, более того, радикализировать их в угоду интересам промышленных кругов¹³ и общественному мнению.

¹¹ Так, бывший рейхсканцлер князь Бюлов, обиженный своей отставкой в 1909 г., затем яростно критиковал не только поведение германской верхушки в дни Июльского кризиса, но и общие замыслы территориальной экспансии, особенно на Восток, указывая, в частности, на то что «поляков более чем достаточно внутри наших границ». См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935. С. 392, 403.

¹² Это позволило генералу Бернгарди в 1912 г. в его книге «*Deutschland in nächsten Krieg*» (в русском сокращенном переводе — «Наша будущность») констатировать полную незаинтересованность российских правящих кругов в войне в ближайшее время. Поведение российской элиты в дни Июльского кризиса, не считая роли явно ангажированного Антантой министра иностранных дел Сазонова, этот вывод несколько не опровергает, даже наоборот стиль действий Николая II и его переписка с Вильгельмом II иллюстрируют абсолютное отсутствие желания вступать в конфликт. См.: *Бернгарди Б.* Наша будущность. Воззвание к германскому народу. Пг., 1914. С. 120.

¹³ Подробнее см.: *Feldman G. F.* Army, Industry and Labor in Germany 1914–1918. Princeton, 1966.

Конструирование послевоенного будущего должно было опираться на принятое решение в роковом геополитическом выборе Германии: господство на морях или господство на суше. Стремление к решению любой из этих сверхзадач приводило к принципиальному конфликту, требовавшему выбора между схваткой с Англией или Россией. Создание Антанты сделало любой выбор неприемлемым, Германию принуждали отказаться от претензий на гегемонию, что совершенно не соответствовало ее потенциалу и национальному духу, на котором базировалось само существование империи.

Особой составляющей видения будущего германо-российских отношений стал восточно-прусский вопрос. В августе 1914 г. война впервые пришла на часть немецкой земли, которая даже в рамках королевства Пруссия имела особый статус, рассматривалась как родина и цитадель прусского юнкерства. Последовавшая победа над русскими армиями, купленная ценой поражения стратегического масштаба на Марне, заставила германскую элиту сконструировать миф о Танненберге, преувеличивавший не только масштаб победы и число русских пленных, но и степень страдания, постигшую землю Германии в результате «русского нашествия». Танненберг приобрел огромное значение, открыл дорогу к власти своим творцам — Гинденбургу и Людендорфу¹⁴, поэтому не учитывать его уроков при рассмотрении условий возможного российско-германского мира было невозможно. Первым военно-стратегическим требованием руководства германской армии на этом направлении стало требование надежного обеспечения безопасности Восточной Пруссии за счет передвижения русской границы к Неману и Нареву, ради чего допустимым казалось пожертвовать территориальной целостностью австро-венгерского союзника и предоставить русским компенсацию в Галиции. Возможность появления таких проектов демонстрировала полное пренебрежение к национальному достоинству и самостоятельности партнеров по Четверному союзу.

«Великое отступление» русской армии весной-летом 1915 г. выявило не только слабость России, оно наглядно продемонстриро-

¹⁴ О пропагандистском эффекте Танненберга см.: Раушер В. Гинденбург. М., 2004. С. 52-61.

вало, что сокрушить «колосса на глиняных ногах» в рамках привычных для европейца масштабов невозможно¹⁵. Занимая губернию за губернией, неся существенные потери, немцы к сентябрю 1915 г. выдохлись, даже не подойдя к собственно великорусским территориям. Безопасность территории самой Германии и жизненно важных для существования дунайской монархии рубежей в Карпатах была обеспечена, но это была скромная цена за повторное стратегическое поражение в кампании 1915 г., когда были окончательно упущены шансы вывести одно из государств Антанты из войны¹⁶.

Однако соображения высшей стратегии были очевидны для незначительного меньшинства, а часть элиты, в том числе император Вильгельм II¹⁷, и, конечно, восторженная, националистически настроенная общественность¹⁸ требовали учесть в проектировании будущих границ успехи германских войск на Востоке. Сделавшие ставку на победу Германии польские, финские националисты и изменившие присяге прибалтийские немцы из Курляндии также теперь не могли быть оставлены в пределах Российской империи¹⁹: это

¹⁵ Науманн писал, что русские «выдержали больше, чем мы ожидали», причем уже после «Великого отступления» русской армии в 1915 г. См.: *Науманн Ф.* Указ. соч. С. 113. Современный взгляд на войну на Восточном фронте см.: *Groß G.* Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Paderborn, 2006.

¹⁶ Даже после войны немецкий военный аналитик генерал Куль был уверен в том, что в 1915–1916 гг. было возможно вывести Россию из войны, причем с решительными для Германии результатами. См.: *Куль Г., Дельбрюк Г.* Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935. С. 53.

¹⁷ Об истинной роли кайзера в управлении государством и армией в 1914–1918 гг. см.: *Afflerbach H.* Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg. München, 2005.

¹⁸ Известный публицист П. Рорбах заявлял: «Мы можем со спокойной душой назвать сыновей 1915 г. заранее детьми победы»: *Рорбах П.* Война и германская политика. М., 1915. С. XI. О позиции научной элиты относительно Великой войны см.: *Levsen S.* Elite, Männlichkeit und Krieg. Göttingen, 2005.

¹⁹ Рейхсканцлер Бетман-Гольвег 2 апреля 1916 г. заявил в рейхстаге: «Никогда Германия не выдаст русскому реакционному режиму освобожденных ею народов, будь то поляки, эстонцы, курляндцы или литовцы». В интерпретации ненавидевшего его Бюлова это было сделано в угоду социал-демократам, которые действительно строили свою поддержку войны на мотиве борьбы с «рус-

шло бы вразрез со статусом абсолютного победителя в войне, который должен гарантировать достойные условия мира всем поддержавшим его²⁰. Любой половинчатый мир или перемирие²¹ неизбежно вызвали бы всеобщее недовольство правительством и, возможно, его свержение силами социалистической ориентации или военной хунтой. Политическая элита Германии это понимала²², поэтому все более уступала ответственность и влияние военным, с тем чтобы, в случае неудачи, свалить на них вину во всем — от бессмысленности усилий и потерь до послевоенного краха экономики и нищеты.

Исходя из этого, даже рационально мыслящие и трезво оценивающие потенциал «разгромленной» России командующие немецкими армиями и штабами вынуждены были уточнить свои представления о восточных границах в сторону аннексии Литвы, Польши и Курляндии. Стремление использовать по максимуму ресурсы оккупированных территорий на Востоке и соображения о возможном

ским деспотизмом». *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 490; *Царуски Ю.* От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» // Германия и русская революция / Под ред. Я. Драбкина. М., 2004. С. 104-109.

²⁰ Именно по такому принципу, даже в самых сомнительных случаях будет выстраиваться Версальская картина мира. Огромные территориальные приращения от Антанты получит, например, Румыния, которая вступила в войну с большим опозданием, заключила в мае 1918 г. сепаратный мир с Четверным союзом, и только за несколько дней до капитуляции Германии вернулась в стан Антанты.

²¹ Из-за этого мрачные предсказания Мольтке-старшего о новой Семилетней и даже Тридцатилетней войне должны были сбыться, так как эти войны шли вплоть до полного изнеможения одной из сторон. Германский дипломат Циммерман летом 1915 г. прямо заявлял своему американскому коллеге Хаузу, что любые переговоры о мире на умеренных условиях приведут к свержению правительства и кайзера. См.: Архив полковника Хауза. М., 2004. Т. 1. С. 186.

²² В современной немецкой историографии на канцлера возлагается особая ответственность за расширение территориальных претензий Германии вплоть до неприемлемых. См. напр.: *Mommsen W. J.* Die Politik der "Neuorientierung" und die Eskalation der Kriegsziele unter der Kanzlerschaft Bethmann Hollwegs // *Mommsen W. J.* Die Urkatastrophe Deutschlands. Der Erste Weltkrieg. 1914–1918. S. 56-66. Бетмана даже называют «Гитлером 1914 года» (см.: *Freund M.* Bethmann-Hollweg, der Hitler des Jahres 1914 // *Deutsche Kriegsziele 1914–1918* // Hrsg. von Ernst Lynar. West Berlin, Frankfurt-am-Main, 1964. S. 175-182.

скором вхождении их на тех или иных условиях в состав Германской империи и/или Срединной Европы²³ заставило германское командование вплотную заняться планами администрирования, хозяйственного и культурного развития бывшего Западного края Российской империи. Немцы, по мемуарам Людендорфа²⁴, действовали вполне в духе английской администрации в Индии, выращивая на западе Российской империи прослойку лояльных Германии управленцев, которая была бы «нерусской (и не везде немецкой) по крови, но германской по духу». Немецкий язык настойчиво внедрялся в делопроизводство, общественной жизни, школе и даже в быту. Это вызывало возмущение и противодействие литовцев, латышей и поляков, которое сурово каралось, на что немецкому командованию жаловался даже сотрудничавший с ним литовский национальный лидер А. Сметона²⁵. После разгрома Румынии осенью 1916 г. та же судьба постигла Валахию. Опыт налаживания жизни и установления «нового порядка» в разрушенных войной территориях Восточной Европы в рамках временной германской военной администрации стал первым шагом к реализации довоенных проектов создания союза европейских государств вдоль оси Берлин-Стамбул-Багдад.

Крах Верденской операции, шокировавшее немцев наступление на Сомме летом 1916 г., коллапс после Брусиловского прорыва Австро-Венгрии, последний символ единства которой — император Франц-Иосиф II скончался в ноябре 1916 г., заставили германскую военную элиту вновь обратиться к поискам возможного сепаратного умеренного, но победного мира с Россией. Одновременно с этим под влиянием великодержавных амбиций и в поиске новых резервов

²³ Достаточно активно проблематику создания новой Германской империи за счет прочного победного мира на Востоке разрабатывал и обсуждал затем с Гинденбургом и Людендорфом «отец» германской военной экономики В. Ратенау. См.: Кёнен Г. «Переселение народов снизу». Вальтер Ратенау о России и Советском Союзе // Германия и русская революция... С. 240-250.

²⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2005. С. 144-160.

²⁵ Брюнин В. Г. Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917 г. С. 65-66. Немцы позднее признавали факты безобразного обращения с местным населением. См.: Эрцбергер М. Германия и Антанта. М., 1923. С. 157.

людской силы германское правительство согласилось на одностороннее провозглашение независимости Польши в конце ноября 1916 г. в обмен на обещанные Ю. Пилсудским 15-20 польских дивизий²⁶. Помимо обострения отношений с несговорчивым новым императором Австро-Венгрии Карлом I, почувствовавшим в планах союзника очевидную угрозу территориальной целостности страны, это вело к крушению всяких надежд на переговоры с Николаем II²⁷. Ведь русский император никогда не пошел бы на территориальные уступки Германии, несмотря на усиливавшиеся позиции консерваторов и германофилов в окружении императрицы, получившей после сентября 1915 г. контроль над внутренней политикой в стране. Последовавшее в декабре 1916 г. заявление о готовности вступить в переговоры на «минимальных» условиях²⁸ выглядело заранее обреченным. Ультимативные требования вместе с замаскированной мольбой о мире только подорвали престиж Германии и усилили уверенность стран Антанты в скорой победе²⁹.

Неожиданное для Германии и желанное для Антанты³⁰ изменение обстановки в России в феврале 1917 г. привело сначала к некоторому унынию и забвению всех надежд на перемирие на Востоке (на Западе перемирие было абсолютно невозможно). Однако немцы достаточно быстро начали с большим вниманием относиться к происходящему в России, что позволило им сделать верные выводы о

²⁶ Вместо обещанных 800 тыс. на призывные пункты к весне 1917 г. явились 370 польских добровольцев. См.: Брюнин В. Г. Указ. соч. Л., 1965. С. 44.

²⁷ Бюлов назвал решение о провозглашении независимости Польши «величайшей ошибкой когда-либо совершенной государственным деятелем», имея в виду канцлера Бетман-Гольвега. См.: Бюлов Б. Указ. соч. С. 441.

²⁸ Эти условия предусматривали аннексию Германией ряда территорий в Бельгии и Лотарингии, а также Курляндии, части Литвы и русской Польши. См.: Klein F. Deutschland 1897/98–1917. Berlin, 1969. S. 333.

²⁹ Высокомерное «согласие» Германии на мирные переговоры, а фактически ее инициатива была воспринята Антантой как симптом близкого конца кайзеровской военной машины. См.: История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 46-50; Мировые войны. М., 2002. Кн. 2. С. 448.

³⁰ Связи деятелей Февраля с иностранными дипломатами и поддержка их Францией и Англией очевидны, версия заговора также имеет много доказательств.

перспективах Временного правительства. Следствием этого стало сотрудничество с Лениным и отказ от активных действий на Восточном фронте. Весной 1917 г. под руководством Гинденбурга и Людендорфа Германия была готова сражаться до конца на Западе³¹ или до прихода в России к власти большевиков. Однако предложение Петросвета о начале мирных переговоров на основе отказа от аннексий и признания права народов на самоопределение некоторым германским политическим кругам казалось приемлемым³², на том основании, что в демагогическом лозунге самоопределения они справедливо усматривали скорый и неизбежный распад Российской империи и в первую очередь отделение ее западных провинций³³.

Участие германских спецслужб в возвращении Ленина в Россию не означает, что германская военная элита видела оптимальное для себя русское будущее в большевизме, хотя она была готова попробовать взаимодействовать даже с ультралевым правительством при единственном условии — его отказа от союзнических обязательств в Антанте. С вступлением в войну Соединенных Штатов выход из войны России с каждым днем терял свое значение, с ростом числа американских солдат на Западном фронте³⁴ цена любых приобретений на Востоке постепенно падала до нуля. Значительно важнее требующих огромных инвестиций территорий в Польше и Прибалтике становилась контрибуция, желательна сырьем и продовольствием, поэтому острота вопроса о будущей границе спала, сменившись надеждой на ресурсы Украины и Донбасса.

³¹ Было потоплено в крови весеннее наступление Антанты, «бойня Нивеля», которая едва не привела к всеобщему мятежу во французских войсках. Немцы организованно отошли на линию Зигфрида (Гинденбурга), сократив линию фронта до оптимума, была выполнена программа усиления армии и авиации и предотвращена угроза тотального голода в тылу за счет использования ресурсов оккупированной Румынии и новых приемов экономии сырья.

³² См., напр.: Эрцбергер М. Указ. соч. С. 207-208.

³³ См.: Вебер М. О России. М., 2007. С. 131-141.

³⁴ Уже в июле 1918 г. число американских солдат на Западном фронте превысило 1 млн. чел., а к ноябрю 1918 г. их было уже 2,06 млн. чел. См.: Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 56.

Развал русской армии под влиянием большевистской пропаганды в 1917 г. наводил на мысль о перспективе распространения аналогичных явлений в немецком обществе и армии, тем более что единомышленники Ленина в Германии уже сидели в тюрьме за попытки антивоенной агитации и срыва работы оборонных заводов. Для кайзеровской Германии под руководством Гинденбурга и Людендорфа не нашлось другого соратника кроме противников монархии и империализма. Попытки побудить Керенского летом-осенью 1917 г. к признанию поражения России с помощью удачных контрударов в Галиции и захвата Риги и Моозундских островов всякий раз заканчивались оккупацией очередных территорий при угрозе пробуждения патриотических настроений в разложившихся русских частях.

Долгожданный приход большевиков к власти, окончание самоуничтожения царской армии вновь поставили перед германской элитой вопрос о проектировании будущих условий мира и взаимоотношений с новой, уже Советской Россией, где разгоралась гражданская война. Не считая ощущения новой редакции, «второго» издания мировой войны, уже не столь безнадежной для Германии геополитически и стратегически, военная элита не имела никакого представления о том, с кем придется сотрудничать в будущем³⁵, раз уж иного выхода кроме уничтожения Антанты у Германии нет. Затягивание Брестских переговоров, волна антивоенных забастовок в Германии, очевидное тяготение большей части большевиков к распространению революции в Европе продемонстрировали германскому командованию, что ставка на большевиков оправдалась лишь частично. Это привело к расколу и возникновению спектра мнений³⁶ от крайне правых с призывом к немедленному походу против «красной чумы» до русофильской точки зрения, настаива-

³⁵ Именно поэтому в Германии были очень популярны разнообразные письма, репортажи и свидетельства любого рода из Москвы и России, которые были не только злободневной публицистикой, но и единственным достойным доверия источником по большевизму. См.: Кёнен Г. О духе русской революции / Германия и русская революция... С. 53-99.

³⁶ См.: Дюпе Л. «Восточная идеология» и «национал-большевизм» в Веймарской республике / Германия и русская революция. С. 177-180.

вающей на том, что сотрудничество с Советской Россией — единственный шанс для Германии разрешить проблемы на Востоке приемлемым способом. При этом наиболее аристократическая часть германской военной элиты — представители немецких правящих династий были озабочены разделом будущих тронов. Вюртембергский королевский дом уже выставил свою кандидатуру на престол создаваемого Литовского герцогства³⁷, предлагались варианты относительно потенциального герцога Курляндского³⁸, пока 2 марта им не стал лично кайзер Вильгельм II. Показное стремление продемонстрировать освобождение народов из той «тюрьмы», какой объявлялась «деспотическая Россия», сопровождалось слегка прикрытой аннексией всего оккупированного в Прибалтике. Чтобы ослабить это впечатление, а также в угоду нарастающему прибалтийскому национализму 15 марта 1918 г. Курляндия была объявлена «самостоятельным государством», причем ее правителем стал младший брат кайзера принц Прусский Генрих. А уже 12 апреля ландграфы Эстонии, Латвии и Литвы, составленные из представителей наиболее преданного Германии остзейского дворянства, объявили об объединении всей Прибалтики в Балтийское герцогство под скипетром Генриха.

С трудом вызванный к жизни³⁹ Брестский мир даже внутри Германии был воспринят как невероятный успех, результат случайного стечения обстоятельств, приведшего к таким невыносимым еще год назад условиям мирного договора. Его очевидная несправедливость запоздало оправдывалась принципом *vae victis* и большими общими потерями Германии в войне. Престижа Второму рейху он не добавил, вызвав одновременно возмущение в России и

³⁷ Эволюцию взглядов немецкого командования и его литовских союзников на будущее Литвы и детали ее закабаления германской экономикой см.: Советско-германские отношения... Т. 1. С. 32-38, 46, 57-58.

³⁸ Подробнее см.: Эрцбергер М. Указ. соч. С. 158-160.

³⁹ Фактически ради мира Германия искусственно создала новое государство Украину, подготовила создание Балтийского герцогства и/или Литвы и окончательно перестала уважать интересы целостности Австро-Венгрии, где сразу после сепаратного «хлебного мира» с Украиной к конфликту с поляками прибавились восстания в Галиции среди украинцев и русин.

рост антибольшевистских сил и ощущение абсолютной невозможности прийти к соглашению с таким противником на Западе. Политиков, сконструировавших подобное соглашение, к приемлемому для Франции и Англии миру можно было принудить только через безоговорочную капитуляцию Германии⁴⁰, к обеспечению которой армии западных держав и приступили. Одновременно были прерваны попытки сепаратных переговоров с Австро-Венгрией, которая в отместку Германии также перестала уважать ее территориальную целостность в своих проектах послевоенного переустройства⁴¹.

Убийства эсерами 6 июля 1918 г. германского посла в Москве графа Мирбаха в Киеве и 30 июля — фельдмаршала Эйхгорна, развеявшие иллюзии о всесии германских оккупационных войск на Востоке, были спровоцированы с целью заставить растерявшееся и с трудом осознающее, что происходит в большевистской России, германское руководство отказаться от поддержки режима во главе с Лениным и активно вмешаться в начавшуюся гражданскую войну. Германия не смогла подтвердить свой статус «хозяина» марионеточных правительств в Финляндии, на Западе, на Кавказе и старшего партнера большевистской власти. Она даже вынуждена была, опасаясь воссоединения России под эгидой одного из осколков империи ослабить свою помощь новым государствам, в том числе Украине. После заключения мира германское командование находилось под постоянным давлением нескольких взаимоисключающих требований⁴² и мнения императора о необходимости обес-

⁴⁰ Это убеждение среди западных держав созрело уже давно и крепло с каждым месяцем. Еще в конце 1914 г. посол тогда еще нейтральных САСШ в Германии У. Пейдж писал американскому дипломату Хаузу: «Цивилизация должна быть спасена. А это невозможно, пока жив германский милитаризм». См.: Архив полковника Хауза. Т. 1. С. 139.

⁴¹ См.: *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия и первая мировая война. Крах империи / Новая и новейшая история. 2001. № 5.

⁴² Сократить оккупационные войска до минимума, бороться с партизанским движением на занятой территории, поддерживать порядок и неприкосновенность марионеточных правительств, поддерживать страх большевиков для обеспечения выполнения условий Брестского мира и т.д.

печить раздел России на четыре государства: Украину, Юго-Восточный край, Великороссию и Сибирь. Напротив, суровое возмездие ограничилось новым договором, «экономическим Брестом» на таких тяжелых условиях⁴³, что в разоренной России их невозможно было исполнить без дополнительного военного присутствия германских войск, которые к середине июля стали истекать кровью на Западном фронте, не сломив сопротивление Антанты. В свою очередь, противники Германии начали интервенцию в Россию, готовясь перехватить контроль и лишить Второй рейх плодов разрушения великого восточного соседа⁴⁴.

Осенью 1918 г. события приняли настолько серьезный характер, что любые проекты относительно Востока ограничивались лишь надеждами на сохранение стратегического *status quo*, т.е. отсутствия второго фронта. Что касается сырья и продовольствия, то стала очевидной невозможность организовать вывоз с оккупированных территорий всего необходимого⁴⁵. Большевики, учитывая тяжелейшее положение на фронтах, открыто саботировали выполнение хозяйственных соглашений «экономического Бреста».

Разразившийся осенью 1918 г. системный кризис управления и армии Германии привел к повторению российского сценария Февраля на немецкой почве. Вновь в роли авангарда сил революции встали матросы не используемого должным образом флота, вновь мощное влияние умеренных социалистов на народные массы, вновь сговор правительства, рейхстага и руководства армии. Единственное отличие заключалось в том, что Вильгельм II сделал практические выводы из судьбы своего кузена и вовремя сбежал в Голландию. 11 ноября 1918 г. Германия капитулировала. То, что этот день станет концом Второго рейха, будет осознано несколько

⁴³ См.: Советско-германские соглашения. М., 1968. Т. 1. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. С. 605-621.

⁴⁴ Антанта очень серьезно боялась оптимального использования Германией ресурсов России и тем более еще одного удачного опыта с «пересадкой» большевизма на чужую почву. См.: Архив полковника Хауза. Т. 2. С. 247-282.

⁴⁵ О крахе надежд на сырьевые богатства России подробно пишет последний генерал-квартирмейстер кайзеровской Германии генерал Грёнер. *Gröner W. Lebenserinnerungen: Jugend, Generalstab, Weltkrieg.* Göttingen, 1957.

позже. Все планы и начинания на Востоке были оставлены на произвол судьбы и добровольцев⁴⁶. 13 ноября 1918 г. Брестский договор был денонсирован Советской Россией⁴⁷, и, таким образом, на фоне «красного потопа» была подведена черта под планами реализации великого германского проекта на Востоке.

Взгляды германской военной и дипломатической элиты на будущее России и взаимоотношений с ней Германии в ходе Первой мировой войны эволюционировали от достаточно смутных намерений обеспечить безопасность Восточной Пруссии и Силезии за счет «косметических» изменений в начертании русско-германской границы до полной утраты представлений о ситуации на Востоке и отказа от восточной политики на государственном уровне. Обстановка на фронтах, необходимость оправдать громадные жертвы в войне перед германским народом, две революции в Российской империи и ее крушение позволили существенно изменить и реконструировать проекты политического обустройства восточных границ Второго рейха в 1915–1917 гг. и даже попытаться начать их реализацию⁴⁸.

⁴⁶ Немецкие добровольческие отряды — фрайкорпс, застигнутые революцией и всеобщим крушением в Прибалтике, уникальным образом начали собственную войну без определенной государственной принадлежности против большевиков и солдатской анархии. Благодаря им, а также российскому Белому движению, на Западе к середине 1919 г. Советская власть была вынуждена временно отказаться от немедленного установления «диктатуры пролетариата» в Эстонии, Латвии и Литве.

⁴⁷ Некоторое основание для этого РСФСР получила в связи с разрывом Германией дипломатических отношений 5 ноября 1918 г. под предлогом продолжения большевистской пропаганды в Центральных державах.

⁴⁸ Например, было начато развитие оккупированных Германией областей в Литве и Курляндии в экономическом и культурном плане, выстроена новая система местного самоуправления. В марте 1918 г. в интересах остзейских немцев было провозглашено создание Балтийского герцогства.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О. В. ДМИТРИЕВА

«УСЕРДНЫЙ АНТИКВАРИЙ» ДЖОН ХУКЕР И РОЖДЕНИЕ «АНГЛО-САКСОНСКОГО ПАРЛАМЕНТА»

Во второй половине XVI в. в английской историко-правовой мысли сформировались порывавшие со всей предшествующей традицией и совершенно антиисторичные представления о существовании общего права королевства и судебных институтов, связанных с ним, в том числе и парламента, с «незапамятной древности».

Одним из тех, чей труд лег в основание новой концепции, был антикварий и юрист из Эксетера Джон Хукер (ок. 1527–1601). Его роль в складывании парламентской культуры елизаветинской поры трудно переоценить. Делегированный от Эксетера в 1571 г., он стал одним из первых депутатов, которые вели частные журналы. Дневник Хукера сохранился (его рукопись была случайно обнаружена в XIX в. под крышей эксетерского Гилдхолла), в отличие от других, наличие которых можно лишь предполагать. Первым из антиквариев XVI в. он издал уникальный средневековый трактат, посвященный парламентской процедуре (*Modus Tenendi Parliamentum*), в переводе на английский язык. Он же первым описал порядок работы парламента своего времени, предоставив современникам возможность взглянуть на этот институт «изнутри». Наконец, его деятельность как историка и издателя способствовала формированию елизаветинского мифа о незапамятной древности парламента и, в частности, о континуитете палаты общин с англо-саксонских времен.

Хукер принадлежал к эксетерской городской элите¹, его дед и отец занимали должность мэра, при этом дед представлял Эксетер на

¹ О его жизненном пути см.: *Snow V. F. Parliament in Elizabethan England. John Hooker's Order and Usage. New Haven. L., 1977. P. 3-27; MacCaffrey W. T. Exeter 1540–1640. Cambridge (Mass.), 1958; The House of Commons 1558–1603 /*

протяжении пяти парламентских сессий в XV в. Помимо городской собственности Хукеры владели обширными землями в Девоншире и причисляли себя к благородному сословию, будучи обладателями дворянского герба². Их наследник получил прекрасное классическое образование в Оксфорде, по-видимому, в Эксетерском колледже или в колледже Тела Христова (Корпус Кристи), где удостоился степени бакалавра искусств в 1542 г. В университете он стал интересоваться правом и продолжил изучение юриспруденции на континенте, в Кельне и Страсбурге, где вращался среди гуманистов, издателей и протестантских богословов, составлявших окружение известного флорентийского теолога Петра Мартира (П. Вермильи), в доме которого Хукер жил. По возвращении в Англию он преподавал гражданское право в колледже Корпус Кристи, хотя и не имел официальной степени в этой области. Несмотря на основательную классическую подготовку и склонность к историческим изысканиям и литературному творчеству³, Хукер не продолжил академической карьеры, напротив, в начале правления Эдуарда VI он возвратился в Эксетер, где провел большую часть своей долгой жизни.

Хукер исповедовал протестантские взгляды и в 1540-х гг. активно помогал Майлзу Ковердейлу, известному переводчику Библии, ставшему в 1548 г. епископом Эксетерским, в его штудиях. Публичная карьера антиквара также развивалась весьма успешно.

Ed. by Hasler P. W. L., 1981. Vol. II. P. 333-335. «Достославным и усердным антикварием» (commendable and painful antiquary) назвал Хукера его коллега и земляк Ричард Кэрю, автор трудов о Девоншире и Корнуолле. – Ibid. P. 334.

² Snow V. F. Op. cit. P. 3-4; Prince J. Worthies of Devon. 1810. P. 505-506.

³ В разные годы жизни он занимался переводами из Августина и Эразма, которые остались неопубликованными. Среди работ, увидевших свет, были биография его друга и покровителя Питера Кэрю (The discourse and discoverye of the luffe of Sir Peter Carew); перевод с латыни «Истории Ирландии» Гиральда Камбрийского (опубликован в составе первого издания «Хроник» Р. Холиншеда 1577 г.); История Эксетера и отдельный трактат о системе управления и обычаях этого города (A Pamphlet of the Offices and Duties of Every Particular Sworn Officer of the Citie of Excester. L., 1583); История епископов Эксетерских (A Catalogue of the Bishops of Excester. L., 1583). Последние три работы он позднее включил во второе издание «Хроник» Холиншеда (1586). Его история Девоншира (Synopsis Chorographical of Devonshire) осталась неоконченной, но и в таком виде циркулировала в рукописях с 1599 г.

В 1550-х гг. Хукера назначили на должность городского казначея, в связи с чем ему были вверены официальные записи Эксетера. По сути, он стал хранителем городского архива, систематизацией и описанием фондов которого занимался до конца жизни. В 1560-х гг. к этому прибавились обязанности главы Суда по делам сирот и судьи Суда Адмиралтейства в Девоншире. Хукер был связан с ведущими протестантскими семействами графства и пользовался покровительством Фрэнсиса Рассела, графа Бедфорда, с которым познакомился в Германии, а также кланов Кэрю и Рэли. Питер Кэрю и Уолтер Рэли были патронами антиквария на разных этапах его жизни.

Поворотным моментом в судьбе Хукера стала поездка в Ирландию по настоянию Питера Кэрю⁴, который попросил антиквария разыскать в ирландских архивах документы, подтверждающие его права на некоторые земельные владения в этой стране. Хукер не только блестяще справился с этой миссией, но и обзавелся в Дублине новыми знакомствами, чрезвычайно важными для его будущей карьеры как историка и издателя. Здесь он сблизился с Джеймсом Стэнихерстом, спикером ирландского парламента, с его сыном Ричардом, автором «Истории Ирландии», которую Хукер позднее опубликовал, и с сэром Генри Сидни, губернатором Ирландии в 1560-х гг. По-видимому, благодаря протекции кого-то из них Хукер довольно неожиданно оказался в 1569 г. членом ирландского парламента от городка Этенри в графстве Коннот⁵. Его первый опыт едва ли можно назвать удачным, но, безусловно, он был поучительным. Бурная сессия 1569 г. ознаменовалась острыми стычками англичан и ирландцев: последние оспаривали законность созыва парламента, критиковали англичан за то, что они манипулируют составом депутатов, обеспечивая избрание тех, кто, подобно Хукеру, даже не жил в Ирландии. Это сопровождалось личными выпадами и нарушением

⁴ Жизнеописание Кэрю, видного придворного и политического деятеля, а с 1572 г. — констебля Тауэра, написанное Хукером, опубликовано: *MacLean J.* (ed.) *The Life and Times of Sir Peter Carew*. L., 1857.

⁵ Поскольку в парламенте Ирландии не велось официальных журналов вплоть до 1613 г., частный дневник Хукера стал одним из важнейших источников по истории этого института. Опубликован в *Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 25. 1904-1905, а также в качестве приложения к работе: *Falkiner C. L.* *Essays relating to Ireland*. L., 1909. Appendix C.

всех мыслимых норм поведения. После того, как Хукер выступил с речью в защиту английского правления в этой стране, антиквария пришлось эвакуировать под охраной из-за опасений за его жизнь. Однако постепенно, благодаря усилиям спикера и умеренных депутатов, страсти улеглись. По-видимому, на этом этапе возникла идея познакомить членов ирландского парламента с обычаями и нормами поведения их английских коллег. Кому именно пришла в голову эта мысль неизвестно, но Хукер пообещал спикеру Стэнигерсту и Генри Сидни написать книгу о порядках и установлениях английского парламента, несмотря на то, что прежде никогда не избирался в палату общин у себя на родине. Очевидно, он не без оснований полагал, что, принадлежа к эксетерской городской верхушке и пользуясь покровительством высокопоставленных патронов, без труда сможет обеспечить себе место в парламенте. Однако еще до возвращения в Англию Хукер стал участником чрезвычайно важного для Ирландии издательского проекта, одобренного Генри Сидни. Он впервые составил свод законов, принятых местным парламентом со времени Генриха VI до Елизаветы I, и опубликовал их в 1572 г. при участии Ричарда Тоттела, королевского печатника, издававшего статуты английского парламента⁶. Так, неожиданно приобретенный ирландский опыт ввел эксетерского антиквария в мир политиков, парламентариев и лондонских издателей.

В апреле 1571 г. Джон Хукер занял свое место в палате общин в Вестминстере, где, оставаясь в тени и воздерживаясь от публичных выступлений, тщательно вел записи всего, чему был свидетелем⁷. Результатом его наблюдений стал трактат «Порядок и обычай про-

⁶ Рукописный вариант свода, составленный Хукером и его помощниками-переписчиками, хранится в Британской Библиотеке – BL Cotton MS Titus B. IX. См. об издании ирландских статутов: *Quinn D. B. Government Printing and Publication of the Irish Statutes in the Sixteenth Century // Proceedings of the Royal Irish Academy. Vol. 49. 1943-1944. P. 45-79.*

⁷ Журнал Хукера за 1571 г. был впервые опубликован Дж. Б. Дэвидсоном в *Transactions of the Devonshire Association for the Advancement of Science. Vol. 40. Plymouth, 1879. P. 442-492.* Его современное научное издание – *Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I. Vol. I. 1558-1581 / Ed. by Hartley T. E. Leicester, 1981. P. 243-351.*

ведения парламента в Англии», опубликованный по горячим следам в 1572 г. сразу в двух изданиях, которым были предпосланы разные посвящения. Одно было адресовано сэру Уильяму Фитцуильяму, сменившему Г.Сидни на посту губернатора Ирландии⁸. Другое содержало посвящение мэру и олдерменам Эксетера, и в качестве приложения к нему Хукер опубликовал свою историю этого города⁹.

На этом история первых изданий «Порядка и обычая» не кончается. В середине 1580-х гг. Хукер возглавил работу группы антиквариюв и печатников над выпуском второго издания «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии», известных как «Хроники» Р. Холиншеда. В 1586 г., когда оно вышло в свет, Хукер находился в Лондоне и во второй раз принял участие в работе парламентской сессии, однако, по-видимому, был всецело поглощен издательскими делами, по крайней мере, если он и вел какие-то записи, они не сохранились. Работа в качестве главного редактора нового издания «Хроник» принесла Хукеру настоящую известность. Воспользовавшись своим положением, он включил в ирландский раздел «Хроник» отчет о событиях в дублинском парламенте 1569 г., рассказ о том, как возникла идея написать трактат о процедурных нормах парламента английского, а также полный текст «Порядка и обычая». Таким образом, в течение полутора десятилетий этот труд выдержал три издания.

Преувеличивать значение первых двух публикаций, предпринятых в 1572 г., очевидно, не следует. Предпринятый В. Сноу анализ типографских шрифтов, позволяет с уверенностью утверждать, что оба они были отпечатаны в мастерской Джона Оллда, однако без официальной лицензии компании книготорговцев, т.е. практически «частным образом». Тиражи не могли быть велики и, по-видимому, Хукер сам распространял их среди своих покровителей, друзей и

⁸ Автору был доступен один из немногих экземпляров этого издания, хранящийся в Отделе редких книг и рукописей библиотеки Байники в Йельском университете (Нью-Хэйвен).

⁹ Оба посвящения и текст трактата в его эксетерской версии опубликованы Верноном Сноу: *The Order and Usage how to Keep a Parlement in England in these dayes, collected by John Vowel alias Hooker gentleman, one of the Citizens for the Cittie of Exeter at the Parlement holden at Westminster Anno domine Elizabethae Reginae decimo Tertio. 1571 / Snow V. F. Parliament in Elizabethan England. John Hooker's Order and Usage. P. 145-194; 205-212.*

сограждан-эксетерцев¹⁰. Тем не менее, эти тексты не остались незамеченными. В Ирландии трактат Хукера по решению английского губернатора в 1585 г. стал официальным руководством по парламентской процедуре. В Англии резонанс был слабее, однако симптоматично, что авторитетный историк Уильям Ламбард ссылаясь на этот труд в своих «Записках», появившихся около 1584 г., т.е. до того, как он вышел в «Хрониках» Холиншеда¹¹. Выход же трактата в составе «Хроник» обеспечил ему значительно более широкую аудиторию. По сути, труд Хукера стал первым в XVI в. систематическим описанием структуры, функций и процессуальных норм английского парламента, единственным полуофициальным справочником по его деятельности. И, несмотря на то, что автор был провинциальным антикварием, статус главного редактора «Хроник» Холиншеда, сложившиеся в ходе работы в столице связи с парламентариями, видными государственными деятелями и авторитет среди историков обеспечили ему поистине общенациональную репутацию, придав тем самым особый вес и его трактату по парламентской процедуре.

Быть может, лучшим доказательством востребованности его труда служит наличие значительного числа рукописных копий «Порядка и обычая», снятых с уже имевшихся печатных версий, которые находились в распоряжении юристов, антиквариев, государственных деятелей и депутатов парламента. Одним из центров, откуда распространялись эти копии, стала юридическая корпорация Линкольнз-Инн, в библиотеке которой, по-видимому, хранилось печатное издание 1572 г. (Эксетерский вариант). С него, в частности, была выполнена копия для Уильяма Ламбарда¹². В начале XVII в. другой выпускник этой корпорации, юрист Джером Александр заказал для

¹⁰ Snow V. F. Op. cit. P. 30-33, 77-85, 92.

¹¹ Ламбард упоминает среди своих основных источников «книгу Хукера о парламенте». – William Lambarde's Notes on the Procedure and Privileges of the House of Commons (1584) / Ed. by Ward P. L. L., 1977. P 55. Известно также, что клерк Тайного совета и опытный парламентарий Роберт Бил имел в своем распоряжении рукописную копию издания 1572 г., либо получив от издателя, либо заказав ее специально для своих нужд. Snow V. F. Op. cit. P. 26, note 77; P. 92.

¹² В настоящее время хранится в библиотеке Линкольнз-Инн: MS Harger 18.

себя рукописную копию¹³. Один из списков, оказавшийся в конечном счете в Британской библиотеке, принадлежал члену Тайного совета и парламентариию Р. Билу, перешел по наследству к его родственнику, Кристоферу Йилвертону, спикеру парламента в 1597 г., а затем к сыну последнего Генри Йилвертону, депутату от Нортгемптона во времена Якова Стюарта¹⁴. Пожалуй, это один из самых ярких примеров того, как рукописи «Порядка и обычая» сохранялись в семействах государственных деятелей и, видимо, использовались для ознакомления с процедурными нормами, когда их членам предстояло выйти на парламентскую арену. Сходный случай — копия, снятая с текста Хукера, опубликованного в «Хрониках» Холиншеда, принадлежавшая семейству Глэнвиллов, старший из которых был депутатом елизаветинского парламента, а младший, Джон Глэнвилл, стал спикером во время Короткого парламента¹⁵. Списком с фитцуильямовского издания владели потомки елизаветинского канцлера Кристофера Хэттона. Копию, вероятно, заказал в начале XVII в. Кр. Хэттон-младший, юрист и антикварий, депутат Короткого парламента¹⁶. Одним из обладателей рукописной копии (выполненной с Холиншедовского издания) был герольд Сэмпсон Леннард, помощник Уильяма Кемдена¹⁷. Сблзнительно предположить, что в какой-то период времени ею мог пользоваться и сам Кемден, однако это невозможно утверждать с уверенностью.

По-видимому, большинство упомянутых выше владельцев списков «Порядка и обычая» питали к этому тексту как антикварный, так и практический интерес, поскольку были парламентариями. Отделить одно от другого едва ли возможно, ввиду того, что древняя история парламента вызывала горячий отклик у юристов и нередко становилась аргументом в парламентарских дискуссиях. Наличие большого числа рукописных копий, восполнявших нехватку печат-

¹³ В настоящее время хранится в библиотеке Тринити Колледжа в Дублине, где была доступна автору TCD MS 852. Ff. 55-68.

¹⁴ BL Additional MS 48020. Ff. 26-52.

¹⁵ *Snow V. F.* Op. cit. P. 94. Этот список хранится в настоящее время в Queens College MS 172. Ff. 289-327.

¹⁶ В настоящее время хранится в коллекции Осборна в Библиотеке Байники Йельского университета. Osborne MS fb. 23. Ff. 138-172.

¹⁷ BL Harleian MS 1178. Ff. 19-26.

ных экземпляров, указывает на то, что этот труд был настоящим бестселлером в конце XVI – начале XVII в.

Основное содержание трактата Хукера и его интерпретация парламентских процессуальных норм останутся за рамками данного исследования. Здесь же нас будет интересовать исключительно историческая составляющая его работы. Хотя антикварий не ставил перед собой цели систематически и последовательно изложить историю английского парламента, его концепция прошлого этого института легко прочитывается в рассуждениях, посвященных У. Фитцуильяму и властям города Эксетера, и некоторых ремарках. Совершенно очевидно, что Хукер находился под впечатлением от одного средневекового политико-юридического трактата, который он целиком инкорпорировал в свой текст. Этот был труд, известный как *Modus Tenendi Parliamentum*, переведенный антикварием с латыни и помещенный в самом начале его работы в качестве отправной точки для сравнения старинных парламентских обычаев с теми, которые довелось наблюдать ему самому. *Modus* был единственным средневековым памятником, описывавшим структуру, функции и обычаи английского парламента, и не было ничего необычного в том, что составитель первого елизаветинского справочника подобного же рода, решил начать именно с него. Несмотря на то, что реалии, описанные в *Modus*'е уже во многом не совпадали с современными Хукеру, антикварий старался по возможности следовать структуре старинного текста, однако ему пришлось радикально изменить наполнение многих глав и добавить совершенно новые. Для нас, однако, главный интерес представляют не параллели или расхождения в содержании обоих трактатов, а то, какую роль сыграла публикация английского перевода *Modus*'а Хукером в формировании представлений об истоках английского парламента.

По мнению большинства современных исследователей, *Modus Tenendi Parliamentum* был написан приблизительно в первой трети XIV века¹⁸. Несмотря на то, что точная датировка памятника¹⁹, его

¹⁸ См. общую дискуссию об этом трактате в работах: Clarke M. V. *Medieval Representation and Consent. A Study of Early Parliaments in England and Ireland, With Special Reference to the Modus Tenendi Parliamentum*. L., 1936 (Repr. N.Y., 1964); Galbraith V. H. *The Modus Tenendi Parliamentum* // *Journal of the Warburg*

жанровая принадлежность и политическая направленность²⁰, а также соотношение между различными его редакциями²¹ остаются предметом нескончаемых дискуссий, некоторые сведения можно считать бесспорными. Текст, датируемый XIV веком, имел широкое хождение в рукописях на протяжении XIV–XV столетий, как в Англии, так и в Ирландии²². Он существует в двух редакциях – А и В (из которых В считается более ранней, и именно этой версией воспользовался Хукер в своем издании), различающихся главным образом расположением глав и незначительными текстуальными вариациями. Вы-

and Courtauld Institutes. Vol. 16. 1953. P. 81-99; *Roskell J. S.* A Consideration of Certain Aspects and Problems of the English Modus Tenendi Parliamentum // Bulletin of John Rylands Library. Vol. 50. 1968. P. 411-442; *Parliamentary Texts of the Later Middle Ages* / Ed. by Pronay N., Taylor J. Oxford, 1980. P. 3-43.

¹⁹ *Bemont M.* La Date de la Composition du Modus Tenendi Parliamentum in Anglia / *Melanges Julien Hart.* Paris, 1895. P. 465-480; *Morris W. A.* The Date of the Modus Tenendi Parliamentum // *English Historical Review.* Vol. 49. 1934. P. 407-422; *Taylor J.* The Manuscripts of the 'Modus Tenendi Parliamentum' // *English Historical Review.* Vol. 83. 1968. P. 673-688; *Parliamentary Texts...* P. 22-25, 60-63.

²⁰ Чаще всего его относят к числу юридических трактатов. См.: *Plucknett T. F. T.* Early English Legal Literature. Cambridge. 1958. Ch. V; *Pronay N., Taylor J.* The use of the Modus Tenendi Parliamentum in the Middle Ages // *Bulletin of the Institute of Historical Research.* Vol. 47. 1974. P. 11-23; *Parliamentary Texts...* P. 14-22. Но существуют и иные точки зрения на Modus как на политический памфлет, происходивший из лагеря Ланкастеров, или как на проект реформ, написанный опытным администратором, принадлежавшим к парламентским кругам. Об этой полемике см.: *Weber W. C.* The Purpose of the English Modus Tenendi Parliamentum // *Parliamentary History.* Vol. 17. Pt. 2. 1998. P. 149-177.

²¹ *Armstrong O.* Manuscripts of the Modus Tenendi Parliamentum in the Library of Trinity College, Dublin // *Proceedings of the Royal Irish Academy.* Vol. 36. 1921-1924. P. 256-264; *Hodnett D. K., White W. P.* The Manuscripts of the Modus Tenendi Parliamentum // *English Historical Review.* Vol. 34 (1919). P. 209-225; *Sayles G. O.* Modus Tenendi Parliamentum: Irish or English? / *England and Ireland in the later Middle Ages: Essays in Honour of Jocelyn Otway-Ruthwen.* Dublin, 1981. P. 122-152.

²² По-видимому, на его основе был создан сходный текст о парламентских обычаях в Ирландии. Одна из его многочисленных версий была доступна автору в Дублине: *Modus Tenendi Parliamentum et Consilia in Hiberniae.* – TCD MS 581/1. Об «ирландском» Modus'e см.: *Clarke M. V.* Op. cit. L., 1936. P. 70-124. Версию, согласно которой «ирландский» Modus предшествовал английскому см.: *Richardson H. G., Sayles G. O.* The Irish Parliament in the Middle Ages. Philadelphia, Oxford, 1952. P. 137.

деляют также класс рукописей С, появившихся в XV в. в результате сведения воедино версий А и В. Таким образом, трактат был хорошо известен в рукописях задолго до публикации Хукера.

Modus можно отнести к так называемым «малым» юридическим трактатам, восполнявшим пробелы в великих «суммах», посвященных английскому общему праву и системе судопроизводства, составленных в XIII–XIV вв. Он был призван познакомить читателя с порядком работы парламента, с особенностями формирования и организации работы этого органа. Предположительно текст принадлежал перу одного из чиновников канцелярии, хорошо осведомленного о порядке созывов и юрисдикции парламента. Его адресатами были практикующие юристы, представители королевской и местной администрации, должностные лица самого парламента. На это указывает состав кодексов, в которые преимущественно входили рукописные копии *Modus*'а в XIV–XV вв.: в большинстве случаев они представляли собой подборки правовых памятников, реже — коллекции геральдических документов, относившихся к королевским коронациям и похоронам, торжественным церемониям Ордена Подвязки, а также к обязанностям лорда-стюарда королевства и графа-маршала в парламенте (их составителей, по-видимому, также интересовал порядок призвания пэров в парламента и их иерархия). Симптоматично при этом, что ни одна из рукописных копий XIV–XV вв. не входила в состав подборок, включавших исторические памятники — хроники или антикварные коллекции²³.

Между тем, *Modus* содержал преамбулу²⁴, в которой утверждалось, что описанные ниже парламентские установления соблюдались в эпоху Эдуарда Исповедника, сына Этельреда, и были записаны по настоянию Вильгельма Завоевателя со слов представителей

²³ Proney N., Taylor J. The Use of the Modus Tenendi Parliamentum... P. 11-23; Parliamentary Texts... P. 13-14.

²⁴ 'Hic describitur modus, quomodo Parliamentum Regis Anglie et Anglorum sourum tenebatur temporibus Regis Edwardi filii Etheldredi Regis; qui modus recitatus fuit per discetiores regni coram Willielmo duce Normannie conquestore et rege Anglie, ipso conquestore hoc precipiente, et per ipsum approbatus, te suis temporibus ac etiam temporibus successorum suorum regum anglie usitatus.' — Modus Tenendi Parliamentum / Parliamentary Texts... P. 67.

англо-саксонской знати. Получив его одобрение, они якобы были вновь введены в употребление уже при Завоевателе и его потомках.

Присутствие этого предисловия в практически ориентированном «процедурном» трактате, призванном стать наставлением для юристов и чиновников парламента, на наш взгляд, пока не получило убедительного истолкования в современной научной литературе.

Вопросы об авторстве преамбулы и возможном времени включения ее в текст остаются нерешенными, но можно согласиться с мнением тех, кто считает, что стремление к сознательному «удревнению» юридических норм было в принципе свойственно английской средневековой правовой мысли, и что едва ли обладатели трактата в XIV–XV вв. видели в этой преамбуле что-то особенное²⁵. Скорее всего, они не «прочитывали» в ней то, что неожиданно открыли для себя в небольшом тексте Хукер и парламентарии XVI в.

Хукер не был ни первооткрывателем текста, ни первым его переводчиком²⁶. В XVI в. продолжали появляться списки *Modus*'а для правоведов²⁷. Еще до публикации Хукера латинский текст трактата был включен в официальный журнал палаты лордов, и клерки парламента могли обращаться к нему, сталкиваясь со сложными процессуальными проблемами²⁸. Личными экземплярами *Modus*'а вла-

²⁵ Parliamentary Texts... P. 47-49, 52. Интересно предположение о том, что ссылка на Эдуарда Исповедника могла появиться в преамбуле в связи с тем, что упоминание этого короля-святого вошло в коронационную присягу английских монархов при Эдуарде II, приблизительно в то время, когда был написан трактат. Именем Исповедника было принято освящать любые древние установления, и текст *Modus*'а не стал исключением. Weber W. C. The Purpose... P. 157.

²⁶ У него был анонимный предшественник (или предшественники. См.: Taylor J. The Manuscripts of the Modus Tenendi Parliamentum... P. 685.

²⁷ Ряд рукописных копий был доступен автору в Британской Библиотеке, в библиотеке Тринити Колледжа в Дублине, а также в Библиотеке Байники Йельского университета: BL Additional MS 12227; Harleian MSS 1309, 3504, 7371 (среди них хранится и оригинал перевода Хукера – Harleian MS 2208); TCD MS 863/2, MS 581/2; Weinecke Rare Book Library, MS 163.

²⁸ О тексте, вошедшем в журнал палаты лордов см.: Pollard A. F. T. The Authenticity of the Lords' Journals in the Sixteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. 3rd ser. Vol. 7. 1914. P. 17-40. Одна копия имелась в архиве Тауэра. Hodnett D. K., White W. P. Manuscripts of the Modus Tenendi Parliamentum... P. 224; Snow V. Op. cit. P. 51, note 4.

дели видные государственные деятели — юрист Томас Эджертон и придворный, член Тайного совета Роберт Дадли, граф Лейстер²⁹.

Более того, если иметь в виду практическое использование этого текста юристами, то интерес к нему последних должен был постепенно ослабевать на протяжении XVI века, поскольку с приходом в Англию книгопечатания принятые парламентом статуты стали регулярно издаваться, и чиновники, представители местной администрации, правоведы получили возможность знакомиться с непосредственными результатами работы каждой парламентской сессии сразу по ее окончании. В таких условиях значение явно устаревшего трактата, рассказывающего о давно изменившейся структуре парламента (автору *Modus*'а была, к примеру, неизвестна должность спикера) и о том, как там ведутся дела, неизбежно снижалось. Как текст, востребованный в юридической практике, *Modus* умирал.

Опубликовав его в «Хрониках» в составе своего трактата, Джон Хукер воскресил его в совершенно новом качестве — в качестве исторического прецедента, доказывающего существование английского парламента с англо-саксонских времен. На волне всеобщего увлечения историков англо-саксонским прошлым, в условиях возвращения Англии на стезю протестантизма и усиленного формирования национальных исторических мифов, преамбула к *Modus*'у обрела особый смысл, свидетельствуя о глубокой древности английского парламента, якобы известного задолго до нормандского завоевания.

В посвящении У. Фитцуильяму, назвав *Modus* одним из «примеров и прецедентов былых и древних парламентов», Хукер отнес его даже не к временам Эдуарда Исповедника (как, по его словам, «полагали некоторые»), а к правлению короля Эдгара, впрочем, не приводя никаких доводов в пользу такой точки зрения³⁰. Таким образом, он датировал описываемые парламентские установления по меньшей мере серединой X века. Антикварий приписывал англо-саксонской политической системе все преимущества, обыкновенно ассоциировавшиеся с благами «смешанной монархии», хотя и не

²⁹ Taylor J. The Manuscripts... P. 683; Snow V. F. Op. cit. P. 51.

³⁰ «I did then confer with the exemplars and presidents of tholde and auncient Parlements used in tymes past...the one was that which king Edgar (or as some say, king Edward the confessor) used...» — Hooker J. Order and usage... P. 206.

пользовался этим термином. В его представлении правление государей, опиравшихся на мудрых советников и старейшин, обеспечивало стране счастье и процветание, которыми Англия наслаждалась вплоть до нормандского завоевания³¹. Вторжение нормандцев нарушило гармонию в обществе и принесло с собой насилие и произвол, всегда сопутствующие единоличному тираническому правлению. Уцелевшие англичане были подобны «овцам без пастыря» или «глупым кроликам, оставленным без того, кто присматривал за садком, на милость хищников, и претерпевали под властью жестоких тиранов и кровавых захватчиков беды и наказания, которые во время подобных несчастий обрушиваются на все сословия и государства»³².

История восстановления парламентской монархии после завоевания выглядит у Хукера несколько туманно. В отличие от того, что говорилось в преамбуле к *Modus*'у, антикварий не стал утверждать, что парламент возродил уже сам Вильгельм (это слишком явно расходилось бы с его концепцией «нормандского ига»). В самом конце опубликованного им текста *Modus*'а Хукер называет восстановителем парламента Эдуарда I³³, однако в посвящении Фитцуильяму он предпочитает вообще отказаться от каких-либо конкретных дат и имен (возможно, историк не хотел, чтобы цезура в существовании парламента выглядела слишком продолжительной). Он выходит из положения, говоря о неких «добрых королях», которые по своей воле решили вернуться к наиболее разумному парламентскому способу управления. По словам Хукера, преимущества такой формы правления подтверждал опыт древних — Моисея, опиравшегося на совет старейшин, Ликурга с его эфорами, греков и Афинского совета, а также римлян, учредивших сенат. Согласно антикварию, короли Англии (по-видимому, вдохновленные библейскими и классическими примерами) вернулись к традиции смешанного правления, которая с этих пор поддерживалась и счастливо сохранялась. Имен-

³¹ Ibid. P. 206-207.

³² Ibid. P. 208.

³³ «These orders in process of time did surcesse were out of all use, few or no Parlements being kept, from the time of William the Conqueror, until the reign of king Edward the first, who by the advise of his wise and learned Counsailers prescribed a forme and order how Parlments within this realme should be observed and kept». – Ibid. P. 144.

но парламент в его глазах стал главным средством преодоления последствий «несчастий и угнетения», а изданные им мудрые законы — залогом процветания страны в будущем³⁴.

Ни объем, ни жанр посвящения не позволяли автору чрезмерно вдаваться в детали его исторической концепции. К тому же антикварий едва ли располагал убедительными аргументами в ее пользу, возможно, этим и определялись невнятность и противоречивость его повествования. Тем не менее, Джон Хукер вполне определенно высказался в пользу существования парламента в англо-саксонскую эпоху. У этой точки зрения вскоре появилось множество сторонников, как в самом парламенте, так и за его стенами.

В основном тексте трактата, посвященном собственно парламентской процедуре, историческая составляющая невелика. Тем не менее, Хукер счел нужным остановиться на некоторых моментах, связанных с эволюцией структуры парламента. В результате, из-под его пера появилась любопытная теория относительно древности и авторитета палаты общин. Исходным материалом для построений антиквария послужили некоторые пассажи из *Modus*'а, домысленные и развитые им. По его представлению, изначально парламент состоял из одной палаты, где заседали все его сословия. Превращение однопалатного органа в двухпалатный произошло следующим образом: «Прежний обычай и манера были таковы, что все разряды парламента заседали вместе в одной палате, и каждый, кто должен был говорить, делал это открыто перед королем и всем его парламентом. Но из этого проистекали многие неудобства, и потому, дабы избежать великих замешательств, случающихся в таких больших собраниях, а также не допускать случаев недовольства, которые часто имели место, когда простой человек, свободно говорил, что думал, а его либо не могли слышать, либо он навлекал на себя недо-

³⁴ «...so did these assemble all the wise, grave, expert and prudent men from of all partes of their Realms, and of them made a Senate or Parleмент, and by their advise, such good lawes were made, such wholesome order devised, and such worthy government established: as that within a short time the common wealths were delivered from the briers, weedes and thornes of miserie and oppression, and therewith also they grew and increased to good estates. And truly a more perfect or better way of government neither hath been: or can be...» – Ibid. P. 210.

вольство тех, кто был выше него; и по причине множества других великих обид [король — О. Д.] разделил эту одну палату на три, а именно: верхнюю палату, нижнюю палату и палату конвокации»³⁵.

Предложенная Хукером версия генезиса палаты общин, не уступающей древностью другим элементам парламента, была с энтузиазмом воспринята многими читателями его трактата. Заметим при этом, что картина разделения палат была всецело плодом воображения самого антиквария, поскольку в *Modus*'е нет прямых указаний на что-либо подобное. Тем не менее, его точка зрения получила распространение у юристов, и в 1593 г. спикер нижней палаты Э. Кок публично повторил рассказ Хукера (с некоторыми модификациями), безо всяких оснований ссылаясь при этом на текст *Modus*'а³⁶.

Тезис об однопалатном парламенте и изначальном единстве, а следовательно — равенстве всех его членов получил у Хукера интересное теоретическое развитие. Он утверждал, что если король должным образом пригласит на сессию светских лордов и епископов, а те не пожелают явиться, монарх вместе с общинами будет иметь право принимать решения от имени всего парламента, на том основании, что пэры королевства представляют в нем лишь самих себя, в то время как коммонеры — большую часть подданных королевства. Но если представители общин по каким-то веским причинам не откликнутся на приглашение монарха, тот не сможет принимать решения и утверждать законы с одной лишь верхней палатой в силу отсутствия у нее представительного характера³⁷.

Благодаря этому утверждению Хукер считается в истории конституционных идей одним из первых апологетов палаты общин, поставившим ее выше лордов. На первый взгляд, этот пассаж, действительно, выглядит как манифест нижней палаты, стремящейся отстоять для себя особое место в политической системе, в духе «вигской» концепции «захвата» коммонерами политической инициативы в парламентах раннего Нового времени. Однако в свете всего, что нам известно о Хукере и обстоятельствах написания его трактата, представляется, что неискушенный новичок, впервые попавший в палату

³⁵ Ibid. P. 153.

³⁶ Proceedings... Vol. III. P. 160.

³⁷ Hooker J. Order and Usage... P. 181-182.

общин, едва ли подходит на роль ее идеолога и рупора коммонеров. Объективная оценка этого пассажа может быть дана только в том случае, если мы спустимся с высот истории конституционных доктрин, стремящейся проследить сквозь эпохи филиацию неких идей, нередко игнорируя при этом конкретно-исторические обстоятельства, в которых были написаны содержащие их тексты, и обратимся к реальному контексту, в котором у Хукера возникает пассаж о том, что общинам и королю дозволено то, что не дозволено лордам.

Прежде всего, бросается в глаза, что Хукер в данном случае следует за *Modus*'ом. Однако между текстами есть и существенные различия. Автор *Modus*'а рассуждал о совместных решениях короля и общин в разделе о субсидиях монарху, вотируемых парламентом (*De Auxiliis Regis*): «король может проводить парламент с общинами своего королевства без епископов, графов или баронов при условии, что их приглашали в парламент, даже если ни один епископ, граф или барон не явился на вызов; поскольку было время, когда не было ни епископа, ни графа, ни барона, а короли все же собирали свои парламенты. Но в противном случае все обстоит по-другому: представьте, что коммонеры, светские и духовные³⁸, призваны в парламент, как надлежит по закону, и по каким-то причинам они не желают прибыть, если, например, они утверждают, что король управляет ими не так, как следует, и указывают на конкретные дела, в которых он управлял неверно, — тогда не будет парламента вовсе, даже если бы все архиепископы, епископы, графы и бароны и все их равные присутствовали вместе с королем. И поэтому необходимо, чтобы все решения, которые следует утвердить, отменить, даровать или отвергнуть с помощью парламента, должны быть одобрены общиной парламента, состоящей из трех парламентских разрядов или степеней, а именно: прокторов от духовенства, рыцарей от графств, горожан и бюргеров, которые представляют всю общину Англии, а не магнатами, так как каждый из них присутствует в парламенте от имени своей собственной персоны, и не от кого другого»³⁹. Таким

³⁸ Здесь имеются в виду так называемые «прокторы» от духовенства, которые заседали в нижней палате парламента в XIV в.

³⁹ *Modus Tenendi Parliamentum*... P. 77.

образом, этот пассаж в *Modus*'е о неправомочности решений государя и пэров без общин относился исключительно к вопросу о налогообложении и служил подтверждением известной максимы о том, что «касающееся всех, должно быть одобрено всеми»⁴⁰.

Посмотрим, в каком контексте сходные идеи развиваются у Хукера. Прежде всего, бросается в глаза, что он помещает свои рассуждения в иной раздел, которому нет аналога в *Modus*'е: «О достоинстве, власти и авторитете парламента и его постановлениях». В нем антикварий рассуждает о парламенте как законодательном органе. По словам Хукера, король знать и общины «могут совместно при общем согласии устанавливать и вводить в действие любые законы, распоряжения и статуты для общего блага, но, будучи разделены, по отдельности друг от друга они не могут ничего: ибо король, хотя он и глава, один не может создать никакой закон, не может этого и король лишь с его лордами, не может только король с общинами, не могут лорды и общины без короля сделать что бы то ни было и быть правомочными. И, тем не менее, если король должным образом призвал всех своих лордов и баронов, а они не прибыли; или, если прибыли, то не явились; или, если явились, не делают ничего и ни на что не соглашаются, — тогда король с согласия общин (которые представлены рыцарями, горожанами и бюргерами) может учредить и принять любой акт или закон, которые будут так же хороши, достаточны и действительны, как если бы лорды дали свое согласие. И напротив, если общины созовут, а они не приедут; или, прибыв, не появятся; или появившись, не будут соглашаться делать что-то, приводя какие-то справедливые, веские и серьезные доводы, в таких случаях король не может со своими лордами выработать, создать или установить ка-

⁴⁰ По поводу политического или конституционного значения этого места в *Modus*'е велась оживленная полемика. Некоторые исследователи полагали, что за ним стояли реалии политической борьбы и соперничество палат в первой половине XIV в., другие совершенно отказывали данному пассажи в конституционном содержании, настаивая на том, что он имел чисто «семантический» смысл. По мнению последних, утверждая, что парламента не существует без общин, автор пытался лишь отделить эту ассамблею от других собраний короля и его «совета» с участием прелатов, баронов и судей для обсуждения самых разных вопросов, в то время как парламента обязательно предполагал полноту представительства от всех сословий. См.: *Weber W. C. Op. cit. P. 172.*

кой-либо закон, и причины тому следующие. Когда парламенты зарождались и были учреждены впервые, не было прелатов или баронов парламента, а светских лордов было очень мало или не было вовсе, в то время король и его общины составляли полный парламент, и с тех пор их власть никогда не была сокращена. Опять же, каждый барон в парламенте представляет только свою собственную персону и говорит лишь от своего лица, но в рыцарях, горожанах и бюргерах представлены общины всего королевства. И каждый из них дает согласие не только за себя, но и за всех, от кого он послан»⁴¹.

Таким образом, Джон Хукер существенно расширяет контекст размышлений о правомочности решений, принятых парламентскими сословиями, перенося обсуждение этого вопроса в плоскость законотворчества. Справедливости ради следует заметить, что, прежде всего он подчеркивает неспособность любого из них в отдельности, как и различных конфигураций из двух парламентских элементов, принимать решения без учета мнения третьего. В этом смысле, с его точки зрения, король и общины будут столь же беспомощны, как и король вместе с лордами. Речь не идет о конституционных претензиях и амбициях, которые возникли, например, в годы гражданских войн у депутатов-левеллеров, настаивавших на том, что парламент может в принципе обойтись и без короля, и без палаты лордов. Тем не менее, Хукер действительно подчеркивал, что представительный характер палаты общин обеспечивал ей совершенно особую, доминирующую роль в законотворчестве (при условии конструктивного сотрудничества и согласия между коммонерами и королем). Невозможно отрицать, что его концепция древнего англо-саксонского парламента, состоявшего только из монарха и общин, а также пафос утверждения особой роли последних в законотворческом процессе содержали в себе определенный идеологический заряд.

То же самое можно сказать о еще одном фрагменте в тексте Хукера. И в этом случае исходным моментом в его рассуждениях являлся тезис об однопалатных парламентах прошлого. Присутствие в них лордов и общин, якобы заседавших вместе, позволяет антикварию сделать вывод об их принципиальном равенстве. В его глазах, в

⁴¹ *Hooker J. Order and Usage...* P. 181-182.

период парламентской сессии и те, и другие — пэры королевства, и потому «мнение, приговор и суждение скромного бюргера имеют такую же ценность, как и первейших лордов»⁴². Источником вдохновения для Хукера, видимо, послужило сходное по духу утверждение в *Modus*'е⁴³, но именно он вывел его на уровень обобщения.

Идея равенства двух палат в процессе законотворчества, а также пэрского статуса всех без исключения парламентариев в период сессии, подкрепленная ссылками на общие исторические истоки, была, безусловно, необычной, но вовсе не обязательно «неортодоксальной» или «граничившей с политической ересью», как ее порою оценивали⁴⁴. В конечном счете, реальное влияние каждой из палат постоянно проявлялось в их способности налагать «вето» на любой законопроект. С этой точки зрения, король, лорды и общины, действительно были равны, обладая одинаковыми возможностями.

Однако нетрудно заметить, что Хукер делает акцент не столько на праве палаты общин отвергнуть какой-то закон, сколько, наоборот — провести с согласия монарха акт, в котором она заинтересована, в случае полного безразличия к нему или даже обструкции со стороны лордов. Это основная идея, составляющая суть процитированного выше пассажа, не случайно над сходными формулировками

⁴² «The Lords and Commons (in times past) did sit all in one house, but for avoiding of confusion they be now devided into twoo severall houses, and yet nevertheless they are of like and equall authoritie, every person of either of ye said houses being named, reputed and counted a peer of the Realme, for the time of the Parlement, ye is to say, equall, for par, is equall». – Ibid. P. 183.

⁴³ Автор *Modus*'а утверждал, что при обсуждении размеров субсидии, которую король хотел получить от своих подданных, голоса двух рыцарей, представляющих графство должны цениться выше, чем голос лорда, а двух прокторов от рядового духовенства – выше епископа. – *Modus*... P. 77.

⁴⁴ *Snow V. F.* Op. cit. P. 65. О том, что подобные взгляды были не чужды и другим представителям политического «истэблишмента», свидетельствует, в частности, анонимный трактат «A Discourse upon the Exposition and Understanding of Statutes (1569) / Ed. by Thorne S. E. San Marino (Cal.), 1942. По мнению П. Уорда, его автором мог быть Томас Эджертон, позднее – лорд-канцлер королевства. – *Ward P. L.* (Ed.) *William Lambarde's Notes on the Procedures and Privileges of the House of Commons (1584)*. L., 1977. P. 14. Кем бы ни был автор этого текста, он утверждал, что коммонеры имеют в парламенте больший вес, чем лорды или епископы, прибегая к тем же аргументам, что и Хукер.

Modus'а елизаветинский антикварий надстраивает новую конструкцию: «если [лорды – *О. Д.*] явились, но не делают ничего и ни на что не соглашаются... король с согласия общин... может учредить... любой акт или закон»⁴⁵. На первый взгляд, подобная ситуация саботажа со стороны пэров кажется абсолютно гипотетической, и автор выглядит педантом, рассуждающим о том, что едва ли было возможно в действительности. Но так ли это? Почему этот мотив возникает у Хукера и проводится им с такой настойчивостью? Что вообще побудило антиквария, который был неопытным новичком в парламенте, акцентировать внимание именно на такой ситуации, когда лорды не склонны действовать, а общины настаивают на своем? Как известно, Хукер не был политическим писателем и теоретиком, которого интересовали гипотетические положения. Не был он и трибуном-оппозиционером. Весь реальный парламентский опыт этого «заднескамеечника» сводился к тому времени к его участию в сессии 1571 г. Быть может, стоит пристальнее присмотреться к ее ходу и задаться вопросом о том, что в ней могло стать импульсом для рассуждений Хукера? К тому же в распоряжении историков имеется его собственный журнал этой сессии, отражавший приоритетный интерес антиквария к тем или иным событиям и прохождению законопроектов. Как это ни удивительно, но вопрос об отражении в «Порядке и обычае» непосредственных событий 1571 г. не ставился и трактат не сопоставлялся под таким углом зрения с дневником Хукера-депутата. Между тем, на наш взгляд, связь здесь налицо.

Не вдаваясь в детальный анализ хода сессии 1571 г., (подробно исследованный Дж. Нилом)⁴⁶, отметим лишь, что главными в ее повестке были вопросы, связанные с дальнейшим реформированием англиканской церкви, и меры, направленные против католиков. 1571 год стал водоразделом в отношениях умеренных англиканских епископов, принявших елизаветинские религиозные установления, и той части нижней палаты, которая полагала, что не следует останавливаться на достигнутом в процессе переустройства церкви. Окон-

⁴⁵ *Hooker J.* Order and usage... P. 181-182.

⁴⁶ *Neale J. E.* Parliament and the Articles of Religion, 1571 // *English Historical Review*. Vol. 67. 1952. P. 510-521; *Idem.* Elizabeth and her Parliaments. 2 vols. Norwich. 1965. Vol. I. P. 177-240.

чательной утраты ее надежд на то, что высшее духовенство и корона еще способны восстановить «эдвардианские» порядки и ввести модель церковного устройства, близкую к кальвинистской, еще не произошло. Те, кого позднее будет принято называть «пуританами» или «пропуританским лобби», и епископы, многие из которых были в эмиграции в годы правления Марии Тюдор и вполне разделяли доктринальные положения кальвинизма, нередко находили точки соприкосновения. Примером конструктивного взаимодействия прелатов и палаты общин в 1571 г. может послужить билль об обязательном посещении церкви, введший меры принуждения к этому в отношении католиков (хотя после долгих дебатов и согласований в обеих палатах на него было наложено королевское «вето»).

Однако камнем преткновения в отношениях двух палат стала попытка сторонников дальнейших реформ вынести на обсуждение корпус церковных канонов, разработанный еще во времена Эдуарда VI и известный как *Reformatio Legum*. Безуспешные попытки ввести его предпринимались, начиная с 1559 г. В 1571 г. по инициативе Т. Нортон и У. Стрикленда нижняя палата предложила вновь создать комитет для обсуждения церковных канонов и провести совместные консультации с палатой лордов. Епископы, разумеется, похоронили эту инициативу, не без основания полагая, что королева не позволит парламенту вторгаться в сферу ее прерогативы как главы церкви, а также не желая потакать коммонерам в этом деле. Та же участь постигла целую серию «пуританских» биллей, которые уже предлагались в нижней палате в 1566 г. Это были законопроекты, вносившие поправки в Книгу Общих Молитв и корректировавшие некоторые положения Тридцати Девяти Статей, утвержденных конвокацией 1563 г. Характерно, что при обсуждении тактики проведения этих биллей, коммонеры, предвидя реакцию епископов, решили не полагаться на их рекомендации, а действовать в обход их, обратившись с петицией нижней палаты непосредственно к королеве.

В связи с этим интересен инцидент, указывающий, на наш взгляд, на тесную связь между актуальной повесткой сессии и попытками депутатов найти любые, в том числе исторические, обоснования их права вторгаться в обсуждение церковных дел, относившихся к юрисдикции монарха и прелатов. Когда член Тайного совета Томас Смит предложил проконсультироваться с епископами по

поводу билля о посещении церкви и причастия, коллега Хукера, с которым они, несомненно, познакомились в эту сессию, юрист и антикварий Уильям Флитвуд высказался против, заявив, что данный вопрос подлежит ведению нижней палаты, поскольку почитание господина должно быть заботой каждого, а не одних лишь прелатов. В подтверждение своей правоты он сослался на то, что «согласно старинным законам... со времен короля Эдгара государи принимали церковные установления вместе со своими парламентами»⁴⁷. Нетрудно увидеть в этом утверждении влияние *Modus*'а с его концепцией древнего однопалатного парламента, в котором монарх вершил важнейшие дела вместе с общинами. Похоже, в глазах любителей древности среди парламентариев король Эдгар был не только основателем англо-саксонского парламента, но и первым государем, распространившим парламентскую юрисдикцию на дела церкви.

Дневник Хукера свидетельствует об огромном внимании, с которым он следил за судьбой биллей, призванных реформировать нравы духовенства и богослужение англиканской церкви, ежедневно фиксируя их прохождение, назначение комитетов нижней палаты и совместных конференций для консультаций с лордами⁴⁸. Он не преминул отметить одобрительное отношение палаты к пуританским инициативам⁴⁹, сделал запись о наказании, которое понес депутат У. Стрикленд за активные выступления в пользу дальнейшего реформирования церкви⁵⁰, и оставил заметки об ответе королевы на петицию общин по поводу этих биллей, а также о заключительной речи королевы в конце сессии, в которой она устроила депутатам нижней палаты форменный разнос за вторжение в сферу ее прерогативы как главы церкви, указав, что прежде эти вопросы следовало бы обсудить с конвокацией и епископами, а не с ними⁵¹.

Итак, вполне допустимо предположение о том, что именно реальные события 1571 г. и тактика пропуритански настроенных депу-

⁴⁷ Neale J. E. Elizabeth I and her parliaments. Vol. I. P. 196.

⁴⁸ Proceedings... Vol. I. P. 245-254.

⁴⁹ Ibid. P. 245.

⁵⁰ Ibid. P. 248.

⁵¹ «they sholde first have benne debated yn the Convocacon, and by the bish[op]s and not by them». – Ibid. P. 251.

татов, попытавшихся действовать через голову лордов и епископов, вызывая непосредственно к королеве, произвели на Хукера, который был убежденным протестантом, сильное впечатление, побудив его включить в свой трактат тезис о правомерности подобных действий в качестве нормы, якобы освещенной авторитетом древности⁵².

Однако какую бы роль ни сыграли политические и религиозные убеждения Хукера в складывании его представлений о месте палаты общин как извечного и равноправного участника законотворческого процесса, само обращение к прошлому было продиктовано его непосредственным участием в работе ирландского и английского парламентов. Появление его трактата было вызвано к жизни практически потребностями, и нельзя не заметить, что настоящее формировало взгляд антиквария на прошлое, как и «открытое» им прошлое, в свою очередь, оказывало влияние на представления, практику и публичные высказывания парламентариев его дней. Хукер набросал общие контуры исторической концепции существования парламента с англо-саксонских времен, которой будет суждено возобладать в сознании английской политической элиты. Не имея под собой иного обоснования, кроме нескольких строчек в преамбуле к *Modus*'у, она, тем не менее, превратилась в один из фундаментальных мифов елизаветинской исторической мысли.

⁵² О важности для Хукера религиозного вопроса свидетельствует симптоматичное отступление от текста *Modus*'а, которое он совершает, говоря о приоритетных проблемах обсуждения в парламентах. Если средневековый предшественник ставит на первое место вопросы войны и мира, то Хукер начинает с веры, она для него абсолютный приоритет и главный объект законотворчества. Более того, он специально оговаривает среди обязанностей государя и парламентариев борьбу с идолопоклонством, ложной верой, ересями и пережитками не реформированной церкви, солидаризируясь с требованиями пуритан в 1571 г. «First for Religion, for, forasmuch as by the Lawes of God and this Realme, the King next and immediately under God is his deputye and Vicar in Earth, and the cheefest ruler within his Realmes and dominions: his office, function and duty is, above all things to seek and see that God be honored in true religion and Virtue, and that he and his people doo bothe in profession and life live according to the same. Also that all Idolatries, false Religions, heresies, scismes, errors, superstitions, and what so ever is contrary to true Religion, all disorders and abuses, either among the Clergie or the Laetie, be reformed, ordred and redressed». – *Hooker J. Order and Usage*... P. 146.

Т. П. ФИЛИППОВА

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Л. А. ТЬЕРА

История не говорит: “я выдумка”, она говорит “я правда”¹

История как наука прошла сложный путь становления. К XIX в. в ней оформилась методология истории, у истоков которой стоял французский историк Луи Адольф Тьер (*Thiers*) (1797–1877), творчество которого в нашей стране, к сожалению, малоизвестно. Правда, немало внимания в своих трудах уделил ему Н. И. Кареев, которого Тьер интересовал не только как историк Французской революции и наполеоновской эпохи, но и как методолог истории. Своё понимание истории, принципов и методов её изучения Тьер изложил в многотомном труде *Histoire du Consulat et de l'Empire*.

Л. А. Тьер, историк и политик, президент Французской республики (1871–1873), «палач Парижской Коммуны 1871 года», родился 18 апреля 1797 г. в семье торговца из Марселя, разорившегося во время революции. Еще в школе он обратил на себя внимание редкими способностями, дважды писал исследования на премию Французской академии, окончил курс юридического факультета в Экс-ан-Провансе. В 1821 г. переезжает в Париж, где начинает сотрудничать с журналом “*Constitutionnel*”, для которого писал критические статьи по вопросам литературы и искусства, а также политические статьи. В 1822 г. появился сборник его статей о художественной выставке “*Le Salon de 1822*”, а в 1823 г. описание путешествия на юг («Пиренеи, юг Франции во время ноября и декабря 1822 года»). В 1830 г. Тьер с молодым историком Ф. Минье и журналистом А. Каррелелем основали газету “*Le National*”, со страниц которой постоянно звучали антидемократические лозунги и энергичные протесты против правительственного произвола. В 30-е годы Тьер делает первые ша-

¹ XII, XVIII. Здесь и далее цитаты из работ А. Тьера привожу по изданию: *Thiers M. A. Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite a l'histoire de revolution francaise: par 20 Tom. Paris, 1845–1862*. Первая римская цифра обозначает номер тома, вторая — цитируемую из него страницу. Страницы текста, не относящиеся к предисловию, будут обозначаться для удобства арабскими цифрами.

ги в политике. Он содействовал вступлению на престол Луи Филиппа. В 1830 стал членом Государственного совета. Накануне Июльской революции 1830 г. был одним из руководителей либерально-буржуазной оппозиции, а после неё превратился в реакционера. В 1832–36 гг. был министром внутренних дел. В 1836 и 1840 гг. возглавлял правительство, одновременно занимая пост министра иностранных дел. В июне 1848 г. Тьер был избран депутатом Учредительного собрания. В дни Июньского восстания 1848 г. выступал за диктатуру генерала Кавеньяка. После восстания был одним из лидеров монархической «Партии порядка». В декабре 1848 г. поддержал кандидатуру Луи Наполеона Бонапарта на пост президента. После переворота 2 декабря 1851 г., известные политические деятели, опасные для нового диктатора, в том числе и Тьер, были арестованы, а затем высланы за пределы Франции. И только осенью 1852 г. Тьер смог вернуться на родину. В этот период он не принимал активного участия в политике. Стал пассивным наблюдателем и занимался историей. В 1863 г. был избран депутатом Законодательного корпуса; примкнул к умеренно-либеральной оппозиции. После Сентябрьской революции 1870 г. был направлен «Правительством национальной обороны» в Великобританию, Россию, Австро-Венгрию, Италию с целью договориться с ними о поддержке Франции в войне с Пруссией и посредничестве в заключении мира, но успеха не добился. В феврале 1871 г. был назначен Национальным собранием главой исполнительной власти Французской республики и подписал униженный для Франции прелиминарный мирный договор с Пруссией. Революционное восстание 18 марта 1871 г. привело к провозглашению Парижской Коммуны 1871 г. Заручившись поддержкой немецких оккупационных войск, Тьер с исключительной жестокостью подавил Коммуну, стяжав позорную славу кровавого палача коммунаров. В августе 1871 г. Национальное собрание избрало его президентом Французской республики. В мае 1873 г. между правительством Тьера и монархическим большинством Национального собрания возник острый конфликт. Тьер вынужден был уйти в отставку².

² *Водовозов В. В.* Тьер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 82 томах. СПб., 1892–1907. Т. 67. С. 282–287.

В этот период большинство видных французских политических и государственных деятелей занимались историей. Не было исключением и Тьер. Здесь уместно сказать несколько слов о развитии исторической науки в XIX в., чтобы лучше понять время, в котором творил Л. А. Тьер, а также проследить его путь как историка.

В развитии европейской исторической науки период между падением Наполеоновской империи и революционными бурями 1848 г. занимает совершенно особое место. Подъем исторической науки после 1815 г. был значительным. Эта эпоха выдвигает таких историков, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж.-Ш. Сисмонди, Ф. Минье, Ж. Мишле, Э. Кине, Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Т. Маколей, Т. Карлейль, К. Ботта, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьёв. Столь небывалый интерес к истории после 1815 года понятен. В течение целой четверти века, с 1789 по 1815 гг., Европа жила необыкновенно бурной жизнью: рушились троны, с небывалой быстротой перекраивались границы, возникали и исчезали государства, бой барабанов почти непрерывно слышался на огромной территории от Мадрида до Москвы. За всеокрушительным смерчем Великой Французской революции и коротким торжеством свободы метеором пронесся Наполеон³. Перед лицом феерической смены событий нельзя было не задуматься над смыслом истории. Эпоха научила многому: она обострила видение историков, дала им возможность в новом свете понять события самых ранних веков европейской истории, протянуть от них нити к современности, подойти к пониманию движущих сил истории.

Основные сдвиги в исторической науке произошли, совершенно естественно, прежде всего, во Франции⁴. 1820-е гг. — «великое десятилетие французской историографии». Главным методологическим принципом, выработанным в историографии первой половины

³ «Пусть каждый мыслящий человек, — писал О. Тьерри, — ...проверит по собственным воспоминаниям то, что он читал или слышал о событиях прошлого, он тотчас же почувствует жизнь под пылью прошедших веков. Среди нас, людей XIX в., нет ни одного, кто не знал бы больше Велли и Мабли, больше самого Вольтера о восстаниях и завоеваниях, распаде империи, падении и реставрации династий, демократических революциях и сменяющей их реакции». Цит. по: Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 8.

⁴ Далин В. М. Указ. соч. С. 7–8.

XIX века, стал принцип историзма, который предполагал, что исторические явления должны рассматриваться в контексте той эпохи, когда они происходили. Именно в этот период сформировалась либеральная историческая школа периода Реставрации, представленная О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, Л. А. Тьером и рядом других историков, сочинения которых переиздаются и читаются до сих пор. «В течение одного десятилетия, силами одного поколения создается новая историческая наука и целый ряд шедевров»⁵.

Историки этой школы были молоды, выступали как публицисты и журналисты, участвовали в либеральной печати. В целом для либеральной школы был характерен историзм научного мышления, представления об органическом развитии общества. Отстаивая конституционную монархию, они стремились выявить в истории средних веков зарождение и генезис буржуазии и соответствующих ее интересам политических учреждений. Великий вклад французских историков эпохи Реставрации в развитие философско-исторической, а тем самым и собственно исторической мысли заключается в том, что они разработали концепцию общественных классов и классовой борьбы, для обоснования которой обратились к истории Великой Французской революции. Именно в традициях этой школы Л. А. Тьер написал свой первый обширный исторический труд «История Французской революции» (1823–1827 гг.), работу над которым он начал в 1822 г. «Труд этот был первой подробной и вместе с тем научной историей революции»⁶. Революция 1830 г. явилась рубежом в развитии исторической школы Реставрации — закончился период её «величия» и «блеска», наступил упадок. Ряд важнейших её представителей, в том числе Тьер, стали «государственными мужами»⁷.

После 1830 г. изменились и взгляды Тьера, он постепенно перешёл на консервативные позиции, что не могло не сказаться на нём как историке. В 1845 г. вышли в свет первые тома «Истории Консульства и Империи», полное название которой “*Histoire de Consulat*

⁵ Историография Нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990. С. 120.

⁶ Водовозов В. В. Указ. соч. С. 283.

⁷ Далин В. М. Указ. соч. С. 32.

et de l'Empire faisant suite à l'histoire de la révolution française», т.е. Тьер считал дело Наполеона продолжением Французской революции. К созданию этого труда он долго готовился, много путешествовал, особенно по Германии и Италии, изучая места, отмеченные кампаниями Наполеона. В научном отношении этот многотомник является продолжением истории революции, но стоит выше неё. Тьер располагал громадным объемом материалов различных архивов, в которые он получил доступ во время своего министерства. Тон этого труда несколько иной, чем в «Истории Французской революции»: о «порядке» в нём говорится больше, чем о «свободе». Главным героем является Наполеон, к которому Тьер питает настоящее благоговение, хотя и признаёт ошибочность многих его мер⁸.

Первый из двух главных трудов Тьера переведен на русский язык, из второго — лишь первые пять из 20-ти. Повторимся: творчество Тьера в нашей стране малоизвестно; как политический деятель — он известен гораздо больше, чем ученый, стоявший у истоков методологии истории XIX века. Нет ни одного специального исследования, посвященного ему, кроме коротких заметок в специальных работах⁹. Поэтому изучение Тьера как методолога истории, на наш взгляд, представляет несомненный научный интерес¹⁰.

Попытаемся в силу наших возможностей и на оригинальных источниках восполнить этот пробел. В рамках данной статьи мы ре-

⁸ Водовозов В. В. Указ. соч. С. 285.

⁹ Там же. С. 282-287; Кареев Н. И. Революция и Наполеоновская эпоха // История. Вып. XVI. СПб., 1922; Он же. Историки Французской революции. Т. 1. Л., 1924. С. 11; Он же. Французская революция в философии истории. Сыктывкар, 1998; Канн С. Назад к Тьеру // Историк-марксист. 1933. Т. 3. С. 90-94; Реизов Е. В. Французская романтическая историография. М., 1956. С. 251 и др.; Далин В. М. Указ. соч. М., 1981. С. 26-27; Смирнов В. П., Посконин В. С. Традиции Великой Французской революции. М., 1991. С. 39-40; Аванесян В. Н. Адольф Тьер и Вторая Империя // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996. С. 95-102; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и «время» в поисках утраченного. М., 1997. С. 70; Историки и история: жизнь, судьба, творчество: В 2-х тт. М., 1998. Т. 2. С. 401.

¹⁰ Были известны работы Г. Мабли «Об изучении истории. О том, как писать историю» (1755), Л. Ранке «К критике новейших историков» (1824). Позже вышел перевод труда И. Г. Дройзена «Очерк историки» (1858) в объёме 50 с.

конструируем и проанализируем исследовательскую технологию Тьера, в соответствии с которой он создавал свои исторические произведения. Прежде всего, остановимся на понимании Тьером истории как науки, ее принципов и методов изучения. Все это он декларирует в предисловии к XII тому «Истории Консульства и Империи» (1855 г.), которое было переведено нами на русский язык. Почему предисловие находится в XII томе, а не как обычно, в первом? Скорее всего, это связано с тем, что после выхода первых томов «Истории Консульства и Империи» было много критических статей с обвинением автора во лжи и в неправильном понимании истории, что и предопределило написание им предисловия в 1855 г. (первый том вышел в 1845 г.). В нем он захотел объясниться с читателями.

Представляет несомненный интерес взгляд Тьера на историю как науку. «Из всей продукции ума, самая ясная, самая целомудренная, самая высшая, и самая строгая одновременно, это история» (XII, XVII), — так Тьер говорит об истории. Она, по его мнению, должна быть единой, т.е. нельзя в истории отражать только поступки людей или только события, в едином изложении должна улавливаться связь между дипломатией, войной, администрацией, финансами и т.д. Такое изложение истории он продемонстрировал в своей «Истории Консульства и Империи». Приведём слова историка: «...нормальное состояние, когда всё в одном и когда вся история оказывается единой, эти редкие свойства есть в работе и будут высоко оценены будущими поколениями» (XII, VII). История, по Тьеру, должна оставаться единой и правдивой и тогда, когда историк описывает композицию, портрет, драму и обязательно в стиле написания: «В композиции, в драме, в портрете, в стиле история должна быть правдивой и умеренной» (XII, XIX). При точном изложении «...история должна оставаться спокойной и ясной, но вовсе не шокирующей, потому что здесь чувствуется в тёмной строгости грусть честного человека» (XII, XI). Такой цельной картины изложения исторических событий Тьер достигает, благодаря четкому определению объекта своего исследования, которым в его труде является Консульство и Империя во Франции и деятельность Наполеона Бонапарта. В предисловии Тьер проводит интересное сравнение истории с живописью и поэзией. По его мнению, эти искусства очень

близки. Живописец рисует свою картину, учась у природы, любуясь истинными чертами, и видит единственный естественный результат в правде воспроизведения (XII, XX). У истории своя картинность: «У истории своя живописность, как у живописи — живописность людей, событий — в точности и глубине наблюдения» (XII, XX). В истории, равно как в искусстве или поэзии, тоже нет права выбора между правдой и ложью, в ней надо быть точным, даже больше, чем в поэзии: «В поэзии выбирают не изменять природу, в истории тоже нет права выбора, только право приводить в порядок. Если в поэзии надо быть правдивым, более правдивым надо быть в истории» (XII, XXIII). По его мнению, существует не один, а двадцать способов написания истории, которыми писали Фукидид, Ксенофонт, Цезарь, Тацит, Коммин, Маккиавели, Сен-Симон, Великий Фредерик (Фридрих Великий — король Пруссии. — *Т. Ф.*), Наполеон Бонапарт. Других имен он, к сожалению, не называет, все эти истории написаны по-разному, но они, по мнению Тьера, превосходны (XII, VII). По его словам, он многое у них позаимствовал: «Несколько образов, которые они создали, я повторил, они хорошо сделаны» (XII, VIII).

Тьер не оставил без внимания то, какими качествами должен обладать настоящий историк. Самым главным и самым важным из них он считает *intelligence* (здесь и далее выделено мною. — *Т. Ф.*): «Всё-таки имеется ли основное достоинство, предпочтительное из всех других, которое должно отличать историка, и которое составляет его истинное превосходство? Я в это верю, я говорю сейчас, что, по моему мнению, это достоинство — *intelligence*» (XII, VIII). Это «достоинство, которое полезнее в жизни, чем все дары рассудка, исключительный талант, потому, что только он есть, в конце концов, само понимание, озарение, сила, размах, быстрота» (XII, IX). Благодаря ему, историки обладают способностью всё улавливать, видеть причины, последствия, характеры людей, их склонности, поведение (XII, VIII), а также умеют отличить правду от лжи и донести её до читателя, «не позволяют себя обмануть пустыми традициями или ложными историческими слухами, критикуют; хорошо схватывают характеры людей и времени, не преувеличивают ничего, не делают что-то слишком большим или малым, придают каждому персонажу

его истинные черты, избегают грима (из всех украшений самое неуместное в истории), изображают точно, входят в секреты событий, понимают и делают понятными, как они свершились» (XII, IX).

Только с помощью *“intelligence”* историк может понять связь между дипломатией, войной, флотом, администрацией. Её Тьер называет таинственной и мистической, олицетворяя её с рекой времени: если понять, как одно порождает другое или как одно вытекает из другого, получится настоящая история (XII, X). Необходимо также излагать ясно, разнообразно, упорядоченно, разумно (XII, XV). Последняя высшая способность, которой обладает историк, наделенный *“intelligence”*, это справедливость, которая помогает победить эмоции в себе и лучше понять людей (XII, X). Обладая *“intelligence”*, историк может создавать шедевры, воспроизвести реальную обстановку, в которой происходили события, понять условия, среди которых действовали исторические лица, характеры деятелей и мотивы, ими руководившие. Итожа, Тьер отмечает, что *“intelligence”* — счастливая способность, которая в истории отличает правду от лжи, справедливо описывая людей, поясняя все секреты политики и войны, ...помогая историку быть справедливым и, наконец, одним словом, быть великолепным рассказчиком». В конце он восклицает: **«каждый, кто обладает *“intelligence”* — настоящий гений истории!»** (XII, XV).

Конечно, по мнению Тьера, только *“intelligence”* недостаточно для написания истории, ему нужны и другие важные качества. Историк также необходимо некоторое искусство в описании, сочинении, а также в стиле. Здесь Тьер имеет в виду язык, который историк должен знать настолько, чтобы суметь понять и раскрыть «превратности мира» (XII, XV). Тьер добавляет: историк должен постоянно приобретать опыт, благодаря нему он сможет показать события, происходившие в разных местах мира «единой цепью», а также не упустить ни одного факта, не выставлять приоритеты между главными фактами и второстепенными, так как нередко в незначительном факте может оказаться причина или результат происходящих событий (XII, XV). Не менее важное качество для историка — искусство мизансцены, умение создавать образы в своём историческом произведении, улавливать ту черту в характере личности, которая

создаёт образ: «...нужно некоторое искусство мизансцен, которое требует опыта, расчёта, знания и привычки соразмерности. Но это ещё не всё: надо уметь писать, надо уметь описывать, надо улавливать в характере черту выдающуюся, в сценах главное обстоятельство, которое создаёт образ...» (XII, XVI). Главный инструмент историка — это язык, он должен быть изящным и серьёзным (XII, XVII).

Тьер был уверен, что быть историком — дар от природы, к которому прибавляется опыт, приобретенный на практике. Настоящий историк не преувеличивает и не умаляет, придает каждому персонажу его истинные черты. Только настоящий гений, в котором сходятся все качества настоящего историка, способен покорить эту *«Гордую Музу»* (XII, XVI). Так Тьер называет историю.

После раскрытия качеств настоящего историка, Тьер раскрывает правила стиля. Читатель не должен видеть присутствия субъективного мнения историка, его категорических оценок. Цель историка — абсолютная прозрачность (XII, XXVI). Стиль должен быть простым, точным, благородным, рассказ историка — без вульгарности и потрясений. Настоящий историк понимает свою роль: *«Всё изображать, никогда не показываясь»* (XII, XXVII).

Стоит отметить, что к своей исследовательской миссии Тьер относился с большим уважением, считая труд историка тяжелой кропотливой работой. Историк должен всегда говорить правду, а тот, кто лжет в истории, достоин самого серьезного осуждения, так как неточный факт может вызвать путаницу: «и никто не заслуживает большего осуждения, чем тот, кто произвольно говорит людям неправду о больших событиях истории...» (XII, II). *«Любой пропущенный факт составляет ошибку не только против точности материальной, но и против моральной правды»* (XII, XV) Как добивается Тьер этого правдивого изложения?

Для того чтобы написать правду, историк должен много работать. Самое главное в работе историка — доказать сделанное им открытие: «...когда у меня нет доказательства открытий, предмета моих сомнений, я ищу его везде, где оно может быть, я останавливаюсь только тогда, когда я его нашел, или когда я уверен, что оно не существует» (XII, II). Такие доказательства историк может найти толь-

ко в источниках, на которых основывается каждое серьёзное историческое исследование. Этому Тьер уделяет много места.

Как удалось выяснить, отличительной чертой лаборатории исторического исследования Тьера, является мощная источниковедческая база, многообразие архивных источников и тщательная работа с ними. По мнению историка, подлинную правду мы можем почерпнуть только в таких источниках, как официальные государственные документы и, особенно, переписка великих личностей (XII, III). Для написания своего труда он использовал разнообразные источники, «бесчисленные документы, содержащиеся в архивах страны»: «30 тысяч писем, составляющие личную переписку Наполеона, письма его министров, генералов, агентов полиции...» (XII, II). Тьер цитирует официальные документы, указы Наполеона, выдержки из писем. Для него очень важно, чтобы ни один факт не был упущен.

Отсюда и отличительная особенность исследований Тьера — пунктуальная реконструкция исторического процесса в его реальном времени. По мнению историка, правдивая, основанная на фактах история не может создаваться быстро, поиск источников требует очень длительного времени. Он делится с читателем своим опытом: «В итоге я занимался иногда год подготовкой, хотя мне было достаточно двух месяцев, чтобы написать один том» (XII, III). После поиска источников основной задачей историка является правдивое и доскональное изложение фактов так, как они происходили на самом деле, и это важнее, по его мнению, чем просто давать оценки событиям: «хвала, осуждение для больших событий — только пустая декламация, если всё не ставится на место правдивым изложением» (XII, III).

Выделены два этапа труда историка: 1) кропотливый поиск, сбор источников и их систематизация; 2) то, что он назвал *«технической частью истории»* (XII, III) — все поставить на место правдивым, точным изложением. Данный подход можно оценивать как традиционный для того времени: на рубеже XVIII–XIX вв. источниковедение было развито слабо, узка была источниковая база: историки работали преимущественно с нарративными источниками: мемуарами, письмами, рассказами путешественников и т.п., редко используя документальные материалы. Революция открыла для исследователей архивы, но прибегали к ним очень редко. В 1824 г. совре-

менник Тьера Л. Ранке первым применил к новой истории критический метод: «держаться как можно ближе свидетельств источников, показать, как то или иное событие действительно происходило»¹¹. В задачу историка входит реконструкция, но не оценка прошлого. Был сделан акцент на беспристрастности исследователя, обязанного при описании прошлого забыть о своём «я». Ранке предлагал использовать прежде всего документальные архивные источники. Как видим, здесь много общих моментов. Появление предисловия Тьера в XII томе можно расценивать и как влияние Ранке, его лично (они были знакомы) или его теории, которая была популярна в то время.

Суммируя сказанное, можно выделить основные черты методологии Тьера: четкое определение объекта исследования; необходимо использовать многообразные и первоклассные исторические источники; виртуозность приемов исследования; основной принцип — никогда не искажать смысла исторического документа; главное в истории — правда, только правда, и ничего другого; язык должен быть четким, ясным, образным. Всё это должно сочетаться с важными качествами историка, только тогда можно сказать: **«История не говорит: я — выдумка; она говорит: я — правда»** (XII, XVIII).

Взглянем на принципы историка с позиции современности. В своем предисловии Тьер предпочитает излагать свои принципы при помощи образов, не прибегая к строгой методологической терминологии. Если рассматривать тьеровское предисловие с позиции сегодняшнего дня, то в его «технологии» исторического исследования можно выделить три основных принципа, которых он придерживается — это объективность, критичность и историзм. В освещении истории Тьер очень много внимания уделяет объективности. Ее он достигает благодаря тщательной работе с источниками и выявлением фактов, истинность которых он подтверждает ссылками на документы. Критичность — это способность историка разобраться в добытых фактах, четко отличить правду от лжи и так называемой «условной правды» (XII, VI). По мнению Тьера, правда содержится в государственных документах и переписке великих людей. **«Условная правда»** — это мнения современников описываемых событий, к

¹¹ Чернобаев А. А. Ранке // Историки мира. Вып. 2. М., 2001. С. 68.

данному типу источников относятся в первую очередь мемуары. Историк должен быть очень осторожным в использовании мемуаров, чтобы не обмануть своих читателей и самому не обмануться «пустыми слухами и беспочвенными легендами» (XII, VIII).

Историзм Тьера — необходимость для историка проследить «естественные связи» между событиями, они позволяют объединить факты и на основании этого делать выводы исторического характера. Историзма он достигает путем подробного изложения событий. По Тьеру, последовательное и подробное изложение достоверных фактов помогает осознать причинно-следственные связи между событиями. Хотя Тьер и не писал об этой стороне принципа историзма, как и не употреблял этого термина (он возник позже), но содержание его трудов свидетельствует о том, что историк «вписывал» изучаемые им события, факты, действия личностей и социальных групп в ситуацию того времени, т.е. он не уходил, так сказать, с исторической почвы. К тому же, он показывал события в их развитии.

Кроме декларации своих принципов, Тьер считал необходимым рассказать о методе исторического исследования, называя его “*intellegence*”. Интерпретация, данная Тьером методу «понимания», позволяет сопоставить его с методом наблюдения, т.е. длительной работой над источниками, к чему он добавляет такое понятие как «дар» — знание человеческой души, умение проникать в секреты политики, государственного управления, экономики и финансов.

История для Тьера — результат деятельности множества людей, каждый из которых вносит свою лепту в исторический процесс. Превращение обычного человека в личность исторического масштаба связано у Тьера с благоприятным стечением обстоятельств. Такая личность у него получает шанс реализовать свои природные способности в полной мере. Такой личностью стал для Тьера Наполеон, которому он и посвятил «Историю Консульства и Империи». Конечно, с позиции современной науки такой подход не позволяет полностью раскрыть исторический процесс. Но в то время главное значение придавали истории государств. Рассмотрение политики доминировало в трудах и, притом, гораздо больше внимания привлекала внешняя политика, что и видно в рассматриваемом труде Тьера.

Проследим реализацию заявленных Тьером принципов и методов, на практике, в написании «Истории Консульства и Империи».

Принципы Тьера — не просто декларация, на этой основе он создавал свой труд. Необходимо отметить его тщательную работу с источниками, истинность фактов подтверждается ссылками, например, на письмо Наполеона графу Кадору (XII, 9), рапорт графа Ровиго императору (XII, 14), преамбулу Конституции VIII года (I, 109), донесение адмирала Дюмануара (III, 89), донесение Уаррена (III, 95) и др. Автор цитирует полностью документы в сносках или в тексте, или указывает архив, где был найден документ. Но в тексте есть и цитаты, не подтвержденные ссылками, содержание некоторых документов передаётся на словах, без ссылок, например, о Конституции VIII (I, 76). Этим методом Тьер пользовался и при написании «Истории Французской революции», но целью излагаемых речей было не обмануть читателя, а сократить изложение и придать ему большую ясность¹². Автор остается верен тому, что главное для историка — работа с источниками. Изучая труд Тьера, мы наблюдаем эволюцию его мастерства как историка в работе с историческими документами. В первых томах, он использует только прямое цитирование. К середине труда появляется подборка документов и больше ссылок.

Историзма Тьер достигает наиподробнеешим изложением событий, что помогает осознать причинно-следственные связи между ними. Это заметно повлияло на размер труда. Зачастую Тьер отходит от проблемного изложения и больше углубляется в описание событий. Труд Тьера поражает обилием фактов. В нём на первый взгляд много событий, которые непосредственно не относятся к теме, но, это можно объяснить тем, что его изложение подчинено хронологии, и он включает эти события в книгу потому, что они происходили именно в это время. Автор очень подробно разбирает мелочи, особенно те, которые касаются политической и военной сфер. Его современник замечал: «Тьер любит войну, он любит её страстно, ничего не упуская. В этом не сомневаюсь, главная привлекательность для

¹² Реузов Е. В. Указ. соч. С. 279.

большинства его читателей»¹³. Таким образом, Тьер остался верен принципу: главное — не упустить ни одного факта, даже второстепенного, в котором могут заключаться причины событий.

Одной из особенностей «Истории Консульства и Империи» является повествовательность. Тьер рассказывал о событиях так, чтобы у читателя не пропадал интерес к ним. То же самое мы видим в «Истории Французской революции»¹⁴. *Chauffour-Kestner* упоминает о манере письма Тьера: «Читатели, очарованные хорошей, прозрачной речью, следуют за ним неустанно, так далеко, как ему нужно их вести»¹⁵. Такое подробное и искусное повествование можно рассматривать как традицию школы Реставрации, которой Тьер следовал.

История для Тьера — это творение людей. На страницах одной книги можно встретить более 30 исторических личностей, которым Тьер дает свои характеристики. Очень большое внимание он уделяет портретам, причём на первом месте для историка стоит психологический портрет. Вот каков у него М. И. Кутузов: «Хотя ему 70 лет, полностью измученный войной и развлечениями, могущий с трудом держаться на лошади, глубоко развращенный, лживый, коварный, фальшивый» (XIV, 296). А вот его повелитель: «Александр имел ум пронизательный, сердце великодушное и необычайную приятность в обращении...» (III, 9), «...умный, пылкий, переменчивый, хитрый, не для всех доступный...» (III, 9). Интересен такой прием Тьера: в ходе повествования противопоставлять две личности, характеризуя их несколькими точными словами, например, Сиейеса и Наполеона Бонапарта. Сиейес — «ленивый, печальный, полностью погруженный в свои идеи» (I, 7). Его соперник, «который был способен работать день и ночь, которого не тревожили противоречия, который мог очаровывать людей» (I, 8). Наполеона и Людовика (Людовик Бонапарт — брат Наполеона Бонапарта, с 1806 по 1810 король вассально по отношению к Французской империи королевства Голландия под именем Людовика I. — Т. Ф.): «Луи был печален, обеспокоен,

¹³ *Chauffour-Kestner V.* Notes sur l'histoire du Consulat et de l'Empire M. Thiers, historienne. Paris, 1863. P. 7.

¹⁴ *Реузов Е. В.* Указ. соч. С. 279.

¹⁵ *Chauffour-Kestner V.* Op. cit. P. 7.

упрям, Наполеон вспыльчив, властен по характеру и по привычке всегда командовал, и никто не смел ему перечить» (XII, 90). Тьер упоминает множество имен и фактов, перечисляет министерские назначения и перестановки в военном командовании. Он создает яркие сцены с участием героев. Поражает мастерством сцена беседы Меттерниха с Марией-Луизой и Наполеоном во дворце в Париже:

«Наполеон очень старался угодить М. Меттерниху, которого он долго держал возле себя. Он особенно хотел, чтобы тот стал свидетелем счастья молодой императрицы и успокоил императора Франца по поводу судьбы его дочери. Однажды, М. Меттерних попросил аудиенции у императора, в то время как последний был у императрицы, немедленно пригласили австрийского министра во дворец. Наполеон проводил его в собственную комнату Марии-Луизы и сказал ему: “Убедитесь собственными глазами, насколько Ваша молодая экс-герцогиня несчастна и особенно то, в каком постоянном страхе она проводит свою жизнь!” Затем, оставив его на несколько минут, он добавил: “Я Вас оставлю с дамой, Вы со всей откровенностью услышите ее жалобы, и Вы сможете об этом доложить императору Францу!”. М. Меттерних удивленный, почти смущенный такой непринужденностью, остался, тем не менее, возле Марии-Луизы, которая казалась очень счастливой в своем новом положении и ему сказала с большим воодушевлением, которое она обычно проявляла: “Возможно, в Вене считают, что я очень боюсь моего грозного супруга. Так вот, передайте моим бывшим соотечественникам, что он больше боится меня, чем я его боюсь”... Разговор М. Меттерниха с Марией-Луизой продлился почти час, когда он собирался покинуть комнату, вошел Наполеон, который ему сказал со всей веселостью: “Итак, мадам, вы обо всем побеседовали, открыли свое сердце! Есть ли огромное сожаление от этого брака для благополучия женщины, которая мне себя доверила? Напишите все, о чем вы узнали, императору Францу без умалчивания”. Наконец, он увел М. Меттерниха, чтобы с ним поговорить на важные темы, которые естественным образом должны были заполнить беседы Наполеона. К несчастью, среди всех этих проявлений милости, Наполеон, когда дело касалось серьезных вещей, говоря о могуществе, о будущем или о его планах, высказывался с дерзкими остротами, злобой, надменностью, властолюбием, которые вызывали ужас у тех, кого все же он хотел успокоить. Таким образом, этот лев, на миг усыпленный рукой, которая его гладила, просыпался, вдруг рыча, если какой-либо неожиданный образ возбуждал его страшные инстинкты» (XII, 10-11).

В коротком эпизоде Тьер ярко отразил три исторических характера: австрийского министра, французского императора и его жены. Его язык автора скорее можно назвать литературным, чем научным.

Приступая к труду, Тьер уже имел точку зрения, которая заключалась в первостепенной роли «активности» субъектов истории. Первая ее составляющая — их служение на благо государства, вторая — личный успех. Бонапарт идеально подходит под это определение. Несомненно, на автора оказали сильное влияние представления об исторической роли Наполеона во французском обществе. Тьер пытался быть объективным, он показал просчеты Наполеона, но восхищение героем во многие моменты побеждает в нем критичность и объективность. Все замыслы Наполеона, даже самые невыполнимые, Тьер рассматривает, как идеи гения, а говоря о причинах неудач, пытается снять ответственность с Наполеона, обвиняя другие страны (Англию, Россию, Пруссию) в агрессивной политике против Франции, не акцентируя стремление Наполеона к господству.

Обратимся к *Chauffour-Kestner*: Тьер всегда извиняет Наполеона и восхищается им. Его книге не хватает морали. Ошибками Наполеона он признаёт только то, что ему не удалось: например, войны в Испании и в России¹⁶. Но не будем забывать о том времени, в котором Тьер создавал свой труд. В XIX в. историю стали рассматривать как средство обеспечения национального единения, воспитания граждан, служения государству и даже орудие националистической пропаганды. В «Истории Консульства и Империи» Тьер делает акцент на сильной власти Наполеона, ее положительных плодах и даже считает ее идеальной для того периода, как бы проводя параллели с состоянием дел в годы революций 1830 и 1848 гг. У историка мы находим противоречие между требованием объективности и пристрастным изложением истории, в своём труде Тьер стремится к объективности: мы видим это в тщательном изложении фактов.

Благодаря предисловию Тьера к «Истории Консульства и Империи» мы имеем возможность познакомиться с исследовательской лабораторией историка XIX века, узнать и понять некоторые традиции исторической науки того периода.

¹⁶ *Chauffour-Kestner V.* Указ. соч. С. 11-15, 69.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. В. ЛИПАТОВА

АГИТАТОР С УКАЗКОЙ В РУКАХ: УЧИТЕЛЬСТВО НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Одним из первых опытов по формированию социальной группы, угодной советской власти, стал эксперимент с учительством. Система идеологического и политического образования в 1920-е гг. была связана с реализацией декрета о ликвидации неграмотности и изменениями в организации школьного дела. Государство делало ставку на школу, признавая ее базой идеологии и советской политики. Никаких недомолвок на это счет просто не было: «школа является политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях... Наша школа должна быть коммунистической», — заявлял нарком просвещения А. В. Луначарский¹.

Политическое просвещение и изучение основ существующего строя стало цементирующим в школьной системе, т.к. до 1929 г. не было единой программы обучения. Материал школяры осваивали по трем направлениям: природа и человек, труд, общество, т.е. материалистическое понимание природы, трудовые задачи социализма и построение нового социалистического общества и борьба с капитализмом. Это полностью соответствовало политическим задачам школьного образования и возлагаемым надеждам на то, что сохранить результаты революции сможет только школа². Программы и тематика занятий, как и буквари для взрослых, призваны были решать две задачи. Одна — не просто создать новую единую совет-

¹ *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление нового человека. СПб., 2003. С. 30.

² Цит. по: *Куриева Г. А.* Общество, власть, образование в России в конце XIX – первой трети XX века (на примере Мордовского края). Саранск, 2007. Дис. ... док. ист. наук. С. 322.

скую общность, но и настроить общество на позитивный лад в весьма трудных условиях, тем самым заручиться поддержкой населения и не допускать ситуаций кризиса 1921 года. Другая задача — с помощью политики ликбеза и всеобщей начальной грамоты (всеобщее начальное образование появится в СССР только в 1931 г.) сформировать единообразное представление о существующем государственном устройстве. С некоторым допущением это можно назвать формированием альтернативной гражданской религии, одним из способов внедрения которой является всеобщее начальное образование и его агент школьный учитель, система, уже давшая свои плоды в Европе. Именно благодаря всеобщему начальному образованию не только все крестьяне стали французами, но и все французы стали республиканцами³, и как не вспомнить знаменитого немецкого канцлера Отто фон Бисмарка, говорившего, что победу во франко-прусской войне обеспечил немецкий учитель истории!

Поводом к написанию статьи стали размышления, навеянные статьей Ютты Шеррер⁴ об отношениях интеллигенции и рабочих на примере русских партийных школ за границей. Целью школы на Капри, которой руководил М. Горький, являлось создание рабочей интеллигенции. Это был чистый эксперимент, поскольку представление интеллигенции о рабочих было слишком оторвано от реальности. Предполагалось создать пролетарскую культуру и пролетарскую интеллигенцию с нуля. Эксперимент не удался, но с приходом большевиков к власти идея формирования новой пролетарской интеллигенции не исчезла, и тому подтверждение — создание Института красной профессуры. Если на «штучное производство» красных профессоров и академиков у государства еще хватало сил и времени, то на «выращивание» массового пролетарско-крестьянского интеллигента времени не было. Дореволюционный учитель — учитель-наставник с вполне четкими задачами воспитания национально-патриотических и православных убеждений. Новое общество требовало другого подхода — учителя-общественника, агитатора, не тре-

³ *Erengé Rayger*. The Invention of Tradition in Colonial Africa. P. 211-262 // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

⁴ *Шеррер Ю.* Отношения между интеллигенцией и рабочими на примере партийных школы на Капри и в Болонье // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 542-556.

бующего от ребенка размышлений и сомнений, только веры и преданности новому пролетарскому государству.

Учитель и власть: социальная реальность

Идея коренной перестройки школы и постоянное озвучивание тезиса «учит не школа, а жизнь», критика старой школы с ее муштрой и зубрежкой, новый «метод проектов» В. Н. Шульгина и М. В. Крупенина (работников института методов школьной работы) создавали иллюзию ненужности учителя, что тут же превращалось в общепринятое мнение. Тем более что ощущение перемен витало в воздухе: «Недостаток школьного строя уже давно чувствовался всяким, кто соприкасается со школой: учащимися, родителями, педагогами... Жизнь, всколыхнувшая все до основания, не могла, конечно, оставить в стороне этот нерв и основательно задела, натянула его и, конечно, всех тех, кто связан со школой... Приходится помнить, что шквал, несущийся сейчас, очищает от ветхого и старого все окружающее. И в то же время заставляет напрягать энергию до крайних пределов для скорейшего создания на месте старого, частью уже разрушенного — нового здания. В этом строительстве нам придется принимать непосредственное активное участие. Одной из самых первых и основных задач, стоящих перед нами, является объединение в тесную, сплоченную ученическую семью... И будут ли учителя с нами? ...К ним-то особенно мы обращаемся: жизнь заставит Вас не быть безразличными. Вам надо будет сделать тот или иной шаг, и бойтесь остаться одинокими, Жизнь жестоко ударит Вас. Мы же зовем всех на общую подготовку для будущей и настоящей работы»⁵.

Разделение труда на физический и умственный, распространение мнения «кто не тягает тяжести, тот не работает» не добавляло авторитета учительскому труду. Сельские учащиеся четко разводили понятия «учить» и «работать» — «учитель только учит, а ничего не делает»; «хорошо быть учителем, потому что он не работает, не пашет, не боронует, не мучится; только мучит ребят. Введение нового налога на содержание школ и учительства еще больше способствовало закреплению определения «нахлебники» по отношению к преподавателям. По Декрету СНК РСФСР от 21 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительских учре-

⁵ Вперед. Саратов. 1 сентября 1918.

ждений» большинство сельских школ было переведено на содержание местного населения. Иногда зарплата учителю выдавалась в виде продуктового пайка, например, 35 фунтов зерна (для сравнения: заведующим продотделами – 1 пуд 12 фунтов)⁶. В городах производилось отчисление части заработка городских жителей на нужды школы. Наиболее состоятельные родители требовали отказа от преподавания общественно-политических дисциплин, закона божьего, и учителя оказывались ненужными⁷.

На протяжении 1920-х гг. престиж профессии учителя резко снизился, чему в немалой степени способствовало введение всеобщей трудовой повинности. Если среди сельских школьников до революции на первом месте по популярности стояла профессия учителя, то в 1925 г. на вопрос «Какую профессию вы ни в коем случае не выбрали бы?», 49 школьников ответили — «педагога»⁸. Непопулярность профессии учителя — явление характерное для переходного периода: достаточно вспомнить плачевное положение учительства в 1990-е гг. и учительские забастовки и голодовки. Возможно, официальное наименование учительства «шкраб» (школьный работник) в символическом значении вобрало в себя негативные настроения, в начале 1920-х гг. расхожими были поговорки — «я “шкраб” — раб, т.е. существо безличное, несамостоятельное»⁹.

Педагоги как социальная группа оказались между молотом и наковальней: стремлением выжить, поскольку бедственное положение учительства было очевидным, и необходимостью доказать обществу и властям собственную пользу. С обществом было все более или менее ясно: спрос на услуги опытных учителей с дореволюционным стажем в советских учреждениях на правах «буржуазных спецов» давал возможность и заработать на хлеб, и продемонстрировать свою ученость. А власть требовала от оставшегося на своем

⁶ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 50.

⁷ Малкова Ю. Л. Социальный и материальный статус городского учительства Советской России в 1920-е годы (По материалам Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. С. 72.

⁸ Балашов Е. М. Указ. соч. С. 162.

⁹ Там же. С. 163.

посту учительства полного подчинения. Государство поставило цель превратить учительство в действенный оплот советской власти.

Суть постановления ЦК РКП(б) 1926 года «О работе среди работников просвещения» состояла во «втягивании учительства в интересы и творческую работу Советского государства...»¹⁰, в использовании общественной активности учителей в шефской работе в Красной Армии, в рабочих и сельских клубах и других культурно-просветительских учреждениях¹¹. Для этого нужно было для начала улучшить материальное положение учителей, что власти в полной мере осознали. Об этом прямо говорил секретарь Уральского обкома М. М. Харитонов на VI областной партийной конференции РКП(б) в мае 1924 года: «...сейчас самая обездоленная часть в нашем Союзе — это деревенские учителя, которые, как говорится, несут свой крест, школы не бросают, продолжая голодать и ходить оборванными. Надо улучшить материальное положение и привлечь учителя к работе среди сельских масс и тогда для меня лично ясно, что особенно в деревне, а отчасти и в городах, в лице учительства школ I ступени, мы получим мощный педагогический аппарат для пропаганды идеи советской власти среди широких масс»¹².

К 1924 г. успехи НЭПа позволили обратить внимание на материальную сторону жизни педагога с точки зрения предпосылок успеха как политико-просветительской работы среди учительства, так и его общественно-культурной работы в деревне¹³. 21 апреля 1926 г. СНК РСФСР принял специальное постановление «О мерах по улучшению положения сельского учительства», которое вводило льготы по обеспечению последних квартирами при школах, отоплением и освещением, командировками на учительские конференции, курсы повышения квалификации за счет местного бюджета¹⁴.

¹⁰ Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. С. 82.

¹¹ Гришинов П. В. Партийное руководство осуществлением всеобщего в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937). Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1983. С. 212.

¹² Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 54.

¹³ Балашов Е. М. Школа в российском обществе... С. 101.

¹⁴ Гришинов П. В. Указ. соч. С. 213.

Совнарком РСФСР в резолюции от 12 июня 1925 года потребовал от всех органов государственной власти соблюдения правовых интересов учительства и указал на недопустимость административного произвола по отношению к нему. Наконец, последним шагом в символической, но не хронологической последовательности стало заключение своеобразного соглашения о совместной деятельности учителя и власти. Постановление ЦК РКП(б) от 4 марта 1924 года «О приеме в партию сельских учителей» «...признало желательным обеспечить доступ в партию для наиболее передовых, зарекомендовавших себя с лучшей стороны сельских учителей»¹⁵. Но это не было массовой кампанией, как в период ленинского призыва в партию рабочих. Скорее, это был обряд инициализации новой ипостаси этой социальной группы, переход из ненадежной, «чужой» среды в «свою». К этому времени начинается приток молодых кадров без сомнительного происхождения и без дореволюционного опыта преподавания. I Всесоюзный учительский съезд в 1925 г. в резолюции констатировал эволюцию и рост политической сознательности учительства, зафиксировав 540-тысячную армию школьных агитаторов — членов союза работников просвещения¹⁶.

Политика в отношении учительства — это строительство нового социального здания, когда по воле архитектора-государства сначала все сносится и выравнивается, а потом возводится заново. Можно назвать этот процесс социальным манипулированием или грамотным выстраиванием социальной политики. Новая власть поставила условия — не только принятие новых идей, но и участие в их распространении, встраивание в политико-просветительскую работу.

Новый учитель: особенности подбора кадров

Новое учительство складывалось не при помощи поэтапных изменений в обществе; между прежней и новой школьной системами не было преемственности. Учительство как социальная группа сознательно конструировалось властями для того, чтобы превратить школу в среду, пригодную для выращивания убежденных защитников и приверженцев советского строя. Вместе с тем, школьный учитель должен был стать низовой частью пролетарско-крестьянской

¹⁵ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 83.

¹⁶ Шакурова В. С. Культурная революция и женский вопрос. С. 81.

интеллигенции, обслуживающей интересы власти и еще несознательного советского общества. На медленное, естественное развитие времени не было, потому политика создания педагогических кадров использовала революционные, «авральные» методы.

В основу такой работы были положены принципы классовости и массовости охвата. Представлялось, что наилучшие результаты могло дать обучение у людей близких по социальному происхождению: т.е. дети рабочих и крестьян должны были учиться у рабочих и крестьян, ставших учителями. С одной стороны, это открывало новые возможности для рабоче-крестьянской молодежи получить среднее и высшее педагогическое образование, пополнить ряды советской учительской интеллигенции, а с другой — должно было облегчить использование новых учителей на общественной работе, которая стала бы для них естественной и само собой разумеющейся.

Первый шаг по изменению социального состава учительства — квотирование мест на в педтехникумах и педвузах: приемные комиссии в отдельные годы принимали до 80% процентов в педтехникумы и до 65 % в педагогические вузы абитуриентов-выходцев из предпочитаемых властью социальных групп — из рабочих, батраков и крестьян-бедняков¹⁷. Для повышения престижа власть настоятельно рекомендовала проводить комсомолу, партии, общественным организациям разъяснительную работу с рабоче-крестьянской молодежью, чтобы вовлечь ее в систему педагогического образования и не допускать в педагогические учебные заведения бывших эксплуататоров. Часто для приемной комиссии преимущество «ценного социального кадра» над грамотным абитуриентом было очевидным¹⁸. Такой подход позволил увеличить в период с 1925 по 1929 гг. долю социально угодных властям учащихся в педтехникумах РСФСР с 15,0 % до 25,4 %, а в пединститутах — с 24,3 % до 37,3 %¹⁹.

Второй шаг — массовое привлечение в школы молодых женщин. Женщины в 1920-е годы составляли основную массу учителей, в частности в Уральской области их было 61,7%²⁰, в губерниях Верхнего Поволжья в школах 1 ступени около 60-65% педагогов-

¹⁷ Гришианов П. В. Указ. соч. С. 167.

¹⁸ Малкова Ю. Л. Указ. соч. С. 94.

¹⁹ Гришианов П. В. Указ. соч. С. 161.

²⁰ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 33.

женщин²¹, в Казанской губернии количество женщин педагогов 74,1%, в городах, вне города — 49,1 %²². Стоит отметить и тот факт, что значительная часть женщин-учительниц была незамужней²³, что способствовало привлечению их к общественной работе (некоторые из них воспринимали ее как возможность найти мужа). Незамужняя женщина нередко видела в обучении в педагогическом техникуме или вузе возможность уйти от тяжелого крестьянского труда.

В педагогических вузах в 1924/1925 учебном году женщины составляли 61,9% студентов, а в педагогических техникумах 55,9 %, в следующем году в вузах обучалось 62,5 %, а в техникумах 63 % студентов²⁴. Сфера образования, по крайней мере, школьного превратилась в женскую вотчину с самого начала формирования нового состава учителей. Это не было целью руководства, однако непопулярность профессии учителя и низкая заработная плата не привлекали молодых людей в педагогические учебные заведения. Даже дореволюционные учителя-мужчины уходили из школы, находя работу в многочисленных советских конторах и учреждениях.

Комсомольские активисты отмечали факт более лояльного отношения учителей-женщин по сравнению с учителями-мужчинами к агитационным мероприятиям. В «Положении о работе среди девушек» предлагалось обратить особое внимание на работу с учительницей, в ситуации, когда родители не пускают девочек в пионерские или комсомольские кружки из-за необходимости домашней работы, рекомендовалось обращаться за помощью к учительнице: «Через учительницу, не чуждую нам по психологии, надо втягивать девушек в комсомол»²⁵. Пленум ЦК партии в 1925 г. принял решение «усилить работу по советскому и коммунистическому просвещению работниц и крестьянок, привлекая к этому делу учительство, в особенности учительниц...»²⁶. Поле деятельности было обширным: по переписи 1926 года в европейской части РСФСР неграмотных жителей села в возрасте от 16 до 35 лет было 52,6 %.

²¹ Малкова Ю. Л. Указ. соч. С. 89.

²² Фасхутдинова Е. Н. Учительство Казанской губернии ТАССР в 1918–1930 гг. (по архивным документам). Казань, 2008. С. 17.

²³ Малкова Ю. Л. Указ. соч. С. 89.

²⁴ Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос. С. 80.

²⁵ Вопросы комсомольской работы. № 1. 1924.

²⁶ Шакулова В. С. Указ. соч. С. 81.

Третий шаг — система направлений и поручений от партии и комсомола. В системе школьного образования большая роль отводилась комсомольцам. Именно они, надежные и правильно мыслящие, должны были работать, пополнять ряды новой интеллигенции. Этот источник пополнения учительства отвечал всем критериям, предъявляемым властями к кандидатуре учителя (происхождение, что уже регулировалось комсомольскими ячейками, надежность, общественная активность и правильное мышление): «Крестьянин-бедняк, — он при первых отзвуках Октября вступил на путь общественной работы. Пятилетняя работа с 1920 года выковала из крестьянского парня тип работника массовика-общественника. Годичная учеба в губернской партшколе окончательно оформила его марксистское мировоззрение, дав умение правильно разбираться в вопросах революции»²⁷. С 1929 по 1932 гг. от комсомола было направлено в школы и на обучение 2 тыс. учителей с высшим и 35 тыс. со средним образованием, и еще 50 тыс. комсомольцев пошли работать учителями начальных классов²⁸. Эта система работала очень четко и превратилась в источник постоянного пополнения педагогических кадров. В 1930 г. было принято партийное о ежегодном направлении двадцатитысячной армии комсомольцев на учительскую работу.

Для выковки нового учителя были нужны люди, не связанные ни с социальным прошлым, ни с мировоззренческими традициями царской России. Для советской власти политическая благонадежность нового учительства — наставника «строителей светлого будущего» и «борцов за идею» была важнее, чем профессионализм.

Система подготовки учителей

Власти создали разветвленную систему подготовки и переподготовки учительства. К 1927 г. была разработана система всевозможных курсов для учителей: а) центральные курсы, экскурсии, конференции, практикумы для педагогов опорных школ I ступени и школ повышенного типа; б) областные курсы, конференции и практикумы для работников школ повышенного типа; в) окружные курсы, практикумы — для массовых работников школ; г) окружные конференции для массовых учреждений всех типов; в) районные

²⁷ Молодая Рать. Нижний Новгород. 6 января, 1925.

²⁸ Гришинов П. В. Указ. соч. С. 167.

конференции и практикумы для массовых работников всех типов школьных учреждений. Данная градация форм подготовки наглядно демонстрирует территориальный уровень, но не позволяет проследить типы обучения. Целесообразно выделить типы подготовительных структур: 1) республиканские, областные/губернские, окружные курсы; 2) педагогические конференции, практикумы, лектории; 3) пропагандистские/просветительские экскурсии, выставки, лектории; 4) педагогические техникумы; 5) педагогические вузы; 6) самообразование. Рассмотрим каждую из этих форм обучения.

Республиканские, областные/губернские, окружные курсы были рассчитаны на педагогов, уже имевших квалификацию, либо на тех, кто работал в школе, имея другое образование. В эту группу попадали и учителя с солидным дореволюционным стажем предпенсионного возраста, так как при начислении педагогам пенсий за выслугу лет дореволюционный стаж работы засчитывался только при условии состояния на советской службе не менее пяти лет²⁹. Курсы позволяли отслеживать состав учительства, их настрой, донести требования государства. Они также играли роль фильтра, так как изначально на курсы посылали тех учителей, с которыми новая власть готова была примириться, хотя бы и на время, пока не подготовит нужные ей кадры. Судьбы дореволюционного учительства и степень его надежности обсуждались на совместных совещаниях партийных комитетов и отделов просвещения и образования, начиная с 1922 года.

Ежегодно курсы проходило до 20-25 % учителей. Так, на Урале летом 1924 года 34 % учителей прошли переподготовку, а в Челябинском округе — рекордные по стране 80 % всего учительского персонала округа³⁰. В каждом учебном году программа курсов обновлялась и посвящалась определенной тематике, но более 70 % учебного времени уделялось изучению дисциплин, связанных с пропагандой коммунистической идеологии. Фактически это были слегка измененные программы партшкол, так как основной задачей курсов было формирование у учительства «пролетарского мировоззрения».

Ситуация в национальных школах была сложной. Нехватка учителей и незнание родного языка учеников приводили к появлению отвращения у детей к обучению. Например, в отчетах по Сим-

²⁹ Малкова Ю. Л. Указ. соч. С. 97.

³⁰ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 39.

бирской губернии в 1924 г. отмечалось, что 50 % учителей в школах, где обучение идет совместно с русскоговорящими детьми, не знали родного языка детей (в ситуации, когда занятия шли на национальном языке в подобном положении оказывались русскоговорящие дети). Частично проблема снималась наличием в классе двух учителей, но такое могли позволить себе далеко не все школы, поэтому на педкурсах в Симбирской губернии педагоги-чуваши изучали русский язык, историю и этнографию чувашского народа³¹.

Конференции, практикумы, лектории были наиболее приближены к педагогической деятельности. На них в основном рассматривались методы обучения, задачи советской школы, новые программы обучения (в частности, программы государственного ученого совета). Эти курсы должны были разъяснять суть трех комплексов, по которым строилась программа обучения: «Природа и человек», «Труд», «общество». Учителям предлагались разные темы на курсах для изучения этих комплексов («Наша деревня», «Домашние животные», «Охрана здоровья» и т.д.). Для реализации принципа связи обучения с жизнью учителям предлагалось использовать в обучении экскурсии на стройки, промышленные предприятия, полевые работы; беседовать с учащимися об окружающем мире, использовать исследовательский метод обучения, читать газеты и т.д. Модная в то время наука педология утверждала, что не ребенок должен приспосабливаться к системе воспитания и образования, а наоборот, система образования должна обратиться к ученику. Новые подходы не требовали зубрежки и выработки навыков каллиграфического почерка. Учащиеся городских школ создавали объединения и выступали в защиту своих прав. Саратовский Союз прогрессивных учащихся средне-учебных заведений заявлял на страницах собственной газеты о правах учащихся на свободу организаций и забастовок для «развития гражданского самосознания путем организации на широких началах школьного самоуправления» и о своем видении системы образования, где «воспитание должно преобладать над образованием»³².

Пропагандистские/просветительские экскурсии, выставки, лектории были прямо связаны с задачами использования учительства во внеучебной деятельности. После выступления Н. К. Крупской

³¹ Пролетарский путь. Ульяновск. 29 ноября, 1924.

³² Вперед. Саратов. 1 сентября, 1918 г.

в марте 1925 г. с речью о необходимости подготовки учителя, разбирающегося в вопросах экономики, истории и политической жизни края, программы курсов стали включать азы краеведения, а учителя участвовать в краеведческих обществах. Например, в Сызранское городское общество краеведения вошли 61 чел. из учителей и «других категорий городской интеллигенции»³³. В год «великого перелома» на учительских курсах была организована агрономическая подготовка, т.к. каждый учитель в порядке «агроколхозликбезхода» по особым программам должен был ликвидировать «агронеграмотность» у 15-20-ти батраков, бедняков, колхозников, середняков³⁴.

Педагогические техникумы готовили самую массовую часть учительства — вышколенных исполнителей-общественников. Эксперименты, комплексы и метод проектов позволили снизить требования и к ученику, и к профессиональной подготовке учителя. Главная задача техникума — обеспечить выполнение плана всеобщего. Рост учебных заведений этого профиля впечатлял. Если в 1925 г. в СССР было 354 педагогических техникума с 55 тыс. учащихся, то в 1929 г. уже 378 и более 74 тыс. учащихся. За 5 лет педагогические техникумы выпустили 82,5 тыс. учителей-предметников³⁵. После выхода постановления «О просветительской работе среди национальных меньшинств в РСФСР» в 1926 г. появляются новые профессионально-технические школы и техникумы в районах с компактным нерусским населением. Например, в Поволжье Мордовский педтехникум готовил учителей школы I ступени со знанием мордовского языка, основ истории и этнографии мордвы. Подготовка учителей для татарских школ стала целенаправленной с 1927 года, когда правительством республики была достигнута договоренность о бронировании на постоянной основе мест в Нижегородском татарском педтехникуме и Татарском рабфаке в Казани³⁶. Симбирский Чуваш-

³³ Рябов Г. Е. Краеведческое движение и музей города Сызрани 1920-е годы // Под сенью Клио. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 355-летию Симбирска-Ульяновска и 60-летию образования Ульяновской области / Под ред. Д. С. Точёного. Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 125.

³⁴ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 97.

³⁵ Гришанов П. В. Указ. соч. С. 156, 164.

³⁶ Клементьев Н. Деятельность государственных органов Чувашии по поддержке и развитию нетитульных национальностей республики (1924–

ский педагогический техникум стал местом сосредоточения чувашской молодежи со всего Поволжья. Для лучшей адаптации учащихся-чувашей было создано землячество из рабочих, учащихся красноармейцев, ремесленников под руководством М. Чернова³⁷.

Педагогические техникумы и их выпускники стали опорой комсомола и партии. Власти справедливо считали воспитание будущих учителей, формирование их мировоззрения, идеологических позиций важнейшей частью процесса обучения. Партийные и комсомольские организации активно вмешивались в учебный процесс и фактически учащиеся педтехникумов проходили параллельно обучение в партшколах. Члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ к 1930 г. составили 19,7 % учителей школ I ступени, большая часть партийного и комсомольского состава учительства была сформирована за счет выпускников педтехникумов³⁸. К 1930 г. более четверти учащихся педтехникумов были комсомольцами или коммунистами.

Педагогические вузы готовили учителей для старшей школы. Вузы отличались углубленной программой и более представительным партийно-комсомольским активом. Если техникумы являлись источником пополнения партийных кадров, то вузы готовили учителей из преданных партийцев и комсомольцев. Среди зачисленных в педвузы РСФСР в 1927 г. коммунисты составляли 10,8 %, а комсомольцы 33,6 %, в 1929 г. соответственно — 16,1 и 39,6 %, а к 1930 г. 76 % студентов педагогических вузов были членами партии или комсомола. Число студентов за 4 года с 1927 по 1930 год возросло с 15,4 тыс. до 41,4 тыс. человек³⁹. Отметим и более высокий процент «потерь» выпускников педвузов: до трети студентов по окончании вуза шли работать не по специальности, пополняя ряды функционеров, полностью расставшись с учительской стезей.

До 20 % учителей повышали свой уровень методом *самообразования*. В политическом просвещении учительства активно использовался метод взаимообучения в кружках. Несмотря на то, что официально учителя практически не посещали кружки политграмоты,

1930 гг.). Доступно на http://gov.cap.ru/hierarchy_cap.asp?page=/86/3743/1189/1193.

³⁷ Пролетарский путь. Ульяновск. 19 ноября, 1924.

³⁸ Малкова Ю. Л. Указ. соч. С. 97.

³⁹ Гришинов П. В. Указ. соч. С. 163.

такие методы самообразования восполняли этот пробел: они копировали принципы обучения в партшколе или кружке марксизма-ленинизма. В помощь учителю была организована подписная учительская библиотека «Педагогические курсы на дому». С 1924 по 1928 годы было выпущено более 80 наименований книг и пособий⁴⁰.

Новые функции учителя-агитатора

Школа стала испытательным полигоном для построения новых отношений власти с обществом. Ведь задача освобождения детей от контрреволюционного и религиозного влияния родителей и семьи, работала, по мнению Л. Д. Троцкого, на дело воспитания «борцов, революционеров, которые бы явились преемниками и продолжателями еще исторически незавершенной революционной традиции»⁴¹. Для этого предстояло работать не только с детьми, но и с родителями. Избирательные компании, участие в профсоюзах, многочисленных общественных организациях, атеистической пропаганде, хлебозаготовительной компании, коллективизации, просветительских мероприятий, облигационных займах... Не было ни одной сферы в жизни общества, с которой бы не соприкоснулось учительство. Учителя организовывали кружки коммунистического воспитания для рабочих на заводах, поскольку оценка эффективности учительского труда зависела от того, насколько сильно и бесповоротно ему удастся «пропитать духом партии и ее идей рабочие массы».

Быть членом месткома, культкомиссии, комиссии по охране труда, членом правления клуба, общества «Долой неграмотность», «ДОБРОХИМ», «Безбожник» — почти служебные обязанности учителя, занимающие львиную долю рабочего времени. И это к нагрузке учителя (24 часа уроков в неделю) прибавляло еще до 30 часов в неделю⁴², не считая времени на подготовку к урокам, проверку тетрадей и т.д. На это просто не хватало времени, так как «быт и вся жизнь просвещенца определяются тем или иным участием в общественной жизни, та часть работников, которая целиком и полностью вовлечена в общественную работу, занята по 12 часов в сутки, причём 25-30 % этого времени отнимает общественная работа»⁴³.

⁴⁰ Фасхутдинова Е. Н. Указ. соч. С. 19.

⁴¹ Цит. по: Куршева Г. А. Указ. соч. С. 325.

⁴² Фасхутдинова Е. Н. Указ. соч. С. 15.

⁴³ Суворов М. В. Уральское учительство в 1920–30-х гг. С. 87.

Практика привлечения учителей, школьной системы к выборам и другим общественным мероприятиям сложилась в 1920-е годы и сразу прижилась. До сих пор избирательные участки располагаются в школах, на родительских собраниях в той или иной форме озвучивается агитационная информация. Шансы у кандидата в местные депутаты встретиться с населением в рамках родительского собрания гораздо выше, чем дожидаться потенциальных избирателей, дав объявление в газете или по радио. Иначе говоря, приписанная учительству задача до сих пор жива: «Задача просвещенцев заключается в том, чтобы привлечь внимание населения к перевыборной кампании Советов через вовлечение в эту работу всего просвещенческого актива в порядке производственной и общественной нагрузки. Для этого проводились родительские и ученические собрания с разъяснением целей и задач перевыборной кампании... Учителями организовывался выпуск стенгазет, посвященных перевыборной кампании, проводился обход избирателей по домам с проведением собраний и предвыборной агитацией. Большая работа чисто технического характера была проведена просвещенцами во время отчетно-перевыборной кампании: заполнение повесток, составление и проверка списков избирателей, изготовление лозунгов, плакатов»⁴⁴.

Одной из задач работников просвещения была продажа книг в крупных селениях. Учитель агитировал на покупку книг, особенно такая агитация касалась работников библиотек. Во всяком случае, так оно представлялось авторам «Предложения об использовании учителя по распространению книги в деревне». Издателям и распространителям была необходима помощь учителей и органов управления образованием для выявления спроса и потребности населения в книгах. Хотя к современной школе эти критерии не применимы в полной мере, но все же через школу, через классных руководителей организуется подписка на газеты и журналы, собираются подписи, обеспечивается массовость на каком-либо мероприятии, распространяются книги и т.д. Это привычный информационный ресурс. Ведь очевидно, что, на рекламный проспект журнала, газеты или книги, принесенный школьником домой, даже современный занятый роди-

⁴⁴ Цит. по: Суворов М. В. Указ. соч. С. 93.

тель обратит внимание быстрее, чем на тот же самый буклет, брошенный в почтовый ящик или пришедший на электронный адрес.

Значительная часть учителей в той или иной мере не поддерживала мероприятия, не связанные с педагогическим процессом. Особое недовольство вызывало привлечение учителей для антирелигиозной пропаганды, т.к. это зачастую ухудшало их отношения с населением. По тем же причинам тяжело шла работа комиссий по коллективизации, которые организовывали посевную и хлебозаготовки. Многие учителя отказывались от участия в таких комиссиях. В результате, они подлежали увольнению, т.к. чиновники настаивали на замене их более сознательными кадрами. В то же время, эффективность учительского труда по выполнению общественной нагрузки не позволяла неподготовленным, малоопытным учителям достичь успехов на ниве просвещения. Обучение в рамках ликбеза было чрезвычайно трудным и требовало сосредоточения и терпения. При помощи одной лишь агитации и штурма нельзя было обучить взрослых людей. В этой ситуации и выяснялась нехватка педагогического опыта и профессионализма, что вместе с «несознательностью» педагогов ставило крест на учительском поприще.

* * *

Результаты этого эксперимента неоднозначны. Государству удалось добиться относительной однородности социального состава учительства. Вместе с тем снизился уровень не только самих учителей и преподавания, но и уровень выпускников школ. Если в рамках ликбеза это было не очень заметно, то по прошествии времени, после революционного внедрения массовой грамотности, критерии качества стали играть большую роль, и задача реформирования школы была снова возведена в ранг государственной. Агитационная деятельность нового учителя была более успешной. Он сочетал в себе много функций: ушедшего в прошлое общинного старосты, посредника между обществом и властями, «мальчика для битья», рупора власти, транслятора властных решений и источника информации для властей о настроениях крестьян и рабочих. Итогом политики государства в отношении учительства стало построение эффективной системы агитации и пропаганды.

Н. Г. САМАРИНА

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ: КРИЗИС ИЛИ «ОТВЕТ» НА «ВЫЗОВ»?

Генезис культуры в целом и социокультурных феноменов, к которым, безусловно, относится музей, может рассматриваться с двух принципиально разных позиций. Одни исследователи полагают, что культура возникла однократно, то ли в первобытную эпоху, то ли с рождением цивилизации, потом эволюционировала, постепенно ускоряясь в соответствии с ускорением социального развития. Возражая им, другие исследователи полагают, что культурные формы, феномены, образцы возникают непрерывно в ответ на вызовы внешней среды. Кроме того, эволюция может представлять как поступательный, прогрессивный процесс, так и совокупность бесконечно расходящихся направлений движения, соответственно культурные формы, феномены и образцы могут не только совершенствоваться, но и переживать застой, упадок, деградацию, утрату, смерть. Таким образом, происхождение культуры не является однократным событием: «На последующих этапах культурной динамики происходят как эволюционные изменения — трансформация, модернизация уже возникших культурных форм и систем — так и инновационные, когда из существующих культурных элементов возникают новые системы, выполняющие новые функции в обществе и имеющие новые смыслы и образы»¹. Изменения в культуре могут быть прогрессивными и регрессивными, постепенными, эволюционными и революционными, это могут быть состояния кризиса и стагнации, или застоя.

Ю. М. Лотман в книге «Культура и взрыв» подчеркивает, что движение культуры вперед осуществляется двумя путями: непрерывно (с осмысленной предсказуемостью) и в порядке взрыва (непредсказуемо), причем уничтожение одного полюса привело бы к уничтожению другого; «новое в технике — реализация ожидаемого,

¹ Багдасарьян Н. Г. Культурология. М., 2008. С. 81.

новое в науке и искусстве — осуществление неожиданного». «И постепенные, и взрывные процессы в синхронно работающей структуре выполняют важные функции: одни обеспечивают новаторство, другие — преемственность. В самооценке современников эти тенденции переживаются как враждебные, и борьба между ними осмысливается в категориях военной битвы на уничтожение. На самом деле, это две стороны единого, связанного механизма, его синхронной структуры, и агрессивность одной из них не заглушает, а стимулирует развитие противоположной»².

Структура культуры образно представлена Ю. М. Лотманом как состоящая из ядра и периферии. Ядро — сравнительно жестко структурированная иерархия норм, ценностей, смыслов. В процессе социализации и инкультурации, трансляции коллективного опыта происходит освоение личностью ценностей ядра. В переходные периоды происходит «размывание» ценностно-смыслового ядра культуры, что можно рассматривать как деградацию. Но если иметь в виду, что через периферию в ядро проникают культурные новообразования и элементы «других» культур, т.е. происходит культурная диффузия, то следует говорить не о деградации, а о способности приспосабливаться к изменениям среды, жизнестойкости и адаптивности. Способностью к обогащению обладают те культурные системы, которые отличаются внутренним разнообразием.

Музеи относятся именно к таким культурным системам. Во-первых, в отличие от библиотек и архивов музеи устойчиво сочетают хранительскую, собирательскую, научно-исследовательскую, презентационную и образовательно-воспитательную функции. Во-вторых, музеи хранят и презентуют все типы источников (музейных предметов): вещественные, изобразительные, вербальные, звуковые, знаковые, этнологические.

Особенностью музейной коммуникации является ее преимущественно невербальный характер. Коммуникативный акт в музее осуществляется по поводу музейного предмета (источника) и основывается на нем. Фиксированная информация о социокультурной

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв // *Он же*. Семиосфера. СПб., 2004. С. 18, 21.

реальности прочитывается, интерпретируется (декодируется) и передается музейной аудитории. В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы музейной педагогики, понимаемой как совокупность образовательной и воспитательной деятельности музеев.

Музейная коммуникация — это процесс общения музейной аудитории с культурным наследием, аккумулирующим опыт материальной деятельности, духовных исканий и традиционную культуру, как этноса, так и человечества в целом. В качестве коммуникаторов выступают источник (музейный предмет) и познающий (переживающий прошлое) субъект. Каналы коммуникации носят по преимуществу невербальный характер, что затрудняет коммуникативный акт, т.е. адекватное восприятие, понимание и интерпретацию субъектом заключенной в источнике социокультурной информации (текста). Существенную роль в коммуникативном акте играют посредники — профессиональные интерпретаторы источников. Интерпретация осуществляется на всех этапах бытования музейного предмета: отбор на хранение (комплектование), описание и атрибуция в ходе фондовой работы, установление полноты, достоверности и точности заключенной в источнике информации, отбор предмета в ходе музейного проектирования, его научная и архитектурно-художественная интерпретация, зафиксированная как в самом экспозиционном решении, так и в этикетаже (экспликациях)³.

Проблемы музейной коммуникации — лишь один из аспектов теоретических и практических музееведческих исследований, итоги бурного и плодотворного развития которых на рубеже XX–XXI вв. подведены в «Музейной энциклопедии» (Т. 1-2. М., 2001), коллективных обобщающих трудах «Музейное дело в России»⁴ и «Основы

³ Самарина Н. Г. Вербальные и невербальные аспекты музейной коммуникации // Обработка текста и когнитивные технологии: Труды VIII Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике». Т. 1. Казань, 2006. С. 173-184; Самарина Н. Г., Самарин Г. А. Когнитивные модели музейной коммуникации // Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды IX международной конференции. Казань, 2007. С. 292-299; Самарина Н. Г. Когнитивные аспекты музейной коммуникации // Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды X международной конференции. Казань, 2008. Т. 2. С. 168-182.

⁴ Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М., 2003.

музееведения»⁵, материалах конференций, сборниках статей и монографиях. Проведение научно-практических конференций и публикация продолжающихся изданий (ученых записок, трудов, вестников и сборников) стали органической составляющей деятельности и центральных⁶, и провинциальных российских музеев⁷. Безусловно, малые тиражи мешают ознакомлению музейной общественности с этими изданиями, однако музеи научились решать эту проблему с помощью электронных публикаций в глобальной сети Интернет⁸.

Становление и развитие музееведческой науки сопровождается дискуссиями, уточняющими понимание природы музея как социокультурного института, поднимающими проблему классификации музеев, оптимального сочетания музейных функций при выполнении высокой миссии сохранения и изучения культурного наследия для удовлетворения духовных потребностей человека. Бесспорно одно: музей отличается от образовательно-воспитательных и досуговых учреждений выполнением функции документирования социокультурного процесса, фиксации культурной и природной среды обитания человечества, функции сохранения свидетельств об этой среде обитания и результатах деятельности в ней человека.

Предназначение музея как социокультурного института состоит в формировании и сохранении социальной памяти, обеспечивающей преемственность поколений. В конце XX века социолог Э. Тоффлер, создатель теории волн развития цивилизации, отмечал: «Все виды памяти можно разделить на память чисто индивидуальную, или частную, не доступную для других, и память общую, открытую для совместного доступа, то есть социальную. Частная память, не разде-

⁵ Отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2005.

⁶ Издания Государственного Исторического музея: 1873–1998: Библиографический указатель / Труды ГИМ. Вып. 101. М., 1999; Издания Государственного Исторического музея: 1998–2001: Библиографический указатель / Труды ГИМ. Вып. 130. 2002; Издания Государственного Исторического музея: 2002–2007: Библиографический указатель / Труды ГИМ. Вып. 176. 2008.

⁷ Самарина Н. Г. Проблемы музейного источниковедения в изданиях провинциальных музеев (1990–2000-е гг.) // Рождественский сборник. XV: Российская провинция: история, традиции, современность. Ковров, 2008. С. 29-34.

⁸ <http://www.rostmuseum.ru/publication/main.html>

ленная с другими, умирает вместе с человеком. Социальная же память продолжает свое существование. Наша замечательная способность хранить и отыскивать информацию в общей памяти — вот секрет успешного эволюционного развития нашего вида. И поэтому все, что существенным образом противоречит тому, как мы создаем, накапливаем или пользуемся социальной памятью, затрагивает и самые истоки судьбы»⁹. Социальная (культурно-историческая) память, будучи основным связующим звеном между прошлыми эпохами и современностью, способствует идентификации и самоидентификации любого этноса и человечества в целом. Поведение человека зависит от того, как он воспринимает социокультурное окружение в самом широком смысле слова.

Хотя презентация культурного и природного наследия осуществляется не только посредством музейных экспозиций, до сих пор именно эта форма музейной деятельности рассматривается как наиболее доступная для публики и «традиционная», чем определяется актуальность проблем музейного проектирования.

Социокультурный процесс протекает и в пространстве, и во времени, каждое поколение людей стремится сориентироваться в причинно-следственной связи следующих одно за другим событий, явлений, процессов, соотнести окружающую действительность с ушедшей реальностью, что позволяет не только осознать настоящее, но и прогнозировать будущее. Таким образом, в центре внимания исследователей оказываются процессы восприятия, интерпретации, запоминания, формирования образов социокультурной действительности и их последующее влияние на поведение человека. Соответственно у каждого поколения формируются образы реальности, в основе которых лежат разные способы ее познания.

Необходимо различать *человека, творящего* культуру и историю, главного ее субъекта; *человека, познающего* социокультурную действительность, создателя нарративов и других форм интерпретации реальности; *человека, воспринимающего* и переживающего прошлое как личный опыт, обыденный или уникальный. Такая дифференциация необходима, поскольку музейная среда неоднородна:

⁹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 294.

она состоит из профессиональных интерпретаторов (музейных работников) и музейной аудитории, не обладающей профессиональными навыками. Известно деление музейной аудитории по степени подготовленности к восприятию на «знатоков», посетителей, обладающих самой общей подготовкой, и случайных (непрофильных). К сожалению, статистические данные, позволяющие дифференцировать аудиторию по степени подготовленности, отсутствуют. Однако согласно и статистическому учету, и социологическим опросам более 50 % посетителей на протяжении всего XX века составляли и продолжают составлять учащиеся средних учебных заведений.

Публичность музея как социокультурного института, его вовлеченность в диалог с посетителем, адресованность обществу, не позволяют игнорировать коммуникативный аспект музейной деятельности. Таким образом, музейный специалист познает и интерпретирует прошлое не только и не столько «для себя», для внутринаучного употребления, сколько для трансляции и презентации образов действительности музейной аудитории, своим современникам, гражданам государства. На профессиональном интерпретаторе лежит когнитивная ответственность, т.е. ответственность за то, что созданные им экспозиционные решения или другие результаты познавательной деятельности (каталоги, описания, статьи, справочные издания, компьютерные презентации и другое) транслируют образ, адекватный социокультурным феноменам, процессам, явлениям.

Наиболее адекватным представляется создание научной картины прошлого и настоящего культуры, основанной на интерпретации разных форм отражения фактов действительности — источниках, на понимании расхождения факта действительности и факта источника, стремлении отсеять субъективное видение событий создателем источника. Научный образ прошлого и настоящего культуры — это своеобразная реконструкция, результат не только установления фактов, но и выявления необходимой связи между ними, изучение не только структуры системы, но и функционирования ее частей. Методика научной реконструкции эффективно используется в фондовой, исследовательской и экспозиционной деятельности. Высокие требования к научной реконструкции оправданы. Необходимо привлечение всей сохранившейся источниковой базы, обоснованное обозначение пробелов в цепи установленных фактов.

Опыт современных музейных реконструкций был обобщен на конференции, проходившей в ГИМе в марте 2005 г.: «Сегодня совершенно очевидно невозможно показать в музее исторического процесса как такового. Это — задача историографии. Экспозиции-иллюстрации учебника, насыщенные цитатами, диаграммами, таблицами, ушли в прошлое. Задачи музейной исторической экспозиции состоит не в том, чтобы рассказывать историю, потому что музей оперирует не словами, а предметами, музейными объектами, будь то изобразительный, вещевой, картографический, нумизматический или любой другой памятник. Даже письменный источник и книга в музейной экспозиции теряют свою изначальную функцию носителя текстовой информации. Музейные предметы в контексте исторической экспозиции лишь обозначают то или иное явление или событие, не раскрывая его подробностей и нюансов. Собранные в музейный комплекс или экспонируемые отдельно, они становятся объектом интерпретации посетителем или экскурсоводом и призваны помочь посетителю полнее ощутить прошедшую эпоху»¹⁰.

Рассматривая опыт создания исторических реконструкций с использованием интерьерных комплексов, Н. Н. Чевтайкина выделяет четыре типа реконструкций. «*Первый тип* — это подлинные интерьеры, изъяты целиком из среды своего естественного обитания». *Второй тип* — «реконструирование исторической ситуации», воспроизведение типичной обстановки конкретного исторического времени с использованием мемориальных предметов разных людей. *Третий тип* — «так называемые типологические реконструкции», «содержащие условно-собираемый образ» с использованием подлинных типичных предметов. *Четвертый тип* реконструкций — смешанный из подлинных предметов и новоделов. Воссоздание определенного исторического события сопровождается созданием фона, обстановочных сцен, фигурных интерьеров¹¹.

¹⁰ Горохова Е. Г. Проблемы реконструкции исторических реалий в новой экспозиции ГИМ «Российская империя в XVIII в.» // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев / Труды ГИМ. Вып. 160. М., 2006. С. 90.

¹¹ Чевтайкина Н. Н. Исторические реконструкции и интерьеры на выставках и в экспозициях по истории XX в. // Научные реконструкции... С. 82-88.

Эффективность воздействия научной реконструкции на посетителя определяется принципами и методами построения экспозиции. Х. Оттомайер справедливо отмечает, что язык вещей, «возникающий в сфере невербальной коммуникации, формируется на основе понятий, вытекающего из общего для всех людей поиска смысла... Все исторические артефакты в ходе своего формирования, использования, демонстрации и дальнейшего применения проходят через различные состояния... Тесная взаимосвязь, в которой пребывают между собой объекты, их значение и пространственное расположение вытекают из законов, условностей, стиля и эстетических идеалов соответствующей эпохи... Совершенный образ исторической экспозиции строится с учетом возможной перепроверки аутентичности отдельных элементов, а также реконструкции единого внешнего образа»¹².

Итак, средствами музейной коммуникации создается и художественный образ социокультурной действительности, основанный на отдельных, наиболее выразительных ее фрагментах, типических чертах, символизирующих время. Художественному образу свойственна индивидуализация, явно выраженная авторская позиция, которая не может рассматриваться как взгляд целого общества на происшедшие события. Однако талантливый художник, обладающий интуицией и давший себе труд поразмыслить над действительностью, создает выразительный и достаточно адекватный художественный образ. В ряде случаев, когда художник – экспозиционер сосредоточен только на собственных впечатлениях и средствах их передачи, образ не имеет содержательного наполнения и демонстрирует ассоциации творца, которые далеко не всегда могут быть адекватно поняты музейной аудиторией.

Уместность и эффективность образно-художественного решения экспозиции зависит от профиля музея, необходимость его в литературных и художественных музеях очевидна. Соединение образа времени с образом творца (поэта, писателя, музыканта, художника) создает эффект погружения, сильной эмоциональной встряски, ино-

¹² *Оттомайер Х.* Реконструкция исторических интерьеров на выставках и в музеях // Научные реконструкции... С. 65-67.

гда культурного шока, что способствует запоминанию и последующему узнаванию этого образа. Восприятие художественного творчества, соприкосновение с ним — акт глубоко интимный, индивидуальный и (повторюсь) творческий, поэтому и рассматриваться должен не в социальном, а в психологическом контексте.

Музеи других профилей более прочно вписаны в социальный контекст, в них образно-художественные решения могут быть совершенно неприемлемы или имеют ограниченное поле для применения. Например, в исторических музеях в качестве формирования обыденного исторического сознания более уместен политический образ социокультурной действительности.

Историческая память всегда характеризовалась избирательностью, вызванной политическими интересами и идеологическими установками. Этот фактор сказывается на проблематике научных исследований, так называемой актуальности, понимаемой не как степень изученности проблемы, а как востребованность обращения к ней, диктуемая текущей социокультурной ситуацией: например, обращение к историко-революционной тематике в советский период и возникновение многочисленных ленинских музеев, в противовес этому — возникновение музеев традиционной и православной культуры в постперестроечный период. Такой политизированный, публицистический образ прошлого и настоящего очень близок музейной аудитории, он вызывает живую реакцию, выражаемую в согласии или несогласии с картиной, созданной музейными работниками.

Если политизированный образ действительности отражает и воплощает ее видение определенными социальными группами, то мифологический образ отражает идеальные устремления и чаяния целых поколений и народов. Мифологические образы свойственны любой эпохе. Один из наиболее известных мифов — миф о призвании варяжских князей, позволявший делать далеко идущие выводы об исключительном историческом пути России, лишенной антагонистических противоречий, представляющей собой нечто целостное и нераздельное, «многоярусный быт», в котором одно сословие плавно перетекает в другое, образуя внутренне единый русский народ. Мифологическим образам свойственна обобщенность, игнорирование реальных фактов, нарушающих его целостность. Профессиональными интерпретаторами мифологические образы действительности

воспринимаются отрицательно. Особую тревогу вызывает их стремительное проникновение в обыденное сознание и наукообразность.

По мнению Ю. Семенова, «Историческая наука у нас не исчезла. Продолжают создаваться и выходить в свет настоящие научные исторические труды. Но тиражи их в отличие от тиражей лжеисторических сочинений мизерны. Они незаметны на фоне бушующего потока лжеисторической литературы всех видов. Именно по лжеисторической, а не по настоящей исторической литературе судит широкая публика об исторической науке и приходит к выводу, что историология никакая не наука. Это просто-напросто набор различного рода субъективных мнений, представляющих совершенно одинаковую ценность, а тем самым и не представляющих никакой ценности, тем более научной»¹³. Ю. Семенов довольно верно охарактеризовал причины создания мифов современным гуманитарием-профессионалом: «Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Он может жаждать славы, известности, стремиться к материальному благополучию. На него давят личные и групповые (включая классовые) пристрастия, политические и иные симпатии и антипатии, общественное мнение, руководители научных учреждений, спонсоры, наконец, люди, облеченные государственной властью и т.п. Все это может привести его к искажению картины действительности»¹⁴. Учитывая социальный контекст, он предлагает называть тенденциозную и политизированную литературу *служило-мифологической*, лженаучную, распространяющую навязчивые идеи типа «новой хронологии» *брето-мифологической*, мнимонаучную, цель которой — удивить, ошарашить и развлечь — *развлекательно-коммерческой*. Резкие высказывания Ю. Семенова заостряют общие для популярной литературы и музейно-выставочной деятельности проблемы. Современный музей, поставленный в довольно жесткие финансово-экономические рамки, также склонен пойти по более легкому пути

¹³ Семенов Ю. История (историология) как строгая наука // http://scepsis.ru/library/id_155.html. С. 6. Статья опубликована в сокращенном виде под названием «Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3-36.

¹⁴ Там же. С. 1.

мифологизации прошлого. Простота, узнаваемость или, напротив, сенсационность мифа способствуют его эффективному восприятию, тем более что формирование исторического сознания происходит на фоне постоянной мифологизации прошлого и настоящего согласно горькой шутке о России как стране с непредсказуемым прошлым.

Современный человек постепенно теряет навыки восприятия письменных текстов, которые тысячелетиями и веками рассматривались как единственный источник знания о социокультурной действительности. На смену письменной (вербальной) культуре приходит культура визуальная и звуковая (фоническая). Решение проблем реконструкции образов одновременно и усложняется, и упрощается, иначе, требует выработки новых принципов и методов.

Социальная перцепция как восприятие социокультурных объектов в социокультурном контексте, окрашена и направляется эмоциями, мнениями, отношениями, установками, пристрастиями и предубеждениями людей; для нее характерны все свойства восприятия как процесса отбора, организации и интерпретации чувственных данных. Образы прошлого и настоящего, формирующиеся в процессе восприятия, несут информационную нагрузку и играют регулирующую роль в процессе взаимодействия поколений, помогают выстраивать линию поведения по отношению к ценностным ориентациям поколений, переставших играть активную роль. Изучение структуры этих образов, их объема, компонентов, степени осознанности позволяет представить процесс накопления социального опыта, а также социокультурные категории, эталоны, стереотипы, регулирующие поведение людей.

Сложность социальной перцепции обуславливает использование при ее внутренней классификации нескольких критериев, в качестве которых выступают способ и эффективность восприятия, его стадии, органы чувств, позволяющие человеку, так или иначе, извлекать информацию из музейных предметов (источников) и историко-культурных объектов, в какой бы форме они ни отражали (воплощали) социокультурную действительность.

С точки зрения способов перцепции мы можем говорить о рациональном, эмоциональном и иррациональном восприятии образов социокультурной действительности. Рациональное восприятие под-

разумеает анализ и интерпретацию опыта прошлых поколений, стремление понять причины и следствия как позитивной, так и негативной социальной деятельности наших предков и современников. Прошлое и настоящее предстают как эмпирическое пространство, позволяющее извлекать уроки и прогнозировать будущее. Иррациональное же восприятие подразумевает принятие сложившегося образа на веру, исключает его разумный анализ. Тот или иной образ может восприниматься как знак избранности народа, особого пути социокультурной эволюции, заданной бесперспективности политических преобразований и т.п. Эмоциональное восприятие, с одной стороны, способствует переживанию (вживанию — вчувствованию) и более глубокому усвоению опыта ушедших поколений, с другой стороны, интерпретация заметно индивидуализирована и лишена широкого социокультурного контекста. В музейной коммуникации эффективно сочетание рациональной и эмоциональной перцепции.

Наиболее сложный аспект проблемы социального восприятия — возможность понимания. Дело в том, что создатель носителей информации (источников) и их интерпретатор действуют в определенных конкретно-исторических условиях, что затрудняет адекватную перцепцию мотивов поступков людей, следовательно, и адекватную интерпретацию социокультурной действительности. Современное гуманитарное знание нацелено на выработку таких методов изучения и презентации образов прошлого и настоящего, которые обеспечат наиболее эффективное и плодотворное использование социокультурного опыта.

В условиях глобальных изменений в культуре использование музеями разнообразных форм музейной коммуникации — мощный стимул к активизации творческой и интеллектуальной деятельности музейной аудитории. Плохую услугу культуре и социуму оказывают ревнители «чистоты» так называемого «традиционного музея». Прогресс культуры, ее динамичность и уникальность прямо связаны с обогащением внутреннего разнообразия культурной системы.

С. А. ПОТАПОВА

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МУЗЕЕВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Музеи политической истории в нашей стране всегда занимали особое положение: прежде всего это были носители идеологии. Поэтому они находились под пристальным вниманием коммунистической партии, а это выражалось и в том, что как большие музеи крупных городов, так и малые провинциальные музеи посещались, как тогда говорили, по разнарядке. Находясь на дотациях партийной власти, и получая от нее указания о наполнении и построении экспозиции, музеи не задавались вопросом, насколько искренний интерес они вызывают у посетителей, что вообще этому посетителю нужно. Как привлечь посетителя? Такой вопрос не ставился вовсе.

Изменения в политической жизни страны не могли не отразиться на судьбах политических музеев. Смена идеологии, развенчание мифов, а во многих вопросах и поворот на сто восемьдесят градусов стали для них тяжелым испытанием. Преодолеть кризисный период смогли не все. Однако проведенные исследования позволяют говорить о том, что в большинстве случаев причиной закрытия музеев стали не идеологические соображения, а имущественные вопросы. Как правило, историко-революционные музеи занимали здания в центре города и имели значительные площади. В сочетании с вопросами о целесообразности существования подобных музеев и их финансирования, происходило выселение и закрытие музеев. Так было с музеями С. М. Кирова в Астрахани и М. И. Калинина в Москве. Музей Маркса и Энгельса в Москве в 1988 г. был закрыт на реконструкцию, но в бывшем здании музея, на бывшей улице К. Маркса и Ф. Энгельса, в новое время был открыт уже другой музей.

Второй причиной закрытия музеев следует назвать неспособность его сотрудников и, прежде всего, руководства, перестроить работу по-новому, найти новые темы для экспозиции, новые подходы к посетителям. Но полностью закрытых музеев оказалось не так много. Большинство музеев не только выжили, но стали полноправными участниками культурной жизни страны, найдя свое место в художественном пространстве.

Относительно легко произошло преобразование двух главных музеев революции — Московского и Ленинградского. Эти музеи пошли по пути преобразования в музеи современной политической истории. Справедливости ради нужно сказать, что таковыми они были все время своего существования. Экспозиции музеев не ограничивались лишь показом исторических материалов. Непременно существовали залы, где находили отражение текущие события. Сборник научных трудов Музея революции СССР за 1986 г. так и назывался «Музей и современность». Рассказывая о новом экспозиционном решении, заведующий отделом экспозиции Центрального музея революции М. А. Юхвец прямо указывает на закономерность размещения современных документов. «Широкое отражение в экспозиции найдет осуществление аграрной политики партии, история социалистического сельского хозяйства и советского крестьянства, реализация Продовольственной программы СССР»¹.

Преобразование для столичных музеев революции означало, прежде всего, раскрытие тайн прошлого, возвращение забытых и запретных тем и имен. Переходный период не обошелся без дискуссий, сомнений, и поиска наиболее приемлемых в новых условиях форм и методов формирования экспозиции. В 1991 г. в музее Великой Октябрьской революции (сейчас Государственный музей политической истории в С.-Петербурге) так сформулировали новую задачу «...дать посетителю максимально конкретный материал, не навязывая готовых ответов. В этом видится новая позиция музея, базирующаяся на плюрализме представлений»².

¹ Юхвец М. А. Музейная экспозиция: традиции и новаторство // Музей и современность. Сборник научных трудов. Центральный музей революции СССР. М., 1986. С. 107.

² Потифорова М., Кулегин А. «На отказ от «Краткого курса» // Советский музей. 1991. № 4. С. 9.

Первым шагом на пути преобразования в музеях стали выставки по наиболее острым и спорным моментам политической истории страны. Например, ленинградский музей в 1990-е годы провел серию выставок: «Сталинизм в судьбах людей», «Трудные пути демократии», «Особняк Кшесинской. Люди. Судьбы. Время»³.

Со временем круг интересов музеев расширился. Стали проводиться выставки не только на политические темы. Так, в Центральном музее современной истории экспонировались выставки: «Цветы. Путь самурая», «Руками не трогать!» — Дизайн игрушки из Германии», «Регионы России: Нижегородская Отчизна»⁴.

Гораздо сложнее пришлось региональным музеям и мемориальным музеям политических деятелей. Они испытывали двойное давление. С одной стороны, остро стояли вопросы финансового содержания, с другой — сущности самого музея, его идеологии. Значительная часть историко-революционных музеев была преобразована в филиалы крупных местных, чаще всего краеведческих музеев. Краеведческая составляющая для многих музеев стала основной.

Проследить пути, по которым происходило преобразование музеев политической истории в 1990–2000-е годы, интересно на примере некоторых музеев двух «революционных» городов — Санкт-Петербурга и Иванова.

Значительных результатов добился музей С. М. Кирова в Петербурге. Образованный по постановлению Ленинградского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов в 1938 г. как важнейший идеологический центр⁵, с начала 1990-х годов он является филиалом музея истории Санкт-Петербурга. Музей практически отказался от стандартной обзорной экскурсии по экспозиции, и предлагает своим посетителям тематические экскурсии, связанные, прежде всего, с жизнью и бытом советских людей в Ленинграде в 1930-е годы. Среди наиболее популярных экскурсий следует назвать: «За детство счастливое наше...», о жизни ленинградских детей 1920–30-х годов, «Ленинград в 1920–30-е годы. Быт партийного руководителя», «Тайны старого дома». Юные посетители погру-

³ Советский музей. 1991. № 4. С. 11-12.

⁴ <http://www.sovr.ru>

⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф 7821. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

жаются в атмосферу довоенного Ленинграда с помощью игры «Бери, что дают!», которая позволяет узнать о карточной системе тех лет и «получить» производственный паек с учетом социального происхождения. Музей весьма активно осваивает новые формы подачи материала. Сотрудники музея разработали и выпустили диск с компьютерными играми, созданными по мотивам советских настольных игр, книг и журналов 1930-х годов.

По пути создания краеведческих экспозиций пошли и два других петербургских музея: «Невской заставы» и «Нарвской заставы».

Музей «Невской заставы» был создан как народный музей революционной истории в доме рабочего В. А. Шелгунова, одного из создателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»⁶. С 1995 г. он стал районным историко-краеведческим музеем. В экспозиции, наряду с материалами по истории революционной деятельности рабочих Петербурга, представлены документы о Шлиссельбургском тракте, на котором расположена застава. Старые фотографии, открытки и документы, карты и чертежи помогают представить путь Невского района от бедной рабочей окраины до благоустроенного крупного промышленного района Санкт-Петербурга.

Краеведческие материалы музея привлекают любителей истории города. В книге отзывов члены историко-краеведческого клуба «Классика» в 2004 г. оставили такую запись: «Мы...от всей души благодарим сотрудников музея «Невская застава» за ваш подвиг — создать такой интересный музей, который открыл нам глаза на «Невскую заставу»⁷.

Подобное преобразование произошло и с музеем «Нарвская застава». Созданный, в 1972 г. как народный при горкоме коммунистической партии, и расположенный в одном из зданий, где проходили заседания VI съезда РСДРП(б), музей имел историко-революционное содержание. С июля 1990 г. он является государственным учреждением историко-краеведческого направления, экспозиция которого строится по хронологическому принципу и от-

⁶ См.: *Шолов В. В.* Народный музей революционной истории Невской заставы «Домик В. А. Шелгунова». Путеводитель. Л.: Лениздат, 1987. 95 с.

⁷ Книга отзывов музея «Невская застава».

ражает историю земель, где расположен музей. Одной из интересных находок музея стала тема жизни и деятельности Е. Р. Дашковой. Дело в том, что в 2005 г. музею была передана дача-усадебка Дашковой на Петергофской дороге, и в нем открыт филиал музея. Краеведческое направление позволило расширить научно-исследовательскую работу по региону и сделать ряд интересных открытий, касающихся истории коренных народов, проживавших в этой местности.

Еще одним признанным революционным центром был город Иваново. Являясь родиной первого Совета, город был обречен на создание историко-революционных музеев.

Музей первого Совета был открыт 4 ноября 1967 г. в историческом здании, где и проходили первые в России заседания Совета рабочих депутатов. Экспозиция представляла собой витрины с копиями документов, при почти полном отсутствии мемориальных вещей.

Со временем партийные и советские власти решили, что для такого значительного события, как образование первого Совета, музей маловат. В 1980 г. было построено новое здание площадью более 2 тыс. кв.м. Документальная экспозиция в новом здании рассказывала не только о событиях революции 1905 г. Часть материала была посвящена революции 1917 г. и становлению советского государства. Была создана диорама «Митинг Иваново-вознесенских рабочих на р. Талка. Рождение первого Совета».

После постройки нового комплекса экспозиция в мемориальном здании претерпела значительные изменения. В 1981 г. была воссоздана мемориальная обстановка мешанской управы начала XX века. По сути, он стал музеем одного события.

Революционная экспозиция была свернута в 1990 г., и несколько лет функционировала постоянная экспозиция «Человек. Душа. Духовность». В эти годы даже у музейных сотрудников сложилось впечатление, что революционная история не востребована, и в конце 1990-х годов музей был закрыт.

По прошествии времени стало ясно, что музей должен быть. Третье рождение музея произошло в 2005 г. к 100-летию первого общегородского Совета рабочих депутатов. Обновленная экспозиция построена на дневниковых записях А. Н. Ноздрин — первого

председателя Совета. Представленные документы дают возможность по-новому оценить создание первого общегородского совета рабочих депутатов. В центре музейного повествования — жизнь рабочих Иваново-Вознесенска в начале XX века. Воссозданы интерьеры квартир рабочих и служащих ткацких предприятий. В материалах стала явно прослеживаться краеведческая составляющая. В исторических интерьерах мещанской управы проводятся интерактивные программы «Научись выбирать», «Имею право»⁸.

С революционной историей Ивановского края тесным образом связана биография М. В. Фрунзе. В годы первой русской революции он был одним из активных организаторов стачечного движения в Иваново-Вознесенске и Шуе. После октябрьской революции 1917 г. занимался партийным и гражданским строительством в крае. Первый музей М. В. Фрунзе в Ивановской области был открыт в 1939 г. в Шуе, как мемориальный, раскрывающий все страницы жизни и деятельности М. В. Фрунзе. В 1992 г. на базе мемориального музея М. В. Фрунзе был открыт Шуйский музейно-культурный центр. В настоящее время в центре открыты экспозиции рассказывающие историю города Шуи, в том числе историю гражданской войны и репрессий 1930-50-х годов⁹.

Еще один историко-революционный музей был создан в Иваново в 1962 г. Это мемориальный музей-квартира М. В. Фрунзе — комиссара Ярославского военного округа. Музей располагался в историческом здании, где в годы гражданской войны работал М. В. Фрунзе. Однако само здание принадлежало областному отделу здравоохранения и использовалось городским центром госэпиднадзора. Расположенное в центре города, здание представляло несомненный интерес как объект недвижимости. И если в годы Советской власти вопрос о собственности не возникал, то в новое время владельцы потребовали освободить помещение от музейной экспозиции. В 2006 г. экспонаты были перевезены в здание музейного центра, где в одном из залов развернута экспозиция о военно-революционной деятельности М. В. Фрунзе в Ивановском крае. При этом ряд новых документов позволяет представить Фрунзе как первого губернатора Ивановской области.

⁸ ИГИКМ. Научный архив. Инвентарная книга. № 4663, № 4664.

⁹ <http://www.museum.ru/M529>

Более счастливо сложилась судьба музея другого представителя ивановской революционной истории А. С. Бубнова. Его семья, зажиточные купцы, имела большую усадьбу в центре города, где и прошли детские и юношеские годы будущего революционера-большевика. По решению Ивановского совета народных депутатов в 1978 г. в родовой усадьбе Бубновых был открыт дом-музей революционера¹⁰. Экспозиция раскрывала «революционную деятельность А. С. Бубнова в 1908–1917 гг., деятельность А. С. Бубнова в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, его деятельность, как начальника Политуправления РККА и наркома просвещения РСФСР»¹¹.

Центральное расположение усадьбы привело к тому, что, несмотря на протесты музейных работников, в 1996 г. часть построек была разрушена, и на освободившейся площади выстроен жилой дом¹². В начале 2000-х годов экспозиция претерпела значительные изменения. В настоящее время основная концепция музея заключается в представлении усадьбы как семейного очага, типичного для русской провинции XIX–XX вв.¹³

В результате серьезных преобразований, открытия новых материалов революционная история, история людей, ее творивших, заняли подобающее место в музейных залах. Эта часть истории нашей страны органически вписалась в историю местного края, стала важной ее составляющей. Музейные сотрудники проделали огромную работу не только по сохранению политического наследия, но и создания новых форм подачи материала. Музеи политической истории востребованы теперь не по партийной разрядке, а по своему богатому, содержательному материалу.

¹⁰ ИГИКМ. Научный архив. Инвентарная книга. № 3142. Л. 3, 10.

¹¹ ИГИКМ. Научный архив. Инвентарная книга. № 3142. Л. 36.

¹² ИГИКМ. Научный архив. Инвентарная книга № 4590. Л. 4.

¹³ <http://museum.chintz.ru>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. Е. КИЯСОВ

ОТ ГИЛЬДИЙ КАМЕНЩИКОВ — К ФИЛОСОФСКИМ ЛОЖАМ (МАСОНСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В АНГЛИИ XVI–XVII ВВ.)

Генезис масонского движения не может быть представлен в качестве научной проблемы без преодоления устоявшегося мифа о якобы библейском и ремесленном происхождении лож «вольных каменщиков». О недостоверности подобных утверждений свидетельствует и то, что их авторами выступили сами масоны. Они стремились презентовать общественности максимально «древнюю», «божественную» историю масонского Ордена, восходящую к эпохе строительства храма царя Соломона¹. Эта позиция опиралась и на очевидную заинтересованность родоначальников современного масонства в пропаганде дохристианских и христианских духовно-нравственных ценностей, рациональный синтез которых должен был привести к рождению новой мировой религии. Однако, как показали новейшие исследования, становление масонства произошло в XVI–XVIII вв. и было связано с коренной модернизацией светских (Возрождение, Просвещение) и религиозных (Реформация) представлений². Таким образом, загадка превращения средневековых ремесленных цехов и гильдий в места собраний творческой элиты Нового времени требует дополнительных изысканий. Особый интерес вызывает английская составляющая проблемы, поскольку именно в Лондоне была провозглашена первая масонская Великая ложа.

¹ The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L., 1723.

² *Stevenson D.* The first freemasons: Scotland's early lodges and their members. Aberdeen, 1988; *Short M.* Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. L., 1990; *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1997.

Ремесленные гильдии Англии появились в XI в. Поскольку местные городские общины были образованы на королевской земле, английские мастера поначалу не обладали такими широкими правами самоуправления, каких удалось добиться их континентальным собратьям. Что же касается развития и распространения ремесла, то многочисленные английские города ни в чем не уступали остальной Европе. Ко времени всеобщей переписи Вильгельма Завоевателя (конец XI в.) здесь насчитывалось около восьми десятков городов. В период правления Эдуарда I (1272–1307) в Лондон съезжались представители более чем 180 городов³.

Взаимоотношения между короной и ремесленными цехами в Англии складывались непросто. В этой сфере многое, если не все, зависело от воли монарха. Например, именно он давал разрешение на создание гильдии⁴. Суверен принимал решение не только о предоставлении каких-либо привилегий, но и по поводу закрытия цеха⁵. Принадлежность к гильдии означала многое, этот статус не просто защищал, но и давал быструю возможность приобрести права фримена, то есть полноправного члена городской общины. Наиболее акцентировано это правило использовалось в Лондоне. В 1319 г. в хартии, которую подписал Эдуард II, было сказано, что никто не сможет стать фрименом столицы, если не будет принадлежать к какой-нибудь городской мистерии или профессии, то есть к гильдии⁶.

В XVI в. члены гильдий и братств составляли две трети всего городского населения Англии⁷. Текстильная, кожевенная, металлообрабатывающая и строительная отрасли были наиболее развитыми в городском хозяйстве. Королевская власть внимательно наблюдала за состоянием дел в экономике и время от времени вносила свои

³ Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов, 2005. С. 98.

⁴ Хартии, статуты и ордонансы, которые давали гильдиям возможность законного существования, составлялись канцлером казначейства или главным юстициарием (верховным судьей).

⁵ В 1202 г. король Иоанн Безземельный объявил о запрете лондонской гильдии ткачей.

⁶ Чернова Л. Н. Указ. соч. С. 92.

⁷ Clarkson L. A. The pre-industrial economy in England. 1500–1700. N.Y., 1972. P. 80.

коррективы. В 1363 г. Эдуард III (1327–1377) издал статут, согласно которому каждый торговец мог торговать только одним товаром, а ремесленник — производить лишь ту разновидность продукции, которая была закреплена за его цехом. Одновременно король запретил ремесленным гильдиям осуществлять торговые операции⁸.

Жесткий контроль властей и поощрение ими политики «замыкания цеха» вызвали к жизни статут Генриха VII (1503), в котором ремесленникам запрещалось утверждать какие-либо собственные акты или ордонансы⁹. Этот документ был направлен, в первую очередь, против многочисленных братств поденщиков, учеников и подмастерьев, боровшихся за свои права с цеховыми мастерами. Отметим, что принятие такого запрета создавало серьезные препятствия для возникновения в Англии спекулятивных, неремесленных масонских лож, которые предпочитали действовать по особым статутам, объявлявшимся, как правило, «Старыми Предписаниями» (*Old Charges*) или «Старыми Конституциями» (*Old Constitutions*). Впрочем, подобные распоряжения монархов нередко оставались формальными. Будучи не в силах остановить начавшееся социальное расслоение в гильдиях, они лишь на короткое время фиксировали внимание общества на деталях столь многообразного процесса.

Вполне определившееся к XV в. имущественное неравенство ремесленников привело к процессу так называемой амальгамации, которая означала поглощение бедных производственных корпораций более богатыми, как правило, торговыми. Эти события ускорили разложение цеховой системы и способствовали развитию раннекапиталистических отношений. Подобные тенденции, совпавшие с важными событиями и явлениями в английском обществе (научная революция, торжество англиканской церкви, усиление власти парламента), создали благоприятные условия для зарождения «еретического», внеремесленного масонского движения.

Первые упоминания о профессиональной деятельности английских строителей-каменщиков относятся к 1390 г. Речь идет о «Старых Предписаниях» ремесленников-строителей Йорка, положивших

⁸ Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1983. С. 86.

⁹ В 1549 г. в Англии был принят статут против объединений наемных рабочих. Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2003. С. 147.

начало документально подтвержденной истории масонов¹⁰. При этом специалистами оставлены в стороне легендарные, эпические деяния, якобы осуществленные в этой области представителями ранней, саксонской династии. В частности, поставлен под сомнение рассказ Дж. Андерсона о собрании 926 г. английских каменщиков в Йорке под эгидой принца Эдвина. По словам одного из родоначальников Великой ложи Лондона, его главными итогами стали дарованная масонам первая Конституция и порядок регулярных собраний, предназначенных для обсуждения внутренних вопросов¹¹.

Своего пика в развитии ремесленные гильдии каменщиков достигли лишь в XIV в. Отчасти это было вызвано тяжелыми демографическими последствиями эпидемии чумы 1348–1349 гг. Их результатом стал острейший дефицит квалифицированных строителей. Оставшиеся в стране немногочисленные мастера попытались оказать организованное давление на власти с целью повышения оплаты труда. Однако, как и во Франции, активная борьба ремесленников за свои права вызвала сопротивление английских властей.

Несмотря на очевидные перегибы, время от времени допускавшие властями в отношении ремесленников-строителей, они контролировались и направлялись собственным, цеховым руководством. С учетом положений, содержащихся в пожалованных королем хартиях, старшины гильдий разрабатывали и утверждали так называемые «Предписания». В этих внутренних регламентах ус-

¹⁰ *Ligou D.* La franc-maçonnerie. Vendôme, 1977. P. 198. Этот документ был впервые опубликован в 1840 г. английским историком Дж. О. Халливелем под названием «Manuscrit Regius» («Королевская Рукопись»). По мнению других специалистов, первое упоминание о масонах содержится в парламентском акте 1350 г. короля Эдуарда III. Некоторые исследователи относят начало масонства и строительного ремесла в Англии к XI в. Любопытно, что сами организаторы Великой ложи отодвигали истоки своего движения к библейским временам, а появление первых английских масонских союзов, возглавляемых Великими мастерами, датировали началом XIV в. См.: *The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L., 1756. P. 1-7, 91.* (Далее — *The Constitutions*).

¹¹ *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone, 1994. P. 20.

танавливались основные правила поведения, соблюдение которых было обязательно. Любая попытка выйти за пределы дозволенного каралась штрафами, а в крайних случаях — лишением статуса члена цеховой организации. Основным требованием была покорность власти, Богу и доктрине католической церкви. Во время обучения и совместной работы каменщик не имел права разглашать тайны переданного ему ремесла. Помимо «фундаментальных» наставлений и запретов, в «Предписаниях» оговаривались элементарные житейские правила, являвшиеся причудливой смесью библейских заповедей и уголовного законодательства. Например, обязательства не совращать жену мастера, его дочерей и служанок, не вступать в конфликт с хозяином или любым коллегой по цеху, запрет играть в карты¹².

Несмотря на определившееся вначале первенство Йорка, достаточно быстро укреплялись позиции и столичных каменщиков. В 1463 г. лондонскому цеху был пожалован статус ливрейной компании¹³. Спустя десять лет у него появился собственный герб, что свидетельствовало о высоком положении гильдии¹⁴. Ее представители регулярно делегировались в местные органы власти, занимая там ключевые посты. Помимо столичной гильдии, аналогичные организации масонов существовали в городах Честере, Дареме, Ньюкасле и Ричмонде¹⁵. Но к началу XVII в. деятельность провинциальных масонских ассоциаций пришла в окончательный упадок. На этом фоне перемещение Компании масонов Лондона в наивысший разряд цеховой «табели о рангах» заслуживает особых комментариев. Тем более что последствия этого события могут раскрыть тайну трансформации ремесленного цеха в интеллектуальный масонский Орден.

Ливрейные компании занимали исключительное место среди ремесленных и торговых гильдий Англии. Это были наиболее влиятельные и богатые цехи, которые пользовались особым расположением короля и городских властей. Самые большие из них размещались на территории лондонского Сити, где, кстати, появилась первая Великая ложа. Исследователи относят ливрейные компании к числу

¹² Ridley J. The Freemasons... P. 5.

¹³ Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. V. 1. 600–1540. Ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 430.

¹⁴ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P., 1987. P. 28.

¹⁵ Ridley J. The Freemasons... P. 4.

крупнейших торговых корпораций, появившихся на рубеже Средневековья и Нового времени¹⁶. Первые ливрейные компании появились в Англии еще в XIV в., но самые могущественные были созданы спустя двести лет¹⁷. Опираясь на поддержку государства, торговые корпорации сосредоточили в своих руках значительные капиталы. Присоединение лондонского масонского цеха к числу ливрейных компаний сломало его чисто ремесленное содержание¹⁸. Корпорация получила законные возможности расширить спектр собственных интересов, а также включать в свой состав любого человека, в том числе и не связанного с ремеслом строителей.

В Англии XVI в. были сняты все запреты и ограничения, поддерживающие прежнее «замыкание цехов». Была отменена даже процедура согласования принятия в гильдию частных лиц, проводившаяся ранее с обязательным участием ее высшей инстанции — совета старшин. Так, «Ордонансы компании суконщиков» 1576 г. гласили: «Мастер и старосты могут принять любого мужчину после уплаты им выкупа»¹⁹. Эти строки обозначили и другое немаловажное завоевание корпораций. Они получали, наконец, «право хартии», то есть привилегию самостоятельной разработки и утверждения устава. Отныне торговцы могли решать любые вопросы своего существования и практической деятельности автономно, соблюдая лишь нормы текущего законодательства. Прежние запреты и установления английских королей, направленные на защиту монопольных позиций цехов и гильдий, окончательно утратили силу.

Разумеется, масонская гильдия не обладала столь отчетливыми перспективами для роста, какими располагали богатейшие торговые компании Лондона. Она продолжала оставаться преимущественно

¹⁶ Свое название компании получили из-за права их членов носить дорогую, расшитую позументом одежду — ливрею. Она была определенного цвета и фасона, которые были приняты в каждой из таких компаний. Ношение этой официальной униформы было строго регламентировано специальными правилами, нарушение которых наказывалось штрафом.

¹⁷ Яброва М. М. Указ. соч. С. 87.

¹⁸ По причине позднего создания упомянутой ливрейной компании американский исследователь Д. Робинсон оценивает ее роль в становлении спекулятивного масонского движения как незначительную — см.: Робинсон Д. Масонство. Забытые тайны / Пер. с англ. М., 2000. С. 279.

¹⁹ Робинсон Д. Масонство... С. 279.

ремесленной структурой, и повышение ее статуса лишь затягивало агонию архаичной организации строительного ремесла. Кризис готики, рождение новых архитектурных пристрастий создавали для каменщиков не только заманчивые перспективы, но и порождали значительные трудности. И все-таки руководство гильдии адекватно отреагировало на кризис. О специфике его действий можно судить по «Ордонансам лондонских масонов» 1521 г.²⁰. Прежде всего, отметим сугубо профессиональный характер этого документа. Он составлен от имени руководства гильдии, которая продолжает именоваться братством, а не ложей. Любопытно, что авторы «Ордонансов» предстают перед нами в качестве Смотрителей (*Wardens*), которыми, как поясняется в тексте, становились только мастера братства. Такие должностные «утверждения» могли производиться неоднократно. Наивысшее положение в братстве давало возможность Смотрителю брать себе трех учеников вместо одного. Таким образом, в столичной масонской гильдии еще не существовало ключевой для спекулятивной ложи должности Мастера или Великого мастера.

Особое внимание в тексте «Ордонансов» уделено персоне ученика. Он представлялся кандидатом, которого оценивала специальная комиссия. В ее состав входили один из Смотрителей и еще шестеро масонов. Компетентные члены братства должны были выявить любые факторы, включая телесные изъяны, которые могли бы помешать будущему ученику в изучении «искусства ремесла Вольных Каменщиков»²¹. Если собеседование заканчивалось благоприятно, мастер должен был заплатить в казну братства денежный взнос в размере 3 шиллингов и 4 пенсов. Обучение продолжалось четыре года, в течение которых ученик получал заработную плату; ее размер и прочие условия сотрудничества оговаривались в тексте специально заключаемого договора. Только после окончания обучения ученик мог рассчитывать на полноценное членство в братстве с посвящением в его таинства. В церемонии итоговой аттестации ученика, помимо руководителей масонского братства, должен был принять участие сам градоправитель Лондона, то есть мэр²².

²⁰ London Mason's Ordinances 1521 // Documents in English Economic history (England from 1000 – to 1760). L., 1977. V. 1. P. 1000-1002.

²¹ Ibid. P. 1000.

²² Ibid. P. 1002.

Другое важное дополнение, зафиксированное «Ордонансами», касалось положения тех каменщиков, которые приезжали из-за границы или другого города. По-видимому, рассмотрение этого пункта было связано с резким увеличением количества мастеров-иностранцев в столице. Учитывался, вероятно, и фактор миграции самих британских каменщиков. По «Ордонансам» 1521 г. каменщики-иностранцы получали в английской столице полную свободу от всяких цеховых ограничений. По своему правовому статусу они уравнивались с английскими мастерами. В документе сказано: «Любой каменщик, прибывший из другого государства или города, имеет право работать в Лондоне столько времени, сколько ему покажется необходимым для качественного исполнения своей работы, как если бы он был в своем родном государстве»²³.

Кризис цехового строя в Англии имел существенные последствия для строителей. Однако его проявление не носило какого-либо исключительного характера. Масонское братство, как свидетельствуют документы, пытаясь приспособиться к переменам, в целом не выходило за общепринятые рамки. «Ордонансы» внесли текущие поправки в устав, сделав гильдию более открытой для внешнего мира. И все же ничто из содеянного не указывало на переход оперативного масонства в могущественное спекулятивное движение. Следует признать справедливость заявления американского историка Д. Робинсона, считающего абсурдными поиски следов нового масонства в строительных братствах Западной Европы²⁴. По его наблюдениям, речь можно вести об изначально раздельном существовании гильдий масонов-строителей и лож «вольных каменщиков»²⁵.

Такой вывод подкрепляет текст «Старой Конституции», которая, по свидетельству Джеймса Андерсона, была рассмотрена и утверждена на Ассамблее братства 27 декабря 1663 г.²⁶. Показательно, что при всей приверженности цеховой терминологии, этот документ не уделяет внимания состоянию дел в строительной гильдии. О ней сказано лишь для того, чтобы обозначить общую тему повествова-

²³ Ibid. P. 1001.

²⁴ Робинсон Д. Масонство... С. 275-280.

²⁵ Там же. С. 279.

²⁶ The Constitutions... P. 132-134. 27 декабря (праздник в честь св. Иоанна Евангелиста) особо выделяли «старые» масонские ложи Англии и Шотландии.

ния. Так, в первом пункте документа записано, что никто не будет принят в братство, пока не станет искусным ремесленником. Ниже упомянут термин «гильдия», который, впрочем, оказывается синонимом Братства Вольных Каменщиков²⁷.

Основное внимание в тексте «Конституций» уделено организационным вопросам нового порядка. В них нет какого-либо тайного подтекста, однако авторы документа явно выходят за рамки, принятые в обычных ливрейных компаниях. В частности, они не допускают принятия кандидата в Братство до тех пор, пока он «не достигнет должности Мастера и Смотрителя одного из подразделений Ложи»²⁸. Подобное требование выглядит абсурдным для любой легальной ассоциации, тем более, если она готова принимать в свои ряды за деньги. Примечательно в этом же пункте упоминание о ложе как составной части элитного Братства Вольных Каменщиков. В предшествующих документах ложа — не более чем элемент цехового уклада; структура, имеющая отношение к жизни простых ремесленников. В документе достаточно необычно для цеховой организации представлен порядок учета новых членов. В этой связи упоминается типичная для спекулятивных масонов система выписывания дипломов; говорится также о Списке дипломов и Книге ложи. Столь же современно и узнаваемо напоминание «Конституций» о заседаниях масонской Генеральной Ассамблеи. Авторы, традиционно для обычной масонской ложи, не преминули заявить о политической ориентации Братства, каждый член которого должен был обладать безупречной репутацией и представлять «законопослушным гражданином своего государства»²⁹. В документе упомянута персона Великого Мастера, как главы Братства Вольных Каменщиков. В качестве заместителей ему ассистировали Смотрители. Высшие должностные лица этой организации делегировались на свои посты упомянутой выше Генеральной Ассамблеей.

На рубеже XVI–XVII вв., в результате существенной перестройки, ремесленные гильдии каменщиков-строителей не только превратились в ливрейные корпорации, но и стали надежной ширмой, скрывающей становление философского масонства.

²⁷ Ibid. P. 133-134.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. P. 133.

О. В. ЕРОХИНА

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НЕМЕЦКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В РОССИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

С появлением в России предпринимателей, развитием рыночных отношений возрастает интерес исследователей к основателям предпринимательских династий, деятельность которых была связана с торгово-финансовыми операциями и промышленным развитием страны¹. Обращение к истории благотворительности приобретает особую научную и общественную значимость не только как проблема восстановления исторической памяти, но и как переосмысление огромного опыта социально-психологической и этической практики, накопленного в дореволюционный период, использования его с учетом нынешней реальности.

Интенсивный промышленный рост последней четверти XIX века способствовал урбанизации аграрной России. Развитие частного предпринимательства после отмены крепостного права в 1861 г. изменило облик, как крупных городов, так и провинциальных. Именно в это время назревает необходимость решения социальных проблем. К началу XX в. на территории Российской империи была создана разветвленная система благотворительности и общественного призрения, включавшая свыше 19 тыс. учреждений, оказывавших помощь нуждавшимся².

Для предпринимателей конца XIX – начала XX вв. было характерно активное включение не только в сферу хозяйственного

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России // Очерки истории частного предпринимательства. 1860–1914 гг. Л., 1991; Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. М., 2002; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997; *Kirchner W.* Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815–1914. St. Katharinen, 1986.

² Благотворительность в России. Т. 1. СПб., 1907. С. 5.

развития страны (участие в промышленном производстве, торговле, банковской деятельности), но и в культурный процесс через поддержку и непосредственное участие в различных проектах социального и культурного назначения. С одной стороны, подобная практика была обусловлена собственной инициативой и социальной активностью, которая в целом была характерна для предпринимателей того времени. С другой, она инициировалась верховной властью, как в развитии системы городского управления, формировании образовательных учреждений, культурной инфраструктуры³.

На протяжении XIX в. благотворительность была одной из немногих разрешенных государством сфер проявления общественной активности граждан. Поэтому личное участие (особенно пожертвование крупных сумм на филантропические цели) способствовало повышению социального статуса предпринимателей как внутри сословия, так и в общественной и политической жизни. К тому же регулярность и размеры пожертвований были подтверждением финансовой устойчивости фирм в глазах деловых партнеров и в общественном мнении⁴.

Предпринимательская культура в России характеризовалась множеством структурных компонентов, исходя из функциональной деятельности предпринимателей и их участия в жизни страны. К концу XIX в. представители промышленного и торгового сословия способствовали развитию национальной культуры, поддерживая и участвуя в реализации культурных и социальных проектов⁵.

Сферой приложения капиталов стали в это время: система образования, наука, здравоохранение, издательское и библиотечное

³ См. подробнее: *Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н.* Предпринимательская культура в пореформенной России: социокультурная составляющая // История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX веков. Кн. 2. СПб., 2006. С. 93.

⁴ *Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских банков // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. М., 2002. С. 95–96.

⁵ *Гавлин М. А.* Предприниматели и становление русской национальной культуры (выдающиеся меценаты и коллекционеры, деятели отечественной культуры из предпринимательской среды) // История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX веков. Кн. 2. СПб., 2006. С. 168.

дело, музейная практика, выставочная деятельность, сохранение историко-культурного наследия и мемориализация, искусство, а также призрение бедных и малолетних (детские приюты для сирот, больницы, дачи), попечительство о несостоятельных и малоимущих (участковые, попечительства о бедных, богадельни, вспомогательные кассы, дома бесплатных квартир)⁶.

На вершине деловой пирамиды находились примерно 300 богатейших семей, владельцев фирм и банков. Среди них выделялись отдельные национальные и конфессиональные группы. Ведущая роль принадлежала русским, выходцам из крестьян. Прочные позиции в деловом мире занимали и российские немцы.

Благотворительную деятельность предпринимателей можно разделить на два вида: корпоративную (банковские учреждения, торговые дома или компании) и персональную. Во второй половине XIX в. наблюдался рост числа благотворительных обществ. При этом необходимо отметить, что к 1890 г. 75 % средств, израсходованных на благотворительность, были частными⁷.

В Санкт-Петербурге крупные суммы на филантропические цели пожертвовали семья фон Дервизов, О. М. Михельсон, Л. Кениг, Г. Гейзе. На юге России выделялись помещики Фальц-Фейны, барон В. Р. Штейнгель, промышленник и городской голова Екатеринодара И. Н. Дицман, губернский секретарь, владелец чугунолитейного завода в Ставрополе А. Г. Шмидт, владелец судоремонтных мастерских и многократный член Ростовской городской думы К. Х. Ионсен⁸. В Сибири и на Дальнем Востоке известен промышленник Г. В. Дикман⁹.

В дореволюционной России совершать благотворительные пожертвования считалось нормой жизни для представителей всех сословий. Можно было сплутовать, обмануть в торговой сделке, но

⁶ Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н. Предпринимательская культура в пореформенной России: социокультурная составляющая // Там же. С. 94-95.

⁷ Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 209.

⁸ Терещенко А. Г., Черненко А. Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ростов н/Д., 2000. С. 148.

⁹ Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. С. 209.

не подать нищему, не протянуть руку помощи нуждающимся — грех. Меценатство предпринимателей необходимо рассматривать как типичное явление общественной жизни страны. К сожалению, немногие имена благотворителей сохранились до наших дней. Но все они (независимо от размера вкладов) вошли в историю.

Андрей Львович (Иоганн-Андреас) Кноп, председатель совета Московского Учетного банка в 1904–1914 гг., являлся членом совета Елизаветинского благотворительного общества в Москве. В 1895 г. он пожертвовал этому обществу для устройства больницы дом с садом (стоимостью 100 тыс. руб.) в центре Москвы, на Малой Дмитровке. Был попечителем Дома воспитания сирот, Московского среднего механико-технического училища Общества распространения технических знаний и являлся председателем училищного совета при лютеранской церкви Святых Петра и Павла¹⁰.

Александр Людвигович Штиглиц возглавил банкирский дом «Штиглиц и К^о»¹¹ в 1843 г. В 1846 г. он был избран председателем Петербургского биржевого комитета, а в последующем еще четыре раза избирался на этот пост. Через банкирский дом «Штиглиц и К^о» русское правительство поддерживало отношения с банками Амстердама, Лондона, Парижа. Свидетельством доверия властей к Штиглицу может служить тот факт, что в связи с банкротством банкирского дома «Гарман и К^о» Министерство финансов поручило российскому генеральному консулу в Лондоне принять необхо-

¹⁰ Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 95.

¹¹ Людвиг Штиглиц (1778–1843) приехал в Россию в 1802 году. В 1803 г. был записан в первую гильдию Петербургского купечества. В 1805 г. Людвиг Иванович, как его стали здесь называть, основал в Петербурге банкирский дом «Штиглиц и К^о». — См.: Ананьич Б. В., Беляев С. Г. Санкт-Петербург — банковский центр Российской империи (XIX — начало XX вв.) // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. М., 2002. С. 17. В 1807 г. Сенат принял решение предоставить Л. Штиглицу российское подданство, а в декабре он принес присягу в Петербургском губернском правлении на «вечное Российской державы подданство». — РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 2329. Л. 13.

димые меры для охраны интересов российской казны и действовать совместно с агентом банка «Штиглиц и К^о» Моллетом¹².

Современники писали о А. Л. Штиглице: «Имя его пользуется такой всемирной известностью, как имя Ротшильда. С векселями его, как с чистыми деньгами, можно объехать всю Европу, побывать в Америке и в Азии. Нет города в Европе, где бы не приняли его векселя, и с ними можно было ездить везде, как с наличными деньгами...»¹³. До самой смерти (1884 г.) А. Л. Штиглиц оставался одним из самых влиятельных и богатых людей России.

Значительную часть своих капиталов он завещал на благотворительные цели: коммерческому училищу для бедных при лютеранской церкви Петра и Павла в Петербурге, Глазной лечебнице на Моховой, Елизаветинской больнице, Петербургскому биржевому комитету. Но наибольшие пожертвования достались училищу технического рисования — предмету давнего увлечения банкира. Еще в 1876 г. Штиглиц «в память трудов покойного отца» передал в Министерство финансов 1 млн. руб. серебром «для устройства и содержания в Петербурге училища технического рисования барона Штиглица»¹⁴. «Не имея потомков и желая навсегда связать свое имя с общепользным для Российской империи учреждением», Александр Штиглиц в своем духовном завещании оставил 5 млн. руб. на создание при училище художественного музея¹⁵.

Александр Богданович Нентцель родился в семье саратовского колониста в 1840 г. Окончив технический институт в Санкт-Петербурге, служил в акцизном ведомстве в западных губерниях Российской империи. На энергичного А. Б. Нентцеля обратили внимание представители «Азовского пароходства» и пригласили

¹² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 38. Д. 531. Л. 85.

¹³ Цит. по: *Ананьич Б. В., Беляев С. Г.* Санкт-Петербург — банковский центр Российской империи (XIX — начало XX вв.) // *Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914.* М., 2002. С. 19.

¹⁴ *Петров Ю. А.* Александр Штиглиц: первый управляющий Государственным банком // *Вестник банка России.* 2005. № 29. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 48.

его в Таганрог в качестве управляющего делами своего предприятия. Кроме того, он принимал активное участие в общественной жизни города: состоял в Таганрогской городской думе и Таганрогском комитете торговли, был почетным мировым судьей и одним из инициаторов учреждения Таганрогского технического училища, попечителем которого состоял до своей смерти.

В 1881 г. он занял пост председателя правления Азово-Донского Коммерческого банка, а также долгое время был членом правления Донского земельного банка. По его инициативе открылись постоянные отделения Азовского Банка во всех портах и городах Черноморского побережья: Керчи, Феодосии, Ялте, Новороссийске. В 1904 г. правление банка было перенесено из Таганрога в Санкт-Петербург. Благодаря его умелому руководству финансовое учреждение в начале XX в. вошло в пятерку крупнейших банков Российской империи. Умер А. Б. Нентцель в 1910 г.¹⁶ В своем завещании Александр Богданович указал, что оставляет часть средств на учреждение стипендии для учеников Таганрогского технического училища¹⁷.

И. К. Прове, потомственный почетный гражданин, советник коммерции стал членом правлений нескольких мануфактур. По приглашению И. В. Цветаева он принимал участие в деятельности Комитета по обустройству Музея изящных искусств им. Александра III в Москве, пожертвовав 20 тыс. рублей. В своем дневнике основатель музея записал о нем такие строки: «Он признал особую полезность нашего музея и обещал взять стоимость целого зала на себя. ... Разговаривали мы с Прове о том, почему русские капиталисты и природные москвичи, вроде Саввы Морозова, не идут к нам в Комитет и отказываются помогать возникновению музея, тогда как московские же коммерсанты с западноевропейскими фамилиями, напротив, охотно принимают участие в нашем деле, вызывая их на материальные жертвы. Причина одна: большая культурность иностранцев в сравнении с нами. Наши купцы, большей

¹⁶ РГИА. Ф. 616. Оп. 3. Д. 79. ЛЛ. 1-3.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 143.

частью, внуки простых мужиков — иностранные же коммерсанты имеют за собой, во всяком случае, более культурных предков»¹⁸.

Правда, Николай Александрович Найденов¹⁹ в своих мемуарах «О виденном, слышанном и испытанном» привел случай, когда банкир Макс Вогау поддался на уговоры Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукого и пожертвовал 10 тыс. рублей во время подписки на учреждение Добровольного флота. «А по возвращению домой, сообразив, куда пойдут его деньги, с ним случился нервный припадок»²⁰.

Благотворительные акции не предусматривали, конечно, национального приоритета. Немцы католического или протестантского вероисповедания часто проявляли инициативу по материальной поддержке и православного населения. Например, председатель правления Попечительства о бедных евангелического исповедания в Москве Ю. Гейс передал в 1895 г. московскому генерал-губернатору 1,6 тыс. руб. для раздачи бедным гражданам. Потомственный почетный гражданин, советник коммерции и купец первой гильдии Отто фон Вогау построил в 1885 г. в своем имении под Москвой (дер. Юдино, Звенигородский уезд) для местных крестьян православную церковь, содержание которой обходилось в 2 тыс. рублей ежегодно. Кроме того, работала бесплатная амбулатория, на ее нужды О. Фон Вогау выделял более 3 тыс. рублей ежегодно²¹.

Филантропия была одним из путей повышения социального статуса, приобретения наград, получения потомственного почетно-

¹⁸ Цит. по: *Любартович В. А., Юхименко Е. М.* Семья Прове: предприниматели, благотворители, коллекционеры // *Немецкие предприниматели в Москве: Сб. статей.* М., 1999. С. 271-272.

¹⁹ Н. А. Найденов окончил Петропавловское евангелическо-лютеранское училище. В 1863 г. вместе с братьями основал Торговый дом «А. Найденова сыновья», занимавшийся торговлей шерстяной пряжей и ее обработкой на собственной фабрике. С 1877 по 1905 гг. был председателем Московского биржевого комитета. С 1871 г. Председатель правления Московского Торгового банка. Увлечшись историей, опубликовал работы по истории города Москвы.

²⁰ *Ульянова С.* Указ. соч. С. 87.

²¹ *Деннингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 233.

го гражданства и т.п. За наиболее крупные пожертвования правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, предприниматели имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении.

Так, за неформальное отношение к своим обязанностям шенвизский промышленник И. Е. Лепп неоднократно награждался: серебряной медалью на ленте св. Станислава, золотой медалью Министерства народного просвещения на ленте св. Анны²². Немецкий подданный А. В. Даттан за крупные взносы на благотворительные нужды был пожалован в дворянское звание.

Общественная деятельность большинства предпринимателей неоднократно отмечалась званием «Почетного гражданина», «Потомственного почетного гражданина». Например, потомственным почетным гражданином стал фабрикант Андрей Яковлевич Вильмс, вложивший значительные средства в строительство железной дороги на Молочной²³. Владелец мельницы и уксусного завода в Екатеринославле Йоган Тиссен получил звание личного потомственного гражданина по ведомству попечения учреждений императрицы Марии²⁴.

А. Н. Боханов считает, что деятельность предпринимателей следует рассматривать как способ удовлетворения «корыстных» интересов дающего, потому что предприниматели получали гражданские классные чины и почетные звания исключительно за попечительство в учебных и благотворительных заведениях²⁵.

Сложно судить о внутренних мотивах благотворительной деятельности многих немецких промышленников и торговцев. Од-

²² Венгер Н. В. (Осташева). Формирование торгово-промышленной элиты на территории менонитских колоний юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М., 2002. С. 169.

²³ Там же.

²⁴ Венгер Н. В. Предпринимательский этнос и меннонитская община в условиях российской модернизации второй половины XIX века (на примере южнороссийского региона) // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2006. С. 9.

²⁵ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992. С. 52.

нако бесспорен тот факт, что их щедрые денежные пожертвования способствовали развитию учреждений просвещения, здравоохранения и общественного призрения. Эту сферу деятельности можно считать одной из славных страниц в истории предпринимательства.

Например, Х. А. Пец, владелец промышленных заведений (кожевенного и лесопильного завода, двух мукомольных мельниц) и небольшого пароходства в Великом Устюге, принимал активное участие в общественной жизни города и благотворительных акциях. Его избирали гласным городской думы и присяжным заседателем, а с 1870 г. он был городским головой. Благодаря его деятельности в городе появился телеграф, открылся ремесленный приют для мальчиков, капитал, предназначенный для благотворительных целей, разными взносами увеличился на 10 тыс. рублей²⁶.

Благотворительность как стиль поведения в предпринимательских кругах начала проявляться в последней трети XIX в. Об этом свидетельствовал интенсивный рост числа благотворительных заведений, основанных на деньги и имущественные пожертвования крупных предпринимателей. Участие в благотворительной деятельности явилось одним из важнейших элементов общей тенденции выдвижения предпринимателей на новые позиции в стремительно модернизирующемся российском обществе.

²⁶ Чебыкина Г. Н. Немцы в Великом Устюге (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 397.

А. Н. ЕГОРОВ

МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ КАДЕТОВ ЛИБЕРАЛАМИ? (ОБ ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

В современной историографии проявляется тенденция революционизировать конституционно-демократическую партию (Партию народной свободы), вывести ее за пределы «либеральной семьи», доказать ее родство с социалистами. Яркий пример — недавняя монография Ф. А. Селезнева, в которой автор пришел к выводу, что большинство кадетских установок «изначально не отвечало интересам предпринимательского сообщества», и «конституционные демократы не только не выражали общеклассовые интересы буржуазии, но и действовали вопреки им»¹. Ничего принципиально нового в этом выводе нет, еще в начале XX в. кадетские публицисты постоянно это подчеркивали. Заслуга автора состоит в сборе и систематизации фактического материала, подтверждающего эту точку зрения. Но выводы, сделанные им на основе изученного материала, весьма дискуссионны. Селезнев считает основными элементами кадетской идеологии эволюционный социализм разных оттенков, преимущественно народнического толка, и социальный либерализм, пытавшийся примирить либеральные ценности в политике с социально-ориентированной экономикой, а идеологическое пространство между ними занимал социальный реформизм социалистического типа. По его мнению, «социалистическая составляющая в идеологии Партии народной свободы выражена более ярко, чем либеральная»².

В обобщенном виде доводы Селезнева сводятся к следующему: 1) Кадеты считали своими идейными предшественниками, не «классических» либералов XIX в. типа К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, а представителей революционной и социалистической традиции —

¹ Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 165, 168.

² Там же. С. 36.

А. Н. Радищева, декабристов, А. И. Герцена и др.; 2) Некоторые кадетские идеологи обосновывали общность социалистического и либерального идеалов, дистанцировались от принципов «классического» либерализма XIX века (например, от «манчестерства»), проявляли симпатии к различным вариантам социализма. Поэтому многие кадеты не идентифицировали свою партию как «либеральную», а также неоднократно давали положительную оценку социализму как учению; 3) В программных документах ПНС отсутствовало положение о защите частной собственности, кадеты не отстаивали специфические интересы российской буржуазии, которая традиционно рассматривается как социальная база либерализма, а некоторые программные положения ПНС были схожи с программами социалистических партий, особенно по рабочему и аграрному вопросу.

Советская историография немало потрудились над канонизацией образов А. Н. Радищева, декабристов, А. И. Герцена, в результате чего они заняли прочное место в пантеоне революционных борцов. Однако еще дореволюционные историки обратили внимание на либеральную составляющую в их наследии. В 1904 г. А. А. Кизеветтер назвал Радищева «типичным представителем молодого поколения русских либералов Екатерининской эпохи», придававшим большое значение политической реформе, установлению правового порядка, при котором «все свободные граждане были бы гарантированы от правительственного произвола»³. Наличие либеральных идей у декабристов вряд ли нуждается в специальном обосновании. И в наследии Герцена несложно найти идеи созвучные либеральной доктрине. Недаром, И. Берлин, сопоставив взгляды Герцена и основоположника классического либерализма Дж. С. Милля, обратил внимание на то, что оба мыслителя поставили свободу личности в центр своего «социального или политического учения, для них это святая святых, без нее лишается смысла вся остальная деятельность»⁴.

Кадетские идеологи и публицисты неизменно подчеркивали, что их либерализм носит демократический характер. Следование демократической традиции сближало кадетов с социалистами, но отсюда вовсе не следует, что первые утратили свой либерализм. Речь

³ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 2006. С. 83-84.

⁴ Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 111.

идет о другом — о качественном изменении либеральной доктрины. Этот процесс изучался еще в советское время, а в наши дни представлен в работах ведущего специалиста В. В. Шелохаева и разделяющих его позиции А. Н. Медушевского, Л. И. Новиковой, И. Н. Сиземской, Д. В. Аронова и др.)⁵.

Согласно данной концепции, с середины 1890-х гг. в России стал формироваться качественно новый тип либерализма, который по всем основным параметрам соответствовал западноевропейской модели. Его идеологи не только пересмотрели отдельные положения классического либерализма XIX в. (например, принцип невмешательства государства в экономику), но и дополнили его новых положений. В частности, его отличают пристальное внимание к социальным вопросам, стремление синтезировать либеральные, демократические и социалистические идеи, что вполне вписывалось в контекст идейных поисков российской интеллигенции рубежа веков.

По мнению С. Н. Булгакова, выраженному в июле 1903 г. на съезде группы «освобожденцев» в Швейцарии, в основе русского освободительного движения лежало соединение идеалов либерализма, требований политической свободы с «социально-экономическим демократизмом», демократическими социальными реформами: «Либерализм политический и демократизм социально-экономический в сущности имеют одно и то же содержание и лишь различным образом стремятся к той же цели, к свободе *личности* (курсив автора — А. Е.), к ее освобождению от гнета политического и социально-экономического». Идеал политического освобождения Булгаков видел в «торжестве демократии» при наибольших гарантиях свободы личности и максимуме субъективных прав; а демократизм социально-экономический «естественное свое завершение находит в идеалах социализма, причем последний понимается не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть весь ход исторического развития и прописать неизменные рецепты социального воздействия, но как общий этический идеал, или руководящая цель, состоящая в создании такого общественного строя, при котором была бы устранена экономическая эксплуатация и эко-

⁵ См.: Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1999; и др.

номический гнет». Поэтому, либерализм и социализм нельзя отделять друг от друга или противопоставлять один другому: «по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушить, а исполнить заветы либерализма»⁶.

В рамках подобных идейных поисков взаимосвязь нового либерализма с социализмом получает вполне логическое и научное обоснование. Однако Ф. А. Селезнева эти доводы, похоже, не убеждают. Ставя под сомнение либерализм кадетов, он, по сути, поднимает другой вопрос: что следует понимать под термином «либерализм»? Для Селезнева либерализмом является «все, что имеет целью укрепить принцип неприкосновенности частной собственности и ослабить общественное (государственное) вмешательство в экономику и частную жизнь человека»⁷. Это определение представляется слишком ограниченным, не учитывающим сути либеральных ценностей.

В. В. Шелохаев пришел к выводу, что системообразующей в либерализме является идея индивидуальной свободы, а все остальные структурные элементы, составляющие систему либеральных ценностей, выполняют «ролевые функции предпосылок и условий для наиболее адекватной самореализации человека»⁸. Эта точка зрения получила признание и отразилась в новейших исследованиях. Так, А. Н. Медушевский, считая системообразующим для либерализма понятие прав личности, отмечает, что конкретная программа либерализма меняется в соответствии с тем, дефицит каких прав (экономических, социальных, политических, религиозных) особенно остро ощущают для данного общества. Отсюда и вытекает давно отмеченное постоянное изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров⁹. Именно это обстоятельство и не учитывает Ф. А. Селезнев. В его книге происходит подмена поня-

⁶ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 39.

⁷ Селезнев Ф. А. Ук. соч. С. 37.

⁸ Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1999. С. 20.

⁹ Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004. С. 43.

тий — идея защиты прав личности превращается в идею защиты прав собственности. Но право собственности является не системообразующей идеей, а лишь одним из структурных элементов либеральной системы ценностей, в центре которой стоит свобода личности. Частная собственность нужна постольку, поскольку подкрепляет свободу человека, а провозглашение ее «священной и неприкосновенной» может быть понято либо как проявление защиты своекорыстных интересов отдельных социальных групп, либо как ошибочный шаг, исходящий из преувеличения ее возможностей. Поэтому кадеты и не прописали в своей программе принцип защиты частной собственности, тем более что в условиях России начала XX века существующая власть не ставила его под сомнение.

Права личности могут реализоваться в полной мере в рамках гражданского общества и правового государства, а новый либерализм в целом, и кадетская партия в частности, являлись наиболее последовательными борцами за эти основополагающие либеральные ценности. Почему же в таком случае кадеты не идентифицировали свою партию как либеральную и выказывали сочувствие социализму? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать, что в начале XX века содержание, смысловое наполнение тех или иных терминов, включая «либерализм» и «социализм» не вполне соответствовало нашим сегодняшним представлениям. Впрочем, и в наши дни насчитывается множество определений понятия «либерализм», что, естественно, не способствует прояснению его сущности.

Многие будущие кадеты испытали на себе сильное влияние марксизма, что привело к усвоению ими взгляда на либерализм как на идеологическое обоснование господства буржуазии. В соответствии с этим либерализм по своему историческому происхождению буржуазен: в эпоху своего формирования он означал защиту интересов именно буржуа, стесненных оковами феодально-монархических обществ. Следовательно, называть себя либералами в то время означало признать свой буржуазный характер. Пойти на это кадеты не могли, поскольку считали себя партией не буржуазной, а надклассовой (внеклассовой), выражавшей интересы всего населения. Отсюда и вытекала оценка кадетами своей партии не как либеральной, а как оппозиционной, демократической, стоящей в центре общественного движения. В начале XX века термины «либерализм», как буржуазная идеология, и «демократизм», как воля большинства, народный суве-

рентет, противопоставлялись, и кадеты совершенно определенно отдавали первенство идеалам демократии. Поэтому В. А. Маклаков, говоря о термине «либерализм», отмечал: «Это наименование неясно, а для многих, как недостаточно демократическое, и одиозно»¹⁰.

Нет ничего удивительного в том, что кадеты, стремясь синтезировать в своей идеологии либеральные, демократические и социалистические ценности, выказывали сочувствие социализму, понимаемому ими как совокупность мер социального характера, принимаемых государством. Так, П. И. Новгородцев писал: «Когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, “врастающий” в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, это значит, что мы говорим в данном случае не о марксизме, а некотором новом историческом явлении. Это значит, что мы имеем здесь в виду социализм, утерявший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ»¹¹.

Демократическая платформа как раз и была тем «мостиком», который соединял либеральные и социалистические ценности. Отсюда и сходство многих положений кадетской программы с программой-минимумом социалистических партий. Обращая внимание на это обстоятельство, Ф. А. Селезнев расчленил программные установки кадетской партии на «либеральные» (защита прав человека) и «социалистические» (рабочий и аграрный вопрос), доказывая при этом, что последних было больше, а значит и кадеты в большей степени социалисты, чем либералы. Следствием этого расчленения стало и схематичное деление ПНС на социалистов (левых) и либералов (правых). Но что же тогда соединяло этих людей, почему социалисты не ушли в более близкие им партии?

Ответ на этот вопрос дал еще А. А. Кизеветтер. Он отмечал, что, несмотря на всю пестроту социального состава и политических настроений, отличавших кадетскую партию, в основе ее деятельности лежали идеи, имевшие высшую ценность для всех, кто объединялся под ее знаменем. Таких основных идей Кизеветтер выделял

¹⁰ Маклаков В. А. Из прошлого // Современные записки. Париж, 1929. Т. 38. С. 296.

¹¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 516.

две: 1) «Правильный общественный порядок, могущий обеспечить нормальное развитие духовных и материальных сил страны, должен основываться на сочетании политической свободы с установлением социальной справедливости мерами государственного воздействия». Отсюда и неприятие «манчестерства», которое усматривало в социальных реформах насилие над свободой. 2) Не отрицая необходимости и неизбежности революционных методов борьбы в исключительные моменты политической жизни, кадеты всегда считали более предпочтительным путь мирной закономерной эволюции¹².

Как правые, так и левые кадеты являлись либералами, поскольку идея свободы личности для них была системообразующей. Но свой либерализм они понимали по-разному: если правые склонялись к классическому подходу (частная собственность как гарантия личной свободы), то левые последовательно отстаивали социальные принципы нового либерализма. Так, например, правые кадеты настаивали на необходимости укрепления в деревне начал частной собственности, в то время как большинство партии, вкладывая в аграрные преобразования не только экономический, но и социальный смысл, выступало, прежде всего, за сглаживание социальных контрастов в крестьянской среде, не рассматривая частную собственность на землю в качестве панацеи от всех бед.

Анализ либеральной публицистики и мемуаристики показывает, что кадеты не делили свои программные принципы на либеральные и социалистические, а синтезировали то, что в разных учениях способствовало свободному развитию личности. В. А. Оболенский, объясняя, почему он примкнул к кадетам, отмечал: «я понял, что принципы индивидуализма и коллективизма хотя и противоречат друг другу, но одинаково ценны, как в общественной и государственной, так и в хозяйственной жизни народов, и отсюда сделал вывод, что основная, хотя и труднейшая, проблема общественной жизни заключается в возможном сочетании этих двух принципов путем постепенных реформ. По отношению к России таковой и представлялась мне задача партии Народной Свободы»¹³.

Не выдерживают критики и упреки кадетам в том, что они не отстаивали особые интересы российской буржуазии. В. В. Шелохаев

¹² Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 280–281.

¹³ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 298.

показал, что теоретики нового либерализма весьма скептически относились к потенциальным возможностям российской буржуазии, которая характеризовалась ими как малокультурная и политически неразвитая. Социальный консерватизм большей части буржуазии, ее тесная связь с бюрократическим правительственным аппаратом исключали опору на нее в проведении кардинальных реформ. Поэтому в основу либерализма нового типа была положена концепция синтеза двух сил — «внеклассового» государства и «бессловной» интеллигенции, кровно заинтересованной в модернизации страны¹⁴.

Считая либерализм буржуазной идеологией, Ф. А. Селезнев отказывает кадетам в либерализме на основе их «антибуржуазности». Но можно ли назвать либерализм буржуазной идеологией? Французский ученый Пьер Розанваллон пишет по этому поводу: «Хотя класс капиталистов может скрывать и оправдывать свое господство при помощи идеологии... он руководствуется лишь соображениями собственной выгоды. Вот почему он может поочередно придерживаться то идеологии свободной торговли, то протекционистских принципов, то этатизма, то анти-этатизма. В этом смысле либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму. Капитализм взял из этой утопии то, что устраивало его практически (например, утверждение частной собственности как первоосновы общества); поэтому он пользуется либерализмом исключительно инструментально... Капитализм — это прежде всего *классовый прагматизм* (курсив автора — А. Е.)»¹⁵. Если мы согласимся, что либерализм во всех своих проявлениях является доктриной, отстаивающей свободу личности, а буржуазия использовала эту доктрину лишь инструментально, то будет ясна несостоятельность попыток отказать кадетам в либерализме на основе их «антибуржуазности».

Кадетов не нужно ни отождествлять с буржуазией, ни противопоставлять ей: они, выражая общенациональные, надклассовые интересы (в своем понимании), выступали за модернизацию России на основе компромисса между различными классами и социальными группами. Не выражая специфических интересов буржуазии, они

¹⁴ Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. С. 12.

¹⁵ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. С. 220.

выступали за капиталистическое развитие страны в той мере, в какой это соответствовало их представлениям о построении гражданского общества и правового государства. Эта компромиссная позиция оказалась очень уязвимой для критики, как справа, так и слева. Советской историографии не составило большого труда вычленив из либеральной программтики «буржуазную» составляющую и сделать на ней акцент, объявив кадетов «прислужниками буржуазии». Селезнев в своей работе провел прямо противоположную операцию — вычленил «социалистическую» составляющую, и в итоге кадеты из либералов превратились в некую разновидность социалистов.

В начале XX века наблюдалась тенденция сближения социалистических и либеральных идеалов, прерванная революционными потрясениями 1917 года, после которых процесс пошел в обратную сторону. Столкнувшись с несоответствием идеологии и политики ПНС ценностям «старого» либерализма, некоторые эмигрантские и зарубежные исследователи отказались считать кадетов либералами. А в наши дни ряд историков, следуя этой традиции, пытаются доказать, что кадетская идеология и программтика изначально были в гораздо большей степени социалистическими, чем либеральными.

Историки, разделяющие этот подход (Ф. А. Селезнев далеко не единственный), не замечают того, что было очевидно уже современникам — переход либерализма на качественно новый уровень. Еще в 1906 г. П. Б. Струве писал: «В оценке к.-д. партии обычно крупнейшую роль играют традиционные с западноевропейских “исторических примеров” списанные представления. Между тем к.-д. партия есть чрезвычайно своеобразный продукт особых условий русской жизни. Никогда ни в одной стране в начале свободной политической жизни большая либеральная партия не выступала с такой явной демократической физиономией и потому никогда такая партия не занимала столь определенной позиции в борьбе за политические права и экономические интересы народных масс»¹⁶. В этой связи нет никаких оснований для наметившейся в новейшей литературе тенденции (без должного теоретического и методологического обоснования) вывести кадетов дальше влево, за пределы «либеральной семьи».

¹⁶ Струве П. Б. Рабочие и конституционно-демократическая партия // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 4. С. 201.

В. В. ШАПАРЕНКО

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА О ПАРАДИГМАХ

Актуальность и невероятно острая потребность исторического сообщества в определении методологической проблематики, я полагаю, вызвала столь быстрый и резкий отклик на мою публикацию¹.

Необходимость ответа вижу не в личностном аспекте, а в важности продолжения диалога о том, какое место должна занимать методология истории в конкретных работах, и о том, что сейчас мы вкладываем в данное понятие. Вопрос не праздный. Достаточно обратиться к некоторым авторефератам докторских диссертаций по истории за 2008 год. Посмотрим, как соискатели докторской степени понимают теоретико-методологическое обоснование своих работ: «Диссертация подготовлена на основе базовых принципов исторической науки, в число которых входит историзм, системность, а также идея многофакторности исторического процесса»²; «Методологическую основу исследования составляют важнейшие принципы исторической науки — системность, научная объективность и историзм...»³, «Методологической основой исследования явились принципы системного подхода»⁴; «Исследование осуществлялось на основе формационного, цивилизационного и модернизационного концептуальных подходов»⁵; «Теоретико-методологическую основу ис-

¹ *Шапаренко В. В.* Познавательные ракурсы истории // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 251-264; *Ионов И. Н.* О парадигмах, теории цивилизаций и немного о научной этике. Ответ В. В. Шапаренко // Там же. С. 265-273.

² *Латин В. В.* Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. // Автореферат дисс... д.и.н. / СПб Институт истории РАН / СПб., 2008. С. 5.

³ *Алакишин А. Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке // Автореферат дисс... д.и.н. / СПб Институт истории РАН / СПб., 2008. С. 12.

⁴ *Белозёрова М. В.* Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.) // Автореферат дисс... д.и.н. / Томский государственный университет / Томск, 2008. С. 5.

⁵ *Минеева Е. К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е годы XX века // Автореферат дисс... д.и.н. / Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова / Чебоксары, 2008. С. 22-23.

следования составляет совокупность идей, относящихся к диалектико-материалистическому пониманию истории, сочетание принципов историзма, достоверности, объективности»⁶ и т.д.

Как видим, «застарелой аллергии на монизм и марксизм»⁷ у наших современных учёных не наблюдается, как раз напротив: тексты, в подавляющем большинстве, пишутся с позиций позитивизма и материализма. Присутствует ли здесь научная этика? В смысле обозначения своей научной позиции, безусловно, да. Но каков спектр: от принципиальной основы и частных философских идей до историко-теоретических (парадигмальных) направлений. Хорошо это или плохо? Представляется, что ключ находится в решении вопроса о соотношении философского и исторического компонентов в исторических исследованиях. Нужна ли вообще философия историкам? Может быть, вполне достаточно обозначать принципиальную основу своих исследований и переходить к конкретным методам, создавать добротные нарративы. Но можно ли написать качественную работу историка, не имеющему своей «философской позиции»?

Автор авторитетного учебного пособия Н. А. Мининков выделяет узкую и широкую трактовки методологии истории. Узкая понимается им как научная дисциплина, которая призвана так организовать исследовательский процесс, чтобы получить максимум достоверности и новизны. Широкая трактовка вынесена за скобки методологии и отнесена к теории исторического процесса, она «зависит от философской позиции историка»⁸. Автор справедливо указывает, что «философия играет роль фундамента научного мировоззрения, обуславливает его теоретические элементы, в частности, общее представление и об изучаемом процессе, и об основах научного поиска, т.е. о методологических основаниях научного исследования»⁹. Таким образом, учёный подчёркивает теснейшую связь между философией и методологией и практически показывает невозможность

⁶ Лимонова М. А. Студенческая молодежь Российской Федерации в эпоху системных реформ (1985–2003 гг.) // Автореферат дисс. ... д.и.н. / Московского педагогического государственного университета / Москва, 2007. С. 7.

⁷ Ионов И. Н. О парадигмах... С. 266.

⁸ Мининков Н. А. Методология истории. Пособие начинающего исследователя. Ростов-на-Дону, 2004. С. 105.

⁹ Там же. С. 108.

достоверного, новационного и, добавим, честного исторического исследования, (за исключением конкретных историков-практиков: например археологов) без философской базы. «Для историков, как правило, однако, характерна размытость философской позиции, отсутствие ее в чистом виде»¹⁰, — отмечает Н. А. Мининков.

Действительно, философски не образованный историк превращается из мыслителя в технического исполнителя, не имеющего своей научной позиции. Как образовать историка философски? Представляется, что необходимо показывать становление философско-исторических направлений, представленных парадигмами.

Термин *парадигма* стал общеупотребительным во многих областях научного поиска в современной российской науке, претерпев некоторые смысловые изменения по сравнению с периодом «застоя». Отечественная наука испытала сильное влияние позитивизма и диалектического материализма, и то, что современные западные теории интерпретируются нашими учёными отчасти и с позиций «марксистской философии», не зазорно, напротив, имеет позитивный смысл. Парадигма — понятие историческое и полисемантическое. Не выясняя всю палитру смыслов (это тема отдельного исследования), рассмотрим отечественную «марксистскую» доперестроечную и постперестроечную интерпретации.

Ещё до 1990-х гг. под парадигмой понимали «основание выбора проблем, модель, образец для решения исследовательских задач» с определённым теоретико-методологическим багажом, на определённом этапе¹¹. Здесь более читаем первоначальный, платоновский смысл: парадигма как модель определённого поведения — стиль научного мышления. В конце 1990-х гг. интерпретация несколько расширилась и приблизилась к куновской трактовке: «в современной философии науки парадигма — это уже система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества». В статьях указывается на разработанность данного понятия Т. Куном и отмечается дискретный характер возникновения парадигм, осуществляемый «посредством научных революций»

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

и связанный «со своеобразным гештальт переключением научного сообщества на новую систему мировидения и ценностей»¹².

Идея дискретного изменчивого образа научного познания Т. Куна была продолжена и доведена до сюрреалистической картины познания мира фейерабендовским «принципом полиферации» (хаотичного размножения научных теорий), венновским отрицанием цели, смысла, законов развития истории и множеством подобных учений, которые мы знаем как «постмодернистский вызов». Возможно, не стоит давать ответ на идеи, пришедшие к нам с пятидесятилетним опозданием? Даже более свежая концептуальная «сетевая модель» науки Л. Лаудана¹³ является скорее констатацией некоторых сторон жизни научного сообщества, нежели моделью, способной решать проблемы развития науки. Без сомнения, парадигмы сосуществуют в сети суждений и ведут друг с другом диалог, продвигаясь в решении одних задач и отставая в решении других. Это естественный процесс взаимодействия и самоорганизации.

Безусловно, необходимо заимствовать плодотворное начало, например идею самоценности исторического нарратива (Поль Вен, Артур Данто). Данто совершенно справедливо показал условность и слишком обобщённый характер «субстантивной философии», отметив, что писать историю, исходя из готовых систем, концепций и законов¹⁴, значит загонять ее в правила, определяемые такой концепцией. Однако А. Данто уходит в другую крайность, абсолютизируя объяснительные «молекулярные повествования», способные, по его мнению, раскрыть значения исторического прошлого. Очевидно, что невозможно всех историков обязать писать нарративные повествования, так же как и нельзя отрицать концептуальную историю.

Однако вернемся к одному из примеров интерпретации куновского образа науки, в чистом виде перенесённого на развитие теории культуры. Л. Г. Ионин в статье «Парадигма» в «Культурологической

¹² Новейший философский словарь / А. А. Грицанов, 1998 г.; А. Грицанов, Т. Румянцева, М. Можейко. История Философии: Энциклопедия. И. Кондрашин. Глоссарий философских терминов, 2006 г. Сайт: Национальная философская энциклопедия: <http://terme.ru/dictionary/175/word/%> (ноябрь 2008).

¹³ Лаудан Л. Наука и ценности. Современная философия науки. М., 1996. С 295-342.

¹⁴ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С. 241-243

энциклопедии»¹⁵, утверждает, что смена парадигм — это коренной пересмотр объекта, а иногда и предмета исследования. «Первичную парадигму наук о культуре, — продолжает автор, — можно назвать эмпирической», за ней следуют «эволюционистская» и «плюралистическая». Но хочется спросить: разве эмпирический и эволюционный способы познания и восприятия мира утратили своё значение? Очевидно, нет. Таким образом, ещё раз мы убеждаемся в несостоятельности куновского образа развития науки применительно к гуманитарному познанию. Томас Кун писал: «То, что казалось учёному уткой до революции, оказывалось кроликом»¹⁶. Нам, гуманитариям, необходимо учиться видеть и «утку», и «кролика» одновременно, учиться анализировать историю с позиций разных теоретико-методологических, парадигмальных оснований: эволюционного и цивилизационного; герменевтического и феноменологического и т.д. — вот принцип дополнительности в действии.

Должна существовать понятная научная система координат, отраженная в учебниках по теории и методологии, в пособиях для начинающих свой путь в науку историков. Она, безусловно, может и должна подвергаться диалектической реконструкции, но сама система должна быть. Когда альпинист поднимается по отвесному склону, наверху его ждёт множество возможностей, ведущих к цели, но в этот момент перед его лицом — стена, а чтобы сделать первый шаг вверх, под ногами должна быть твёрдая опора. В современной отечественной методологии истории нет логической организации, системного принципа. Старая опора утрачена, но есть необходимость её восстановить. Моя систематизация призвана не жёстко детерминировать исследователя, а дать ему философские ориентиры, поскольку так сложилось, что на практике понятие методологии в современной отечественной исторической науке узко специализировано и, по сути, сведено к применению методов. Возможно, имеет смысл введение в круг исторических дисциплин, читаемых в вузах России, «Философии истории», в рамках которой будут рассматриваться философско-теоретические направления — парадигмы, помогающие формированию «философской позиции» историка.

¹⁵ Культурология. XX век: Энциклопедия в 2-х тт. / С. Я. Левит. СПб., 1998.

¹⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 151.

ИНТЕРВЬЮ

ФРАГМЕНТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДСТВА ДЖОВАННИ ЛЕВИ¹

Эта встреча состоялась в городе Мехико, 22 октября 2005 г. Джованни Леви согласился на беседу только при условии, чтобы она будет короткой и о чём угодно, только не о микроистории. Беседу вёл Норберто Зунига Мендоза, член редколлегии журнала “Contrahistorias”.

Норберто Зунига: Доктор Леви, прежде всего, хотелось бы спросить: после стольких лет работы в качестве историка и с таким богатым теоретическим и методологическим опытом, как Вы ответили бы на простой вопрос: «Что такое история?»

Джованни Леви: Вопрос довольно трудный. Во всяком случае, могу сказать, что такое история сегодня. Думаю, что это наука, которая занимается истиной. Наука, которая прекрасно осознаёт, что всякая истина всегда будет частичной, неполной и что реальность никогда не будет целостно понятной. Кроме того, история — это наука, занимающаяся истиной о человеке, истиной о поведении людей в своей ежедневной, повседневной жизни.

Но, в настоящее время историческая наука находится в очень трудном положении. Особенно по двум главным причинам. Первая, это её отсталость по отношению к остальным общественным наукам. После того, как историческая наука добилась больших успехов на протяжении XIX века и вплоть до 50–60-х годов XX века, и стала одной из важнейших наук, основополагающим фундаментом для современных наций, ныне она сильно отстаёт от сегодняшних дискуссий и достижений других наук о человеке. Во-вторых, в свою очередь, историческая наука страдает от столкновения с идеями неолиберализма. Неолиберальное Государство оправдывает своё существование за счёт забвения всякой связи с прошлым.

¹ Опубликовано в журнале: *CONTRAHISTORIAS. La otra mirada de Clio*. №9. Mexico, Septiembre 2007 – Febrero 2008. P. 97-101. Перевод на русский язык: Екатерина А. Лавлинская, Norberto Zuniga Mendoza.

Установление неолиберального порядка ведет к разрыву с историей. И поэтому большая часть исторической информации, которая сегодня передается через средства массовой информации, эпистемологически расходится с историей реальной, с историей как наукой. История — это наука медленного и тщательного конструирования, она обязывает понимать всю сложность прошлого, тогда как средства массовой информации предлагают всего лишь быстроту, простоту, упрощенные слоганы, и это упраздняет историю и исторический здравый смысл. Например, публика отдает предпочтение такому лозунгу: «Гитлер такой же, как Сталин», в то время как историк должен думать о том, как определить *разницу* между Гитлером и Сталиным. Правда, оба они неприятны, но мы должны устанавливать, какая между ними разница, а не только сходства. Возможно, это не до конца объясняет, что такое история, но я прежде всего обращаю внимание на то, что история — это наука о частичной истине, о частичной человеческой истине.

Н. З: На одной конференции о возникновении и развитии общественных наук в XIX веке, французский историк Жак Лафайе, ссылаясь на одного мыслителя (на кого — я сейчас не помню) сказал, что психологом становится тот, кто не доволен самим собой, а социологом тот, кто не доволен окружающими. Тот мыслитель не упомянул, по каким причинам можно стать историком. Я спрашиваю Вас: «Можете сказать нам: почему Вы историк? Почему Джованни Леви стал историком?».

Дж. Л.: Сейчас я историк по совершенно другим причинам, чем тогда, когда я им только собирался стать. Вначале я считал (как и многие из моих друзей), что история необходима для понимания современного социального мира. Сегодня я продолжаю думать так же. Но начиная подготовку как историки, мы были очень сильно связаны с конкретной политической практикой. Мы думали, что история полезна как для понимания общества, так и для его трансформации. Сегодня я думаю несколько иначе. Кроме того, я глубоко разочарован, потому что наша профессия оказалась подвержена склерозу, она деполитизирована, утратила свои политические начала, основы.

Говоря о политике, я имею в виду не демагогическое применение и упрощенное прочтение этого термина. Политика, я думаю,

способна преобразовывать мир, стремясь убеждать людей, объяснять им, что наш мир очень сложен. Я пытаюсь пояснить это, так как очень часто политическое понимание истории превращается в банальное упрощение. Например, говорят просто: «рабочий класс». Но, «что такое рабочий класс?», «сколько их?», «каков его состав?» То же самое происходит с «подчинёнными классами»: «сколько их?», «как они разделяются?» Или, аналогично, «что означает быть гнетенным»? Совсем не достаточно описать «злых угнетателей» и «добрых угнетенных» и т.д.

Я считаю, что политика в истории — это борьба за более сложные объяснения; но повторяю, сегодня историки сильно отстали в плане методологии, в своих вопросах, и, к тому же, они подвергается агрессивному натиску со стороны средств массовой информации. Сегодня историку труднее заставить себя слушать, чем тридцать лет назад, когда я начинал свою работу.

Н. З.: Доктор Леви, в этом духе, Люсьен Февр рекомендовал студентам *École Normale* (это опубликовано в его книге «Бои за Историю»), чтобы, кем бы они ни стали — историками, психологами или социологами, они, прежде всего, должны жить, «вмешиваться в жизнь». Что Вы думаете относительно такой рекомендации?

Дж. Л.: Я полностью согласен с этим. Я считаю, что историки постоянно должны размышлять о своих персонажах, сопоставлять себя с ними. Вообще, нередко мы как бы высмеиваем своих персонажей, о которых мы пишем, но мы скорее не приняли бы такое отношение к нам самим. Я думаю, что мысль Февра о жизни как раз об этом. Также я думаю, что нет истории для самой себя, я считаю, что эта наука позволяет нам лучше познать человеческое общество, людей. Поэтому же я считаю, что очень трудно дифференцировать историю, антропологию, социологию и другие социальные науки. Такие различия — дело академий и кафедр. Считаю, что любой инструмент полезен в той мере, в какой он позволяет нам все лучше постигать человеческое общество.

Н. З.: В академической среде придаётся большое значение разграничениям между политической и экономической историей, историей культуры, историей идей или ментальностей, микроисторией. Что Вы думаете об обоснованности сегодня таких классификаций?

Дж. Л.: Безусловно, думаю, что они не обоснованны. Один из моих преподавателей, критикуя меня как микроисторика, говорил: «хочу, чтобы ты делал историю – без дополнений, без примесей». Я считаю, что история должна быть без дополнений, без примесей. Историк должен быть просто историком, использующим конечно, все возможные инструменты для решения тех очень сложных проблем, с которыми мы сталкиваемся. Классификации направлений — это просто академические упрощения, результат организации кафедр. Подобная университетская классификация может только затруднять взаимопонимание и общение. Это приводит, например, к тому, что историки экономики, идей или культуры игнорируют друг друга. В итоге мы имеем только абсолютное ограничение в понимании фактов и незнание многих очень значимых, необходимых для работы историка вещей. Конечно, существуют некоторые технические различия, которые мы должны стараться преодолеть. Разумеется, мы не можем всё знать, но жестко разграничивать поле деятельности науки непродуктивно.

Н. З.: *В эти дни Вы неоднократно говорили, что не читаете историков. Кого читает или что читает Джованни Леви?*

Дж. Л.: Много читаю по экономике, очень много по философии, психоанализу, социальным наукам в целом; много читаю художественной литературы. И очень мало исторических работ, хотя это может казаться парадоксом. Без сомнения, я не могу сказать, что совсем не читаю об истории, но количество книг по истории чрезмерно; огромная масса работ, авторы которых стремятся изучить уже знакомую проблему. Берётся случай в одном городке или селении, затем – то же самое еще в каком-то районе поблизости и т.д. Это скучно, и мне абсолютно неинтересно читать об одном и том же в массе подобных случаев. История должна иметь в своей основе *всеобщие вопросы*, ответы на частности мне безразличны. Проблема находится в постановке общих для многих ситуаций вопросов, но на которые эти различные ситуации дают специфические ответы...

Существует множество книг с однотипными, одинаковыми исследованиями о той или иной местности или деревушке – всё это мне не интересно. На самом деле очень редко появляется книга, которая ставит методологические проблемы общего характера.

Общий метод меня интересует больше, чем местный, локальный ответ.

Н. З.: *Хочу расширить представление о Вашем чтении. Один автор отмечает, что есть другие методы чтения; что возможно читать и остальными чувствами: слушать, осязать, обонять. В таком случае: что ещё нравится читать Джованни Леви, кроме книг? Кроме истории, чем Вы ещё интересуетесь?*

Дж. Л.: В данный момент есть два автора, которых слушаю постоянно – Малер и Шуберт, хотя это не связано с какими-то постоянными предпочтениями. Я слушаю много и популярной музыки. Но по утрам, слушаю сонаты Шуберта или Малера. В настоящий период моей жизни, я привязан к музыке больше, чем прежде.

Также мне очень нравятся растения, деревья. Каждый раз, когда я путешествую по Латинской Америке, возвращаюсь с карманами, полными семян. Все их я храню в сосудах. В моём доме много тропических растений. Я был бы счастлив иметь ферму.

Мне очень нравится готовить еду. Меня привлекает это как культурный, этнологический феномен, еда как ремесло. Почему? Потому что, в конечном счёте, я человек слишком материальный, я материалист. Когда говорю об этом, я имею в виду страсть к вещам материальным, ко всему, что сделано руками.

Н. З.: *Я хочу Вам задать двойной вопрос. С одной стороны, какова с Вашей точки зрения, связь между психоанализом и историей? С другой стороны, Вы уже писали об опасностях гиртцизма (Clifford Geertz) и рассказывали об опасностях спивакизма (Gyatri Spivak). Существуют ли, по Вашему мнению, какие-нибудь опасности фрейдизма?*

Дж. Л.: Считаю, что опасностей фрейдизма как таковых нет. Тем не менее, думаю, что существует одна большая опасность: это те, кто стремится использовать Фрейда для понимания истории. Это очень опасно. В свое время создали некую психоисторию, как например, Ален Безансон, который пишет абсолютные глупости. Такие как он, и есть настоящая опасность, как те опасности марксизма, которые может создать только тот, кто плохо понимает Маркса.

Что касается первой части вопроса, я бы сказал, что связь между историей и психоанализом, очень нелёгкая. Психоанализ ука-

зал нам на довольно важные аспекты истории цивилизации и истории действующих индивидов. Для историков читать Фрейда полезно и необходимо, но не применять его. Чтение Фрейда — дело сложное, но у него есть кое-что для понимания действующих в истории индивидов. Не посредством психоанализа, а при помощи самого Фрейда как великого мыслителя. Например, вопрос о религии. В «Будущем одной иллюзии» Фрейд рассматривает роль религии в истории цивилизации, что очень полезно для историков. Но только не психоанализ, а сам Фрейд как человек культуры и его вклад в развитие гуманитарных и общественных наук. В настоящее время я готовлю эссе, не о применении психоанализа Фрейда в историографии, а о его двойной концепции истории. Работа должна появиться в журнале *“Rivista Italiana di Psicoanalisi”*.

Н. З.: *В эти дни Вы на Ваших лекциях не раз касались понятия сложности (complejidad). Имеете ли Вы в виду то же, что Эдгар Морен, или же Илья Пригожин, касающийся законов хаоса и т.д.?*

Дж. Л.: Думаю, что моё представление о сложности очень простое, хоть это и звучит немного смешно. Всегда подчёркиваю, что самое главное — это знать, что один можно разделить на два, как говаривал председатель Мао. Таким образом, я определяю сложность, как способ избежать упрощений, простоты и однозначности выводов, которые могут иметь демагогический эффект и которые дают совсем не точный анализ реальности. Именно это, главным образом, привело к неудаче левых движений на мировой арене. Например, склонность представлять рабочий класс всегда одинаковым, неизменно левым и всецело готовым к революции. Вместо этого, мы видим, что есть много рабочих-католиков, и некоторые рабочие консервативны и т.д. Мы должны, в таком случае, спросить себя, правильна ли была наше интерпретация общества.

Я считаю необходимым изучать реальность во всей ее сложности, рассматривать ее всесторонне, во всех ее аспектах, вместо того, чтобы её упрощать, как поступают историки в большинстве случаев. Например, анализы социальной структуры, в своём большинстве, упрощённые. Анализ политического поведения, психологических феноменов часто имеет ту же тенденцию к упрощению. Моя идея сложности, на самом деле, скорее — критика упрощенчества.

Н. З.: Последний вопрос, если позволите, относительно биографии. Ф. Бродель, на одной конференции об историческом образовании, во время его пребывания в Бразилии, упоминал, что необходимо говорить о великих людях. Но он там, с моей точки зрения, не уточняет, кто такие великие люди. Кто они, по вашему мнению?

Дж. Л.: Это старая полемика, где все начинают ссылаться на Брехта и т.д. И я считаю, что полемика довольно важная. Но здесь самое главное, какой тип вопросов мы задаём самим себе, как мы их организовываем. Между прочим, думать о том, что историю делают великие люди — это старая идея. К сожалению, в этом нет большого воздействия Толстого или Стендаля. Люди, очень часто совершают поступки или осуществляют действия, с совершенно другим результатом по отношению к их первоначальному намерению. Это очевидно в случае великих людей. Маленькие люди могут быть учтены по количеству, а великие — по качеству. Но мы должны понимать, прежде всего, что после Холокоста, после *Шоа*, мы обязаны спросить, почему, несмотря на наличие таких великих умов, как Кант, Гегель, Хайдеггер, этих выдающихся людей Германии, в той же Германии, родине великих интеллектуалов, невозможно было предотвратить такое чудовищное преступление, как *Шоа*.

Основной вопрос таков: великие люди делают, творят историю? Возможно, но, между тем, положительные великие умы терпят поражение перед лицом того, о чем мы выше упоминали, того, что было подчёркнуто Фрейдом — это элемент зла в нас, в нашей человеческой натуре. В этом и заключается главное значение *Шоа* — в поражении людей, в бессилии нашего интеллекта контролировать эту иррациональную, безрассудную, бестиальную составляющую человеческой природы. Думаю, что этот факт должен заставить нас серьёзнее задуматься о человеке во всей его сложности.

SUMMARIES

I. N. Ionov

The birth of civilization consciousness in the Antiquity and its reception by Early Christian and Arabic cultures

It is shown in the article how the earliest forms of universalist consciousness emerged and were transformed. They first appeared in the Antiquity on the basis of educational values; the ideas of *paideia* and *humanitas* were closely connected to it. The author demonstrates how these ideas were adopted and reinterpreted by early Christianity (by Augustine) and Arabic culture (by Al-Biruni and Ibn-Haldun).

D. A. Dobrovolsky

The Primary chronicle as a source on the history of collective consciousness of Ancient Rus'

The article is focused on a problem: to what extent the contemporary categories of self-identity are applicable to Ancient Rus'. The author concludes that the idea of one's nation was marginal for the chroniclers of the 11-early 12th centuries. Ancient Rus' valued universalist aspect of self-identity.

N. A. Selunskaya

The history of law and communal history: the problem of interpretation and intellectual fashion in academic community

For the whole period of the existence of Medieval studies the main (although not always consciously chosen) paradigm of studying the Middle Ages in Italy was the analysis of political, economic and social aspects of history on basis of legal sources. The new perspectives of studying these traditional topics of law history were not demonstrated. Historians have to admit that historical knowledge could not be described following the model of objective knowledge. A historian has to reflect on the use of every term, and to re-think one's views on historical knowledge on the level of research, not only on treatises on methodology.

D. M. Volodikhin

"He promoted new men courageously": the military leaders of the Oprichnina

The article deals with the evolution of the myth of Ivan the Terrible in Russian historiography. In the first part of the article the author argues persuasively that the myth originated from the work of the 19th century historians. He also follows the rehabilitation of Ivan the Terrible by the Soviet historiography that had been determined by state values. In the second part the author rejects the myth according to which the Tsar promoted new talented people from lower classes during the period of Oprichnina.

A. N. Kozhanovsky

Spanish regionalists and Don Cossacks

The article demonstrates differences between forms of identification (ethnic and local) accepted in the USSR and in Spain as well as mutual misunderstanding arising

ing from them. The post-war Soviet historiography interpreted the situation in Spain in the context of ethnic identifications typical for the USSR but not for Russian Empire. There local communities — Cossacks, for instance, had much more in common with Spanish forms of identification.

O. N. Shanina

'The spirit of Genève':

Soviet political caricature on the phenomenon of the Cold War

The article deals with the image of the Other in the Soviet political caricature of the 1950-60s, and in particular with the use of the image of the 'spirit of Genève' that emerged in the context of the four world leaders' meeting of 1955. The political crisis of 1958 and 1960 preserved the image of the West as an enemy. This negative, ugly image is contrasted with the positive one of the 'spirit of Genève'. As time went on, however, new aspect of image of the West emerged — that of 'sport and culture', and 'Western progressive movements' that helped to give more adequate characteristic to international relations.

I. Yu. Nikolaeva, N. S. Zorina

The childhood and the youth of Nero, or the shaping of historical and psychological identity of a tyrant

The article analyses the image of the tyrant Nero using biographical and psychological approaches. The author's attention is focused on the emperor's family, his upbringing and his specific character features that shaped his personality. A good deal of attention is also paid to the transformation of values of Roman nobility that had great impact on Nero's personality.

I. V. Zhelvakova

Hugh Miller: a life of a Scot

The article presents an intellectual biography of a Scottish writer, journalist and geologist Hugh Miller (1802–1856). The author traces main stages of Miller's career and point out the important factors that shaped the personality of this self-made man. In the author's opinion this fact determined Miller's views of man, religion, culture, and ethnicity.

V. Yu. Voloshina

Psychological state of Russian emigrants in the early 1920s in articles by A. V. Peshekhonov

The author attempts at presenting an analysis of an emigrant's psychology through a study of the articles written in 1923-25 by an influential democratic journalist A. V. Peshekhonov that had serious impact on Russian emigrants. The most commonly expressed emotions are that of nostalgia, the loss of social status, the impossibility of fulfilment both intellectual and professional, in a foreign society.

N. N. Bontsevich

***A prophet in his Motherland:
Henry Luce and the 'American' century'***

The article is focused on the biography of the important American publisher of the 1940-50s Henry Luce who created the 'Time', 'Fortune' and 'Life' journals. Luce preached the universality of liberal values and the uniqueness of American identity as a form of God's blessing; he prophesised the coming of an 'American century'. It is shown that Henry Luce was an advocate of the USA's taking part on the Second World War and the country's active role in European politics.

A. A. Pavlov

Libertas in the historical conception by Titus Livius

The article presents the study of the text of Livius' works that has been using content-analysis. The main author's aim is to define the concept of *libertas* in Livius' usage. The author concludes that for Livius *libertas* had two dimensions: positive — that is, active participation of a citizen in state power, and negative — the freedom from state' abuse.

M. A. Filimonova

***The image of the American Constitution
of 1787 during the ratification campaign***

The article analyses the campaign for the ratification of the American Constitution of 1787. The constitution, its strong and weak points were the most heated topic of American political debate. The article studies the arguments of federalists and anti-federalists. The advocates of the constitution saw it as a version of perfect political system and hoped that it would help to consolidate society and to strengthen the country's position in the world. Their opponents pointed out to the dangers of the usurpation of power and of tyranny. The article analyses rhetorical strategies of the both sides.

K. I. Schneider

***The images of the West and of Russia
as viewed by early Russian liberals***

The article studies the phenomenon of the early Russian liberalism that appeared in the 1850-60s as a result of the transformation of the moderate Westernizers. The author demonstrates how Russian liberals viewed Western countries and how they represented Russia in their discourse. It is shown that the liberals welcomed the reforms of the 1860-70s and hoped that the image of Russia as a 'neighbour' and 'eternal disciple' of the West would be replaced by that of a 'participant' in the historical progress.

L. V. Lannik

The future of Germany and Russia as seen by German military elite during the First World War: the evolution of geopolitical views

The author shows the dynamics of geopolitical views of German generals and diplomats during the First World War. It is demonstrated that being influenced by rapidly changing political circumstances German leaders' views turned from the ideas of 'Middle Europe' and Pan-Germanism to practical plans of exploiting occupied territories to the possible alliance with Soviet Russia.

O. V. Dmitrieva

A 'Zealous Antiquary' John Hooker and the birth of 'Anglo-Saxon Parliament'

The article is focused on the emergence of the idea of the Parliament's existence from the 'time immemorial' and its continuity from the Anglo-Saxon period to the late 16th century. This concept was based on the treatise 'Order and usage' by an antiquary and lawyer John Hooker (c. 1527–1601). Hooker's text is compared to the 14th century text *Modus tenendi Parliamentum*. Hooker's book was influenced by his political and religious views as well as his experience of working in the English and Irish Parliaments. The past was 'invented' by the author to help solve the problems of his own time.

T. P. Filippova

L. A. Thiers' theories and methods

The article deals with the views of L.A. Thiers on history and ways to study it in the context of liberal and conservative political and historical thought of his time. The author focuses her attention on the analysis of *Histoire du Consulat et de l'Empire* and demonstrates Thiers' main methodological priorities — historicism of his way of thinking, meticulous work with sources, objective and clear presentation that attempted at reconstructing the events of the past, his clear style of writing — as well as the scholar's 'laboratory'; the qualities that a historian needs to study the past are also analysed.

N. V. Lipatova

An agitator with a pointer in hand: teachers serving the Soviet State in 1920s

The state policy towards teachers in the 1920s represents one of the first attempts at Soviet social engineering. The aim was to create new Soviet intelligentsia. Old teacher-tutor should have been replaced by teacher-agitator. In everyday life of the schools the curriculum often was of less importance than the extra-curriculum social activity which formed criteria for a teacher's performance evaluation. The state used the relationship between teacher and pupils, parents and officials to create methods and techniques of propaganda and to shape the mechanisms that involved different social groups into active interaction.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

Научная конференция «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI в.».....	5
--	---

Цивилизационное сознание и коллективная идентичность

И. Н. Ионов

Зарождение цивилизационного сознания в античном мире и его рецепция в раннехристианской и арабской культурах.....	16
--	----

Д. А. Добровольский

Начальная летопись как источник по истории коллективного самосознания Древней Руси.....	43
--	----

Исторические мифы, или «как это не было»

Н. А. Селунская

История права и история коммуны: проблема интерпретации и интеллектуальная мода в научном сообществе.....	62
--	----

Д. М. Володихин

«Смело выдвигал новых людей...»: опричные полководцы.....	75
---	----

Образ Другого

А. Н. Кожановский

Испанские регионалисты и донские казаки.....	102
--	-----

О. Н. Шанина

«Дух Женевы»: советская политическая карикатуристика о феномене холодной войны.....	122
--	-----

История через личность

И. Ю. Николаева, Н. С. Зорина

Детство и юность Нерона или о путях формирования историко-психологической идентичности будущего тирана.....	151
--	-----

И. В. Желвакова

Хью Миллер. Уроки жизни одного шотландца.....	167
---	-----

В. Ю. Волошина

Психологическое состояние российских эмигрантов в первой половине 1920-х годов (по публицистическим произведениям А. В. Пешехонова).....	185
--	-----

Н. Н. Бонцевич

Пророк в своем отечестве: Генри Люс и «американский век».....	195
---	-----

Из истории идей, понятий и представлений

А. А. Павлов

Свобода (libertas) в исторической концепции Тита Ливия.....	212
---	-----

М. А. Филимонова

Образ конституции США 1787 г. в ратификационной кампании.....	230
---	-----

<i>К. И. Шнейдер</i> Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов..	245
<i>Л. В. Ланник</i> Будущее Германии и России глазами германской военной элиты в годы первой мировой войны: эволюция геополитических взглядов..	263
<i>История исторической мысли</i>	
<i>О. В. Дмитриева</i> «Усердный антикварий» Джон Хукер и рождение «англо-саксонского парламента».....	279
<i>Т. П. Филиппова</i> О теоретико-методологических взглядах Л. А. Тьера.....	302
<i>Из истории образования</i>	
<i>Н. В. Липатова</i> Агитатор с указкой в руках: учительство на службе советского государства в 20-е годы XX века.....	318
<i>Институты памяти</i>	
<i>Н. Г. Самарина</i> Современный музей: кризис или «ответ» на «вызов»?.....	334
<i>С. А. Потапова</i> Преобразование музеев политической истории как отражение актуальных тенденций развития российского государства.....	346
<i>Исторические заметки</i>	
<i>С. Е. Киясов</i> От гильдий каменщиков — к философским ложам: масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв.....	353
<i>О. В. Ерохина</i> Благотворительная деятельность немецких предпринимателей в России в конце XIX – начале XX вв.....	362
<i>Дискуссионный клуб</i>	
<i>А. Н. Егоров</i> Можно ли назвать кадетов либералами? (об одной тенденции современной историографии).....	371
<i>В. В. Шапаренко</i> В продолжение диалога о парадигмах.....	380
<i>Интервью</i>	
Фрагменты нематериального наследия Джованни Леви.....	385
Summaries.....	392
Содержание.....	396
Contents.....	398

CONTENTS

Editorial

- Conference ‘Theories and methods of historical discipline:
a step into the 21st century’ 5

Civilization Consciousness and Collective Identity

I. N. Ionov

- The birth of civilization consciousness in the Antiquity
and its reception in the Early Christian and Arabic culture..... 16

D. A. Dobrovolsky

- The Primary chronicle as a source on the history of collective
consciousness of the Ancient Rus’ 43

Historical Myths or ‘how it did not happen’

N. A. Senunskaya

- The history of law and communal history: the problem of interpretation
and intellectual fashion in academic community..... 62

D. M. Volodikhin.

- ‘He promoted new men courageously’:
the military commanders of the Oprichnina..... 75

The Image of the Other

A. N. Kozhanovsky

- Spanish regionalists and Don Cossacks..... 102

O. N. Shanina

- ‘The spirit of Genève’: Soviet political caricature
on the phenomenon of the Cold War..... 122

History through Personality

I. Yu. Nikolaeva, N. S. Zorina

- The childhood and the youth of Nero,
or shaping the historical and psychological identity of a tyrant..... 151

I. V. Zhelvakova

- Hugh Miller: a life of a Scot..... 167

V. Yu. Voloshina

- Psychological state of Russian emigrants in the early 1920s
in articles by A.V. Peshekhonov..... 185

N. N. Bontsevich

- A prophet in his motherland: Henry Luce and the ‘American century’ 195

The History of Ideas

A. A. Pavlov

- Libertas in the historical conception by Titus Livius 212

M. A. Filimonova

- The image of American constitution of 1787 during the ratification campaign 230

<i>K. I. Schneider</i>	
The images of the West and Russia as viewed by early Russian liberals...	245
<i>L. V. Lannik</i>	
The German military elite on the future of Germany and Russia during the 1 st World War: evolution of geopolitical views.....	263
<i>History of Historical Thought</i>	
<i>O. V. Dmitrieva</i>	
'A Zealous Antiquary' John Hooker and the birth of 'Anglo-Saxon Parliament'	279
<i>T. P. Filippova</i>	
On theory and methods of L. A. Thiers.....	302
History of Education	
<i>N. V. Lipatova</i>	
An agitator with a pointer in hand: teachers serving the Soviet state in the 1920s	318
<i>Institutes of Memory</i>	
<i>N. G. Samarina</i>	
A contemporary museum: a crisis or a 'response' to a 'challenge'?.....	334
<i>S. A. Potapova</i>	
Transformation of the museums of political history as reflection of contemporary trends in the development of the Russian state.....	346
<i>Historical Notes</i>	
<i>S. E. Kiyasov</i>	
From the guilds of free masons to masonic lodge: Masonic metamorphoses in the 16 th -17 th century England.....	353
<i>O. V. Erokhina</i>	
Charitable activity of German businessmen in Russia in the late 19 th – early 20 th centuries	362
<i>Discussion Club</i>	
<i>A. N. Egorov</i>	
Could the Kadets be called liberals? (on one trend of the contemporary historiography).....	371
<i>V. V. Shaparenko</i>	
In continuation of the dialogue of paradigms.....	380
<i>Interview</i>	
Fragments of the immaterial heritage of Giovanni Levy.....	385
Summaries.....	392
Contents.....	398